

СЛАВЯНЕ
В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

*Материалы X Международной
научно-практической конференции,
посвященной Дню славянской
письменности и культуры*

Оренбург 2014

Правительство Оренбургской области

Научно-исследовательский институт истории и этнографии Южного Урала
Оренбургского государственного университета

Филологический факультет Оренбургского государственного педагогического
университета

Оренбургская областная универсальная научная библиотека
имени Н. К. Крупской

СЛАВЯНЕ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

*Материалы X Международной
научно-практической конференции,
посвященной Дню славянской письменности и культуры*

Оренбург, 2014

УДК 39:811.16(470.56)(063)
ББК 63.521(=41)+81.006.3(235.557)
С47

С47 Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона: материалы X Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. – 366 с.

ISBN 978-5-4417-0509-7

В сборнике объединены материалы Международной научно-практической конференции «Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона», посвященной Дню славянской письменности и культуры, которая состоялась в г.Оренбурге 23 мая 2014 года.

В представленных материалах рассматриваются этапы этнокультурного развития и духовные традиции славянских народов Южного Урала, характеризуется положение русского языка и литературы в системе славянской духовности, анализируется состояние современной русистики, перспективы изучения славянских языков и актуальные вопросы лингвокультурологии и методики преподавания русского языка.

Книга адресована широкому кругу читателей, ученых и специалистов, занимающихся культурологическими и лингвистическими исследованиями.

УДК 39:811.16(470.56)(063)
ББК 63.521(=41)+81.006.3(235.557)

ISBN 978-5-4417-0509-7

© Коллектив авторов

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Димов О. Д. (г. Оренбург)

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

**Уважаемые участники конференции!
Уважаемые гости!**

Позвольте мне поприветствовать вас от имени Правительства Оренбургской области и лично Губернатора области Ю.А. Берга.

Объединяющими факторами, играющими большую роль в сохранении и развитии государства, являются язык и культура. Русский язык является государственным языком и сплачивает нашу большую, многонациональную страну.

В последнее время мы все острее осознаем необходимость осуществления на самом высоком государственном уровне поддержки русского языка. Как важного элемента культуры и средства межкультурной коммуникации. Пожалуй, ни один язык не сокращался так стремительно, как русский язык за последние двадцать лет. Не секрет, что сужение русского образовательного и культурного пространства происходит в большинстве стран, появившихся в 1990-е годы на постсоветском пространстве.

Поэтому, очень важно в нашем приграничном, многонациональном и поликонфессиональном регионе проводить этнокультурные и научные мероприятия, посвященные изучению различных аспектов развития русского языка и культуры, этнокультурного наследия славянских народов, роли православия в формировании социокультурного пространства.

Оренбургский край имеет богатые литературные традиции. Об этом нам с вами конечно хорошо известно. Оренбуржью посвятили свою творческую деятельность первый член-корреспондент Академии наук, замечательный исследователь Петр Иванович Рычков и великий русский писатель Сергей Тимофеевич Аксаков. С Оренбуржьем тесно связана судьба выдающегося государственного деятеля и ученого Василия Никитича Татищева. Здесь жил и собирал свой толковый словарь живого великорусского языка Владимир Иванович Даль. С Оренбуржьем связано литературное творчество Александра Сергеевича Пушкина. Почти десять лет в различных местах обширного степ-

ного края провел украинский кобзарь Тарас Григорьевич Шевченко.

Широкую известность и признание общественности получили произведения русских писателей-оренбуржцев Юрия Васильевича Бондарева, Владимира Васильевича Карпова, Ивана Сергеевича Уханова, Петра Николаевича Краснова, Николая Федоровича Корсунова и многих других.

Проведение в рамках Дня славянской письменности и культуры в Оренбуржье научно-практических мероприятий, посвященных изучению традиций славянской культуры, ее роли в формировании этнокультурного пространства Оренбургского края стало доброй традицией. Сегодняшняя конференция уже восьмая по счету. По итогам проведения этих конференций изданы шесть сборников материалов («Мир славянской письменности и культуры» (2006 г.), «Традиции славянской письменности и культуры в Оренбуржье» (2007 г.) и «Слава Вам братья, славян просветители» (2008 г.) и «Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона» (2011, 2012 и 2013 гг.), «Православие и культура славян в Южно-Уральском регионе» (2013 г.).

Проведение в рамках Дня славянской письменности и культуры научных конференций призвано служить популяризации русского языка и культуры славянских народов, изучению различных аспектов современной русистики и литературоведения, а также расширению исследовательской базы по славянской культурологии. Уверен, что сборники материалов этих конференций найдут своего заинтересованного читателя.

Разрешите ещё раз поздравить всех собравшихся здесь с началом работы X Всероссийской научно-практической конференции «Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона».

Желаю всем участникам конференции плодотворной работы и новых научных открытий.

Бекасова Е. Н. (г. Оренбург)

«АПОСТОЛ» ИВАНА ФЁДОРОВА: «ДУХОВНЫЕ СЕМЕНА ПО ВСЕЛЕННОЙ РАССЕВАТЬ» (К 450-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ ТОЧНО ДАТИРОВАННОЙ РУССКОЙ ПЕЧАТНОЙ КНИГИ)

*но имам убо <...> въместо же житныхъ семень —
духовная съмена по вселенней рассевати и всемъ по
чину раздавати духовную сию пищу.*

Апостол 1574 г. Послесловие¹

Самое человеческое явление – Память, которая неразрывно связана с человеком, с его умственной деятельностью и ментальностью народа, в том числе и этимологически ... Но мы предпочитаем жить здесь и сейчас, встраиваясь в общество потребления, где, как у животных, не только редуцировано время, но и отсечена Память. Человек, отделившись в Новое время от средневековой общности, стал культивировать в себе личность, которая стремительно проделала путь от со-знания себя как части со-общества с со-вместным знанием – *совестью* до наполеоновско-гитлеровских комплексов – *«мы почитаем всех нулями, а единицами – себя»* – *«двуногих тварей миллионы для нас орудие одно»*². Современные историки, забыв о своей роли хранителей времени и Памяти, закрепили в историческом процессе роль личности и культ личности – и теперь человеческая цивилизация просматривается сквозь узкую щель эпох имени кого-то или прицела чьих-то войн. История «двуногих тварей», которые не только рожали, умирали, становились разменной монетой и «пушечным» мясом, но и пахали, сеяли, учили и учились, создавали и творили, всё чаще и чаще остаётся за страницами и кадрами официальной истории. С Герострата, предвосхитившего наши искривления, мы листаем историю разрушителей, но не создателей. Выдавливание средневековой Памяти и насаждение новой истории войн и великих завоевателей сворачивает мировую цивилизацию и культуру до сгустка пролитой во имя чего-то кем-то, пусть даже тираном и злодеем, но обязательно «великим» и личностью.

Оскопление человеческого бытия, из которого изъят Сеятель, вечно сеющий и, несмотря на падение семян при пути, на камни, в

тернии, верящий, что рано или поздно, даже после его смерти, взойдут СЕМЕНА на доброй почве, ведёт даже не к животному существованию, где главным является инстинкт жизни и сохранение своего вида и сообщества, а к полному уничтожению «венца творения». Отсюда и эсхатологический налёт нашей жизни, который, в отличие от средневековых учений о конце света, не предупреждает человечество, а укрепляет полный нигилизм личности, её свободу от обязанностей и ответственности, развязывает руки в уничтожении людей ...

Пустота пребывания, постыдное равнодушие к добру и злу,³ множенное на беспредельный и близорукий эгоизм, в котором не остаётся места даже инстинкту самосохранения, – результат предельного сужения индивидуумом временной перспективы и Памяти. Именно там, даже если сейчас нет «пророка в своём отечестве», есть вершины человеческого бытия и истинные Личности – Подвижники, которые из жизни сотворили подвиг во благо людей. Именно они – мерило всех людей и всех вещей. Но «успешным» и «конкурентоспособным», «элитным» и насквозь эгоистичным культовым и бескультовым «личностям» они являются угрозой их привычного прозябания как молчаливый укор, как безупречный пример, как безусловная истина ...

Но Память отстаивает и сохраняет только достойное, и время поверяет его значимость. И пусть сейчас гремят разные юбилеи – корпоративно громкие, сиюминутно фальшивые, проплаченные, навязанные, формально обязательные – и, как правило, обречённые на забвение. В Памяти на столетия остаются *события* и люди, которые определяли и, к счастью, определяют наше *бытие* в прошлом, настоящем и будущем. Такие великие даты удивительным образом сошлись в 2013–2014 гг.

1150 лет создания первой славянской азбуки, которая особенно важна для осознания единства славян, несмотря на всю трагичность сегодняшнего раскола даже восточнославянских народов. Несмотря на изломы судьбы, эта дата – память всех славян: православных, старообрядцев, католиков, атеистов – об ослепительной культурной вспышке зарождения оригинального славянского письма. У нас нет другой более славной, культурной, древней и великой общей даты, чем создание письменности для всего «словевеньска племени». Возникновение «*грамоты славянскои*» убеждает нас в том, что ментальность славян произрастала и ук-

реплялась родством словесных рядов «слово – слава – славяне»⁴, «язык (народ) – язык – родина». Великий подвиг славянских первоучителей, признанных церковью равными ученикам Христа, – образец жизни в посвящении и просвещении народа, чуждого по крови, но равного в человечестве. Византиец Константин Философ на папском суде в Риме осудил взявших на себя ответственность «избранных» решать судьбы народов и отстаивал равенство народов и их право на всё лучшее, что выработало человечество: «*Не идет ли дождь от бога равно на всех, не сияет ли для всех солнце, равно ли мы все вдыхаем воздух? <...> Горе вам, книжники, что взяли (себе) ключ к познанию. Сами не входите и входящим возбраняете*»⁵.

900 лет величайшего древнерусского творения – «Повести временных лет», которая стала «*исходищем мудрости*» для оригинальной древнерусской литературы, в которой утверждались кирилло-мефодиевские традиции почитания книжного и стремления к просвещению, а её составитель летописец Нестор, почитаемый за своё книжное подвижничество как святой, утвердил одну из главных истин человечества: слово устное стоит у истоков человечества, а слово письменное, книжное – у истоков цивилизации.

450 лет первой точно датированной русской печатной книги – Апостола 1564 г. первопечатника Ивана Фёдорова, показавшей не только техническую мощь и красоту книгопечатания, но и великий труд справщика, сумевшего очистить текст от многочисленных разночтений времени. С Апостола 1564 г. «*семена книжные*» рассеиваются с немыслимой для рукописания скоростью и позволяют раздавать «*духовную пищу*» всей вселенной.

Все эти даты – общеславянские, восточнославянские, русские – звенья одной цепи развития человечества, познающего слово устное и слово книжное как *свет* дневной, как великий путь к просвещению.

И неслучайно все эти вехи в истории всего славянства, восточных славян и русских объединяет тема Сеятеля, пророчески и провидчески воплощённая в Библии. В Острожской Библии 1581 г. первопечатника Ивана Фёдорова она выглядит так:

ДА , ГІ
 ДНЬЖЕ ПОНЪЗШЕ ІСЪЗДОМУ
 СЪДАШЕ ПРИМОРН . НЪСЪБРА
 ШАСА КНЕМЪ ПАРЪДНМОСН ,
 ІАКОЖЕ ЕМУ КОРАБЛЬ ВЛЪБЕТИ
 НЪСЪБЕТИ , НЪСЪБНА РЪДЪ НА ПО
 МОРИН СТОАШЕ . НЪГЛА НМЪ ПРИТЧАМИ
 МНОГО , ГЛА .

ЗА , Н .
 СЕ НЪЗЫДЕ СЪБАН ДАСЪБЕТИ . НЪСЪЮЩУ
 ЕМУ . ОВА ПАДОША ПРИПЪТИ . НЪПРИН
 ДОША ПТИЦА , НЪПОЗОБАША . ДРУ
 ГА ЖЕ ПАДОША НА КАМЕННЫХЪ , НЪДЪ
 ЖЕ НЕЙМЪАШЕ ЗЕМЛА МНОГЫ , НЪАБІЕ
 ПРОЗАБОША , ЗАНЕ НЕЙМЪАШЕ ГЛУБИ
 НЫ ЗЕМЛА . СЛНЦУ ЖЕ ВЪСІАВШУ , ПРИ
 СВЪТНУША , НЪЗАНЕ НЕЙМЪАХУ КОРЕ
 НИА , НЪСХОША . ДРУГА ЖЕ ПАДОША
 ВЪ ТРЪНИН , НЪЗЫДЕ ТРЪНИЕ НЪПОДАВНИ .
 ДРУГА ЖЕ ПАДОША НА ЗЕМЛИ ДОБРЪИ .
 НЪДААХУ ПЛОДЪ . ОВО ОУБО СТО , ОВО
 ЖЕ ШЕСТЬ ДЕСА . ОВО ТРИ ДЕСАТИ .
 НЪМЪАНОУШИ СЛЫШАТИ , ДАСЛЫШИ .

«Выйдя в день тот же из дома, Иисус сидел у моря. И собралось к Нему народа множество, так что Он вошёл в лодку и сел; и весь народ стоял на берегу. И поучал их притчами много, говоря: «Это вышел сеющий сеять; и когда он сеял, некоторые упали при дороге, и налетели птицы и поклевали их; другие упали на места каменистые, где не имели земли много, и быстро взошли, потому что не имели земли глубокой. Когда же взошло солнце, увяли, и, так как не имели корни, засохли; другие упали в тернии, и выросло терние и подавило их; иные же упали на землю добрую и дали плоды: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать. Имеющий уши слышать, пусть слышит»⁶ (Мф. 13:1–8).

Великолепно знавший Библию и её первый переводчик на славянский язык Константин Философ перед своей смертью, *«уходя на суд божий»*, в последних словах к брату обращается к символике значимой для него притчи: *«Вот, брат, были мы с тобой парой в одной упряжке и пахали одну (и ту же) борозду, и я на поле падаю, окончив день свой. Не смей... оставить учительство свое...»*⁷.

Ту же тему подхватывает летописец Нестор. В статье под 1037 годом, где помещена знаменитая похвала учению книжному,⁸ летописец с гордостью писал, что Ярослав *«собра писце многы и прекладаше отъ грекъ на словеньское письмо. И списаша книги многы, ими же поучающиеся вернии людье наслаждаются ученья божественного»*. Именно при нём, по мысли летописца, проросли семена учения книжного, посеянные Владимиром: *«Яко же бо се некто землю разореть, другый же насеет, ины же пожинають и ядятъ пищу бескудну (неоскудевающую), – тако и съ. Отець бо сего Володимер землю взора (вспахал) и умягчи, рекше крещеньемъ просвети. Съ же насея книжными словесы сердца верных людей; а мы пожинаем, ученье приемлюще книжное»*⁹.

Тема Пахаря-оратая, который готовит добрую землю для корней, и Сеятеля книжных словес закономерно приводят к образу Жнеца, пожинаящего, приемлющего и наслаждающегося учением. Пахарь и Сеятель трудятся на благо будущего, иногда, как подчёркивает Нестор, не дождавшись плодов, но в итоге люди *«ядятъ пищу бескудну»*. В этом и облегчение тяжкого труда, и освещение его необходимости и важности для процветания человечества. В этом нет ни смертного греха гордыни, ни бесцельной суеты сует. В этом и заключена правда жизни, когда одно поколение созидает для другого, осознавая суть своей деятельности: всё вытягивается в непрерывную цепь переплетённых

между собой поколений, связанных звеньями предков и потомком, когда предыдущие «умягчают» жизнь, а последующие с ответственностью и благодарностью принимают и в свою очередь подвигают её во благо «новых людей»¹⁰. Такая туго скрученная жизненную цепь, где благодатно переплетены в мене своего деяния Пахарь–Сеятель–Жнец, где главным является Плод, поддерживает каждого, потому что ему есть для кого жизнь и деятельность его озарена и прошлым и будущим. В таких координатах нет места личности нового времени с «душевной пустотой», «праздной и унылой», «без цели, без труда»¹¹, а тем более поколению с пустым или тёмным грядущим, которого «жизнь ...томит, как ровный путь без цели»¹². И результат такого бытия особый – «тощий плод» с его апокалипсическим падением, которое также прописано человечеством две тысячи лет назад в притче о бесплодной смоковнице – «всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь»¹³.

Но древнерусские книжники неизбывным подвижничеством собирали и сохраняли мудрость, идущую от просветителей славянства, а от них – к устоям человеческой цивилизации. Работа многих поколений поддерживала энергию книжных текстов, создавая постоянно пополняемую сокровищницу идей и слов, из которой произрастала культура и книжность.

Веками соблюдалась традиция тяжёлого, бескорыстного труда книжника – от первоучителя Кирилла, павшего на пахоте, от Нестора, воспевшего труд духовного пахаря и сеятеля...

В этом случае даты становятся символическими: если от Кирилла и Мефодия до Нестора прошло четверть тысячелетия, то от Нестора, закончившего свой бессмертный труд в 1113 г., до первой точно датированной русской книги (19 апреля 1563 г. – 1 марта 1564 г.¹⁴) – «Деяния Апостольски, и послания соборная, и святого апостола Павла послания» – 451 год.

И 450 лет отделяет нас от великолепного труда первых печатных «делателей», сохранивших через века свои имена – «Николы Чюдотворца Гостунского диякона Ивана Федорова да Петра Тимофеева Мстиславца»¹⁵.

Равноудаленность в датах даёт возможность в определённой степени сопоставить во многом таинственную фигуру и деяния Ивана Фёдорова с предшествующим и нашим временами.

С одной стороны, революционный прорыв – и технический и ментальный: по Н.М. Карамзину, «история ума представляет две главные

эпохи – изобретение букв и типографии: все другие были их следствием». Буквы нам подарили Кирилл и Мефодий, а у истоков русского печатного дела стоит, без сомнения, Иван Фёдоров. И пусть он не совсем был первопечатником¹⁶, но книги Ивана Фёдорова не только по техническому исполнению, но и содержательной ценности до сих пор являются образцом книгопечатания.

Перед нами результат сложных полиграфических процессов – литье шрифтов, создание красок, гравирование досок и т.д. Достоверно известно, что Фёдоров был необыкновенно технически одарённым человеком. Он не только ввёл новшества в технологию типографского дела (например, изобрел двухцветную (красную и чёрную) печать с одной наборной формы, а не с двух, как это практиковалось в Западной Европе, что делало наборные формы более долговечными, а печатание безошибочно чистым), но наряду с издательским делом отливал пушки, изобрёл многоствольную мортиру с взаимозаменяемыми частями, причём пытался продать своё изобретение саксонскому курфюрсту Августу, демонстрировал его в Вене императору Рудольфу II ... Но деньги ему нужны были исключительно для печатания книг. Именно в этом направлении Иван Фёдоров достиг совершенства, что ярко отразилось в первой же точно датированной книге, с указанием имён «перводелателей»: академик Д. С. Лихачев пишет, что «в этой книге до сих пор не найдено ни одной типографской погрешности (плохих оттисков, непрочны закрепленных строк, нестойкой типографской краски) и ни одной опечатки, без которых не только в России, но и в Западной Европе не обходилось во все последующие века книгопечатания ни одно издание»¹⁷.

Иван Фёдоров творчески перерабатывает лучшие традиции русской рукописной книги: шрифт «Апостола» отличается от современных ему западноевропейских и славянских шрифтов, в его основе красивый крупный полуустав с небольшим наклоном вправо, характеризующий лучшие древнерусские рукописи XV–XVI века. Его чёткость, простота и изящество очертаний букв вписываются в изумительное соблюдение всех пропорций, в том числе и постоянство 25 строк на листе, что облегчало чтение. 268 листов «Апостола» 1564 г. близки по размеру к современному (в переплёте – 28×18 см.), украшены нарядной вязью; отпечатанными с двадцати гравировальных деревянных досок 48 рисунками; двадцатью двумя красивыми инициалами с пяти досок.

И в этом плане Иван Фёдоров ближе к нам, чем к эпохе Киевской Руси.

Однако, безусловно, Иван Фёдоров был не просто печатником и «технарём» (в современном их понимании). И дело даже не в том, что ни одно современных «Апостолу» 1564 года печатных произведений не могло превзойти его технический и художественный уровень, вобравший в себя весь, как подчёркнул Д.С. Лихачёв, «общевропейский опыт» печатного дела и воплотивший в технике традиции русского искусства и достижения русской рукописной книги¹⁸ – «книги Ивана Фёдорова (и особенно «Апостол») настолько совершенны, что не может быть сомнения, что перед нами не молодое, а зрелое искусство книги. Оно зрелое – по изяществу шрифта, формата, художества декора, композиции страницы, по совершенству и продуманности текста, его орфографии и т.д.»¹⁹.

Именно творческое соединение нового и прошлого созидательно-го опыта в зрелом и совершенном результате даёт возможность с полным правом определить Ивана Фёдорова как личность, равную титанам Возрождения.

И в этом его нерушимая и осязаемая связь с Кириллом, Мефодием и Нестором. Он продолжает деятельность славянских просветителей на новом техническом уровне, позволяющем раздавать неоскудевающую пищу духовную не только на Руси, но и в Литве и на Украине – во всей «вселенной»... И напоят эту вселенную неисчетной глубины книги-реки, истоки которых и главное направление указал великий летописец Нестор²⁰. Эта связь прослеживается даже в названии пространного послесловия Ивана Фёдорова к львовскому «Апостолу»: «Сия убо повесть изъясляет, откуда начася и како съвершиися друкарня²¹ сия». Более того, Иван Фёдоров свою деятельность осеняет благословением самого авторитетного и почитаемого книжника Средневековья. Превосходный фронтиспис Апостола 1564 г. изображает апостола-евангелиста Луку, который, в нарушение рукописной традиции, не пишет книгу – она уже готова и он держит её, как святые держали модели храмов. Лука у Ивана Фёдорова становится символом нового подхода к изготовлению книги, уже не рукописной (письменные принадлежности со свитком остались на пюпитре), а печатной.

Именно поэтому для Ивана Фёдорова характерно высокое самосознание энциклопедиста-просветителя – «великого сеятеля славянской культуры»²², которое сопровождается постоянным подчёркиванием того, что он – «москвитин», «з Москвы», даже несмотря на то, что эта Москва отторгла его, заставила скитаться, искать благодете-

лей, меценатов, спонсоров и просто собирать деньги у простого люда для своего Великого Предназначения. В достаточно просторном Послесловии к львовскому Апостолу 1574 г. (по сравнению с лаконичным московским, где всё официально-торжественно) Иван Фёдоров ставит диагноз наших двух извечных болезней – «нет пророка в своём отечестве» и «обычай злонравных – благое в зло превратить»:

Сия же убо не туне начахъ поведати вамъ, но презелнаго ради озлобления, часто случающагося нам не от самого того государя, но от многихъ начальникъ, и священноначалникъ, и учитель, которые на насъ зависти ради многия ереси умышляли, хотячи благое въ зло превратити и Божие дело в конецъ погубити, яко же обычай есть злонравных, и ненаученых, и неискусных в разуме человекъ, ниже грамотическия хитрости навъкше, ниже духовнаго разума исполнени бывше, но туне и всуе слово зло принесоша. Такова бо есть зависть и ненависть, сама себе наветующи, не разумеетъ, како ходитъ и о чемъ утверждается. Сия убо насъ от земля, и отечества, и от рода нашего изгна и въ ины страны незнаемы пресели»²³.

Последнее положение есть доказательство того, что отечество, земля и род Ивана Фёдорова – в Московии, а иные «страны незнаемы» в таком контексте не могут быть ни его родиной, ни «воротами учёности»²⁴. Следует помнить, что в те времена не было ни «железных занавесей», ни всевозможных санкций – а мир был духовно ближе, несмотря на длительность географических перемещений, отсутствие различных технических новинок, сжимающих время и пространство. Древнерусские летописцы начинали историю Руси от сотворения мира и с учётом сведений античных историков, что, однако, не даёт основание считать, что они при присутствовали при начале мира или были древними эллинами. Средневековая образованность если и не была шире современной, то уж, бесспорно, глубже. Она базировалась на широчайшем, накопленном тысячелетиями опыте и богатстве мировой цивилизации – Европы, Африки, Азии, которые стремительно аккумулировала Древняя Русь. Отсюда интерес и к византийским хроникам, и к древнейшему естественнонаучным труду – «Физиологу», и истории Иудейской войны Иосифа Флавия, биографии Александра Македонского в «Александрии», и жизнеописанию Будды, и мудрости «внешних» (не христианских) античных, мудрецов.... Отсюда и хождения в Палестину и за три моря... Отсюда и поездки на Афон и другие места за новыми книгами ... Не зря в послесловии к Апостолу 1564 г. Иван Фёдоров пишет о собирании по повелению Ивана Васи-

льевича и благословению преосвященного Макария «честных икон, и святых книг, и сосудов, и риз благочестивых царей, въ своя времена бывшихъ... книги на торжищих куповати и въ святыхъ церквахъ полагати ... изыскивати мастерства печатных книгъ»²⁵ ...

Это была даже не образованность, то есть созданность по образу и подобию кого-либо (а кого? – кто нужен сейчас? кто конкурентоспособен? кто управляем? кто выгоден? – то есть лепка определённого типа кем-то для чего-то), это было просвещение, когда люди получали свет учения, и в первую очередь в виде «душеправительных книг»²⁶.

И привычная нам ориентация на Европу здесь не срабатывала – вбирались выработанные тысячелетиями и закреплённые в письменных текстах человеческие ценности, а не нынешние иллюзорно-модные, недифференцированно-виртуальные европейские (географические, но без европейской части России? социально-политические? избранно-государственные? националистические? развитые? суперсовременные?..). И не было оснований выдавливать России из Европы, тем более что славянский мир, пусть и разошедшийся в латинстве и ортодоксальности, был ближе и теснее, особенно в своем просвещенческом движении, связанный узами церковнославянских текстов и кириллического письма...

Желание превратить Ивана Фёдорова в европейца (как будто Москва не Европа) – неистребимо, как вечен миф о тёмной России-матушке ... При этом забывают, что в «галактике Гутенберга» после его смерти ослепительно зажигались славянские звёзды кириллического света: Швайполът Фиоль – в Кракове (с 1491 г.), священник Макарий в Валахии (с 1508 г.), белорус Франциск Скорина (с 1517 г.), черногорцы Божидар Вукович и Пахомий в Венеции (с 1519 г.), печатники анонимной типографии в Москве (с 1553 г.).... «Друкаръ книг, перед тем невиданных», взращен и этой славянской, если так важно сейчас – европейско-славянской традицией, но её переработка и суть чисто древнерусская. Вырезая пунсоны – формы для букв, выбивая из меди матрицы, отливая шрифт, рисуя, гравирова, набирая свинцовые литеры, печатая, Иван Фёдоров был «делателем книг» новой эпохи. Для него важна была форма, которой в средневековье придавали особое значение, ибо в ней отливало соответствующие, тысячелетиями взращенные человеческие ценности. Но содержание, которое можно было копировать в тысячных тиражах, также требовало особого подхода, но уже не технического, а просветительского.

Словолитец Иван Фёдоров был первым нашим корректором и редактором всего того наследия богослужебных текстов, которые в процессе семивекового бытования после Кирилла и Мефодия, наполнились разночтениями в процессе ручного переписывания. Текст надо было очистить от многовековых напластований, откорректировать, отредактировать, а для этого нужно было быть весьма просвещённым человеком, учёным, знавшим все тексты «на край языка»... Недаром венцом деятельности Ивана Фёдорова становится полный текст Библии, второй после рукописной Геннадиевой Библии 1499 г., но настолько отредактированный, что именно он является основой современной Библии Русской православной церкви (в том числе и старообрядческой). В послесловии к Острожской Библии 1581 год Иван Фёдоров точно определяет свою деятельность: *«О всесильный и неизреченный боже ... повели божественное слово твое всем повсюду тиснением печатным предложить... Вергся в пучину неисследимую божественного и всесветлаго писания твоего ...»*²⁷.

Возможно, именно установление единого текста вследствие исправления рукописей, которые *«растлени от преписующихъ, ненаученыхъ сущихъ и не искусныхъ в разуме, ово же и неисправлениемъ пишущихъ»*²⁸, было причиной «исхода» из Москвы. Через век подобное правка приведёт к расколу русской православной церкви и к трагедии гражданской войны. Отсюда и упоминание Иваном Фёдоровым в послесловии 1574 г. о *«многихъ начальникъ, и священноначалникъ, и учитель, которые на насъ зависти ради многия ереси умышляли»*. Сомнительно, что против первопечатника восстали писцы: «огромные организационно-технических и, как следствие денежные, затраты на реализацию самого способа наборной печати по сравнению с хорошо налаженным экономным и достаточно производительным рукописным способом»²⁹ не могли в то время конкурировать.

В отличие от Западной Европы, книгопечатание на Руси было государственным мероприятием, а это значит, что «1564 год – дата не столько начала книгопечатания на русских землях, сколько дата продолжения дальнейшего повышения уровня грамотности и образованности всея Руси»³⁰. Отсюда и очень большой по тем временам тираж московского «Апостола» (около от тысячи до полутора тысяч экземпляров (сохранилось не менее 47 книг (по другим данным – около 60)).

Сам Иван Фёдоров именно так осознавал свою деятельность. И вопреки изгнанию, жизни в нищете или по милости покровителей, великому морю продолжал своё дело: *«Но паче изволих всякия пред-*

реченныя скорби и беды претерпевати, да множае умножу слово Божие и свидетельство Исус Христово»³¹. Библейский образ неплодной смоковницы преследовал его как всякого талантливое и осознающего ответственность за свой дар³²: «И когда убо на уединении въ себе прихождах, и множицею слезами моими постелю мою омочах, вся сия размышляя въ сердцахъ своемъ, да бых не съкрылъ в земли таланта, от Бога дарованнаго ми. И тужащу ми духом, сия глаголах: «Егда въ веки отринетъ Господь и не приложитъ благоволити паки или до конца милость свою отсечетъ по притчи смоковничнаго неплодства, яко всуе землю упражняющу»³³. Поэтому, несмотря на «вся злая и злых злее» и на «многи скорби и беды», Иван Фёдоров всегда находил силы начинать «богоизбранное сие дело къ устройению наверхати, яко бы богодохновенныя догматы распространевати»³⁴.

Иван Фёдоров первым совершенно чётко провёл грань между материальным и духовным в своём выборе великой стези Сеятеля. Когда Григорий Александрович Ходкевич, «пан виленский, гетман верховный Великого княжества литовского, староста гродненский и моголевский», приютивший бежавшего из Москвы «перводелателя книг», пришёл в «глубокую старость» и не смог больше поддерживать дорогостоящую деятельность печатника, то «повеле намъ работанія сего престати, и художество рукъ наших ни во что же положить» и дал село – «земледелиемъ житие мира сего препровождати». Иван Фёдоров отказывается от сытой жизни землевладельца: «Еже не удобно ми бе – раломъ ниже семень сеяниемъ время живота своего съкращати; но имам убо въместо рала – художество, наручныхъ дель съсуды, въместо же житныхъ семень – духовная съмена по вселенней разсевати и всемъ по чину раздавати духовную сию пищу»³⁵.

Великая сущность Сеятеля духовных семян на стыке Средневековья и Нового времени ещё раз со всей очевидностью была подтверждена человеком, соединившим духовность с техническим прогрессом. Так Иван Фёдоров утвердил не только своё духовное призвание, но и в пришествие научно-технической революции – свою приверженность к выработанным человечеством ценностям, где высшим достижением являлось не материально-благополучное сокращение жизни, а просвещение человечества – сеять разумное, доброе, вечное...

Примечания:

¹Апостол Ивана Федорова. Львов, 1573–1574. Л. 261.

² Пушкин А.С. Собрание сочинений в пяти томах. Т. III. Евгений Онегин. Санкт-Петербург: Библиополис, 1994. С. 48.

³ Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в четырех томах / АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). Издание второе, исправленное и дополненное. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1979–1981 год. Том 1, Стихотворения 1828–1841 годов. – С. 401.

⁴ Трубачёв О.Н. В поисках единства. – М.: Наука, 1992. – С. 32.

⁵ Сказание о начале славянской письменности. М.: Наука, 1981 (Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы). С. 89.

⁶ Острожская Библия (Издание Ивана Федорова). – Острог, 1581. (Экз. библиотеки Саратовского ун-та, 39 (2)).

⁷ Сказание о начале славянской письменности. С. 97.

⁸ *«велика бо бывает польза от учения книжного; книгами бо кажем и учимы есмь пути покаяню, мудрость бо обретаем и въздержанье от словес книжныхъ. Се бо суть реки, напаяюще вселеню всю, се суть исходища мудрости, книгамъ бо есть неищнетная глубина»* (Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 г. / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва / изд-е 2-е, испр. доп. СПб., 1996. С. 66).

⁹ Там же.

¹⁰ О значимости в христианской религии и особенно в древнерусском сознании «новых людей» см.: Бекасова Е.Н. «Правдивые сказанья» о крещении Руси (к 900-летию создания «Повести временных лет» // Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 1150-летию славянской письменности и Дню славянской письменности и культуры в Оренбуржье. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. – С. 6–14. Бекасова Е.Н. Летописцы, «сведуще право, глаголют»... (к 900-летию создания «Повести временных лет») // Филологический класс. – 2013. – № 1. – С. 116–120 (эл. доступ: <http://cyberleninka.ru/article/n/letopistsy-svedusche-pravo-glagolyut-k-900-letiyu-sozdaniya-povesti-vremennyh-let>)

¹¹ Так характеризует А.С. Пушкин Евгения Онегина.

¹² Лермонтов М.Ю. Дума // <http://www.all-poetry.ru/stih317.html>

¹³ Евангелие от Матфея 3:10.

¹⁴ С 2010 года по инициативе Священного Синода Русской Православной Церкви 14 марта проводится День православной книги.

¹⁵ Апостол Ивана Федорова и Петра Мстиславца. – Москва, 1563–1564.

¹⁶ По принятой терминологии, типография в Москве, выпустившая с 1553 г. не менее 7 книг, называется анонимной, так как книги не имеют выходных данных. По всей вероятности, в ней также трудились создатели печатного Апостола 1564 г.

¹⁷ Лихачёв Д.С. Задачи изучения связи рукописной книги и печатной // В кн.: Рукописная и печатная книга. – М.: Наука, 1975. С. 7.

¹⁸ Там же, с. 4.

¹⁹ Там же, с. 3.

²⁰ Бекасова, Е.Н. Древнерусский текст как феномен греко-славянского культурного мира / Бекасова, Е.Н. // Вестник ОГПУ, 2012. Вып. 2(2). С. 42–48.

²¹ Типография.

²² Лихачёв Д.С. Прошлое – будущему: статьи очерки. – Ленинград: АН СССР, 1985. – С. 367.

²³ Апостол Ивана Федорова. – Львов, 1573–1574. – С. 260–260 об. Перевод: «Это же

я не напрасно начал повествовать вам, но из-за превеликого озлобления, часто случавшегося с нами не от самого того (русского) государя (Ивана Васильевича), но от многих начальников, и церковных начальников, и учителей, которые нас из зависти во многих ересях обвиняли, желая благо во зло превратить и Божие дело окончательно погубить, так как это привычка злонравных, и ненаученных, и несведущих в науках людей, которые и в искусстве грамматики не умудрены, и духовного разума лишены, но втуне и всуе слово злое принесли. Такова есть зависть и ненависть, сама по себе клеветующая, не знает, как ходит и на чем утверждается. Она нас и изгнала с земли, и отечества, и от рода наших и в другие страны неведомые переселила».

²⁴ Есть гипотезы о польском и белорусском происхождении Ивана Фёдорова, а также утверждения, что Иван Фёдоров, «прекрасно знающий и понимающий достижения искусства европейского Возрождения», мог их «получить только за пределами Московского государства, что является лишним доказательством того, что печатник начинал свою деятельность где-то в странах Центральной Европы» (<http://relicviyas.ru/glavnaya/78-apostol-ivana-fedorova.html>).

²⁵ Апостол Ивана Федорова и Петра Мстиславца. – Москва, 1563–1564. – Л. 266.

²⁶ Острожская Библия. – Острог, 1581. – Л. 973 об.

²⁷ Там же.

²⁸ Апостол Ивана Федорова и Петра Мстиславца. – Москва, 1563–1564. – Л. 266 об.

²⁹ Трофимов А. Размышления о начале книгопечатания на русских землях // Странник. 2010 г. Начала наборного печатания на Руси. <http://www.strannik.tv/kniga.htm>

³⁰ Там же.

³¹ Апостол Ивана Федорова. – Львов, 1573–1574. – Л. 263.

³² Ср., например, мнение М.В. Ломоносова о своей ответственности за свой дар: «Я бы охотно молчал и жил в покое, да боюсь наказания от правосудия и всемогущего промысла, который не лишил меня дарования и прилежания в учении, дал терпение и благородную упрямку и смелость к преодолению всех препятствий к распространению наук в отечестве, что мне всего в жизни моей дорого» (Ломоносов М.В. Избранные произведения. В 2-х т. Т. 2. История. Филология. Поэзия. – М.: Наука, 1986. – С. 330).

³³ Там же, л. 261 об. Перевод: «Это же я не напрасно начал повествовать вам, но из-за превеликого озлобления, часто случавшегося с нами не от самого того (русского) государя (Ивана Васильевича), но от многих начальников, и церковных начальников, и учителей, которые нас из зависти во многих ересях обвиняли, желая благо во зло превратить и Божие дело окончательно погубить, так как это привычка злонравных, и ненаученных, и несведущих в науках людей, которые и в искусстве грамматики не умудрены, и духовного разума лишены, но втуне и всуе слово злое принесли. Такова есть зависть и ненависть, сама по себе клеветующая, не знает, как ходит и на чем утверждается. Она нас и изгнала с земли, и отечества, и от рода наших и в другие страны неведомые переселила».

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, л. 261. Перевод: «повелел нам работу эту прекратить, и искусством рук наших совершенно пренебречь»; «и земледелием, проводить жизнь в этом мире». «Но это не пристало мне — плугом или посевом семян жизнь свою сокращать, ибо имею вместо плуга — искусство, орудия для работы, а вместо хлебных семян — духовные семена по вселенной рассеять и всем по порядку раздавать духовную эту пищу».

РАЗМЕЩЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ СЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО ПЕРЕПИСИ 1897 ГОДА

Изучение истории любой страны и отдельных её регионов в настоящее время представляется неполным и практически невозможным без всестороннего анализа численности и состава народонаселения, выполненного на основе его переписей, проводимых как эпизодически, так и регулярно.

Общепринятое в современном мире толкование термина «перепись», в России стало применяться лишь со второй половины XIX века. В этот период в стране стали проводиться однодневные переписи населения городов, сельскохозяйственные, промышленные и военно-конские переписи, как официальные, осуществляемые государственными органами в лице отдельных министерств, прежде всего МВД, в структуре которого был Центральный статистический комитет, так и неофициальные, организуемые и проводимые земствами на отдельных территориях путём подворного обследования сельских и городских жителей. Но самой грандиозной и масштабной из них стала Всеобщая перепись населения Российской империи, проведённая в 1897 году. Она основывалась на единовременном, централизованном и сплошном опросе переписчиками всей совокупности владельцев хозяйств, глав семейств и домовладельцев страны.

Идея о необходимости срочной замены существовавшего в Российской империи периодического ревизского учёта населения постоянной статистикой возникла ещё в 50-е годы XIX века. В большинстве европейских стран к тому времени основные сведения о населении собирались с помощью единовременных всеобщих переписей, являвшихся последним словом статистической науки. В ходе длительных дискуссий именно единовременная всеобщая перепись была признана наиболее адекватно отвечающей задачам статистического учёта населения России. Согласно «Положению о Первой всеобщей переписи населения Российской империи», изданному в 1895 году, перепись была назначена на 28 января 1897 года¹.

Каждому опрашиваемому предлагалось ответить на ряд вопросов. Список вопросов, содержащихся в переписном листе, был достаточно обширен и состоял из 14 пунктов: фамилия, имя, отчество или про-

звище; пол; отношение к главе семьи и главе хозяйства; возраст; семейное положение; сословие, состояние или звание; место рождения; место приписки; обыкновенное место жительства; отметка об их отсутствии; вероисповедание; родной язык; умение читать; занятие: ремесло, промысел, должность или служба, отдельно – главное и вспомогательное. Кроме того, делались отметки о воинской повинности и о физических недостатках. При заполнении переписного листа первым всегда указывали хозяина, затем всех остальных членов семьи по отношению к нему: жена, сыновья, дочери (или дети по старшинству), мужа и жены детей, внуки, престарелые отец и мать, братья, сёстры, племянники, дядья, тётки и т.д. Для снох, внуков и племянников имелись дополнительные отсылочные указания о внутрисемейном родстве.

Полученные таким путём сведения фиксировались в переписных листах счётчиками, в основном учителями, грамотными солдатами запаса и священниками. Заполненные и проверенные переписные листы поступали на переписные участки и после уточнения отправлялись в губернский и Центральный статистический комитеты. Обработка данных переписи 1897 года в общей сложности заняла более 8 лет.

Предварительной подготовкой и организационной стороной проведения этой переписи руководил в Оренбургской губернии её губернатор Владимир Иванович Ершов. Это был высокообразованный чиновник и умелый организатор. Он окончил юридический факультет Берлинского университета с золотой медалью и получил степень доктора юридических наук. Затем стал военачальником, служил в гвардейской кавалерии, участвовал и отличился в русско-турецкой турецкой войне 1877–1878 годов. В 1892 году в чине генерал-майора В. И. Ершов был назначен оренбургским губернатором и наказным атаманом Оренбургского казачьего войска. Под его руководством перепись 1897 года была проведена в Оренбургской губернии грамотно и в установленный срок. Из собранных губернским статистическим комитетом 300 с лишним тысяч переписных листов Центральный статистический комитет МВД забраковал только 32 листа².

Всеобщая перепись населения Оренбургской губернии стала своеобразным и наиболее точным итогом демографическим процессам, наблюдавшимся на её территории в течение всего XIX века. В первой половине этого столетия губерния имела в своём составе 12 уездов: Оренбургский, Верхнеуральский, Троицкий, Челябинский, Уфимский, Стерлитамакский, Бирский, Мензелинский, Бугульминский,

Бузулукский, Белебеевский и Бугурусланский. В промежутке времени между V-ой (1795 год) и IX-ой (1850 год) ревизиями, проводившимися регулярно в Российской империи, количество жителей увеличилось в ней с 760 тыс. человек до 2,3 млн. человек, или в 3 раза. Если на рубеже XVIII – XIX веков в 760-тысячном населении губернии русскоязычные составляли 37% от всех проживавших, то массовые миграции крестьян из центральных и северных губерний Европейской России привели к существенному увеличению их числа в среде жителей этой юго-восточной окраины страны. В 1850 году русских было уже 1,2 млн. из 2,3 млн. человек, проживавших в губернии, что составило 52,2 %³.

Миграционный фактор, обеспечивший преобладание в среде населения Оренбургской губернии представителей титульной нации, сыграл заметную роль в проведении административной перестройки на Южном Урале в середине XIX века. В 1850 году последовал указ императора Николая I о передаче Бугульминского, Бугурусланского и Бузулукского уездов в состав новой Самарской губернии⁴. В губернии остались 9 уездов с населением 1 843 371 человек на 1861 год⁵. Сменивший генерал-губернатора В. А. Перовского оренбургский и самарский генерал-губернатор А. А. Катенин совершил летом 1857 года объезд территории, вверенной ему в управление. В отчёте новому императору Александру II за 1858 год он отметил сложность управления обширной Оренбургской губернией и предложил разделить её ещё раз на две самостоятельные губернии: Уфимскую и Оренбургскую⁶. Однако, преждевременная смерть помешала А. А. Катенину реализовать эту идею. Она была поддержана его преемником на посту генерал-губернатора А. П. Безаком, который разработал и представил в правительство конкретный проект с соответствующим обоснованием⁷. В мае 1865 года по указу императора Александра II состоялось разделение обширной Оренбургской губернии на две губернии – Оренбургскую и Уфимскую⁸. В каждой из них были сформированы собственные органы управления, представленные гражданскими губернаторами, вице-губернаторами, губернскими правлениями и рядом губернских присутствий и комитетов. Количество уездов в Оренбургской губернии сократилось с 9 до 5. После этой очередной административной реформы население губернии уменьшилось в 2,2 раза и стало насчитывать 843 533 человека⁹.

В 1865–1897 годах Оренбургская губерния не претерпела значительных территориальных изменений. Было сохранено её деление на

5 уездов: Оренбургский, Верхнеуральский, Троицкий, Челябинский и Орский. За 32 пореформенных года количество жителей увеличилось в ней в 2 раза в результате естественного воспроизводства и притока переселенцев из других губерний Европейской России. Массовому перемещению новых жителей в Оренбургскую губернию в небольшой степени способствовало открытие движения по выстроенной в 1871–1876 годах железной дороге Самара – Оренбург. Инициатором строительства этой важной в экономическом отношении железнодорожной линии был последний оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский¹⁰. В 1897 году общая численность населения губернии была определена губернским статистическим комитетом на основе данных переписчиков в 1 600 102 человек¹¹.

В переписных листах национальная принадлежность опрашиваемых отражалась через полученную от них информацию о родном языке. Русский язык родным сочли в 1897 году 1 126 040 жителей губернии обоего пола (или 70,4%), украинский язык – 41 541 человек (или 2,6%), белорусский язык – 2 247 человек (или 0,2%) и польский язык – 1 696 жителей обоего пола (или 0,1%). Таким образом, славянское население, составляя в совокупности 1 171 524 жителя (или 73,3%), доминировало над остальными 12 национальными группами, проживавшими на территории губернии¹².

По месту проживания население губернии было поделено в материалах переписи 1897 года на городское и сельское. В 6 городах (Оренбург, Верхнеуральск, Орск, Троицк, Челябинск, Илецкая Защита) проживал 151 601 человек, или 9,4% от общего числа оренбуржцев. В уездах губернии без учёта населения уездных городов находились 1 448 501 сельский житель, или 90,6% от всего населения губернии¹³.

В составе горожан славянское население составляло 77,1% от общего числа горожан, что было на 7,2% выше общегубернских показателей. По городам их доля в составе проживавших выглядела следующим образом. В Оренбурге, являвшемся административным центром губернии, из 72 425 человек русские, украинцы, белорусы и поляки составляли 56 329 человек (или 77,8%), в Верхнеуральске, насчитывавшем 13 095 жителей, их было 9 505 человек (или 72,6%), в Орске с населением в 14 017 горожан славянское население представляли 9 754 человека (или 69,6%), в Троицке при населении в 23 259 человек к славянской языковой группе был отнесены 14 481 житель (или 62,3%), в Челябинске, население которого насчитывало 19 998 горожан, славянская диаспора была представлена 18 528 горожанами (или

92,6%) и в безуездном городе Илецкая Защита с населением в 11 768 человек представителями славянских народов были 8 429 горожан (или 71,6%). Таким образом, наиболее внушительным было представительство славян в уездном городе Челябинске, за ним распределились в порядке убывания Оренбург, Верхнеуральск, Илецкая Защита и Троицк¹⁴.

В среде сельского населения губернии его славянская часть была несколько ниже, чем в городах. В 5 уездах (Оренбургском, Верхнеуральском, Орском, Троицком и Челябинском) без учёта населения уездных городов находились 1 447 544 сельских жителя. Русские, украинцы, белорусы и поляки в совокупности составили 1 054 498 человек (или 72,8%), что было на 0,5% ниже общегубернских показателей. В процентном отношении славяне распределились по уездам неравномерно. В самом крупном по числу жителей Оренбургском уезде их доля составила 71,6%, в Верхнеуральском уезде – 64,7%, в Орском – 43,5%, в Троицком – 85,3% и в Челябинском уезде – также 85,3%. Наиболее компактно представители славянских народов были размещены в западной и восточной частях губернии, а в её центральной части, представленной Орским уездом, их было меньше половины от общего числа жителей¹⁵.

Несомненным достоинством переписи 1897 года стал учёт рода занятий самодеятельного трудоспособного населения в соответствии с родным языком. Составители переписи выделили 65 видов занятий, как производительных, так и не производительных. Чтобы избежать излишней детализации их пришлось объединить в 5 основных групп. В первую из них отнесена занятость государственной и общественной службой, во вторую – занятия сельским хозяйством и лесоводством, в третью – промышленным производством, в четвёртую – транспортом и связью, в пятую – торговлей и денежным кредитом.

Первая группа насчитывала 15 видов занятий, начиная от государственного управления и до службы в благотворительных учреждениях включительно. Она объединила трудоспособное население в количестве 51 947 человек без учёта членов их семей, в том числе 39 374 представителей славянских народов, или 68,1% от общего числа всех занятых трудовой деятельностью в этой группе. В их числе были 37 526 русских, 1 055 поляков, 734 украинца и 59 белорусов¹⁶.

Ко второй самой многочисленной группе были отнесены 6 видов занятий оренбуржцев (земледелие, животноводство, пчеловодство, лесоводство, рыболовство и охота). В эту группу оказались включён-

ными 238 040 трудоспособных мужчин и женщин, в том числе 168 161 представитель славянских народов, или 70,6% от общего числа всех занятых трудом в этой группе. В их числе были 161 475 русских, 6 270 украинцев, 318 белорусов и 98 поляков¹⁷.

Третья группа (промышленное производство) представлена 18 видами занятий, начиная от добычи руд и выплавки металлов и заканчивая изготовлением одежды. В этой группе производительным трудом были заняты 48 366 человек. В их числе были 37 543 представителей титульной нации, 331 украинец, 102 поляка и 35 белорусов. На их совокупную долю пришлось 78,6% от общего числа всех занятых трудом в этой группе¹⁸.

В четвёртую группу отнесены 6 видов занятости (водный, железнодорожный и гужевой транспорт, почтовое, телеграфное и телефонное сообщение). Количество занятых составило 8 603 жителя губернии, в том числе 6 797 представителей славянских народов, или 79% от общего числа. Русские были представлены абсолютным большинством (6 624 человека), поляки – 90 человек, белорусы – 51 житель и украинцы – 32 жителя¹⁹.

В пятой группе было 17 видов занятий (торговля различными видами товаров, торговое посредничество и кредит). В этой отрасли экономики трудились 15 024 человека, в том числе 9 228 славян, или 61,4%. Русские насчитывали 9 136 человек, поляки – 52, украинцы – 35 и белорусы – 5 человек²⁰.

В общем итоге, славянское население Оренбургской губернии во всех отмеченных областях деятельности занимало лидирующие позиции, что обусловлено было его численным преобладанием в составе жителей.

Таким образом, информационный потенциал Всеобщей переписи населения 1897 года, проведённой в Оренбургской губернии, оказался весьма значительным. Несомненный исследовательский интерес представляют не только итоговые результаты переписи, содержащие общую количественную и качественную характеристику населения губернии, опубликованные отдельным томом в 1904 году, но и первичные переписные листы, заключающие ценную информацию о каждом отдельном человеке, проживавшем на её территории в 1897 году. В первых экземплярах переписных листов, сосредоточенных в материалах Главной переписной комиссии, отложившихся в фонде Центрального статистического комитета МВД в Российском государственном историческом архиве, зафиксированы уникальные сведения о

биографии каждого опрошенного (дата и место рождения, семейное положение, язык и вероисповедание), его социальном статусе (образование, занятие) и составе его семьи²¹. Перепись 1897 года полностью оправдала самые лучшие ожидания её организаторов. Тем не менее, через несколько лет был поднят вопрос о необходимости новой всеобщей переписи. После длительных обсуждений вторая Всероссийская перепись жителей империи была назначена на 1915 год, однако начавшаяся Первая мировая война помешала её проведению.

Примечания:

¹ Высочайше утверждённое «Положение о Первой всеобщей переписи населения Российской империи». 5 июня 1895 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (ПСЗ – III). – Т. XV. – № 11803. – СПб., 1899. – С. 397–402.

² Губернаторы Оренбургского края. / Сост. В.Г. Семёнов, В.П. Семёнова. – Оренбург: Оренбургское кн. изд-во, 1999. – С. 285–295.

³ Злобин, Ю.П. Массовые миграции русского населения на Южный Урал как предпосылка административных реформ в регионе в 50–60-х годах XIX века // Этнокультурный и межконфессиональный диалог в Урало-Поволжском полиэтничном пространстве: исторический опыт и современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2012. – С. 46–51.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (ПСЗ – II). – Т. XXV. – Отделение второе. – 1850. – № 24708. – СПб., 1851. – С. 279.

⁵ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 10. Оп. 2. Д. 50. Л. 77–78; Ф. 164. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1–2; Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. И – 9. Оп. 1. Д. 1675. Л. 3–5.

⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 13502. Л. 21–52.

⁷ Губернаторы Оренбургского края. – С. 246.

⁸ ПСЗ – II. – Т. XL. – Отделение первое. – 1865. – № 42 058. – СПб., 1867. – С. 477.

⁹ Россия. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (репринтное издание). – Лениздат, 1991. – С. 77.

¹⁰ Губернаторы Оренбургского края. – С. 252–264.

¹¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Т. XXVIII. Оренбургская губерния. – СПб., 1904. – С. VIII.

¹² Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. – Т. XXVIII. Оренбургская губерния. – С. X.

¹³ Там же. – С. 56–57. Подсчёты автора.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. – С. 112–117. Подсчёты автора.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1290.

Амелин В. В., Денисов Д. Н. (г. Оренбург)

ОРЕНБУРГСКИЕ МОЛОКАНЕ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ*

На территорию современной Оренбургской области молоканство занесли выходцы из Рязанской губернии. В 10-е годы XIX в. тамошние однодворцы подселились «немалым количеством» в деревни Воздвиженка (ныне Пономарёвского района) и Софиевка, а также одной семьёй в Ратчино (ныне обе Шарлыкского района Оренбургской области). Уже в феврале 1816 г. местный волостной старшина с тревогой сигнализировал церковным властям, что переселенцы, «именуемые малаканы, ... не имеют на себе и не изображают рукою при молитве крест, не поклоняются святым образам, а притом не содержат и совсем даже не почитают ни в какое время постов, а поклоняются просто без крестного изображения, на степь, удостоверая в том, что они молитву, якобы, приносят Богу не рукою, а духом. ... рождающихся вновь в их семействах младенцев, оставя церковь и миропомазание, не крестят и имена им не нарекают, равно и сочетаются браком сами, минуя церковь, в домах без священника, поелику они избрали из их же братии вместо священников ... в селе Воздвиженском Григорья Селиванова, а в деревне Софийской Хрисанфа Гранкина, кои наиболее всех таковым своим изобретённым обрядом обратили до немало-го уже числа людей». «И чрез обольщение простолюдных народов, в тех селениях обитаемых, час от часу более к себе присовокупляют»¹. Из ближайшей православной Покровской церкви с. Ташла (ныне Тюльганского района Оренбургской области) для исправления христианских треб и увещевания отступников в с. Софиевку был послан священник Лука Словохотов. Но когда в 1818 г. он попытался хотя бы просто переписать для учёта окрестных молокан, они ответили ему категорическим отказом: «а тебя мы и знать не хотим». На уговоры вернуться в лоно Православной Церкви молоканский наставник с. Воздвиженка Григорий Селиванов и его односельчане Яков Басарев, Федул Бекетов, Ульяна Заварзина, Артемий Исаев, Алексей и Илья Колесниковы, Потап Плешивых, Кирилл Томилин, Захар Холопов ответили, что «из оной своей секты выступить не можем и в том должны сей век против умереть». Между тем, распространение молоканского учения в Оренбургском крае продолжалось путём пропаганды и

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Оренбургской области научного проекта № 13-11-56005.

присоединения через межконфессиональные браки. Например, в апреле 1818 г. однодворец с. Софиевка, молоканин Василий Петрович Жабин повенчался «по своему обряду ... в простой своей избе» с православной однодворкой Анной Артемьевной Жабиной².

В 30–40-е годы XIX века новые группы молоканских переселенцев из числа удельных крестьян Тамбовской губернии прибыли в сёла Новотроицкое (ныне Октябрьского района) и Дедово (ныне райцентр Октябрьское Оренбургской области). В 1837 г. местные православные священники заметили, что переселенцы «не исповедуются, Святым Тайн не приобщаются, младенцев не крестят и усопших хоронят самовольно, не давая им о сём знать». По розыску 1838 г. в деревне Новотроицкой был выявлен 31 молоканин.

В затребованном у них исповедании веры они указали:

«Священное Писание Ветхого и Нового Завета мы принимаем и по оному поступаем. Боголомолие мы совершаем по вечеру в субботу и утром в воскресный день, в доме, к кому из нас соберёмся. Молитвы читаем стоя и на коленях пред столом, на котором лежит Евангелие, иногда Библия, иногда Псалтирь, сложивши руки на перси – при сём читаются псалмы, молитва «Отче наш» и другие места из Священного Писания; чтением занимаются грамотные.

Постов в рассуждении качества пищи мы никаких не имеем, а постимся иногда сутки – двое, иногда дней пять совсем ничего не вкушаем. Причастия Святым Тайнам видимого не принимаем, а почитаем его чрез слово, мысли и веру духовно. В Церковь Христианскую не ходим потому, что Апостолы собирались в храмине простой, да и пишется, что «Вышний в нерукотворенных храмах живёт» [Деяния 7:48], и ещё: «ты же, егда молишися, вниди в клеть твою, и затворив двери твоя, помолися Отцу твоему» [Матфей 6:6].

Крестов мы на себе не носим и икон у себя не имеем потому, что сказано: «не сотвори себе кумира и всякого подобия, елика на небеси горе и елика на земли низу: да не поклонишися им» [Исход 20:4–5] – «идолы бо суть серебро и злато, дела рук человеческих» [Пс. 113:12; 134:15]...

Крещение свершается чрез веру, покаяние и чтение молитв без погружения в воду.

Покаяние приносим тем же своим старцам, которые при молении занимаются чтением. Браки наши совершаются в избах грамотными крестьянами, во время коих сперва произносятся слова венчающимся: «Мы, нижепоименованные, рабы Бога Живаго, обещаемся и кля-

нёмся жить в согласии» – далее читаются Псалтирь, «Отче наш» и делается наставлением им жить во взаимной верности.

Священников церковных мы не принимаем»³.

Молокане были доставлены в Оренбургский Земский Суд и содержались под стражей, где на протяжении долгих месяцев благочинный соборный протоиерей Алексей Розанов в своих беседах склонял их «оставить заблуждения» и присоединиться к Православной Церкви. В результате, к ноябрю 1839 г. все молоканские семьи Косенковых, Лозгачёвых, Перевёртовых и Степанниковых постепенно, одни за другими, согласились вернуться в православие по церковному чину или впервые креститься с детьми. Однако последующее развитие событий показало, что молокане приняли крещение не по внутреннему убеждению, а лишь формально, по принуждению, чтобы освободиться из тюремного заключения. Для вида они посещали православные храмы, регулярно бывали у исповеди и причастия, но в тайне продолжали держаться прежней веры, воспитывали в ней детей и даже устраивали подпольные общественные собрания.

Например, из числа привлекавшихся по этому делу крестьяне с Новотроицкого Трофим Лозгачёв и Михаил Степанников в 1854 г. открыто вернулись к исповеданию молоканства⁴.

В том же году крестьяне с Дедово Евдокия Филипповна Кашеева, её сын Михаил Афиногенович, сноха Прасковья Лукьяновна (урождённая Степанникова), внуки Николай, Александр, Ефрем, Прасковья и Авдотья явственно отпали от православия, когда супруги отказались крестить новорожденную девочку Секлетию. На допросе они показали, что «богослужения отправляют уединённо; в Бога, создавшего мир, и во имя истинного Христа Спасителя веруют и почитают, а Богородицу почитают только за Деву Марию потому, что в неё вселился Дух Святой, от неё родился Спаситель мира Иисус Христос; угодников же божиих не признают потому, что Бог не заповедовал поклоняться всякому кумиру». Односельчане подтвердили, что Кашеевы проводят в своём доме «публичные богослужения, для чего к ним приезжают молокане из Бузулукского уезда», а глава семейства «постоянно бывает в неизвестных отлучках» и «домой возвращается большею частию по ночам». После неоднократных увещаний в Оренбургской Духовной Консistorии Кашеевы остались непреклонными и в 1861 г. были лишены всех прав состояния и сосланы в Закавказский край, где Александр и Николай со временем стали молоканскими наставниками в общине г. Баку⁵.

С наступлением Великого поста 1864 г. публично порвали с Православной Церковью государственные крестьяне с. Ратчино Степан Игнатьевич Бледных, Василий Григорьевич Захаров; Андрей и Алексей Яковлевичи, Евдоким и Егор Ивановичи Красных; Илья Егорович, Гаврила и Илья Ильичи Лагуновы; Фёдор Степанович Лебеядцев с жёнами и детьми, а всего 44 человека обоого пола. Некоторые из них «с азарностию» принесли и оставили приходскому священнику все иконы из своих домов, а Василий Захаров прилюдно, «сняв с шеи крест, бросил на землю и объявил, что носить его больше не будет». На расспросы полицейского пристава диссиденты заявили, что «оставили церковь», так как в ней «есть иконы, коим не следует поклоняться». «И вообще» они «никаких таинств не признают потому, что их установлено не было, и что все таинства, то есть крещение, причащение, бракосочетание и другие могут быть исполняемы и без священников. По учению их постов не положено обязательно для всех, а только они для желающих получить спасение; молочную пищу употреблять можно, а мясо свинины воспрещается, и не едят ... На предварительных увещеваниях местного благочинного Образцева они упорно отказались и объявили, что никогда не присоединятся к церкви, ибо в ней есть иконы, поклоняющиеся которым будут прокляты. Помянутые крестьяне называют себя духовными христианами или молящимися по духу». В ходе расследования обнаружилось, что все отпавшие не были на исповеди у православного священника уже 6 лет. В июле 1864 г. главы молоканских семей были заключены в Оренбургский тюремный замок. Но, несмотря на это, верующие продолжали собираться для совместной молитвы в домах их жён Анны Антоновны Бледных, Нонины Зотиковны и Параскевы Якимовны Красных, «причём громогласно пели священные песни»⁶.

Молоканство не только открыто укрепилось в регионе, прежде всего, в сёлах Ратчино (ныне Шарлыкского района), Новотроицкое (ныне Октябрьского района) и Исаево-Дедово (ныне райцентр Октябрьское Оренбургской области), но и со второй половины XIX в. стало распространяться из этих центров по округе посредством религиозной агитации среди православного населения деревень и хуторов: Нижний Гумбет (ныне Октябрьского района), Подгородняя Покровка, Степановский (ныне Оренбургского района), Покровка (ныне Красногвардейского района), Донецкое, Капитоновка, Кулагино и Рыбкино (ныне Переволоцкого района Оренбургской области).

Например, в феврале 1872 г., на первой неделе Великого поста «подучаемые известными распространителями» молоканства из с. Новотроицкого Михаилом и Пахомом Степанниковыми объявили о своём выходе из православия крестьяне с. Нижний Гумбет Епифан Беляев, Антон Ковыляев, Василий и Левин Пчелинцевы, Екатерина и Татьяна Поповы, Викул, Иван и Терентий Синельниковы с семьями. Местный священник Владимир Салтыков докладывал Оренбургской Духовной Консистории, что «поименованные крестьяне ... позволяют себе открыто поносить православную веру, обзывая православных одножителей своих идолопоклонниками и еретиками, и даже ... грозят совратить в молоканство всё село. Для этой цели они открыто, к соблазну православных, совершают моление с громогласным пением и чтением». Ему вторил один из прихожан в письме самому оренбургскому епископу: «В нашем селе Нижнем Гумбете появилась секта молокан и теперь быстро развивается. Они, молокане, чуждаются святого храма и святых икон; смеются всенародно, к соблазну всего прихода, над обрядами, молениями и богослужениями православных; младенцев не крестят, ... браки сами начинают венчать по своему, без священника ... Летом, когда мы, православные, со святыми иконами ходили молиться в поле, то молокане смеялись, приговаривая: «носили, де, богов своих в поле, а они дождя не дают»». Дважды, 10 мая и 10 декабря 1872 г. православные жители Нижнего Гумбета на сельских сходах принимали мирские приговоры об удалении отступников из их общества, опасаясь, что в противном случае те «могут соблазнить и отвратить от Божия храма многое число христиан»⁷. Но губернские власти оба раза отказались утвердить эти решения, так как по закону высылке подлежали только лица, пороки которых были установлены судебными приговорами. В итоге опасения православного духовенства и мирян оправдались, поскольку под влиянием продолжающейся агитации постепенно в молоканство уклонилось до 200 крестьян с. Нижний Гумбет.

В 1890–1893 гг. при помощи кредита Крестьянского Поземельного Банка в Оренбургской губернии было приобретено вкладчину единоверцами 13 тыс. десятин для малоимущих молокан с. Астраханка Таврической губернии (ныне Мелитопольского района Запорожской области Украины). Первоначально они остановились в селе Екатериновка, затем основали поблизости село Астрахановка и распространили своё влияние на ближайшие сёла Благодарное и Романовка (ныне все Тюльганского района Оренбургской области). В результате сфор-

мировался настоящий молоканский «куст» из нескольких деревень, переходящих одна в другую вдоль общей дороги⁸. Их жители, в отличие от остальных оренбургских молокан, принадлежали к особому донскому толку, признающему совершение таинств, причём только рукоположенными пресвитерами.

Таким образом, в дореволюционный период на территории губернии молокане относительно компактно сосредоточились на севере Оренбургского уезда, в основном в пределах современных Шарлыкского, Октябрьского, Оренбургского и Тюльганского районов.

Попытки духовных христиан закрепиться в Орском уезде были по большей части пресечены Православной Церковью при содействии правоохранительных органов. Так, благочинный 7-го округа Оренбургской епархии, протоиерей Спасо-Преображенского собора Орска Михаил Павловский оперативно сообщил Духовной Консistorии о том, что в 1870 г. в город прибыли 22 семьи молоканских переселенцев общей численностью 107 человек: Артищевых, Баландиных, Варяевых, Давыдовых, Демрюковых, Ишиных, Каревых, Кудрявцевых, Кулгашевых, Недобежкиных, Севастьяновых, Уткиных, Черняевых из с. Дмитриевка Николаевского уезда Самарской губернии (ныне Нефтегорского района Самарской области) и Быковых из д. Алфёровка Новохопёрского уезда Воронежской губернии (ныне Новохопёрского района Воронежской области).

Они стали собираться по частным домам и квартирам для молитвы, чтения священных книг и духовного пения под руководством своих наставников – мещанина Никанора Васильевича Артищева и отставного солдата Фёдора Алексеевича Черняева. Так, 2 июня 1870 г. полицейский надзиратель г. Орска разогнал одну из таких сходок. 22 июля 1872 г. со старшим городовым, двумя следователями и понятыми он нагрянул в дом мещанина Кузьмы Кудрявцева в Новой слободке. «По прибытии» полицейские «застали сборище мужчин, женщин и девиц молоканской секты в избе и за оной в сарае. Увидели посредине избы стол, на коем постлана белая из крестьянской брани скатерть, на которой лежала раскрытая Библия Ветхого и Нового Завета, которую читал солдат Фёдор Черняев. Вкруг стола поставлены были скамьи, на коих сидели мужчины и женщины, а некоторые стояли вблизи на ногах». На такие встречи нередко заходили послушать из любопытства и православные, постепенно склоняясь к молоканскому учению. Под действием бесед с духовными христианами в 1872 г. от православия отпали со своими семьями мещанин г. Орска Пётр

Павлович Мамыкин и казак посёлка Кумакского Михаил Васильевич Щербинин. «Известно его отпадение стало по пререканиям» с приходским «священником ... и потому, что вынес из дому своего иконы, да и потому ещё, что он прежде пил водку, а тут перестал». Сам М. В. Щербинин показал, что «с того времени, как обучился грамоте и стал понимать себя, читая священные книги, собственным размышлением пришёл к убеждению, что все установления церквей и семи Вселенских соборов не есть истина, а истина в одном Священном Писании». Обнаружив сходство своих мыслей с молоканским учением, по возвращении из Орска на родину он начал его проповедовать в посёлках Банном (ныне Гайского района), Кумакском и Новоорском (ныне Новоорского района Оренбургской области). Там ему удалось обратить в новую веру свою жену и детей, а также казаков Николая Михайловича Елисеева, Карпа Петровича Калачёва, Акулину Михайличенкову с семьями общей численностью 17 человек. Из них Николай Елисеев свидетельствовал, что также «собственным размышлением и чтением святых книг дошёл до убеждения в бесполезности и ненужности видимой церкви, полагая, что в делах веры достаточно руководствоваться Священным Писанием и собственной совестью». Расползание молоканства по Орскому уезду крайне беспокоило местное православное духовенство, которое неоднократно подступало с увещаниями к приезжим и новообращённым духовным христианам. Но видя их упорство и бесполезность уговоров, церковные власти, в конце концов, добились высылки всех молоканских переселенцев из Орска в Закавказский край по решению Уездного Суда от 17 января 1876 г. на основании статьи 198 Уложения о наказаниях, как ложно указавших православное вероисповедание при причислении в мещанское общество⁹. Со временем небольшие группы молокан появились в селе Ново-Покровском (ныне Кувандыкского района) и на хуторе Ново-Херсонском (ныне пос. Херсон Гайского района), но в целом их учение не получило большого распространения в той части Орского уезда, которая отошла к современной Оренбургской области.

Приходские священники и благочинные округов в своей повседневной пастырской работе пытались и в дальнейшем противодействовать молоканской пропаганде на местах, удерживать колеблющихся и возвращать в лоно Православной Церкви уклонившихся. Помимо частных бесед, организовывались и публичные религиозные прения с молоканскими наставниками, где при большом стечении народа стороны состязались в знании и толковании Священного Писания, при-

водя цитаты в защиту своего вероучения. С этой же целью ежегодно молоканские деревни и хутора Оренбургского края посещали разъездные православные миссионеры. Например, в 1900 г. сотрудник Михайло-Архангельского Братства Богдан Колостов провёл собеседования с молоканами трижды в селе Исаево и по одному разу – в Оренбурге, сёлах Нижний Гумбет, Новотроицкое и Ратчино. Предметом диспутов были основные моменты православного учения, отвергаемые молоканами: Священное Предание, почитание икон, священство, крещение младенцев, поминовение усопших и таинство елеосвящения¹⁰.

Иногда подобная практика приносила свои плоды. Так, в 1894 г. на публичном собеседовании в местной школе приходского священника с молоканами с. Новотроицкого их главный наставник Михаил Михайлович Степанников, удалившийся по старости от руководства общиной на хутор, «после долгих колебаний и душевных мучений в течение последних двух лет» к крайнему изумлению своих последователей призвал их оставить упорство и вместе с ним присоединиться к Православной Церкви, что и сделал вместе со всей своей семьёй¹¹.

Однако гораздо большее опустошение в рядах молокан производила баптистская пропаганда, которая началась в Оренбургском крае с 1886 г. Дело в том, что молоканство, по сути, является протопротестантским учением и имеет с баптизмом очень много общего: отрицание Священного Предания и всего, что прямо не установлено Библией, культ святых, мощей, икон, монашества, апостольского преемства и церковной иерархии, принцип всеобщего священства, упрощённую обрядность, проповедь духовного возрождения через личную веру во Христа и покаяние в грехах. Поэтому для молокан православие было возвращением назад, к истокам, а баптизм воспринимался как движение вперёд, естественное развитие и продолжение духовных исканий. Главным препятствием на их пути было признание баптистами водного крещения в сознательном возрасте как видимого символа духовного возрождения и хлебопреломления как видимого символа единения с Христом, тогда как молокане не совершают эти обряды реально, а толкуют аллегорически. Но когда заезжие баптистские проповедники на собеседованиях аргументировано, цитатами из Священного Писания доказывали необходимость реального крещения и причастия молокане едва ли не целыми деревнями обращались в новую веру. Так, к началу 1912 г. в баптизм перешли в сёлах: Подгородняя Покровка – 147 человек, Нижний Гумбет – 105, Исаево-Дедово – 9,

Новомихайловка – 7 и т. д.¹². Дошло до того, что в крупных молоканских «общинах старцы воспретили всякое общение» с баптистами и «перестали принимать их пропаторов»¹³. К этому времени численность духовных христиан в Оренбургской губернии ещё оставалась значительной.

Таблица – Численность молокан в Оренбургской губернии к 1 января 1912 г.¹⁴

№	Населённый пункт	Численность
<i>Оренбургский уезд (молокане)</i>		
1.	пос. Астраханский 1-й Каракипчакской волости	1109
2.	пос. Довольный (Благодарный) той же волости	97
3.	пос. Донецкий Донецкой станицы	15
4.	с. Исаево-Дедово Павловской волости	40
5.	с. Нижний Гумбет Новотроицкой волости	172
6.	с. Новотроицкое Новотроицкой волости	202
7.	с. Покровка Каликинской волости	100
8.	с. Покровское Новотроицкой волости	100
9.	с. Ратчино Алексеевской волости	177
10.	хут. Степанова Павловской волости	164
Итого по Оренбургскому уезду:		2176
<i>Орский уезд («мокрые молокане»)</i>		
11.	с. Ново-Покровское Ново-Покровской волости	13
12.	хут. Ново-Херсонский 3-й Усерганской волости	38
13.	д. Раевка Самарской волости	824
Итого по Орскому уезду:		875
<i>Верхнеуральский уезд (молокане-воскресенцы)</i>		
14.	хут. пос. Варненского Великопетровской станицы	107
15.	пос. Кизильский	39
16.	хут. пос. Кулевчинского Николаевской станицы	19
Итого по Верхнеуральскому уезду:		165
Всего в Оренбургской губернии:		3216

Однако, разумеется, полная самоизоляция от новых веяний общественной и религиозной жизни была невозможна, что в условиях конкурентной борьбы с новыми конфессиями способствовало дальнейшему сокращению численности оренбургских молокан. К 1915 г.

их количество в регионе упало до 2587 человек, из которых: в Оренбургском уезде проживали 1466, в Орском – 434, в Троицком – 427, в Верхнеуральском – 229 и в Челябинском – 31¹⁵.

Таким образом, на территории современной Оренбургской области молокане появились уже в 10-е годы XIX в., когда в деревни Воздвиженка (ныне Пономарёвского района), Софиевка и Ратчино (ныне Шарлыкского района) подселились последователи этого религиозного учения из Рязанской губернии. В 30–40-е годы XIX в. новые группы духовных христиан из Тамбовской губернии прибыли в сёла Новотроицкое (ныне Октябрьского района) и Дедово (ныне райцентр Октябрьское). Укрепившись в Ратчино, Новотроицком и Дедово, со второй половины XIX в. молоканское учение стало распространяться из этих центров по округе посредством религиозной агитации среди православного населения деревень и хуторов: Нижний Гумбет (ныне Октябрьского района), Подгородняя Покровка, Степановский (ныне Оренбургского района), Покровка (ныне Красногвардейского района), Донецкое (ныне Переволоцкого района) и др. В 1890–1893 гг. молоканские переселенцы из Таврической губернии обосновались на участке, где возникли сёла Астрахановка, Благодарное и Романовка (ныне Тюльганского района). В результате молокане относительно компактно сосредоточились на севере Оренбургского уезда, в основном в пределах современных Шарлыкского, Октябрьского, Оренбургского и Тюльганского районов. С конца XIX в. их численность в регионе стала сокращаться за счёт массового перехода молокан в близкое учение баптизма, развернувшего здесь свою пропаганду.

Примечания:

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 173. Оп. 1. Д. 973. Л. 10–10 об.
2. ГАОО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 1332. Б. п.
3. ГАОО. Ф. 173. Оп. 1. Д. 7922. Л. 13–14.
4. ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10510. Л. 25–25 об.
5. ГАОО. Ф. 55. Оп. 4. Д. 63. Л. 2–78; Ф. 173. Оп. 4. Д. 8161. Л. 1–13; Григорьев Н. О молоканстве и молоканах // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1906. – 15 августа. – № 15–16. – С. 471–478; 1 сентября. – № 17. – С. 495–502; № 18. – С. 522.
6. ГАОО. Ф. 10. Оп. 8. Д. 41. Л. 1–54.
7. ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 8488. Л. 1–29 об.
8. Семёнов И. Я. История закавказских молокан и духоборов. – Ереван: Авторское издание, 2001. – С. 43.

9. ГАОО. Ф. 173. Оп. 4. Д. 8441. Л. 1–145 об.
10. Отчёт о деятельности Оренбургского Михайло-Архангельского Братства за четырнадцатый год его существования (с 8 ноября 1899 г. по 8 ноября 1900 г.). – Оренбург: Типография Оренбургской Духовной Консistorии, 1901. – С. 45–50.
11. Обращение в православие молоканского наставника // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1900. – 1 ноября. – № 21. – С. 791–795.
12. ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1179. Л. 129–131.
13. ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10580. Л. 45.
14. ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1179. Л. 131 об. – 132.
15. ГАОО. Ф. 173. Оп. 5. Д. 10581. Л. 48.

Должикова А. В. (г. Москва)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Как известно, привлечение большого числа трудовых мигрантов, поиск эффективных форм и методов организации работы с ними, особенно в крупных регионах Российской Федерации, создание центров адаптации мигрантов по опыту Оренбурга, Санкт-Петербурга, Тамбова является в настоящее время приоритетными направлениями в реализации миграционной политики страны.

В целом тема миграции в российском обществе довольно сложна и актуальна, существуют до сих пор различные взгляды на проблемы миграции – от либеральных до консервативных.

Особая роль, как известно, принадлежит миграционному законодательству, которое должно быть понятным, отвечать в первую очередь интересам российского общества и обязательно быть исполнимым. А для этого необходимо и дальше его совершенствовать, обсуждать с участием представителей гражданского общества. В концепции миграционной политики есть такой пункт: взаимодействие гражданского общества с общественными организациями и законодательными органами власти. В этой связи необходимо отметить, что Федеральная миграционная служба прислушивается, как известно, к мнению общественности, вносит поправки, изменения и, в итоге, появляются те результаты, которые мы все видим.

На наш взгляд первостепенными задачами совершенствования законодательного регулирования миграционных процессов являются: разработка миграционного кодекса Российской Федерации, создание единого документа иностранного гражданина, содержащего био-

метрические данные, введение уголовной ответственности для работодателей, использующих труд нелегалов, создание единой базы вакансий и т.д.

Большинство экспертов, занимающихся вопросами международной миграции населения считают, что другой основной проблемой, существующей у иммигрантов практически в любой стране мира, является языковой барьер, существенно усложняющий общение с местным населением. Российская Федерация не является исключением. Законы и правила, возникшие на постсоветском пространстве, внесли некоторые коррективы в жизнь граждан сопредельных с Россией государств, отдавая приоритет в образовательных учреждениях предметам на национальных языках с одновременным сокращением часов на изучение русского языка или полным отказом от него.

Насколько важно выходцам из республик Средней Азии и Кавказа знать русский язык говорить не приходится - очень важно и необходимо. В этой связи совершенно справедливо, что в последнее время требования к мигрантам относительно русского языка существенно возросли. Достаточно вспомнить об изменениях, внесенных 1 декабря 2012 года в Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», которые касаются преимущественно иностранных работников. Педагоги, работающие в сфере образования далеко не первый год, обращают особое внимание на слабый уровень знаний мигрантами русского языка. Конечно, речь идет только о той категории, которая сдает тестовые задания по русскому языку.

Но и здесь есть своя проблема, которая, в частности, состоит в том, что большинство иностранных граждан, которым предстоит сдача экзаменов по русскому языку, не проявляет особого желания в его изучении. Многие будущие работники и граждане России приходят с чувством пройти эти курсы «как-нибудь». Ключевой вопрос мотивации состоит в том, а насколько нужен русский язык для мигрантов? Если ответ отрицательный, то заставить иностранца изучать русский язык очень сложно. И речь здесь должна идти о том, чтобы заинтересованные лица и организации выработали необходимый комплекс мер, так как ограничиваться только подготовкой к экзамену нельзя. Эту задачу в настоящее время решает Российский университет дружбы народов.

Кроме этого для трудовых мигрантов с 2015 года планируется ввести обязательный экзамен по русскому языку, истории России и ос-

новам законодательства Российской Федерации. В этой связи некоторые работники миграционной службы высказывают осторожное мнение о том, что эти нововведения могут стать неким препятствием на пути к достижению мигрантами своей цели. В этой связи необходимо подчеркнуть, что подготовка образовательных курсов и проведение тестовых заданий не только по знанию языка, а по целому ряду дисциплин считаются нормой во всем мире. В частности, будущий гражданин Дании в ходе специального тестирования, помимо владения датским языком, должен показать знание законов, истории страны, традиционных устоев и ценностей датского общества, а соискатель французского гражданства, например, помимо языковых знаний должен пройти тест, состоящий из вопросов о культуре, истории и географии Франции.

Российский университет дружбы народов, в тесном сотрудничестве с ведущими российскими вузами, является одним из разработчиков системы лингводидактического тестирования. Создана серьезная научно-методическая база и организовано проведение тестирования в стране и в мире. Прежде всего, обращено особое внимание на улучшение качества подготовки большинства претендентов на трудоустройство или получение российского гражданства. Однако еще много предстоит сделать по совершенствованию этой важной работы с учетом того, что немалая часть тестируемых показывает относительно слабые знания русского языка, а в некоторых случаях старается использовать разного рода ухищрения. В частности, не так уж редки случаи, когда одни граждане СНГ просят других сдать за них тесты по русскому языку и т.д.

В этом отношении необходимо подчеркнуть, что Российский университет дружбы народов создавался как высшее учебное заведение, предназначенное для подготовки студентов, прибывающих из стран Азии, Африки и Латинской Америки. Вот почему изначально особое внимание в Университете уделялось методике работы с иностранцами, их обучению русскому языку, преподаванию гуманитарных наук. За время своего динамичного развития (а в следующем 2015 г. Университет будет отмечать свое 55-летие) преподавательский корпус создал уникальные методики подготовки иностранцев (Например, наши методисты первыми обучали русскому языку иностранных космонавтов). Естественно, что накопленный багаж знаний будет эффективно и плодотворно использоваться и при работе с мигрантами.

Кроме того, полувековой опыт Университета в создании атмосферы межнационального общения и межкультурного сотрудничества также будет использоваться при работе с мигрантами.

При этом мы хорошо понимаем, что только через историю, благодаря изучению основных событий прошлого нашей страны иностранцы могут ознакомиться с культурой и традициями русского народа, без чего немислимо их культурное и социальное взаимодействие, приобщение к российским реалиям, а в итоге, - невозможна хотя бы минимальная адаптация к работе и к жизни в условиях России. Кроме того, курс истории призван сформировать уважение к прошлому и настоящему русского народа, его самоотверженности и героизму, культуре и обычаям, что создает духовные предпосылки для культурной ассимиляции хотя бы для наиболее активной и профессионально подготовленной части мигрантов.

Спожакина А.И. (Оренбург)

КОНФЛИКТОГЕННЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В СМИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА МАССОВУЮ АУДИТОРИЮ (НА ПРИМЕРЕ ОБЛАСТНОЙ ПРЕССЫ ОРЕНБУРЖЬЯ)

На территории многонационального Оренбуржья в вопросе регулирования мирного сосуществования разных народов ключевым моментом становится грамотно выстроенная информационная политика региона. Средствами массовой информации организуется пространство, которое формирует общественное мнение и влияет не только на мироощущения граждан, но и на их волеизъявление. Журналистский текст способен оказать глубокое влияние на мировоззренческие основы и ценностные ориентации аудитории, на самосознание людей, их идеалы и стремления, включая мотивацию поведенческих актов¹. Таким образом, журналистика выполняет одну из своих важнейших функций – идеологическую, социально - ориентирующую.

Материал, опубликованный на страницах газеты, часто является так называемым рупором к действию, инструкцией. Особенно это касается молодой аудитории, у которых гражданская позиция или мнение на тот или иной вопрос еще не сформировался. Но разные изда-

ния в зависимости от информационной политики имеют диаметрально противоположные точки зрения на одни и те же вопросы. Примером может послужить информационные конфликты, развернувшиеся в СМИ России и Украины как реакция на государственный переворот последней. Кроме этого аспекта формирования этнической информации, существует также неосознанное журналистом проявление «риторики ненависти». Одной из причин этого явления становится этническая принадлежность пишущего субъекта-личности. Она образуется на основе противопоставления понятий «свой - чужой», «я - он», «мы - они», «наши - другие».

В этом свете особенно актуальной становится процесс влияния этнических стереотипов и других конфликтогенных аспектов этнической информации СМИ на взаимоотношения разных народов Оренбуржья, как региона, в котором проживают представители 126 национальностей (по данным последней переписи населения России).

С помощью этнической информации о жизни, национальном характере или традициях народов формируется так называемый «язык вражды» (hate speech). Исследователь Дзялошинский И.М. понимает под этим термином «всю совокупность текстов (а также заголовков, фотографий и иных элементов) СМИ, прямо или косвенно способствующих возбуждению национальной или религиозной вражды или хотя бы неприязни»². Исследователь Верховский А. М. выделяет три степени проявления «языка вражды»: «мягкая», «средняя», «жесткая»³. Негативная настроенность варьируется от утверждений о неполноценности той или иной этнической группы, утверждений о моральных недостатках («жадные евреи», «ленивые русские», «медлительные финны», «тупые американцы») до завуалированных и открыто проявленных призывов к насилию и дискриминации.

Итак, толерантная и интолерантная информация в журналистских текстах передается в массовое сознание через следующие структурные элементы:

- специально отобранные факты из жизни представителей разных этносов и целых этнических групп;
- через этнические стереотипы;
- с помощью этнических идей или идеологем;
- через этнические мифы;
- с помощью этнических лексем;
- через иллюстрации с этнической окраской⁴.

В своем исследовании мы не включали в выборку национальную прессу, так как ее аудитория специфична (читают национальную прессу преимущественно представители оренбургских диаспор), а позиция ангажирована той нацией, которую газета представляет. А значит, позиция освещения национальных особенностей определенного народа предсказуема. Научный интерес представляют общественно-политические издания области, которые имеют наибольший охват аудитории. Исследовательской базой послужили номера двух областных газет Оренбургской области «Южный Урал» и «Оренбуржье» за январь - май 2014 года. Также проведен подробный контент – анализ материалов (по методу исследователя Мальковой В.А.) на предмет толерантной информации в номерах за март 2014 года («Южный Урал» - 7 номеров, «Оренбуржье» - 6 номеров).

Следует отметить, что период нашего исследования совпал с присоединением Крыма к России и разворачивающимися на этом фоне событиями. Следовательно, материалы, посвященные межэтническому взаимодействию за тот период исследования, написаны преимущественно об украинцах и Украине. В то время как еще год назад оренбургские журналисты писали тексты преимущественно о взаимоотношениях между коренным населением региона и трудовыми мигрантами из Средней Азии.

Для освещения темы межнациональных отношений общественно – политические издания используют специальные рубрики: «Национальная тема», «Иностранцы в России», «Украинские мотивы», «Содружество», «Межнациональные отношения», «Соседи», «Этнорадуга», «Земляки» и др. Анализируя материалы, опубликованные в 2014 году, мы пришли к выводу, что в общих чертах оренбургские журналисты неосознанно или наоборот специально все-таки употребляют этнические лексемы, стереотипы и идеологемы, которые могут как смягчить напряженную обстановку между народами, так и наоборот обострить нейтральную или дружественную.

1. Этнические лексемы – это слова и выражения намеренно или ненамеренно привязанные автором к определенной этнической группе:

а) употребление толерантных слов и выражений: *дружба, патриотизм, точки соприкосновения, соотечественники, земляки, русское братство, родина, национальная гордость, общая культура, совместное общежитие, наши братья и сестры, большая семья, диалог, мир, народная солидарность, наше единение, народный.*

Это наиболее простой способ выразить толерантную информацию в журналистском тексте, в оренбургских изданиях встречается чаще всего. Сами лексемы не выражают яркой эмоциональной окраски и оценки автора. Но их употребление вызвано стремлением отметить добрососедские отношения, найти точки соприкосновения, но ни в коем случае не вызвать конфликт или обнажить разъединенность, это способ преподнести нейтральную информацию. Хотя в контексте они использовались и для выражения положительного опыта взаимоотношений. Следующий пункт наоборот призван обозначить проблемные моменты в соприкосновении разных народов.

б) лексемы, обозначающие отклонения от норм межэтнических отношений: *шовинизм, национализм, русофоб, фашисты - бандеровцы, коричневая чума, «братоубийство», «западенские», москаль, нацистские лозунги, фашизм, обмайданенные националисты – западники.*

Негативная информация передается оренбургскими журналистами с помощью этого вида лексем как констатация акта, либо выражена осуждающая позиция по отношению источнику интолерантных настроений, в данном случае речь журналисты ведут о взаимоотношениях россиян и националистов в Украине.

в) бесспорно интолерантные или конфликтные лексемы: *внуки фашистов, нетрезвомыслящие американцы, ироды, недруги России, язык ненавистной России, западные инструкторы, агрессивность нацистов, происки Запада, угрозы Запада.*

Интолерантные лексемы не идут на пользу межнациональному диалогу и способствуют конфликтам на национальной почве. Такие лексемы хоть и редко встречаются на страницах оренбургской прессы, в то же время они формируют у аудитории негативную позицию. В комплексе с основным посылом автора могут выработать отрицательную оценку действий того или иного народа. Однако в проанализированных материалах оренбургских журналистов отрицательная позиция в основном направлена не на какой-либо народ или этническую группу, а политику государства.

г) нейтральные лексемы: *татарский язык, американский детектив, русская пословица, европейские стандарты, цыганские мотивы, восточные соседи.*

Нейтральные лексемы эмоционально не окрашены, не дают какую-либо оценку, а отражают принадлежность традиций, быта, артефактов и т.п. к определенной этнической группе.

**Этнические лексемы в газетах «Южный Урал», «Оренбуржье»
в номерах за март 2014 года**

Лексемы	«Южный Урал»	«Оренбуржье»
Толерантные	15	18
Интолерантные	9	3
Нейтральные	5	8
Отклонения от норм	6	9

2. Этнические стереотипы – это упрощенные образы этнических групп, характеризующиеся высокой степенью согласованности индивидуальных представлений⁵.

Этнические стереотипы в изученных материалах отсутствуют. Возможно, это связано с тем, что преимущественно посвящены они межнациональным отношениям русских и украинцев, то есть родственным народам. А так как стереотипизация возникает на основе индивидуального мышления журналиста, опубликовать сложившийся стереотип о народе, имеющего общие исторические корни с авторами, все равно что опубликовать его про себя. В проанализированных текстах мы встречаем развенчания стереотипов про русских в двух материалах («Южный Урал» №17, №21), которые не относятся к освещению украинской темы:

- *Складывается впечатление, словно только американцы, были такие хорошие, а остальные - плохими;*

- *В фильме везде русские плохие, и американцы смеются над ними, по сути дела унижают главных победителей;*

- *Русские в большинстве своем открыты и доброжелательны.*

3. Идеологема – один из элементов идеологии как совокупности взглядов и представлений, из которых складывается самосознание народа⁶.

а) интегрирующие и консолидирующие идеологемы: *народ, попавший в беду, чувствует, с кем ему нужно стремиться к воссоединению; Россия и Украина – страны-сестры; спасайте родную мать свою (об Украине); наши страны неделимы (об Украине и России); земля предков; братский народ; единство славянского мира; украинцы чувствуют – Россия их не бросит; мы свяаны кровными узами и единой историей; протянуть руку помощи братскому народу Украины; в родную гавань, к родным берегам (о воссоединении Крыма и Украины).*

Основное содержание консолидирующих идеологем сводятся к тезисам «мы – многонациональный народ одной страны»; «наши народы имеют общие корни»; «мы едины и не бросим друг друга в беде».

б) идеологемы – прогнозы, предупреждения, запугивания и угроз (тезисы «они нам угрожают – мы их не боимся»; «мы вас предупреждаем – делайте выводы»; «они хотят уничтожить нас как этнос»): *в многонациональном государстве культивируемый властью национализм - это боевая граната с уже выдернутой чекой* (Шермецинский С. Обмайданили//«Оренбуржье» № 33-34); *единственный вывод, который сделали американцы – это жар лучше загрести чужими руками. Отсюда «цветные революции»* (В. Никитин. Возвращение Крыма//«Южный Урал» № 21); *Украина в конце концов одумается, освободится от нынешнего разгула бандитизма от неприятия иного мнения* (В. Якушева. Каковы наши выгоды и потери от воссоединения с Крымом? «Южный Урал» № 22).

в) идеологемы этнического обособления или разделения (тезисы «мы можем сами», «мы лучшие», «вы так не сможете»): *какие они благородные! И все это они о себе сами!* (об американцах) (М. Жилкайдарова. Платим за собственное унижение//«Южный Урал» № 21); *наш народ пролил немало пота и крови, чтобы отвоевать и освоить эту территорию* (В. Никитин. Возвращение Крыма//«Южный Урал» № 21).

Этнические идеологемы в газетах «Южный Урал», «Оренбуржье» в номерах за март 2014 года

Идеологемы	«Южный Урал»	«Оренбуржье»
Интегрирующие	13	6
Прогнозы и предупреждения	2	1
Обособление и отделение	2	0

Анализируя материалы, опубликованные в 2014 году, мы пришли к выводу, что оренбургские журналисты не стремятся разговаривать с читателям на «языке вражды», однако если структурные элементы этнической информации все же встречаются, то степень напряженности можно обозначить как «мягкую» (по классификации Верховского А.М.). Часто грань между этнической информацией и политической стирается, однако доводы журналистов основываются на доказа-

тельной базе: исторических справках и документах. Это может быть вызвано высоким профессионализмом журналистов, пишущих на межэтнические темы, а также некоторой ангажированностью, то есть позицией учредителя (Правительство Оренбургской области), который диктует общегосударственную толерантную политику в этих вопросах. Однако различия между двумя изданиями все же наблюдаются. «Оренбуржье» придерживается более умеренного освещения межнациональной темы, журналисты этой газеты избегают радикальных высказываний и не противопоставляют народы России другим народам. Национальная позиция издания носит больше информационный, просветительский характер, чем оппозиционный. «Южный Урал» настроен более радикально, в некоторых материалах четко прослеживается позиция «мы братья, а он чужой». То есть авторы не возвеличивают свой народ над другими, но некоторое противостояние все-таки есть. Однако авторы больше основываются не национальном противостоянии, а политическом, аргументируя свою позицию. Несмотря на то, что информация о многонациональности Оренбургской области в «Южном Урале» представлена скуднее, чем в «Оренбуржье», у издания прослеживается четкая позиция противопоставления «Россия - Запад», «русские - американцы». Многонациональные народы Оренбуржья представлены как один народ, объединенный общей историей Советского Союза по типу «все мы россияне». Таким образом, национальная позиция издания основывается на взывании к исторической памяти наций, их корней, многообразных особенностей.

Примечания:

¹ Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики. – М: Издательство РИП-холдинг, 2000.

² Дзялошинский И. М. Образы вражды в российских СМИ: социальные, культурные, профессиональные факторы // Российские СМИ: как создается образ врага. Статьи разных лет. – М.: Московское бюро по правам человека, «Academia», 2007. – С.168

³ Панюшкин В. Язык вражды// «Ведомости» от 16.02.2007 г.

⁴ Малькова В. К. Не допускается разжигания межнациональной розни...Книга об этнической журналистике. Из опыта анализа российской прессы. – М.: Академия, 2005. – С. 43 – 87.

⁵ Блохин И.Н. Журналистика в этнокультурном взаимодействии. – С-Пб, 2013. – с. 139.

⁶ Евразийская мудрость от А до Я. Толковый словарь. – Алматы: Создік-Словарь. - В.И. Зорин. 2002.

**СЕКЦИЯ 1
РУССКИЙ И ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ТЕКСТ
КАК ДУХОВНЫЙ ФЕНОМЕН**

Устюгова Л. М. (г. Ужгород, Украина)

ДЕЕПРИЧАСТΙΑ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ XIX ВЕКА

1. Несмотря на то что начиная с М. Ломоносова большинство известных лингвистов в той или иной степени затрагивали проблемы становления и функционирования деепричастий как самостоятельной морфолого-синтаксической категории, в русской грамматике до сих пор не преодолено 'усреднённое' представление о деепричастиях, отражённое в канонических описаниях [Норман 2014: 19]. Между тем, деепричастия относятся к тем сравнительно немногим грамматическим категориям, структура и функционирование которых имеют принципиальные различия в литературном и разговорном языке. Более того, в литературном языке они попадают в число признаков, хорошо различающих разные стили [Норман 2014: 19]. Изучение деепричастий в тексте показывает, что их семантические особенности выходят за пределы 'усреднённого' представления об этой грамматической категории. Следовательно, переключение современной лингвистики на исследование дискурса и текста, т.е. языковых единиц, превосходящих по своему размеру традиционно выделяемые [Кибрик 2009: 3], может расширить наши представления о таких гибридных грамматических категориях, как деепричастие. Цель данной статьи – показать некоторые особенности структуры и функционирования деепричастий в художественных текстах XIX в. Выбор именно этого периода предопределён прежде всего тем, что он справедливо считается золотым веком русской литературы. С точки зрения исследуемой нами проблематики XIX в. интересен как время укрепления тех морфолого-синтаксических особенностей деепричастий, которые отграничивали их от причастий, чему способствовали утрата дублетных форм, перераспределение функций между различными типами указанных деепричастивов, а также широкое распространение их в книжной речи [Очерки 1964: 179].

2.1. Проанализировав художественную прозу нескольких ведущих писателей XIX в. (А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, М. Салтыкова-Щедрина, И. Тургенева, И. Гончарова, Ф. Достоевско-

СЕКЦИЯ 1.

РУССКИЙ И ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ТЕКСТ КАК ДУХОВНЫЙ ФЕНОМЕН

го и А. Чехова)¹, мы обратили внимание прежде всего на лексическое разнообразие деепричастий, представленных в их сочинениях: средняя частотность использования анализируемых словоформ колеблется в пределах 1,3 – 1,5. Только в прозе А. Чехова 1985-1903 гг. словоформы деепричастий употребляются несколько чаще, чем у других известных авторов, – в среднем 2,2 раза. За пределы средней частотности у каждого автора выходят только отдельные лексемы. Так, у А. Чехова 10 и более раз встречаются деепричастия *держа, желая, слушая, уходя; боясь, возвращаясь, обращаясь, улыбаясь; подумав, узнав, увидев; придя, садясь* и др. Деепричастие *сидя* зафиксировано 23 раза, а *глядя* – 80. Однако каждая четвёртая словоформа (342 примера) представлена только одним случаем своего употребления: *беря, бледнея, воздевая, всхлипывая, доходя, жуя, издавая, изумляя, картавя, капризная, кладя, кушая, м`оя, наводя* и др. В этой связи уместо вспомнить следующую рекомендацию А. Чехова молодому писателю А. Пешкову (М. Горькому): «Ещё совет: читая корректуру, **вычёркивайте**, где можно, **определения существительных и глаголов**. У Вас так много определений, что вниманию читателя трудно разобраться, и оно утомляется» (выделено нами – Л.У.) [Чехов 1980: 258-259].

2.2. Результаты проведённого нами количественного анализа свидетельствуют не только о лексическом разнообразии деепричастий, но также и об окончательном преодолении норм «Российской грамматики» М. Ломоносова, устанавливающей жёсткие стилистические рамки и для формантов деепричастий, и для мотивирующих глаголов [Ломоносов 1952: 499]. Это подтверждают и результаты количественного анализа структуры деепричастий в текстах [см. 2, 3, 5, 8, 12, 13-14, 15-16, 23], представленные в таблице 1:

Таблица 1. Структура деепричастий в художественной прозе XIX века

Суффиксы Кол-ство	Несовершенный вид		Совершенный вид				
	-а /-я	-учи/ -ючи	Всего:	-в	-вши	-а /-я	Всего:
А. Пушкин	188	6	195/62%	83/70%	–	35	118/38%
М. Лермонтов	386	4	392/57%	216/84%	10/4%	64	290/43%
Н. Гоголь	185	2	187/44%	79/34%	127/54%	28	234/56%
И. Тургенев	294	3	297/61%	165/85%	19/10%	9	193/39%

И. Гончаров	314	4	318/60%	183/85%	8/4%	23	214/40%
Ф. Достоевский	685	5	693/62%	387/90%	2	39	428/38%
М. С.-Щедрин	497	30	527/66%	126/47%	114/43%	27	267/34%
А. Чехов	423	2	425/72%	87/54%	20/12%	54	161/28%

2.2.1. Таблица 1 показывает, что в подгруппе деепричастий несовершенного вида (НСВ) нормативным является формант *-а/-я*, в то время как суф. *-учи/-ючи*, широко распространённый в живой разговорной речи, представлен небольшим количеством примеров – от 2-х до 6-ти. Только в сочинениях М. С.-Щедрина имеется 30 словоформ с указанным формантом, причём 26 из них зафиксированы в романе «Пошехонская старина». Например: *Сестра могла только слегка подсурмить брови и, едучи в церковь, усерднее обыкновенного нащипывала себе щеки 14-148²; И купец, видючи его слезы, тоже заплакал 14-181; Пускай он [Серёжа], хоть не понимаючи, скажет: «Ах, папаша! как бы мне хотелось быть прокурором, как дядя Коля!» 14-60; Словом сказать, устроили дело так, чтоб и душа покойной, глядячи с небеси, радовалась, да и перед людьми было не стыдно... 14-73; и др. Как правило, употребление словоформ с суф. *-учи/-ючи* имеет определённую стилистическую мотивировку. Чаще всего они встречаются в прямой речи. Ср.: *...старая женщина <...> вошла припевая и приплясывая... – Каково поживаешь? – Подобру-поздорову, кум: поючи да пляшучи, женишков поджидаючи 12-196* (в авторском тексте даны деепричастия с формантом *-а/-я*, а в речи карлицы – с суф. *-учи/-ючи*); – *Восемьдесят душ – это восемьдесят хрёбтов-с! – говорил он [Савельцев], – ежели их умеючи нагайкой пошевелить, так тут только огребай! 14-82; – Да так матушка, умираючи, говорила... 14-106 [слова Федоса]; и др.**

Единичные примеры деепричастий НСВ с формантом *-в (быв, слыхав)* зафиксированы всего у нескольких писателей – А. Пушкина, М. Лермонтова, М. С.-Щедрина, а с суф. *-вши* – только в прозе А. Чехова: *не евши, лежавши, не пивши, не спавши*.

2.2.2. В подгруппе деепричастий совершенного вида (СВ) ведущим является формант *-в*, однако в прозе Гоголя 54% анализируемых словоформ имеют суф. *-вши (подложивши, нагнувши, отдохнувши, взявши)*, что, на наш взгляд, в известной степени обусловлено омонимией русского деепричастного суффикса *-в* и украинского суффикса прошедшего времени муж. рода (*сіяв, погрожував, сидів*). Ср.: – *Надо другой обед приготовить, – решил (укр. вирішив) он по-*

молчав (укр. *помовчавши*) 3-443. Кроме того, в поэме Н. Гоголя «Мёртвые души» представлено значительно больше, чем у других авторов, вариантных образований со следующими суффиксами: 1) *-в / -вши* (*заметив / заметивши, накрыв / накрывши*); 2) *-в / -а* (*завидев / завидя*); 3) *-вши / -а* (*наклонивши / наклоня*); 4) *-в / -вши / -а* (*увидев / увидевши / увидя, услышав / услышавши / услыша*). Отсутствие деепричастий на *-вши* в художественной прозе А. Пушкина и незначительное их количество в 3-х романах М. Лермонтова даёт основание предполагать, что вариантность формантов деепричастий СВ в поэме Н. Гоголя предопределена двуязычием писателя, выросшего в украинской языковой среде.

Деепричастия с формантом *-вши* достаточно часто (43%) использует и М. Салтыков-Щедрин (*взявши, выпивши, вспугнувши, застегнувши, выслушавши, вступивши, скрестивши, увидевши* и др.), причём в романе «Господа Головлёвы» их меньше (34%), чем в последнем романе «Пошехонская старина» (49%). В обоих романах эти деепричастия отличаются лексическим разнообразием: частотность употребления словоформ равна 1,2. Основная масса образований на *-вши* зафиксирована в повествовании: *Выпивши чай, дети скрываются в классную и садятся за ученье 14-39; Сделавши это распоряджение, Анна Павловна возвращается восвояси, в надежде хоть на короткое время юркнуть в пуховики...14-45; Тут же, на ларе, поджавши ноги, присела Анна Павловна и беседует с старостой Федотом 14-47; Но Федос, сделавши экскурсию, засиживался дома, и досада проходила 14-110; Дедушка, выполнивши обряд послеобеденного целованья, отправляется в свою комнату и укладывается на отдых 14-133; Выговоривши эту тираду, дедушка шумно нюхает табак и вздыхает 14-139; ...первую остановку делают в Больших Мытищах, отъехавши едва пятнадцать верст от Москвы 14-149; Александра Гавриловна мечтает, что, получивши деньги, она на пятьсот рублей закажет у Сихлерши два платья 14-238; Калерия Степановна, в свою очередь, почувявши в Бурмакине жениха, старалась вывести Милочку из оцепенения 14-270; и др.*

Только единичные деепричастия с формантом *-вши* представлены в прямой речи: – *И куда они запропастились!* – роптала матушка. – *...Целую прорву деньжищ зря разбросали, лошадей, ездивши по магазинам, измучили, и хоть бы те один!* 14-147; – *А там... не доходя, прошедши*, – шутит он [Ванька-Каин] в ответ 14-188; – *«Не доходя прошедши»*, – подсказала одна из девушек 14-189; *Сидите,*

мол, **склавиши ручки**, сам бог так велел! Вот я тебя... погоди! 14-178; – Ну, зима нынче. Того гляди, всех людей **поморозят, ездивши по го-стям** 14-146;. Единственное отличие от других структурных типов деепричастий состоит в том, что образования на *-вши* в большинстве случаев употребляются в начале предложения: **Поболтавши еще минут пять**, Обряцин откланивается 14-144; **...отобедавши все ложились спать...** 14-145; **Припомнивши эту угрозу**, она [матушка] **опускает глаза и старается не смотреть на дядю** 14-155; и др.

3. Функционально-стилистические особенности деепричастий пре-допределяются не только структурой отдельных словоформ, но и ха-рактером их включения в предложение. С этой точки зрения важно учитывать наличие / отсутствие у деепричастия зависимых слов. По-давляющее большинство деепричастий, зафиксированных в художе-ственной прозе указанных авторов, имеют зависимые слова, причём от деепричастия могут зависеть не только отдельные слова и словосо-четания, но и целые предложения. Ср.: **Схоронив отца и поручив той же неизменной Глафире Петровне заведывание хозяйством и надзор за приказчиками**, молодой Лаврецкий **отправился в Мос-кву...** 16-219 (в предложении 2 деепричастных оборота, причём 2-й обо-рот является достаточно распространённой структурой); **Заметив из распросов Лаврецкого, какое впечатление произвела на него Вар-вара Павловна, он сам предложил ему познакомить его с нею, при-бавив, что он у них как свой, что генерал человек совсем не гордый...** 16-221 (к деепричастиям относятся 3 придаточных изъяснительных – одно с союзным словом *какие* и два однородных с союзом *что*); **Она [Пшеницына] как будто вдруг перешла в другую веру и стала испо-ведовать ее, не рассуждая, что это за вера, какие догматы в ней, а слепо повинясь ее законам** 3-391 (к деепричастию *не рассуждая* относится два придаточных изъяснительных, присоединяемых союзом *что* и союзным словом *какие*); и др.

Деепричастия без зависимых слов, как правило, встречаются реже, чем деепричастные обороты, например: **...она не могла вынести доле, вскочила и рыдая упала к его ногам** 6-60; **Не желая обидеть его, Чи-чиков взял за нос, сказавши: «Хорошее чутьё»** 2-97; **...он [отец Лизы] не скупись давал деньги на учителей, гувернеров, на одежду и про-чие нужды детей...** 16-276; **Уезжая, в господском доме приказывали заколотить оба крыльца, закрыть ставни...** 16-141; и др.

4. Деепричастные обороты, а зачастую и одиночные деепричастия, входят в разряд обособленных членов предложения, которые, по мне-

нию В.И. Фурашова, занимают промежуточное положение между соответствующими необособленными и предикативными частями сложного предложения [Фурашов 1993: 303]. Ср. следующие трансформации: «*Вот я и дома, вот я и вернулся*», – **подумал Лаврецкий, входя в крошечную переднюю... 16-235** > «*Вот я и дома, вот я и вернулся*», – **подумал Лаврецкий, когда входил в крошечную переднюю / «Вот я и дома, вот я и вернулся», – подумал Лаврецкий у входа в крошечную переднюю**. Преобразование деепричастного оборота в придаточное предложение заметных смысловых потерь не вызывает, в то время как замена этого оборота необособленным обстоятельством приводит к некоторому сокращению смысловой структуры предложения. Характерной особенностью обособленных членов предложения считается присущая им **полупредикативность**, т.е. сопутствующая предикативность, существующая в предложении только на фоне его предикативной основы. В полупредикативных структурах тоже имеются категории модальности, времени и лица, но в несколько изменённом виде [Фурашов 1993: 303-305]. Так, синтаксическое время в полупредикативных структурах квалифицируется как относительное, поскольку точкой отсчёта для него является не момент речи, а временн`ой план предикативной основы. Ср.: – *Сергей Петрович Гедеоновский!* – **пропищал краснощекий казачок, выскочив из-за двери 16-191** (деепричастный оборот выражает временн`ое значение предшествования: сначала *выскочил*, а потом *пропищал*); – *Как не быть-с, как не быть-с,* – **возразил гость, медленно моргая и вытягивая губы 16-192** (деепричастные обороты выражают значение одновременности: *медленно моргая* и *вытягивая губы* находятся в одинаковом временн`ом плане со сказуемым *возразил*).

Через модальность предикативной основы проявляется и сопутствующая модальность. Ср.: «*Говорят,* – **прибавил Лаврецкий, помолчав немного,** – **Владимир Николаич написал очень милый романс 16-253**». Модальное слово *говорят* придаёт речи говорящего значение ирреальности, предположительности (**Говорят, Владимир Николаич написал очень милый романс**), в то время как в словах автора и предикативная основа, и деепричастный оборот имеют значение реальности. В прозе проанализированных авторов деепричастные обороты, как правило, имеют реальную модальность: *Поздно вечером вернулся Лаврецкий домой и долго сидел, не раздеваясь и закрыв глаза рукою, в оцепенении очарования 16-223*. Однако в тех случаях, когда деепричастные обороты вводятся семантическими союзами, они мо-

гут иметь оттенок ирреального значения, в большей (1-й пример) или меньшей (2-й пример) степени накладывающийся на общее модальное значение предложение: *Он закрыл глаза, как бы собираясь заснуть* 16-242; – *Я знаю, – продолжала Лиза, как будто не раслушав его, – она перед вами виновата, я не хочу ее оправдывать...* 16-245.

Сопутствующая персональность отражает связь с отправителем речи, говорящим лицом. Например: *...Антон становился у двери, заложив назад руки, и начинал свои неторопливые рассказы о стародавних временах...* 16-239; *Выходя из кабинета, Лаврецкий положил в карман вчерашний номер газеты* 16-235; и др. Для деепричастий сопутствующая персональность проявляется прежде всего в совпадении их субъекта действия с субъектом действия предикативной основы. На необходимость этого совпадения указывал ещё М.В. Ломоносов.

Таким образом, предложения с деепричастными оборотами являются достаточно сложными структурами, в которых на основную предикативность наслаивается полупредикативность. При наличии однородных деепричастий или /и деепричастных оборотов сложность этой структуры возрастает.

5. При определении модальных оттенков в значении деепричастных оборотов возникает необходимость в разграничении предикативной и обстоятельственной функций деепричастий. В этой связи весьма показательным является такой признак, как наличие других обстоятельств при глаголе-сказуемом. Ср.: *...то были седенький старичок, богомолец, из «простых», и один монашек..., сидевший чинно и потупив очи* 5-329; *Захар принес старую скатерть <...> потом осторожно, прикусив язык, принес прибор с графином водки, положил хлеб и ушел* 3-436; *Штольц слушал внимательно, наострив уши* 3-449; и др. Во всех приведённых примерах значение деепричастных оборотов как обстоятельств образа действия усиливается наречиями с таким же значением.

6. Употребление деепричастий как признаков слов в художественном тексте подчинено определённым эстетическим задачам. Анализируя стилистические функции деепричастий, мы установили, что эти словоформы чаще всего встречаются в таких функционально-стилистических типах речи, как повествование и прямая речь. Количественное соотношение диалога и других форм повествования, по справедливому замечанию М. В. Грудиной, предопределяет композици-

онно-речевую структуру художественного текста [Грудина 2009]. А. Г. Цейтлин установил следующее процентное соотношение диалога и других функционально-стилистических типов речи в романах И. Тургенева: в «Рудине» диалог составляет около 73% всего текста, в «Дворянском гнезде» – 43%, в «Накануне» – 58%, в «Отцах и детях» – 71%. (Цит. по: [Иссова 1999]). Как видим, наименьшее количество диалогов характерно для романа «Дворянское гнездо». Исследовав распределение деепричастий по функционально-стилистическим типам речи в этом романе, мы получили такие результаты:

Таблица 2. Распределение деепричастий по функционально-стилистическим типам речи в романе И. Тургенева «Дворянское гнездо»

Типы речи	Повествование		Прямая речь			
			Слова говорящего		Слова автора	
Суффиксы	НСВ	СВ	НСВ	СВ	НСВ	СВ
Невозвратные деепричастия						
<i>-а /-я</i>	143	4	2	1	30	3
<i>-ючи / -ючи</i>	1	—	—	—	—	—
<i>-в</i>	—	72	—	1	—	19
<i>-вши</i>	—	11	—	2	—	3
Возвратные деепричастия						
<i>-а /-я</i>	42	3	1	—	26	1
<i>-вши</i>	—	32	1	—	—	7
Всего:	186	122	4	4	56	33
Общий итог	308 (76%)		8		89	
			97 (24%)			

Таблица 2 показывает, что в романе «Дворянское гнездо» деепричастия заметно преобладают в повествовании (76%), в то время как в прямой речи они составляют 24%, почти вдвое меньше, чем общее число диалогов – 43%.

Следует отметить, что в прямой речи деепричастия представлены прежде всего в словах автора: – *Я хотел, – начал он [Лаврецкий], – передать вам одно известие, но теперь невозможно. Впрочем, прочтите вот, что отмечено карандашом в этом фельетоне, – прибавил он, подавая ей номер взятого с собою журнала 16-258/259; – Что мне сыграть вам? – спросила она [Лиза], поднимая крышку*

фортепьяно 16-265; – *Успокойтесь, тетушка, что с вами?* – **говорила** Лиза, **подавая ей стакан воды** 16-286; и т.д.

Вызывают интерес и функции деепричастий в словах автора. Так, в романе И. Тургенева «Отцы и дети» в словах автора обычно даётся описание ситуации, в которой происходит разговор или размышления героев: «*Странный человек этот лекарь!*» – **думала** она [Анна Сергеевна], **лёжа в своей великолепной постели, на кружевных подушках, под лёгким шёлковым одеялом** 15-87. Эта особенность характерна и для романа «Дворянское гнездо»: – *Что с вами?* – **промолвила** она, **ставя чайник на самовар** 16-257; – *А я доволен тем, что показал вам этот журнал,* – **говорил** Лаврецкий, **идя за нею следом...** 16-261.

В романе И. Гончарова «Обломов» деепричастия в словах автора выражают весьма широкий спектр значений: причину действия (– *Как – что ж? Я тут спину и бока протер, ворочаясь от этих хлопот* 3-174); время (– *Что такое?* – **спросил** Штольц, **посмотрев книгу** 3-175; – *Отдали кому-нибудь, да и забыли,* – **сказал** Захар, **поворачиваясь к двери** 3-174); образ действия (– *Помилуй, Илья!* – **сказал** Штольц, **обратив на Обломова изумленный взгляд** 3-176; – *Что это на тебе один чулок нитяный, а другой бумажный?* – **вдруг заметил он, показывая на ноги Обломова** 3-176; – *Тарантьев, Иван Герасимыч!* – **говорил** Штольц, **пожимая плечами** 3-178); состояние говорящего (– *В самом деле,* – **смутясь, сознался он** 3-177) и др.

Аналогичные примеры есть и в романе Достоевского «Бесы», однако деепричастия в словах автора чаще всего служат здесь для характеристики говорящего: – *Надоел я вам,* – **вскочил** вдруг Пётр Степанович, **схватывая** свою круглую, совсем новую шляпу и **как бы уходя, а между тем всё ещё оставаясь и продолжая говорить** беспрерывно, **хотя и стоя, иногда шагая** по комнате и в одушевлённых местах разговора **ударяя** себя шляпой по коленке 5-232. Суетливость Петра Верховенского, подчёркнутая 7-ю деепричастиями при одном глаголе, лучше всего раскрывает его «бесовскую» сущность.

В речи говорящего во всех проанализированных нами художественных текстах деепричастия представлены единичными примерами: – *Теодор!* – **продолжала** она [Варвара Павловна], **изредка вскидывая глазами и осторожно ломая свои удивительно красивые пальцы с розовыми лощеными ногтями.** – ...я воспользовалась расширившимся слухом о моей смерти, я покинула все; **не оставившаяся, день и ночь спешила** я сюда... но я **решилась, наконец,**

вспомнив вашу всегдашнюю доброту, ехать к вам... Поверьте, – продолжала она, тихонько поднимаясь с полу и садясь на самый край кресла, – я часто думала о смерти... 16-280; – Вы уходите? – с отчаяньем проговорила его жена, – о, это жестоко! – Не сказавши мне ни одного слова, ни одного даже упрека... Это презрение меня убивает, это ужасно! 16-281; – Вы хотите, чтоб я не спала всю ночь? – перебила она [Ольга], удерживая его за руку и сажая на стул. – Хотите уйти, не сказав, что это... было... 3-431; – Сказали хорошо; просто, не стыдясь и не рисуясь 15-168; и др.³

7. Использование деепричастий как изобразительно-выразительных средств показывает сложность их грамматической природы. Так, деепричастия могут употребляться в одном синтаксическом ряду с прилагательными и причастиями: *Он [Антип Сидельников] шёл быстро, делая широкие шаги, а та [бабка] гналась за ним, задыхаясь, едва не падая, горбатая, свирепая... 24- 220; Настроенный вечером и не желая петь перед Лаврецким, но чувствуя прилив художнических ощущений, он пустился в поэзию 16-269.* В таких предложениях связь деепричастий с глаголами-сказуемыми заметно ослабевает.

Таким образом, характер употребления деепричастий в художественных текстах показывает, что именно в тексте наиболее отчётливо проявляются те особенности данных девербативов, которые позволяют квалифицировать их как книжную категорию, принципиально отличающуюся от деепричастий в разговорной, прежде всего диалектной, речи.

Примечания:

¹ В данной статье в качестве иллюстративного материала мы используем примеры из романов И. Тургенева «Дворянское гнездо», И. Гончарова «Обломов» и М. Салтыкова-Щедрина «Пошехонская старина», поскольку исследование этих текстов ещё не отражено в наших публикациях (см. [17, 18, 19, 20, 21]).

² При паспортизации примеров из художественных текстов 1-м числом мы обозначаем позицию автора в Списке использованной литературы, а 2-м – страницу из цитируемого издания.

³ Примеры употребления в речи говорящего деепричастий с суффиксом *-вши* см. выше.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX

- веков. 3-е изд. – М.: Высшая школа, 1982. – 528 с.
2. Гоголь Н.В. Мёртвые души // Гоголь Н.В. Собрание художественных произведений: В 5-ти тт. 2-е изд. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т.5. – 356 с.
3. Гончаров И.А. Обломов. – М.: Госиздат дет. лит-ры, 1954. – 317 с.
4. Грудина М. В. Чужая речь в романах И. С. Тургенева «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне» (коммуникативно-текстообразовательный аспект): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2009 // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/chuzhaya-rech-v-romanah-i-s-turgeneva-rudin-dvoryanskoe-gnezdo-nakanune>
5. Достоевский Ф. М. Бесы. – М.: Правда, 1990. – 704 с.
6. Иссова Л.Н. Романы И.С.Тургенева. Современные проблемы изучения: Учебное пособие. – Калининград: Калинингр. ун-т., 1999. – 82 с.
7. Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 3-21.
8. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4-х тт. Т. 4: Проза. Письма. – М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 474 с.
9. Ломоносов М.В. Российская грамматика // Собрание сочинений: Труды по филологии. – М.;Л., 1952. – Т. 7, с. 290 – 582.
10. Норман Б.Ю. О дискурсивной обусловленности грамматики // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2014 г.): Труды и материалы / Составители М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов, О. В. Кукушкина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. – С. 18-19.
11. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века: Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века / Под ред. В.В. Виноградова и Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1964. – 320 с.
12. Пушкин А.С. Художественная проза // Пушкин А.С. Сочинения: В 3-х тт. М.: Гослитиздат, 1955. – Т. 3. – 538 с.
13. Салтыков-Щедрин М.Е. Господа Головлёвы. – М.: Правда, 1978. – 335 с.
14. Салтыков-Щедрин М.Е. Пошехонская старина. Житие Никанора Затрапезного, пошехонского дворянина – М.: Худож. лит-ра, 1975. – 301 с.
15. Тургенев И.С. Отцы и дети. Каунас, 1986. – 204 с.
16. Тургенев И.С. Дворянское гнездо // Тургенев И.С. Избранные сочинения. – М.: Худож. лит-ра, 1987. – С. 189-318.
17. Устюгова Л. М. Структура деепричастий как один из признаков национально-языковой специфики поэмы Н. Гоголя Мёртвые души // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды. – 2009. – № 4 (41). – Харьков. – С. 7–14.
18. Устюгова Л. М. Деепричастия как один из показателей своеобразия синтеза гетерогенных элементов в языке прозы А. С. Пушкина // Вестник Ужгородского национального университета. Серия: филология. – 2009 а. – № 21. – с. 23-30.
19. Устюгова Л. М. Структурные особенности деепричастий в прозе М. Ю. Лермонтова // Русский язык и литература в школе и в вузе. Проблемы изучения и преподавания: [сб. науч. тр.]. – Горловка: Изд-во ГПНИИЯ, 2010. – С. 340-345.
20. Устюгова Л. М. Структурные и функционально-стилистические особенности деепричастий в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» // Русский язык и литература в школе и в вузе: проблемы изучения и преподавания. Сборник научных работ. – Гор-

СЕКЦИЯ 1.

РУССКИЙ И ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ТЕКСТ КАК ДУХОВНЫЙ ФЕНОМЕН

ловка, 2012. – С. 308-314.

21. Устюгова Л. М. Структурные особенности деепричастий в романе М. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы» // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы девятой международной конференции. – Владимир, 2014. – С. 604-608.

22. Фурашов В. И. Полупредикативность как семантическое свойство обособленных членов предложения // Фурашов В. И. Современный русский синтаксис: Избранные работы. – Владимир: ВВГУ, 2010. – С. 301-318.

23. Чехов А. П. Письма: в 12-ти томах. – Т. 9. – М.: Наука, 1980.

24. Чехов А. П. Собрание сочинений. Т. 8. Повести и рассказы 1895-1903. М., 1962. – 575 с.

Миронова Е. А. (г. Оренбург)

РАСПРИ НИКОНИАН И СТАРООБРЯДЦЕВ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

В церковной реформе XVII в., задуманной Алексеем Михайловичем и его духовником протопопом Стефаном Вонифатьевым и притворенной в жизнь патриархом Никоном, можно услышать отголоски теории монаха Псковского Елеазарова монастыря Филофея о Москве как о Третьем Риме: *«яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти: уже твое христианское царство инеем не останется»*¹. Древняя Русь из «преемницы Византии» становится ей равной, а после падения империи (1453г.) присваивает себе титул «первого» и «последнего Рима». Исходя из этого, Русь была подвержена идее божественной избранности народа по национальному признаку (не чуждой и другим нациям), которая вела к росту религиозного напряжения и ознаменовалась трагическим кризисом раскола русской церкви, предотвратить который было невозможно.

Алексей Михайлович прибегает к христианской религии, а точнее к церковной реформе как к мощному средству укрепления абсолютизма. Подобные цели преследует и патриарх Никон, жаждущий власти не только церковной, но и светской. Лелея себя мечтами о Руси как о православной империи, Никон начинает заниматься правкой богослужебных текстов, которая не была конечной целью патриарха, хотя именно с исправления книг и началась реформа.

Многочисленные изменения никониан в обрядах и текстах, укоренившихся на Руси, вызвали споры и разногласия у приверженцев «старой веры». Причиной одному из таких споров стало печатание и

изготовление четырехконечного креста вместо старорусского восьмиконечного, а вместе с тем и изменения написания на шестиконечном кресте титлы Пилатовой.

Сдержанный теологический анализ смены надписей на кресте проводит Игнатий Соловецкий в Челобитной царю Алексею Михайловичу, говоря о том, что *«они, власти, ныне на честных крестах написали надписание, подражая Ария еретика ереси, проста целовека быти Царя Христа, пишущее единолитерно И.Н.Ц.И.»*². Необходимо отметить, что Арий – основатель Ереси, а арианство как учение утверждает сотворенную природу Христа.

Обвиняя справщиков в еретичестве, Игнатий Соловецкий разъясняет написание: *«Исус – гречески, Назарянин – еврейски, Царь Иудейский – римски»*, именно так написал Пилат, вслед за которым и идут никониане. Игнатий Соловецкий отмечает, что в православное богословие фиксирует написание *«Царь Славы Исус Христос Сын Божий»*, именно так написано на кресте царя Константина, присланного из Царьграда Михаилу Федоровичу. На кресте Корсунском в Успенском соборе по-гречески написано *«Исус Христос Царь Славы»*. На крестах Благовещенского собора написано *«Царь Славы Исус Христос Сын Божий»*. Таким образом, с надписаний на честных крестах совсем исчезает свидетельство божественного происхождения Иисуса *«Сын Божий»*, а *«Царь Славы»* изменяется никонианами на *«Царь Иудейский»*, таким образом, никониане своими новинами, связанными с титлом провозглашают и исповедуют Христа обыкновенным человеком.

Обращаясь напрямую к пресветлому царю, Игнатий Соловецкий пишет, что написание И.Н.Ц.И. *«прежде нигде пишимо не было, кроме отпадших латынь»*³ и поэтому молит царя *«сего надписания новоявляющагося лишити, надписавать чрез церковная предания, чтобы не подпасти под клятвы вечныя»*⁴. Здесь же Игнатий Соловецкий ссылается на труды Кирилла Иерусалимского, который *«скажет о явлении день судный: «Крест Господень явится». Титлу бывшую от Пилата написанную скажут – «была», а не «будет»; тогда не именоватися имать царем едином иудеом, но всем – Царь Славы»*⁵, эти слова являются для Игнатия доказательством того, что никониан и всех, идущих вслед за ними, как отступников от истинной православной веры непременно ожидает наказание. Пожалуй, Игнатий приводит этот аргумент в назидание приверженцам «старой веры», многие из которых приняли исправление титлы.

Таким образом, Игнатий Соловецкий на примере написания «единолитерно И.Н.Ц.И.» на кресте в филологическом и религиозном аспекте доказывает ошибочный, заведомо неверный путь русской церкви, избранный реформаторами.

Написание «единолитерно И.Н.Ц.И.» на честном кресте, представленного в Челобитной царю Алексею Михайловичу, стало «камнем преткновения» между дьяконом Игнатием Соловецким и священноиноком Геронтием.

Старец Геронтий в «Собрании от Божественных писаний, от апостольского предания и правил святых отец противу новых книг» обращает внимание на титул Христово «*Иисус Назарянин царь Иудейский*»⁶, которое только на крыжах пишут. Неслучайно Геронтий употребляет слово «крыж», определение которого можно встретить в «Словаре русского языка XVIII века»: «*Католический крест. Крест четвероконечный или без подножия то не крест, но крыж латинский*»⁷.

Слово «крыж», столь часто используемое старцем представляет особый интерес. М.Р.Фасмер в своём этимологическом словаре наиболее полно отражает картину перехода данного слова в русский язык, утверждая, что произошло оно от польского *krzyż*† ‘крест’ и пришло в русский язык через украинский «криж» и болгарский «крыж», употребляемые в мужском роде⁸. Однако известны случаи употребления слова «крыж» в форме женского рода «крыжь», которые, как правило, встречаются задолго до Церковной реформ, в XV веке, например: «*в олтаре же, над митрополичим местом, крыжь лятский истеса на камени за престолом, его же митрополит последи стесати повеле*»⁹.

В сознании священноинока Геронтия понятия «крест» и «крыж» разнятся, поэтому первая глава «Собрания от Божественных писаний» имеет название «О трисоставном кресте Господни и о крыже четвероконечном», отсюда ясно, что крыж, по мнению Геронтия, к христианской религии не имеет никакого отношения, а трисоставный крест носит образ Святой Троицы. Теперь же никониане кресты старорусские восьмиконечные уподобляют крыжам: «*Они теми крыжами своими, отъятием того титула и подножия, крест Госпожень с разбойничи смесно единовиденстворяют, и сим славу Господню умаляют*»¹⁰. Свою точку зрения Геронтий доказывает, прибегая к священным писаниям и богослужебным книгам (Евангелие, Апостолу, Минее Канархистной и др.), а не к древним артефактам, как это делает Игнатий Соловецкий. Священноинок Ге-

ронтий делает вывод о том, что если бы четырехконечное, крыжное поклонение было бы богоугодно, то этот факт нашел бы отражение в старых книгах, а книги новые «*крыжепоклонницы богоотступниками написаны были, и не у нас, в Российском царствии, святы отцы и благоверные цари и великие князи крыжное поклонение отметили*»¹¹.

В заключение следует отметить, что по своей структуре и содержанию анализу смены надписей на кресте Челобитная Игнатия Соловецкого не является челобитной, хотя и содержит в себе письменное обращение с просьбой. В жанровом аспекте мы можем причислить ее к богословскому трактату. «Собрание от Божественных писаний» старца Геронтия по праву может считаться публицистическим трудом с объективной оценкой изменений, происходящих в религиозной жизни государства в связи с проведением церковной реформы, разделившей общество на приверженцев «старой» и «новой» веры.

Примечания:

¹ Пр. Соб., 1863, 73

² Челобитная царю Алексею Михайловичу // Памятники старообрядческой письменности. – СПб., 1998. – С. 39

³ Там же. – С. 42

⁴ Там же

⁵ Там же

⁶ Собрание от Божественных писаний, от апостольского предания и правил святых отец противу новых книг // Бубнов Н.Ю. Памятники старообрядческой письменности: Сочинения Геронтия Соловецкого. История о патриархе Никоне. СПб., 2006. – С. 156

⁷ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 11. (Крепость – Льяной). – СПб.: Наука, 2000. – С.59

⁸ Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс. М.Р.Фасмер. 1964-1973. – С. 388

⁹ Полное собрание русских летописей. Т. VI. Софийская вторая летопись. СПб., 1853. – С. 221

¹⁰ Собрание от Божественных писаний, от апостольского предания и правил святых отец противу новых книг // Бубнов Н.Ю. Памятники старообрядческой письменности: Сочинения Геронтия Соловецкого. История о патриархе Никоне. СПб., 2006. – С. 156

¹¹ Там же. – С. 164

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ И СЛОВАЦКАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ

1. Введение

Исторические реминисценции России содержат богатые смысловые оттенки, которые используются для характеристики современных событий. В наших многолетних наблюдениях собран относительно богатый материал из современной российской и словацкой публицистики, в котором содержится в языковых формах зафиксирована практически вся история России. Отдельные исторические **лингвокультуре́мы** (Воробьев, 1997) содержат в себе определенную **социально-коммуникативную модель**, повторяющуюся в конкретных исторических периодах России вплоть до наших дней. Тем самым вроде бы подтверждается истинность крылатой мысли: *Все возвращается на круги своя.*

И действительно – все современные события можно прокомментировать известными русскими историзмами, что и регулярно проводится в словацких СМИ.

В предлагаемой статье прокомментированы иллюстрации из современных словацких СМИ, которые можно считать языковыми историзмами русского языка. По нашим многолетним наблюдениям (Сипко, 2008) из указанных единиц можно создать соответствующую культурно-историческую иерархию, в которой отображаются известные исторические события России за ее границами. В нашем случае это относится к Словакии.

2. Российское средневековье в Словакии

Принятие христианства на Руси *князем Владимиром* в 988 году толкуется до наших дней довольно романтически в особенности благодаря соответствующей легенде, описанной в «Повести временных лет». Как известно, послы *Владимира* до того, пока было принято христианство из Византии, познакомились кроме других религий также с иудаизмом, но поскольку евреи не едят свинины, то иудаизм был отвергнут. В наше время имеются и другие «объяснения», которые учитывают тот факт, что в современном Израиле живет много бывших граждан из СССР и России:

- *Preco knieza Vladimir prijal krestanstvo a nie judaizmus?*

- *V takom pripade by cele Rusko podalo ziadost o vycestovanie do Izraela.*

- Почему князь **Владимир** принял христианство, а не иудаизм?

- В таком случае вся **Россия** подала бы заявление о выдаче израильской визы (К.2006.6).

Одним из базисных культурно-исторических словосочетаний является выражения *матушка-Русь*. Некоторые ученые (Гачев, 1995) с данным **концептом** (Степанов, 2004) связывают перевес **женского принципа** в жизни славян и в жизни русских в особенности. Как известно, для идентификация лингвокультурных кодов женского начала в русской культуре служат такие единицы, как:

матушка-Русь, матушка-Россия, матушка-Волга, матушка-Москва, мать-Родина (на Мамаевом кургане) и т. д.

В этом плане интересными становятся некоторые публицистические материалы в чешских и словацких СМИ о России. Чешское телевидение 1 марта 2009 года подготовило программу и том, какие *антикризисные меры* принимают русские в *эпоху финансового кризиса* под названием:

Antikrizove opatrene na maticce Rusi. – *Антикризисные меры на матушке-Руси.*

Многочисленные исторические выражения стали языковыми **прецедентными феноменами** (Красных, 2002) с устойчивым значением, хотя ученые переоценивают оценки некоторых исторических реалий. В этой связи нас заинтересовало прецедентное имя *Иван Грозный*, которое вызывает самые негативные оценочные коннотации в России и за ее границами. Примером может послужить прозвище *Дж. Демянюка*, бывшего охранника в фашистском концлагере. В словацкой прессе несколько раз нами были отмечены и такие информации:

Dotycny dozorca si krutym zaobchadzanim s vaznami vysluzil prezyvku Ivan Hrozny. – *Названный охранник за свою жестокость по отношению к заключенным получил прозвище **Иван Грозный*** (Р.30.12.2005).

Из той же эпохи *Ивана Грозного*, но не только, известны в России *юродивые*. Теледокументы о средневековой Руси приносят современному европейцу много ценных фактов о ее культуре. С точки зрения перевода многие языковые единицы являются **безэквивалентными**, в том числе и ниже указанная лексема *юродивый*, которую переводят на чешский и словацкий языки описательно:

Svati blazni mali uctu. – *Юродивых уважали* (VSH.29.11.2010).

Целый ряд исторических русизмов в современных словацких СМИ заимствуется, они в словацком языке становятся **русскими экзотизмами**. Как известно, в Русской **православной церкви** в средние века были противостояния, как в конце концов во всех христианских и нехристианских церквях. В одном документальном фильме на известном историческом телеканале прозвучало:

***Chlisti mali zvladne bohosluzbu.** – У хлыстов богослужения были особые (VSH.29.11.2010).*

3. Потемкинские деревни везде

К таким же прецедентным языковым единицам относится историческое словосочетание *потемкинская деревня*, содержащее в себе что-то нереальное, показуху и обман. Оно заимствованно также другими этнокультурами. При этом необходимо добавить, что и в словацкой среде относятся к исторической достоверности существования *потемкинских деревень* с определенной долей недоверия. Допускается, что о князе *Потемкине* эту историю распространяли его недоброжелатели, в особенности на Западе:

*Vlada stavia **Potemkinovu dedinu.** Od cias ruskej carovnej Katariny sa traduje termin **Potemkinova dedina** ako nieco, co ma vyvolat iluziu, ze je nieco lepsie, nez v skutocnosti je. Jej general **Potemkin** mal dat pred navstevou carovnej na Kryme postavit popri ceste malebne kulisy, ktore vyvolali zdanie, ze oblast je plna prosperujucich dedin, v skutocnosti vsak slo len o fasady domov, za ktorymi nic nebolo. Historici dodnes vedu spory o tom, ci je tato legenda pravdiva, alebo si ju vymysleli nepriatela nestastneho **generala Potemkina.** Iste vsak je, ze navrh na zriadenie novej agentury pre podporu podnikania mi zo vsetkeho najviac pripomina snahu postavit **Potemkinovu dedinu.** – Правительство строит **Потемкинскую деревню**. Еще со времен российской императрицы Екатерины существует термин **Потемкинская деревня** как некий объект, который должен вызвать иллюзию о том, что данный объект лучше, чем в действительности. Ее генерал **Потемкин** будто до приезда императрицы в Крым дал построить возле дороги пейзажные кулисы, которые должны были вызвать картину успешно развивающихся деревень. На самом деле это были только фасады домов, за которыми ничего не было. Историки еще и в наше время ведут споры о том, истинна ли эта легенда или ее придумали враги несчастного **генерала Потемкина**. Не вызывает сомнений, что предложение о создании нового агентства для поддержки предпринимательства больше всего*

мне напоминает строительство **Потемкинской деревни** (Р.3.12.2007).

Как известно, город Сочи был избран местом зимней олимпиады 2014 г., хотя никаких олимпийских объектов к моменту выборов кандидата построено еще не было (в отличие от других кандидатов). Этот факт был комментирован в статье под заголовком:

Potemkinova olympijska dedina. – Потемкинская олимпийская деревня (S.14.7. 2007).

Необходимо добавить, что автором статьи является современный русский писатель *В. Ерофеев* (статья напечатана в словацком переводе).

Низкий уровень чешской армии тоже чем-то напоминает *потемкинскую деревню*:

Narodiv sme si na Potemkinovu armadu zvykli. – К всеобщему удивлению мы уже привыкли к Потемкинской армии (Р.29.10.1997).

В СМИ бурно обсуждалось все, что было связано с летней олимпиадой 2008 в Пекине. Китайские власти старались избегать критики в свой адрес разными мерами, но некоторые в этом все-таки видели показуху:

Videla som nadherne sportove parky, tak trochu Potemkinova dedina. – Я видела прекрасные олимпийские парки, ну в некоторой степени Потемкинскую деревню (S.30.8.2008).

Также лексема *потемкиада* известна в словацкой среде. Этим словом назвали журналисты второй по величине город Словакии Кошице, когда стал кандидатом на почетное звание «Европейская столица культуры»:

Mesto kultury a potemkiniady. – Город культуры и потемкиниады (S.3.1.2009).

Поистине, *потемкинский образ* очень живучий и непревзойден. Оказывается, что и Евросоюз прибегает к *потемкиадам*:

Treba aby v case krizy EU zastavila rozne potemkinovske projekty. – Необходимо, чтобы в эпоху кризиса Евросоюз остановил многообразные потемкинские проекты (Т.2009.7).

Таким образом, лингвокультурема *Потемкинская деревня* представляет собой устойчивую и функциональную социально-коммуникативную модель, несмотря на ее историческую истинность. Ведь **показуха** в человеческом обществе является реальным фактом во всех исторических эпохах.

4. Современные западники и славянофилы

Современная Россия приближается словацкому читателю культурно-историческими понятиями, которые актуализируются по отношению к конкретным реалиям. Известно, что к таким понятиям относятся лексемы *западник* и *славянофил*. Данные понятия сыграли известную роль в Словакии в XIX веке в эпоху национального просвещения. Многие передовые деятели словацкой культуры с симпатиями относились к России, к ее культуре и к ее великим деятелям. Россия была представлена в определенном романтическом виде, ее реалии иногда идеализировались. Отдельные словацкие деятели ездили в Россию, писали о ней, переводили произведения русской классической литературы. Уже в 1836 г. был зарегистрирован первый перевод с русского языка на словацкий. Им оказался пролог поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник» под названием «Петроград», который был напечатан в журнале «Гронка» (от реки Грон). При этом необходимо добавить, что словацкий язык был официально кодифицирован лишь в 1843 году. Самыми известными русофилами стали словацкие *толстоевцы*. Одним из них был врач *Д. Маковицки*, который последних шесть лет прожил с *Л.Н. Толстым* в Ясной Поляне. *Западники* и *славянофилы/русофилы* оставили в словацкой истории заметный след, который очевиден и в наши дни.

Противостояние *западников* и *славянофилов*, хотя под другими наименованиями, наяву также в наше время. Одного из российских политиков *Г. Явлинского* характеризуют:

*Velka nadej Ruska v ociach **zapadnikov** v Moskve a v Clintonovej administrative.* – Большая надежда России в глазах **западников в Москве** и в администрации Клинтона (S.28. 6. 2007).

Трагическая судьба сербов в постсоветской Европе была поводом для многочисленных дискуссий и острых споров в славянском мире, но особенно остро они звучали в России, что напоминает до наших дней не закончившиеся споры *западников* и *славянофилов*:

*Akoby bolo pocut hlas starych ruskych svarov medzi **zapadnikmi** a **slavjanofilmi**.* – Вроде слышится эхо старых русских споров между **западниками** и **славянофилами** (S. 24.7.2008).

Эти дискуссии отмечаются в словацких СМИ также в современности, поскольку вопрос о позиции славян в современном мире все время живет среди определенной части не только русской, но и словацкой общественности:

Nasledovalo mnoho diskusii medzi zapadnikmi, slavjanofilmi a dalsimi – Последовали дискуссии между западниками, славянофилами и другими (S.14.12.2005).

5. Словацкие ассоциации с эпохой царизма

Как показано выше, современные политические события в России комментируются посредством реалий эпохи русского самодержавия и царизма. В особенности лексема *батюшка* послужила для некоторой характеристики современных верховных представителей России. Ассоциации с царизмом становятся мерилем политической власти президента *Путина*:

Carj Vseja Rusi je nabozenskou postavou v ruskom vedomi. – Царь Всея Руси считается религиозным лицом в русском сознании (S.1.3.2008)

Особым лингвокультурным феномен последних лет российского самодержавия является фамилия *Г. Распутин*, которая известна также в Словакии. Словацкий писатель *Изакович* написал о нем роман. Этот персонаж по некоторым авторам становится олицетворением определенных черт русского менталитета. Лексема *распутинщина* – *rasputincina* используется в русской и в словацкой прессе как языковой код обмана и разврата. Упоминаемый выше *В. Ерофеев*, характеризуя современную Россию и некоторые стороны ее действительности, приближает свою страну именно через образ *Распутина*, который содержит в себе **семиотику русских крайностей**:

Rusky kult sialenej modlitby a sialneho hyrenia, cize ideal Rasputina, ktoreho chcu dnes niekteri cirkevnici kanonizovat, spojenie klastora s restauraciou, vasniva sluzba vlasti a zaroven rozkos z beztretej moci su cnosti, nad ktorymi dnes vaha nejedna vysokopostavena ruska dusa. – Русский культ сумасшедшей молитвы и сумасшедшего пирования, т. е. культ Распутина, которого некоторые представители церкви хотят сегодня канонизировать, единство монастыря и ресторана, страстное служение отечеству и восхищение от ненаказуемости власти представляют собой ценности, о которых рассуждает не одна высокостоящая русская душа (S.27.1.2007).

6. Эхо Великой Отечественной войны

Острые политические конфликты бывшего словацкого премьера *В. Мечьяра* в 1990-е годы с его противниками воплотились во многие его реплики, содержащие непримиримость премьера к любой крити-

ке в свой адрес. После одного из подобных его заявлений понадобилось известное, полное драматизма выражение из времен битвы под Москвой осенью и зимой 1941 года. Словацкий журналист вместо Москвы употребил *Волгу*, видимо, предполагал, что это связано со Сталинградской битвой:

Ustupat nekuda, za nami Volga! (P.20.3.1997).

Целый ряд этнокультурных русизмов в словацкой прессе функционирует на основе реминисценций из веремён Великой Отечественной войны. К таким относится лексема *Катюша*, которая по аналогии с русским языком имеет значение «реактивной артиллерии» и «известной песни». Военные события на Ближнем Востоке, в рамках которых Израиль после регулярного обстрела своей территории боевиками *Хизбалах*, напал на некоторые палестинские регионы, приблизились посредством образа *Катюши*, из которых палестинские боевики вели огонь по израильским поселкам:

Katuse tozu spustit utok na Hizballah. – *Катюши могут начать наступление на Хизбалах* (S.15.1.2009).

7. Заключение

Языковые историзмы из языка такой такой страны, какой является Россия, становятся естественным образом **интерлингвистическим** и **интеркультурным фактором**. Данные единицы являются носителями определённого смысла, который базируется на реальных исторических фактах или на соответствующих легендах, далеких от действительности. Так или иначе данные исторические лингвокультуремы русского языка становятся **фактами русской культуры** и тем смым представляют собой настоящие ценности. Они вышли за коммуникативные границы своей этнокультурной среды и функционируют в числе языковых оценочных и образных средств в других языках. В словацкой языковой среде их можно считать языковыми единицами с регулярным коммуникативным функционированием и **устойчивым оценочным содержанием**. **Языковые историзмы** из русской этнокультурной среды в словацких СМИ, таким образом, создают фрагмент языковой картины России в Словакии и наряду с другими этнокультурными русизмами расширяют и объективизируют данную картину.

Сокращения: К – Kocurkovo (аналогия с русским «Пошехоньем»), P – Pravda, S – Sme, T – Tyzden, VSH – ViaSatHistory,

Литература:

- Ворбоьев, В.В. Лингвокультурология. Теория и методы. – Москва, 1997. – С. 247.
- Гачев, В. Гациональные образы мира. Космо. Психо. Логос. – Москва: Прогресс, Культура, 1995.
- Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – Москва: Гнозис, 2002. – С. 176.
- Сипко, Й. В поисках эквивалентности – Hladanie ekvivalentnosti. – Presov: FF PU, 2008. – С. 444.
- Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – Москва: Академический проект, 2004. – С. 992.

Мелихова М. А. (г. Оренбург)

**К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО
РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
И РОЛИ В ЕГО РАЗВИТИИ ЯЗЫКА СТАРОСЛАВЯНСКОГО**

В настоящее время много создаётся и публикуется литературы, посвященной религиозной тематике, в частности большой объём произведений касается православной литературы и культуры, которая неразрывно связана с церковнославянским языком. Активно публикуются учебники и пособия по изучению старославянского языка, выходит множество статей, посвященных проблемам генезиса русского литературного языка, роли и места в нём языка старославянского, деятельности славянских первоучителей, причём проблемы эти освещаются не столько с научной, сколько с идеологической точки зрения. Зачастую сведения, которые приводятся в данной литературе по ключевым проблемам истории русского литературного языка, несут устаревший характер, или искажают те факты, которыми располагает русистика в настоящее время.

Некоторые исследователи прямо заявляют о том, русский литературный язык есть язык церковнославянский: «книжно-славянский язык межэтнического общения в сфере духовной культуры и образованности постепенно становится языком государства Российского, языком народного образования, учебной, публицистической и художественной литературы, полифункциональным литературным языком российским, русским» [6; 23]. При этом такие утверждения аргументируются устаревшими сведениями, в которых высказывается лишь одна точка зрения на происхождение русского литературного

языка, а именно: «Современный русский литературный язык – единственный непосредственный наследник кирилло-мефодиевской традиции. По подсчетам академиков А.А. Шахматова и Л.В. Щербы, более 55% его элементов (слова и словосочетания, грамматические категории и синтаксические конструкции, буквы и т.п.) – «церковнославянизмы». Остальные 45% – это восточнославянские, украинско-белорусские и собственно русские узоры на полотне, вытканном Кириллом и Мефодием» [там же].

Несмотря на эти попытки выдать желаемое за действительное и исказить историческую картину развития русского литературного языка, современная наука на сегодняшний момент располагает достаточным количеством теоретических и фактических сведений об истории и происхождении русского литературного языка и о том, каковы место и роль в его развитии первого письменного языка славянства – языка старославянского.

Г.А. Хабургаев даёт следующее определение старославянскому языку: «Старославянский язык – это язык древнейших переводов греческих богослужебных книг, которые были выполнены в середине IX века» [11; 5].

Как известно, этот язык был сформирован за пределами Руси из «славянского языкового материала при посредстве высокой греческой литературной и филологической культуры» [4; 40].

Старославянский язык с самого начала создавался как язык универсальный, обладающий интерславянским характером. Несомненно, что, создавая свои первые переводы, Константин опирался на живую славянский диалект солунских славян, однако в это время славянские языки ещё мало различались между собой. Большинство учёных (А. Мейе, Н.С. Трубецкой, Н.Н. Дурново, В.В. Виноградов) придерживаются того мнения, что в IX веке славянские языки были очень близки между собой.

Р.И. Аванесов подчёркивает, что в функциональном отношении старославянский язык был «своим, славянским», что отличает его от латыни в Польше: «По своему строю, в частности по фонологической системе и флексии, он был, особенно в древнейший период, близок к народному языку» [1; 88]. Эта точка зрения противоречит мнению, высказанному Н.И. Толстым, который говорил о тождественности положения и функций, которые выполняли латинский и старославянский язык: «По своей исторической роли и функции в славянской среде в эпоху средневековья и в последующий период древнеславянский язык ближе всего к латинскому языку» [10; 81].

В настоящий момент общепринята точка зрения о том, что восприятие и функции старославянского языка и латыни отождествлять нельзя, так как латынь была для многих народностей, пользовавшихся ею в качестве языка богослужения и науки, была если не родственна, то, во всяком случае, непонятна. Еще А.А. Шахматов, сравнивая историю русского литературного языка с историей западноевропейских языков, развивавшихся в средневековый период под сильным воздействием латыни, пришёл к выводу, что, в отличие от Запада, старославянский «с первых же лет своего существования на русской почве стал ассимилироваться народному языку, ибо говорившие на нем русские люди не могли разграничивать в своей речи ни своё произношение, ни своё словоупотребление от усвоенного ими церковного языка» [13; 60].

А.С. Пушкин писал об уникальности языковой ситуации в начале письменной эпохи на Руси: «Как материал словесности язык славянорусский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе звучный и выразительный, отселе заимлет он гибкость и правильность» [9; 32].

Более того, сам греческий язык был проводником ещё более древних языков, по мнению Н.А. Мещерского «сам по себе греческий язык византийской эпохи является не только прямым наследником античных речевых ценностей, но и языком, впитавшим в себя богатство древних языков Востока – египетского, сирийского, древнееврейского» [7, 28].

Тексты, переведённые с греческого языка, который к IX веку «на считывал тысячелетие литературного развития» [12; 6], отражают высокое развитие литературного греческого языка, поэтому язык древнейших памятников очень богат как лексически, так и синтаксически и стилистически. Такой разнообразный, богатый, интернациональный лексический состав, высокая лексическая валентность слов его наполняющих послужили гарантией того, что созданный Константином и Мефодием старославянский язык становится способным выполнять функции литературного языка.

При этом важно упомянуть, что старославянский язык не является живым языком или диалектом какого-либо славянского народа, а

создан искусственно в качестве письменного литературного языка богослужебных текстов. Эта функциональная «заданность» старославянского языка определила некоторые трудности в подборе лексики, так как перевод богослужебных книг на старославянский язык сопровождался неизбежным созданием новых слов для передачи тех отвлечённых понятий, которых не знали славяне в то время, а также довольно распространён был процесс приспособления уже существующих слов к выражению новых понятий.

В создании старославянского языка большое значение имел тот факт, что переводились на славянский язык книги богослужебные, имеющие специфическую, присущую только книгам церковной направленности лексику, характеризующуюся максимальным стремлением к отвлечённости, возвышенности, сакральности значений. По своим функциям это был язык религии, «в течение более чем десяти столетий этот язык обслуживает религиозные и, во многом, культурные потребности православных славян» [8; 82]. Однако со временем этот язык расширяет свои функции и становится одним из типов литературного языка. «Как язык письменный – это язык церкви, который позднее развился в литературный» [3; 15].

Изначально составленный из различных диалектов славянских языков, старославянский язык стал проникаться русизмами или восточнославянизмами. Складывался и развивался особый вариант церковнославянского литературного языка. Однако нельзя забывать о том, что имело место и обратное явление. Е.Н. Бекасова замечает, что «церковнославянские тексты <...> несомненно оказывали влияние на любой оригинальный древнерусский текст» [2; 179].

Г.О. Винокур говорит о возникновении церковнославянского языка, что «при списывании старославяnskikh текстов и при составлении оригинальных текстов по старославянским образцам древнерусские литераторы иногда невольно, а иногда и сознательно допускали отступления от норм старославянского языка в пользу параллельных явлений своей родной речи. Этим путём вносились восточнославянские черты в орфографию, грамматическую систему и словарный состав старославянских оригиналов. В результате возникал своеобразный и новый письменный язык, в котором скрещивались книжные старославянские и живые восточнославянские элементы. Этот скрещённый язык, то есть старославянский язык русской редакции, и был первым письменным языком восточных славян» [5; 12]. Лишь на протяжении XVIII – XIX вв., «по мере развития у разных славянских

народов национального самосознания, книжно-славянский язык в сфере культурной деятельности уступает место новым литературным языкам, формирующимся на национальной основе, но ещё сохраняет за собой функцию языка местной церкви» [11; 42].

В дальнейшем, в XVIII веке, под влиянием многочисленных экстралингвистических и собственно лингвистических факторов, русский литературный язык сменит вектор своего развития от церковнославянского языка к русскому литературному языку. Небольшое количество (по различным подсчётам – от 3 до 8% от общего количества слов в русском литературном языке) славянизмов существует и в современном русском литературном языке, их число продолжает неуклонно уменьшаться. Такое количество слов так же говорит о том, что русский литературный язык не может считаться прямым потомком старославянского, поскольку за два века такой революционной смены лексического состава просто не могло бы быть.

Утверждения о том, что современный русский литературный язык является прямым потомком старославянского и церковнославянского возникли по причине того, что эти языки очень близки, родственны и с лексической точки зрения очень хорошо взаимодействовали друг с другом. Это позволило церковнославянскому языку вплоть до начала XVIII века функционировать в качестве одного из типов литературного языка. Несмотря на огромный вклад в эволюцию русского литературного языка, старославянский язык не может считаться предком современного русского литературного языка.

Список использованной литературы:

1. Аванесов Р.И. К вопросам происхождения и развития русского литературного языка // Проблемы общего и германского языкознания. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – С. 88–96.
2. Бекасова Е.Н. Генезис текста // Бекасова Е.Н., Москальчук Г.Г., Прокофьева В.Ю. Векторы интерпретации текста: Структуры, смыслы, генезис: Монография. – М.: Издательство «Спутник+», 2013. – 217 с.
3. Вайан А. Руководство по старославянскому языку. Под. ред. и с предисл. В.Н.Сидорова. – М.: Изд-во Иностранной литературы, 1952. – 447 с.
4. Виноградов В.В. Основные этапы истории русского языка // Виноградов В. В. Избранные труды. История русского литературного языка. – М.: Наука, 1978. С. 10–64.
5. Винокур Г.О. Русский язык. Исторический очерк // Избранные работы по русскому языку – М.: Учпедгиз, 1959. – 257 с.
6. Журавлев В.К. Русский язык и русский характер – М.: Московский патриархат, отдел религиозного образования и катехизации, 2002. – 216 с.

7. Мещерский Н.А. История русского литературного языка. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. – 280 с.
8. Мусорин А.Ю. Церковнославянский язык и церковнославянизмы // Наука. Университет. 2000. Материалы Первой научной конференции. – Новосибирск, 2000. – С. 82–86.
9. Пушкин А.С. О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И.А.Крылова // ПСС. – Т. 11. Критика и публицистика. 1819–1834. – Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 31–34].
10. Толстой Н.И. Церковнославянский и русский: их соотношение и симбиоз // Вопр. языкознания, 2002. № 1. – С. 81–90.
11. Хабургаев Г.А. Первые столетия славянской письменной культуры: истоки древнерусской книжности. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 179 с.
12. Хабургаев Г.А. Старославянский язык: Учеб. для студ. пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1986. – 288 с.
- Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка – М.: Учпедгиз, 1941. – 286 с.

Голованов И. А. (г. Челябинск, Россия)

КОНСТАНТА СОФИЙНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ ЗАПИСЯХ УРАЛЬСКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ПРОЗЫ

Для полноценного бытия любого народа необходимо осознание им своей специфической общности, этнического самосознания, а для отдельного члена этой общности – понимание и ощущение собственной национальной идентичности. Исторически наилучшим способом выражения этнической самобытности, инструментом национального самопознания был и остается фольклор, народная духовная культура. Суть национальной идентичности раскрывается в нем на уровне ценностных ориентаций, установок, предпочтений и стереотипов, которые влияют на чувства, желания и поведение человека.

К важнейшим духовным ценностям, находящимся в центре внимания в русском фольклоре, мы относим стремление к равноедиству, доброту, любовь, красоту и справедливость. Это смыслы укладываются в три аксиологические константы русской традиционной культуры, русского фольклорного сознания: соборность, софийность и справедливость (подробнее см. [1]).

Быть может, названные аксиологические константы с большой степенью вероятности актуальны для устного поэтического творчества и других народов, однако представляется значимым заострить внимание на ключевых особенностях их реализации в русском фоль-

клоре и, в частности, в текстах устной несказочной прозы Урала. Сравнение с фольклорным материалом других народов впоследствии может обнаружить, с одной стороны, относительную близость национальных вариантов коллективного осмысления действительности, а с другой – отличительные черты в художественном и языковом выражении данных констант.

В рамках настоящей статьи обратимся к анализу вербальных способов реализации в фольклорных текстах ценностной доминанты Красоты. Это важная часть константы софийности, представляющей собой сложный комплекс трех взаимосвязанных сущностей: Любовь, Красота и Добро. Данные сущности взаимозависимы и взаимообусловлены, их единство соответствует народному пониманию Мудрости (отсюда – софийность). Выделенность такой ценностной доминанты, как Красота, соотносится с созерцательным типом мышления носителей русской культуры.

Все составляющие константы софийности выражают типичное для русского человека представление о нормальном бытии, соответствующем принятому людьми порядку. В фольклорных произведениях данные смыслы согласованы друг с другом, что подчеркивается цельностью образов, которые их воплощают.

Средоточием чувства красоты для русского человека является душа. Человек, умеющий разглядеть красоту, любит весь мир, способен прощать. «Так красота порождает мудрость... Красота есть космос <...> и есть объективное воплощение «идеи организации», то есть системы и даже порядка» [2, с. 288-289].

В фольклорном тексте Красота как ценностная доминанта может быть реализована через языковые маркеры «удалый», «сильный», «могутный» и под. – при характеристике человека; «чистый», «прозрачный», «светлый» и др. – при характеристике природных объектов и артефактов. Покажем это на примере записанного на Урале топонимического предания:

«Видели вы лог, что отделяет старую часть деревни от новой – Меевки? В этом логу раньше дед жил. Фамилия – Лепихин. *Да такой дед удалый!* Вся деревня его любила: дети – за сказки да побывальщину, взрослые – за мудрые советы. А когда помер старик, осиротела деревня. И как память деду – Лепихин лог» (Зап. в 1991 году в д. Айлино Саткинского р-на Челябинской обл. от В.Н. Мошкина, 1911 г.р.).

Другой пример: «Озеро Светленькое, лежащее у подошвы Вишневой горы. Озеро имеет дно, состоящее из лечебной грязи. И в лю-

бую погоду оно *ясное и светлое*, так как видно почти все дно на многие метры» (Зап. К. Силиной в 1998 году в пос. Вишневогорске Каслинского р-на Челябинской обл. от Н.А. Коллодий, 1943 г.р.). Обращает на себя внимание устойчивая связь в сознании носителей фольклора между красотой и пользой, как в данном тексте. Озеро не только светлое, но и лечебное, целительное.

Подобных текстов записывается каждый год немало. Так, например, в топонимическом предании «об образовании Канашей» полезное уравнивается, отождествляется с красивым. Внутренне красивый человек, по эстетическим представлениям носителей фольклора, оказывается красивым и внешне (ср. посл. *Не по-хорошему мил, а по милу хорош*).

Целый ряд русских преданий, бытующих по сей день на Урале, организуется мотивом красоты труда и человека труда. В таких произведениях часто звучит восхищение красотой и силой предков, что проявляется в комментариях типа «красивый был», «вот какие сильные люди были», «подолгу жили очень, по сто лет» и т.п. Тем самым в преданиях воспроизводятся идеализированные образы, которые, являясь художественным обобщением, способствуют выявлению комплекса качеств, навыков, умений, необходимых человеку для полноты бытия, гармонии с миром. Например: «Он был мастер на все руки, столяр, кузнец, мог одежду шить, сапоги» [4, с. 51].

В большинстве устных рассказов и преданий о мастерах отражен характерный для сознания уральцев культ физической силы: «Был силач такой, Паля Лебедев... Он под доменной печью робил, на молоте обжимал куски каленые. *Сильный и ловкий* на работе был. Прикапят ему кусок из сварочной печи. Вот он его с боку на бок ворочат. Если тачка не успеет подкатить к наковальне, он берет клещи и бросает его к самым валам. А в куске пудов пять, не меньше. Вот какая масса. Тачки с железом таскает – успевай ноги убирай» [3, с. 208-209].

Вообще, упоминание о работе на заводе в фольклорных повествованиях о силачах типично: «Был у нас на Шайтанском заводе кричный мастер Пономарев Яков Потапович. *Силенка была все-таки у него*. Ну и робил он ломовую работу»; «Костя Бирюзовский *был силач, великан* выше двух метров. Он на заводе работал»; «Слышал я об одном силаче. Работал он в прокатном цеху»; о Кипре Копылове рассказывают: «Лом на полочку забросил. Трое не могли этот лом снять. А Кипра один проще простого лом снял. *Такой-то он богатырь был!* Он у Демидова робил на заводе» [3, с. 210-214].

Физическая сила мастера традиционно отождествляется в фольклорных текстах с красотой человека и при этом ценится выше, чем, например, высокий рост. Так, носители фольклора в большинстве случаев отмечают: «Сам он был не так шибко корпусный, ростом не шибко чтоб, *но могутный мужчина был*»; «Росту он был небольшого, среднего росту, *но красивый был*». Таким образом, для носителя фольклора Красота – это, скорее, внутреннее свойство человека, чем внешнее. Судя по устным рассказам, именно силачей (и непременно добрых нравом) особенно выделяли и любили в народной среде: «А любили его все, начальство и караванные. *Такого силака не любить!*» [3, с. 218].

В целом ряде фольклорных произведений поэтизируется не только мастер, но и его творения, дело рук человеческих. Так, в одном из недавно записанных текстов недвусмысленно выражено восхищение красотой златоустовского собора и мастерством его строителей: «Построили в 1840 году в Златоусте собор, Свято-Троицкий, чуть ли не первой по всему Уралу. Проект составил знаменитый у нас архитектор Федор Тележников. Поставили собор Тесяревы, отец с сыном. Украшали его искусные мастера. И *вышел он на загляденье*: маковки золоченые, иконы венецианского письма, колокола голосистые: они и зачинали по праздникам перезвон всех златоустовских церквей». В дальнейшем повествовании утрата красоты приравнивается рассказчиком к утрате важнейших ценностей жизни: «Долго стоял храм, украшал город. Но пришло время, когда решили: если сломать храмы, то люди перестанут надеяться на райскую жизнь и все силы отдадут работе. Снесли почти все церкви. Собор взорвали, на его месте построили танцплощадку. Пляшут здесь молодые, и никто уже не вспоминает о мастерах. На пустом месте думать не о чем. А сейчас и танцплощадки нет – пустота как напоминание о бездумности нашей» (Зап. Т. Забурляк в г. Златоусте Челябинской обл. в 2002 году от А.И. Захозиной, 1918 г.р.).

Как справедливо указывает В.В. Колесов, «народная традиция в своих постоянных эпитетах сохраняет равенство предикатов красоты и пользы: *красна девица* и *добрый молодец*, выражают один и тот же признак, но с разной его стороны <...> *красота* – *доброта* представлены как внешняя и внутренняя характеристика молодого человека в соответствии с общим пониманием пользы для всего общества» [2, с. 59]. Таким образом, в народном понимании Красота выступает как польза, при этом Красота оказывается важнее пользы, поскольку польза – всего лишь один из компонентов красоты.

Изучение констант традиционной духовной культуры, воплощенных в русском фольклоре на эстетическом и вербальном уровнях, позволяет глубже осмыслить проблемы этнической ментальности и национально-го мировидения, столь важные для сегодняшней науки и общества.

Список литературы

1. Голованов И.А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX–XXI вв.): монография. – Челябинск: Энциклопедия, 2009. – 251 с.
2. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.
3. Предания и легенды Урала: Фольклорные рассказы / сост. вступ. ст. и коммент. В.П. Кругляшовой. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1991. – 288 с.
4. Фольклор на родине Мамина-Сибиряка (В уральском горнозаводском поселке Висим) / сост. В.П. Кругляшова. – Свердловск: ОГИЗ, 1967. – 302 с.

Голованова Е. И. (г. Челябинск)

АКТИВНАЯ МЕТАФОРА В РУССКОЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ

При изучении функционирования языка в профессиональных сферах деятельности большой интерес представляют механизмы получения и вербализации знаний о специальных объектах – предметах, действиях, процессах, их свойствах и отношениях. Одним из наиболее востребованных способов познания при этом выступает метафора.

В то время как в терминологии объективируется прежде всего рационально-логический, системный подход к интерпретации профессиональных объектов, их связей и отношений, в сфере профессионального субстандарта широко представлены единицы, построенные на чувственно-перцептивном восприятии [2].

Специальные единицы, характерные для устной профессиональной коммуникации, рождаются из практической потребности обозначить объекты, с которыми человек непосредственно контактирует, использует в своей повседневной деятельности и должен учитывать их меняющиеся характеристики и постоянные свойства. Для специалиста при этом не важно, выявляет ли вновь созданное название сущность того или иного предмета, достаточно, чтобы оно указывало на какой-либо яркий признак последнего, релевантный для членов профессиональной среды.

Если речь идет о материальных объектах, то вербализация знаний о них обычно основывается на визуально-наглядном восприятии, поэтому мотивирующим признаком для номинации становится пространственная характеристика: форма, размер, местоположение, конфигурация элементов и проч. Для тех предметов, которые в процессе специальной деятельности активно используются человеком (перемещаются им в пространстве, являются инструментом в его руках), релевантными оказываются и такие признаки, как масса, объем. В соответствии с ними происходит градуирование предметов, но не всегда на каких-то общих, единых основаниях (о чем можно судить по наличию разнотипных названий для предметов одного и того же класса).

Метафорическое восприятие специальных объектов, как правило, включено в процесс профессиональной деятельности и связано с особенностями групповой коммуникации, поэтому не может не отражать релевантные для данной среды эмоциональные состояния, оценки, образы. Номинатор неосознанно стремится передать в метафорическом обозначении целостный облик предмета. Последний может быть целостно воспринят через форму (*галстук, звездочка, карандаш, портянка, рукав, весло, кишка, лягушка, пушка, пистолет*), размер (*мальш, коротышка, семечки, клопы, чемодан*), характерную функцию (*удавка, пиявка, тиски, паровоз, крокодил*), качественную (*деревянное тесто, больной вагон, слепое тиснение, бархатный путь, окно, мигалка*) или количественную характеристику (*свадьба, деревня, двойник, двойняшки*), цвет (*мухоморик*).

В сфере «практической» номинации, которая тесно связана с условиями устного общения специалистов, целесообразно различать две ведущие когнитивные модели метафорической номинации: *отобъектная* и *отсубъектная*. Жесткой границы между ними нет, более того, во многих наименованиях характеристики объекта получают субъективную интерпретацию, и наоборот, субъективное восприятие диктуется свойствами номинируемого объекта. И в том, и в другом случае речь идет об интуитивном, не вполне контролируемом сознанием процессе. Например: *хвостик* – в профессиональной речи парикмахеров используется для номинации расчески с длинным концом.

Знание, стоящее за метафорическими профессиональными единицами, в большинстве случаев является *неявным*. Важнейшими характеристиками такого знания выступают его контекстуальный характер и нахождение на периферии внимания субъекта познания [3]. В языковых единицах, объективирующих неявное знание, так или иначе отра-

жаются прямо не осознаваемые человеком социальные установки, интенции, практические стереотипы и нерелексируемые образцы. В отличие от термина, в котором, как правило, фиксируются надситуативные признаки профессионального объекта, выводящие его в общий контекст мысли, отвлекающие мысль от реальности, для практического сознания в сфере предметной деятельности значимой при классификации является визуально-деятельностная характеристика объектов.

Таким образом, сущностные черты устной профессиональной лексики обусловлены связью с практической деятельностью людей и отражают их практическое сознание. Здесь следует говорить об особых форматах знания, т.е. способах его организации, обусловленных характером деятельности субъекта и шире – характером взаимодействия субъекта с окружающей действительностью.

Основные форматы знания представлены известными разновидностями концепта: мыслительная картинка (конкретно-чувственный образ), схема, фрейм, понятие, сценарий, гештальт. Для практической деятельности наиболее характерно оформление знания в виде конкретно-чувственных образов и гештальтов. Номинации, созданные на их основе, во многом уникальны, хотя их можно объединять в группы, например, по каналу получения информации: визуальные (чаще всего пространственные или цветовые), вкусовые, а также обонятельные, осязательные, слуховые.

Поскольку в основе образа лежит отождествление познаваемого предмета с каким-либо иным, ранее познанным субъектом, возможно группировать их и по источнику концептуализации. Например, это могут зооморфные (*слон, улитка, кукушка*), антропоморфные (*теща, мама-папа* и др.), механистические (*колесо, пушка*), акциональные (*царапка* и др.) метафоры.

Выбор образа в качестве формата знания характерен для тех случаев, когда у познаваемого предмета трудно выделить какой-то один отличительный признак, в силу этого он воспринимается целостно, а для его идентификации необходим другой, известный субъекту познания объект, соотносимый с познаваемым по значимой совокупности признаков [5, с. 31].

Рассмотрим профессионализм «тяжелый файл», функционирующий в речи верстальщиков. На основе инференции можно дать следующее его определение: *тяжелый файл* – это файл, обладающий большим (больше нормы) объемом, который сложно копировать и пересылать. Обычно такой файл содержит цветные изображения, слож-

ные схемы и т.п. Как видим, в данном определении нет точных указаний на размер (объем) файла, на количество рисунков, схем и проч., да и само представление о «норме» размыто. В центре внимания говорящего находится файл как целое, без детализации частных (которые вербализуются, но находятся при этом на периферии концепта).

Другой пример взят из речи железнодорожников. *Бархатный путь* – это профессионализм, используемый для обозначения бесстыкового высокоскоростного пути. Специальное знание представлено в данном случае в формате гештальта. С одной стороны, в сознании профессионала четко определено, что это путь, или точнее, «часть железнодорожного полотна», но при этом внимание концентрируется на том, что поезда проходят его *бесшумно*, словно по *бархатной дорожке*, поскольку отсутствуют стыки между рельсами. Как видим, понятийная информация соединяется здесь с чувственно-перцептивным знанием. При этом целое преобладает над отдельными деталями.

В технических видах спорта, в различных областях промышленного производства широко используются образные наименования, за которыми стоят соответствующие концептуальные структуры. Например: *бабочка* (в фигурном катании) – не получившийся сложный прыжок (тройной, Сальхов), ср. там же: *дорожка шагов, ребра; кормить* (в лыжном спорте) – подавать напитки спортсмену на трассе во время соревнований, там же: *плужить* – утопать лыжами в снегу; *лимон, помидор* (в керлинге) – названия желтого и красного камней соответственно; *домик* (в хоккее) – положение вратаря при проходе шайбы в ворота; *работа швейной машины/синдром Элвиса* (альпинистск.) – о дрожи в ногах у альпиниста; *спортивная злость* (общеспорт.) – нацеленность спортсмена на победу.

Близкая нам вузовская среда также дает примеры упаковки профессионального знания в виде метафорических образов, например: *окно* – свободный временной интервал в расписании занятий преподавателя, равный одному (реже более) занятию; *мигалка* – поочередность проведения занятий в один и тот же день недели (в соответствии с чередованием четных и нечетных недель), *кирпич* – полный текст диссертации, *мокрая печать* – полученная естественным путем (а не с помощью принтера или факсимиле) печать на документе и проч.

В каждом случае метафорическое наименование выполняет важные идентификационные функции в сфере профессионального знания. Специфика метафоры в профессиональных сферах деятельности обусловлена ее связью с обыденным познанием, а потому наимено-

вания зачастую оказываются доступными и понятными даже неспециалисту. Будучи связанным с базовым уровнем категоризации, метафорический образ востребован как на этапе профессиональной социализации человека, так и на этапе усвоения и применения необходимых специалисту концептуальных структур.

Список литературы

1. Болдырев, Н. Н. О типологии знаний и их репрезентации в языке // Типы знаний и их репрезентация в языке: сб. науч. тр. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2007. С. 12–28.
2. Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение. М.: Флинта: Наука, 2011. 224 с.
3. Голованова, Е. И. Профессиональная когниция как разновидность интерпретирующей деятельности // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2013. № 31 (322). Филология. Искусствоведение. Вып. 84. С. 28–32.
4. Голованова, Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. 2-е изд., исправл. и доп. М.: Элпис, 2008. 304 с.
5. Рут, М.Э. Образная номинация в русском языке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. 148 с.

Голубева М. В. (г. Оренбург)

СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ ЭРГОНИМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА ОРЕНБУРГА

Изучение речевого пространства города, посёлка, села всегда являлось актуальной, но малоизученной темой для рассуждения. Оно рассказывает о многом: об уровне языковой структуры регионов, об истории развития общественных аспектов, а также о древности истоков. Оренбург и Оренбургская область, начиная со времён П.И. Рычкова и В.И. Даля, является объектом исследования топонимического пространства. Всё это определяет тему нашего исследования системы и структуры эргонимов г. Оренбурга. Выбор материала обусловлен актуальностью, а также желанием определить степень культурной, этнической и языковой грамотности жителей нашего города.

Объектом исследования являются эргонимы города Оренбурга. Предметом исследования данной работы служит семантическая специфика названий торговых точек и мест обслуживания населения.

Актуальность исследования заключается в том, что данная тема малоизучена, но всё больше привлекает внимание лингвистов и языковедов. Цель работы – проанализировать особенности эргонимов города Оренбург как культурно значимых именовании.

Эргонимическая лексика занимает особое положение в ономастике и характеризуется рядом особенностей, позволяющих выделить ее в отдельную группу. Эргонимами обозначаются собственные наименования деловых объединений людей в производственной, научной, политической, культурной, спортивной и других сферах. Эргонимы являются не только лексемой, но и коммерческим символом, функционируют в зависимости от экономических аспектов. К эргонимам следует причислять любые названия коллективов или групп, созданных для решения какой-либо задачи или для осуществления какой-либо деятельности [Шимкевич, с. 138–139]. Собственник начинает свой бизнес с выбора завлекающего, интересного эргонима, он считает, что название магазина бесспорно повлияет на дальнейшую судьбу предприятия, вследствие чего и появилась востребованная профессия – копирайтер. Копирайтинг (от англ. copywriting) – составление рекламных (в том числе «продающих», имиджевых и презентационных) текстов. Специалистов, которые занимаются составлением рекламных текстов, называют копирайтерами, то есть служащими [<http://ru.wikipedia.org/>].

Эргонимы выполняют несколько функций: информативную, рекламную, рекламно-информативную. Центральной функцией является рекламно-информативная, потому что эргоним должен быть запоминающимся. Например, магазин строительных товаров *Стройландия*: потенциальному клиенту понятен и продукт происхождения (строительные товары), и реклама (вторая часть слова английского происхождения land – «страна», что определяет большой выбор строительных товаров. При реализации информативной функции в названиях магазинов обязательно указан вид товара или поясняется коммерческое направление: магазины «Автозапчасти», «Продукты», «Мебель». Покупателю совершенно ясно, за каким товаром он идет, но такие эргонимы не обладают внешней привлекательностью, поэтому не выполняют роли торгового символа. В выборе таких наименований, несущих информационно-рекламную функцию есть как положительные, так и отрицательные черты. Если номинатор выбирает яркое, необычное название, то эргоним сыграет свою важную роль в привлечении потенциального клиента. Однако часто потребитель не

может понять сути названия, или эргоним несет какую-то негативную оценку для покупателя.

Семантическое пространство эргонимов города Оренбурга многообразно. Каждое наименование ассоциируется с определенным понятием и имеет внутреннее содержание. В результате анализа нами были выявлены следующие группы:

1. Именные эргонимы, содержащие информацию о собственнике.

Структура таких речевых единиц типична: имя собственное или его падежная форма. Среди них выделяются:

а) Эргонимы-женские имена. «ZARA», (ш. Шарлыкское, 1, молл «Армада»), «Кира Пластинина» (ш. Шарлыкское, 1, молл «Армада») – это специализированные магазины для женщин, основным товаром, для которых является одежда или белье. Большая часть подобных названий имеют парикмахерские или салоны красоты: «Клеопатра» (Новая, 12), «Виктория», (Брестская, 30), «Галина Нучева» (по владельцу, Пушкинская, 22, Чкалова, 46, Володарского, 20), «Светлана» (Парковый проспект, 11), «У Людмилы» (Салмышская, 33). Нередко женскими именами называют продуктовые магазины: «Елена» (Томлинская, 250, Просторная, 23/1) «Ирина» (Магистральная, 8), «Каролина» (Беляевская, 23), «Людмила» (Благословенка, Центральная, 10).

Сейчас стало модным давать женские имена в качестве названий мебельных и кухонных салонов: «Татьяна», (Дзержинского проспект, 4а), «Линда» (Салмышская, 60), «Дария» (Шевченко, 20Б)

б) Эргонимы-мужские имена. Они менее распространены, в отличие от женских. Обычно мужскими именами называют различные бары и кафе – «Панкратов» (Советская, 36), названия автомастерских – «Алекс-шина» (Яицкая, 15)

2. «Литературные» эргонимы – имена сказочных героев или названия, ассоциирующиеся со сказками или легендами.

а) Эргонимы-сказочные герои. Торговые объекты, названия которых связаны с детством, носят позитивный характер. Это один из лучших вариантов привлечения клиента. Данная эргономика является интересным вариантом для торговых предприятий, занимающийся продажей детских товаров. Например, существует кафе для семейного отдыха под названием «Бегемот» (Джалнгильдина, 9/4, Чкалова, 26/1, Советская, 9, Ленинская, 57а), а также название кондитерского магазина «Винни-Пух» (Дзержинского проспект 4а, 23, Салмышская, 24, Новая 4, Восточная, 42/7, Туркестанская, 149а, 8 Марта, 40 к14),

«Чудо-Юдо» (Новая, 4, Салмышская, 41, Туркестанская 161, Гагарина проспект, 48/3).

б) Эргонимы-греческие божества. В Оренбурге немало подобных единиц искусственной ономастики. Выбирая имена греческих и римских божеств для названия своих коммерческих объектов, владельцы преследуют рекламные цели и часто забывают об информативной. Например: магазин «Гермес» (Гагарина проспект, 24а), торгующий продуктами питания выглядит довольно нелепо, ведь Гермес – это верховное божество греческой мифологии. Трудно определить мотивированность данного эргонима.

в) Эргонимы, источниками которых являются художественная литература, кино, искусство. Интерес к искусству и культуре у большинства горожан высок, но эргонимы такого типа встречаются очень редко. Например, существует магазин мебели «Офелия» (Шоссейная, 48/1, Новая, 25/3, Шевченко, 20Б, Мира, 4), (Офелия (англ. Ophelia) – вымышленный персонаж трагедии Уильяма Шекспира «Гамлет, принц датский». Молодая дворянка, дочь Полония, сестра Лаэрта и возлюбленная Гамлета).

Также есть название ветеринарной клиники «Айболит» (Гая, 3, Дзержинского проспект, 17/2) (доктор Айболит – вымышленный доктор, персонаж нескольких произведений Корнея Чуковского: стихотворных сказок «Бармалей» (1925), «Айболит» (1929) и «Одолеем Бармадея!» (1942), а также прозаической повести «Доктор Айболит» (1936)).

3. Эргонимы-географические названия. В Оренбурге много коммерческих предприятий, которые имеют географические названия. Это распространённые эргонимы, которые носят информативную функцию – указание а место расположения объекта или на географию продукта.

а) Эргонимы, указывающие на местоположение объекта. Чаще всего они повторяют названия городских улиц и районов: «Центральный» (8 Марта, 40), торговый комплекс «Степной» (Дзержинского проспект, 4а), «Перекресток» (Лесхозовская, 2а).

б) Эргонимы, указывающие на географию производителя товара, выбирают редко, например: «Кафе Венеция» (Дзержинского проспект, 14/1).

4. Номинативные лексемы, содержащие в своей семантике указание на символику.

а) Эргонимы-названия цветов. Среди владельцев торговых точек огромное количество любителей флоры. Например, есть парикмахер-

ские, которые имеют названия цветов: «Орхидея» (Брестская 30), «Жасмин» (Брестская, 22). А сами магазины, торгующие цветами называются: «Flora» (Просторная, 23/1), «Вальс цветов» (Терешковой, 25 к1).

б) Эргонимы – названия деревьев и кустарников. Большинство магазинов с такими названиями являются продуктовыми: «Калина» (Братьев Башиловых, 7), «Берёзка» (Салмышская, 72).

в) «Зодиакальные» эргонимы. Названия – знаки зодиака не осуществляют информативной функции, они являются только элементом рекламы или ассоциативным понятием. Магазин «Водолей» (Гагарина проспект, 54/1) торгует сантехникой, вероятно, у номинатора использование сантехнического оборудования ассоциируется со знаком зодиака, льющим из ковша воду.

г) Эргонимы, указывающие на субъект. Органично в эргономическом поле города Оренбурга выглядят номинативные единицы, определяющие товар. Магазин «Океан» (Советская, 52) может торговать морепродуктами. Мотивированным является название мужской одежды «Большие и добрые» (Победы проспект, 129), которое определяет не только пол, но и подсознательно определяет качество товара. Корректные и эстетичные названия имеют торговые сети, предлагающие покупателю изделия из золота, серебра и драгоценных камней: «Изумруд» (Дзержинского проспект, 24, Брестская, 32/2, Салмышская, 7, Новая, 4), «Алтын», «Золотой» (Советская, 25).

д) Эргонимы, в структуре которых присутствует словосочетания типа «Дом обуви» (Алтайская, 10), «Империя сумок» (Дзержинского проспект, 23, Новая 4, Гагарина проспект 48/3) и т.д.

Названия деловых объединений людей в Оренбурге и Оренбургской области представляют большой интерес для изучения. Они активно функционируют в речи людей. Это постоянно развивающийся, видоизменяющийся пласт лексики, достойный глубокого лингвистического анализа. Проанализировав особенности эргонимов Оренбургской области как культурно значимых наименований, решив основные задачи такие, как сбор фактического материала, анализ ассоциативных связей, установление лингвистической природы оренбургских эргонимов, произведя лингвокультурологический анализ эргонимов, мотивированных конкретными и абстрактными номинациями, определив функции эргонимов в «языке города» для определения коммуникативной успешности эргонимов, мы пришли к выводу о том, что эргонимы определенной территории является показателем не только

культуры местного социума, но и выявляет уровень общей грамотности жителей данного населенного пункта. Эргонимы, содержащие в своей основе абстрактную лексику, способствуют развитию новых значений у уже известных слов, то есть способствуют развитию языка в целом.

Таким образом, большинство создателей эргонимов города Оренбурга обладают эстетическим вкусом при выборе наименований своего коммерческого предприятия, а также осознают функции эргонима в «языке» города.

Литература:

Шимкевич Н.В. Язык. Система. Личность. – Екатеринбург, 2000. /<http://ru.wikipedia.org>

Шимко Е. В. (г. Ужгород, Украина)

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ В ИСТОРИИ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

Эволюция восточнославянских литературных языков неразрывно связана с языком церковнославянским, который является общим достоянием всего православного славянства и в течение многих столетий был основой религиозных и культурных связей разных славянских народов. Как отмечает А. Камчатнов, «славянский литературный язык возник в эпоху общеславянского единства, когда еще не было южнославянских, восточнославянских и западнославянских языков, а были лишь южные, восточные и западные диалекты одного общеславянского языка» [3]. В этих условиях цель святых братьев Кирилла и Мефодия создать литературный язык для всех славян оказалась вполне достижимой.

Необходимость детального и всестороннего изучения церковнославянского языка была убедительно аргументирована еще во время дискуссии на IV Международном съезде славистов (1962 г.). Обсуждение вопросов формирования и развития славянских литературных языков показало необходимость построения истории церковнославянского языка как единого литературного (культурного) языка славянства [13, см. выступления Б. Гавранека, С. А. Копорского, Б. Унбегауна, А. И. Журавского, А. Достала и др.]. Однако до сих пор серьез-

ное научное внимание уделялось лишь древнейшему этапу истории древнеславянского языка — языку старославянскому (выделено Е. III.). Что касается изучения церковнославянских памятников более поздних эпох — вплоть до XVIII в., то они изучались, по мнению Н. И. Толстого, «спорадически, и главным образом в целях обнаружения в них конкретных локальных, диалектных черт» [6, 52 - 53].

Между тем, изучение эволюции лингвистических взглядов, направленность реформ и «рефлексий», начиная с периода так называемого «второго южнославянского влияния» и вплоть до середины XIX века, свидетельствует о том, что история церковнославянского языка существенно зависела от осознанного на него влияния:

во-первых, отношения к языку, как к словесной иконе, его хранение ставшее правилом Православной Церкви;

во-вторых, языковое творчество кодификаторов, во многом направленное на кодификацию единой, обще-восточнославянской редакции церковно-славянского языка — литургического и литературного языка в едином культурно-языковом пространстве *Slavia Orthodoxa*.

Именно такая трактовка многих тенденций в эволюции книжно-письменной традиции у восточных славян появилась за последнее десятилетие в современной научной литературе. Например, в XVI — XVIII веках в ареале *Slavia Orthodoxa* отчетливо просматривается ориентация на возрождение единого церковнославянского языка. Так, например, процесс реставрации старокнижных традиций, примыкающий к верхней хронологической границе «второго южнославянского влияния», формально связывается с теоретическим обоснованием московского самодержавия: желанием распространить власть, по крайней мере, авторитет и влияние царя в других славянских землях, и прежде всего на Балканах. Однако по сути, это неизбежно приводило к необходимости «почистить» литургический язык, сделать **обще-славянским**, поскольку изменение его в рамках лишь РПЦ, явная монополизация церковнославянского языка (читай «русификация») привела к тому, что для других славянских народов он становится непонятным — и такой новорусский извод, кроме самих русских, никто применять в богослужении не захочет и не сможет.

Сохранение «неприкосновенности» церковнославянского языка, по мнению ряда исследователей, оказала «тормозящее, сдерживающее влияние, замедлила образование национального русского языка» [4, 243], однако была поддержана и идеологически обоснована. Осо-

бое внимание уделялось «правильности», которая мыслилась как максимально точное следование авторитетным южнославянским образцам. Книжные справщики, руководствуясь стремлениями к унификации корпуса церковных книг, выстраивали текст на точном и правильном литургическом языке, который представляется как новый подбор буквальных словарных соответствий между церковнославянскими и греческими формами и их последовательное применение. Кроме того, сыграл свою роль и фактор сознательного расподобления нового текста с предшествующей, отвергнутой, редакцией.

С идеей возрождения (создания) общего литургического языка смыкается и так называемая «книжная справа» XVII века. Согласно заявке, в результате этой реформы московские книжники должны были опять-таки получить возможность возвращения к чистому, исходному церковно-славянскому языку, от которого их отделял повседневный быт. В XVIII веке идея «общего» славянского литературного языка получила новое развитие в связи с петровскими реформами и секуляризацией общественной жизни России.

История церковнославянского языка в указанный промежуток времени (от периода крещения Руси и до Петровских времен) неоднозначна. Современная лингвистическая наука стоит на пороге пересмотра основных теоретических положений, в частности, взглядов на языковую ситуацию Древней Руси, особенностей взаимодействия книжного и разговорного языков, прерывности/непрерывности книжно-письменной традиции. Поэтому утверждение авторов коллективной монографии «Философские проблемы языкознания», рассматривавших эволюцию церковнославянского языка как совокупность **исключительно количественных изменений**: «Зміни в мові, що відбулися в відомий нам проміжок часу, надто незначні. Скажімо, якщо порівняти давньоруську літературну мову з сучасними українською, російською і білоруською літературними мовами, то навряд чи можна говорити про якусь якісну зміну мовної системи в цілому. Відбулися лише окремі зміни в певних ділянках цих систем. Однак пов'язати їх з новою якістю в розвитку мислення жодних підстав у нас немає. Розвиток ... за цей період мав лише кількісний характер» – можно считать явно устаревшим [12, 153].

О характере церковнославянской языковой системы того времени мы судим на основе данных, полученных из косвенных источников – грамматик, учебников, предписаний, а также из литературных произведений различных жанров, авторы которых сознательно или нео-

сознанно следовали тем или иным прескрипциям, придерживались того или иного языкового поведения. Современные методы описания языка, включение языковых явлений в общую синергетическую парадигму позволяют иначе оценивать действие на эволюцию языковой ситуации Московской Руси таких экстралингвистических факторов как:

1. Явления, связанные с жизнью общества, причем не только закономерные, но и случайные.

2. Избыточность информации, проявляющаяся в случайности выбора смыслоразличительных структур, которых в языке всегда больше, чем это необходимо для понимания и различия определенных смыслов;

3. Функционирование, языка т.е. речь, поскольку если прекращается речевое использование языка, то перестают действовать и внутренние законы его развития;

4. Постоянные противоречия между различными языковыми вариантами, наиболее стабильным из которых традиционно считается кодифицированная норма.

Действие указанных экстралингвистических факторов определило судьбу церковнославянского языка как общевосточнославянского литургического, последнюю попытку создания которого мы связываем с «третьим южнославянским влиянием»¹, т.е. влиянием книжной традиции Юго-Западной Руси на великорусскую книжную традицию в XVII в.

До недавнего времени факт «третьего южнославянского влияния» не находил признания у исследователей, ориентированных на анализ только лингвистических составляющих этого процесса. См., например, замечание Ф. П. Филина о том, что «третье южнославянское влияние» по своему значению не идет ни в какое сравнение с первым и вторым [10, 292]. Однако в контексте истории церковнославянского языка именно в этом процессе проявила себя вся совокупность экстралингвистических факторов. Укажем некоторые из них.

1.1. Реальные политические цели «книжной sprawy» разошлись с провозглашенными. Например, Никон сверял русские богослужебные книги не с древними, а с новыми греческими книгами. Следовательно, реально он стремился не к возвращению древнего благочестия как было постулировано, а к тому, чтобы учесть изменения, происходившие в православии только за последние двести лет. Политическим компонентом замысла реформы при этом было стремление к «воссо-

единению всех славянских церквей» [11, 6] и приведение к единому образцу всех богослужебных книг: «Если не исправить книг, не присоединятся к нам другие метрополии...», – считал Никон [11, 160]. Противоречивость целей и задач провозглашенной Никоном «книжной sprawy» привела к резкому неприятию реформы, к протесту со стороны многих священнослужителей и простых верующих, не знавших реальных целей этой реформы и усмотревших в данных замыслах покушение на чистоту сакрального церковно-славянского языка. Раскол в русском православии значительно усложнил процесс формирования общевосточнославянского культурного языка, если не сделал невозможным.

1.2. После присоединения Украины вопрос об «общем» литературном языке, как указывал Трубецкой Н. С., ставился в форме довольно обидной как для русского, так и украинского национального самосознания: речь шла не о слиянии и обогащении книжно-письменных традиций, а об упразднении одной из них как неправильной, испорченной и сохранении другой как единственно возможной, подлинной. Поскольку Петр I стремился в Европу, а Юго-Западная Русь столетиями была к ней значительно ближе, имела тесные контакты, культурные и экономические связи, в этом вопросе Российское государство стало на сторону украинцев, что вызвало определенную неприязнь к культурным деятелям Западной Руси со стороны московских ученых.

Признание определяющей роли юго-западной книжной традиции, а следовательно «третьего южнославянского влияния», в процессе формирования общего культурного языка для восточных славян в этот период ставит под сомнение непрерывность книжно-письменной традиции в России. В XV и XVI веках церковно-славянский язык Юго-Западной и Московской Руси развивался различными путями, и к первой половине XVII в. несходство «двух культур стало чрезвычайно глубоким» [8, 362]. По мнению ряда исследователей, уже с XVII века «все традиции и формы использования церковно-славянского языка для светской литературы идут из Украины» [8, 187], в результате чего происходило расслоение общества на тех, кто стремился в открытости московского государства и форм светской жизни, максимально приближенных к европейским традициям, и тех, кто воевал за традиции и стойкость укладов.

1.3. В известных восточнославянских культурных центрах (Вильне, Киеве и Москве) наблюдается двойственность и параллелизм норм

церковно-славянского языка (см., например, изменения, внесенные справщиками в московское издание 1648 г. грамматики М. Смотрицкого). Это связано и с феноменом юго-западной «простой мовы», максимально приближенной к разговорному диалекту. Попытка перенесения «простой мовы» на великорусскую почву, создания аналогов не получила развития, однако привела к диверсификации средств выражения, не имевших жесткой соотнесенности с жанром и стилем произведения. Значительная вариативность лексических единиц наиболее ярко проявилась в произведениях конфессионального и светского содержания (ср., например, «Житие протопопа Аввакума» и «Юности честное зерцало»), что разрушило стройную символично-стилистическую структуру церковно-славянского языка.

1.4. Московская Русь традиционно воспринимала церковно-славянский язык как сакральный, правильный, не подлежащий исправлению. Он служил исключительно общению с Богом. Система «язык – символ – Бог» получила в русской культуре теоретическое обоснование. Секуляризация общественной жизни в конце XVII – начале XVIII века, попытки использования церковно-славянского языка в светском общении подорвали функциональные основы русской книжной традиции. Функционирование церковно-славянского языка в указанное время в Московской Руси представляет, как считает Н. Н. Запольская, «последовательное движение от воспроизведения «своей» славянской традиции до буквального следования греческим образцам, что было обусловлено движением от духовного **изоляционизма к концепции духовного универсализма**» [2, 163].

«Третье книжно-славянское влияние» по своей сути было еще одной попыткой придать церковнославянскому статус «общего литературного языка» восточных славян. Между тем, к 30-м годам XVIII века, к периоду непосредственного вхождения России в европейское культурно-языковое пространство относится упадок идеи создания «общего» литературного языка восточных славян, в котором определенную роль опять-таки сыграли экстралингвистические факторы. Языковые программы русских реформаторов к тому времени были переориентированы на западноевропейские образцы. Как писал Л. И. Соболевский, русские реформаторы «усвоили себе вполне тот или другой иностранный язык и ознакомились более или менее обстоятельно с иностранными литературами», и им «кинулась в глаза близость, почти тождество литературного языка на Западе с живым, а вместе с тем живость литературного языка Запада» [5, 121–122].

Таким образом, различные экстралингвистические причины в истории церковнославянского языка не позволило ему стать орудием культурного, политического и делового общения славян, несмотря на то, что в разные эпохи актуализировал идеи «единства славянского самосознания», «славянского христианства» [6, 48].

Примечания:

¹ «Третьим южнославянским влиянием» Б.А. Успенский называет юго-западное влияние на великорусскую книжную традицию в XVII в.

Литература:

1. Горшков А. И. Теоретические основы истории русского литературного языка. - М., 1983.
2. Запольская Н. Н. «Общий» славянский литературный язык: типология лингвистической рефлексии. - М., 2003.
3. А. М. Камчатнов. О лингвистическом статусе церковнославянского языка // [www.pokrov.lt/...](http://www.pokrov.lt/)
4. Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.) . - М., 1975.
5. Соболевский А. И. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV – XV вв. // Соболевский А. И. История русского литературного языка. - Л., 1980.
6. Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. - М., 1988.
7. Трубецкой Н. С. К украинской проблематике // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. / Составил В. М. Живов. - М., 1995. - С. 362 - 380.
8. Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре // Там же, - С. 162 – 210.
9. Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI – XIX вв.). - М., 1994.
10. Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. - М., 1981.
11. Филиппов М. А. Патриарх Никон: В двух частях. - М., 1992.
12. Філософські питання мовознавства. - К, 1972.
13. IV международный съезд славистов. Материалы дискуссии – М., 1962.

Максимова Л. С. (г. Оренбург)

ДИАЛЕКТИЗМЫ В «ОРЕНБУРГСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЯХ»

Диалектизмы – слова-синонимы литературных слов, но бытующие на той или иной территории. Диалектизмы – атрибуты разговорной речи. В художественном и публицистическом стилях их исполь-

зовуют намеренно как художественный метод. В публицистике их называют внелитературными лексическими средствами. Их употребляют для яркой характеристики персонажа (передачи речи, внешнего вида и т.д.), описания местности. Безусловно, наличие диалектизмов должно быть оправдано жанром текста. Как правило, это зарисовки, репортажи, очерки, интервью. Наличие диалектизмов говорит о жанровом разнообразии периодического издания.

Доцент Оренбургского государственного педагогического института Борис Александрович Моисеев собрал диалектизмы оренбургских говоров в «Оренбургский областной словарь», изданный в 2010 году. Материалы к нему он собирал на протяжении шестидесяти лет – с середины XX века до времени издания словаря (материал Борис Александрович собирает и сейчас для Дополнений к своему словарю). Во время командировок, со студентами во время диалектологической практики, уборки урожая в районах области он изучал местную речь и записывал новые слова. Другим источником послужили рукописные и печатные издания дореволюционного и советского периода, книги оренбургских писателей, оренбургские газеты до 1917 года и советского времени.

Среди периодических изданий, в текстах которых встречались диалектизмы, наиболее часто встречаются «Оренбургские ведомости», «Оренбургские епархиальные ведомости», «Оренбургский листок», «Чкаловская коммуна» («Южный Урал»). Большинство примеров представлено «Оренбургскими епархиальными ведомостями», что свидетельствует о богатстве содержания газеты.

«Оренбургские епархиальные ведомости» – издание, выходявшее с 1872 года в Оренбургской епархии. Прошло долгие годы становления. Состояло из официальной и неофициальной частей. Первое время была несамостоятельной: в официальной части перепечатывались новости из «Церковного вестника», а в неофициальной части редактор помещал собственные проповеди. В восьмидесятых годах газета меняется благодаря увеличению редакции. Особенно творческим становится неофициальный отдел, в нем появляется много материалов о мусульманах. В конце девяностых редакция переориентировалась на интересы местной церкви и духовенства, к началу нового столетия газета достигает твердого положения в направленности, редакционной политике. Наибольшее число диалектизмов, судя по словарю, Б.А. Моисеева как раз выпадает на этот период.

Широка тематика диалектных слов, встречающихся в «Оренбургских епархиальных ведомостях». Мы сгруппировали их по темам:

быт; жилище, дом; предметы для хранения и переноски еды; внешний вид, одежда (у православных и инославных); стройматериалы; деньги; еда; сельское хозяйство; растения; животные (домашние, не домашние); промежуток времени; отношения с людьми (профессиональные, социально-групповые, межнациональные, конфессиональные); религиозный быт; игры, веселье; говор, речь; промыслы; человек; природа; здоровье, болезни.

Эти слова дают красочную картину жизни оренбуржцев 19 века. Мы знаем, какие у них были дома (*горн, горон* – очаг с дымоходом, кладётся из кирпича и обмазывается глиной. Над топкой устанавливается котёл для кипячения воды, молока, варки пищи и т. п. Обычай устраивать такие очаги в своём жилище русские заимствовали у казахов; *матицы* – поперечные брусья для потолка), в том числе узнаём о жилищах соседей-киргизов (*жуламей, джуламейка* – войлочная кибитка с острым верхом, в которой жили обычно бедные казахи (богатые казахи имели большие кибитки с верхом в виде купола). Знаем, во что одевались (*дубас* – сарафан, *жаулык* – белый платок, головной убор женщины (киргизки) в отличие от цветных (красных) платков, которые носят девушки». Тург. газ. 1902. № 180. «Жаулык – полотенце на голове киргизки». Орен. епарх. 1903. № 18. С. 631 (ср. джаблук, джавлук).

Известно, какие блюда кушали (*коже* – жидкая каша из пшена, толчёной пшеницы или муки, поджаренное пшено; *кувардак, куурдак* – казахское кушанье из кусочков мяса, изжаренных в сале). Обращает обилие слов, относящихся к религии. Безусловно, это связано с направленностью издания. Из представленных диалектов узнаем о множестве бытовавших в Оренбуржье сект: *скакуны, нетовцы* (члены религиозной секты), *топтуны* (члены общины раскольников под названием «хлысты»), *никудышенское согласие* (секта раскольников), *никудымец, дырник, двоеданы* (старовер, раскольник). Особенность и преимущество диалектизмов в том, что они выражают оценку говорящего явлению, предмету. Так мы видим, как относятся к раскольникам православные.

Диалектизмы во многом использовались для описания культуры соседствующего народа, рассказов о быте оренбуржцев. Для многонационального края это важно потому, что способствует установлению взаимопонимающих, дружественных отношений между соседями. «Оренбургские епархиальные ведомости» в этом плане могли бы послужить примером для современных изданий.

Заборовская С.В., Позднякова Л.Е. (г. Харьков, Украина)

ЭВОЛЮЦИЯ КОММУНИКАЦИИ

Большая часть истории человечества прошла до появления современных электронных технологий и даже до появления письменности. Изменение типа сознания приводило к изменению типа господствующей в обществе культуры, что неизбежно влекло за собой также изменение коммуникативной среды. Умберто Экр, проанализировав целый ряд различных коммуникативных сфер, таких как кино, живопись, архитектура, реклама и др., признал, что «культура есть по преимуществу *коммуникация*». Типизация культур и типов сознания, предложенная Маршаллом Маклюэном, также основывается на доминирующей в обществе коммуникационной среде. В связи с этим критерием он выделяет 4 типа культур: устную, письменную, печатную и электронную, каждому из которых свойственны определенный тип сознания и социальной коммуникации. «Коммуникативный анализ культуры позволяет увидеть зависимость ее глобальных изменений от способов передачи и фиксации информации»¹. Таким образом, эволюцию коммуникации можно рассматривать лишь во взаимосвязи с изменением социальной памяти, т.е. знаний, существующих и передаваемых в какой-либо культуре, к которым принадлежат знания об общих действиях и, прежде всего, – пространстве и времени, культурных устремлениях и целях, т.е. мировоззрение. Переход от устного выражения мысли к ее письменной фиксации, а затем от печатного текста к изобразительно-звуковому, аудиовизуальному, и позже к мультимедийному способу передачи информации привели к наиболее существенным изменениям в способах и средствах коммуникации.

Ю.М. Лотман связывал самые существенные признаки культуры с двумя формами коллективной памяти – устной и письменной. «... Формы памяти производны от того, что считается подлежащим запоминанию, а это последнее зависит от структуры и ориентации данной цивилизации»². Индивидуальное сознание обладает своими механизмами памяти, коллективное сознание создает механизм коллективной памяти, исходя из потребности фиксировать нечто общее для всего коллектива. Для бесписьменной культуры характерен такой тип памяти, который стремится сохранить сведения не о нарушениях, а о порядке, не об эксцессах, а о законах. На первый план выступают ка-

лендарь и обычай, фиксирующие этот порядок, и ритуал, который позволяет сохранить в коллективной памяти все это. Из поколения в поколение передаются лишь те знания, которые необходимы для регулирования форм существования. Таким образом, общественные знания общества устной культуры представляют собой замкнутую структуру, позволяющую воспринимать изменение жизненных условий как непрерывность. Goody и Watt описывают эту закрытую структуру культурных знаний при помощи определений ГОМЕОСТАЗ (или восстановление состояния равновесия) и СТРУКТУРНАЯ АМНЕЗИЯ (или забывание неупотребляемых элементов). Вследствие того, что прошлое во время передачи из поколения в поколение автоматически согласуется с настоящим, в устных культурах, в отличие от письменных, не существует противоречия между прошлым и настоящим: миф и история слиты воедино.³

По М. Лотману, бесписьменная культура ориентирована на повторное воспроизведение текстов раз и навсегда данных, а не на умножение их числа, что требует и иного устройства коллективной памяти. Что же касается письменности, то здесь она не является необходимой. Устная культура – культура, ориентированная на будущее, поэтому всевозможные предсказания, гадания и пророчества имеют для нее огромное значение. «Члены «бесписьменного» коллектива ежечасно оказывались перед необходимостью выбирать, но выбор этот они осуществляли, не ссылаясь на историю, причинно-следственные связи или ожидаемую эффективность, а, как это и делают многие бесписьменные народы, обращаясь к гадалкам или колдунам. По сути дела, необходимость «посоветоваться» (с врачом, адвокатом, старшим) представляет собой рудимент той же традиции», отмечает М. Лотман⁴. Эта ориентация на приметы, гадания и оракулов позволяет бесписьменной культуре перенести выбор поведения во внеличностную область. Отсюда и характеристика идеального человека, как человека, который не только умеет понимать и верно истолковывать предсказания, но в то же время не знает колебаний в их осуществлении, не скрывает своих намерений и действует открыто.

Память в бесписьменных культурах подлежит постоянному упражнению, а воспоминания – сохранению и обновлению. «Устная память имела ограниченный объем и строго устанавливала, что необходимо хранить. Необязательное забывалось. Письменность позволила хранить ненужное и бесконечно расширять объем запоминаемого»⁵. Передача социальной памяти в устной культуре осуществляется при

помощи личного общения между членами одной группы. Передача посланий всегда связана с местом и временем, т.е. происходит в определенной ситуации между физически присутствующими в данное время коммуникантами. Культурные знания сохраняются исключительно в человеческой памяти и не переносятся на какие-либо материальные носители. Важные задания сохранения и передачи этих знаний переходили в племенных обществах к избранным членам, которые представляли перед соплеменниками в качестве поэта, певца, артиста и танцора в одном лице, разыгрывая события хранимого ими прошлого. М. Кресик указывает, что отличительным признаком такой устной инсценировки является ее мультимедийность, телесная близость, досягаемость и быстротечность, так как они связаны с местом и временем ритуального действия. Таким образом, ритуальным церемониям были переданы обеспечивающие идентичность знания о поведении, нравах, мифах, обычаях и брачных обрядах. Устные культуры знают поэтому лишь человека как носителя сигнала, который одновременно ведает и передачей послания. Отправитель в устных культурах отдает тело и душу, чтобы гарантировать сохранение и дальнейшую передачу обеспечивающих идентичность знаний⁶.

Б.М. Гаспаров выделяет необратимость и многоканальность в качестве двух признаков устности. «В слуховом восприятии участвуют по меньшей мере два канала – вербальный и мелодический, или просодический, последний включает интонацию, регистр, агогику. К ним часто подключается третий канал – визуальный (мимика, жесты), и восприятие устной речи становится комплексным (или мультимедийным – *пояснение наше*). А устное слово – мощным средством эмоционального воздействия»⁷. Кроме того, перипатетическая традиция мышления, построенная на принципе непосредственной обратной связи, предполагает возможность уточнения и повторения, а также внушения мысли собеседнику.

Старейшины, сохраняющие в своей личной памяти историю общества, являются представителями коллективной памяти. Человек в устных культурах представлен не текстом, а нарративом, при этом каждый пересказ или инсценировка являет собой неповторимый продукт сиюминутного взаимодействия рассказчика с конкретной аудиторией, «ибо нарратив не есть самоповествование (т.е. композиционная форма текста, отличная от описаний, рассуждений или диалоговых реплик); он являет собой текстопорождающую конфигурацию двух рядов событийности: референтного и коммуникативного»⁸. Та-

ким образом, бесписьменная культура предстает перед нами как культура нарратива, т.е. рассказа, «который всегда может быть рассказан по-иному»⁹, а важнейшей атрибутивной характеристикой нарратива является его самодостаточность и самоценность. Р.Барт отмечает, что «процессуальность повествования разворачивается «ради самого рассказа, а не ради прямого воздействия на действительность, то есть, в конечном счете, вне какой-либо функции, кроме символической деятельности как таковой»¹⁰. Каждый новый нарратор вольно или невольно вносит в повествование что-то свое, оставляя частицу своей личной памяти в памяти коллективной. Однако возможность интерпретации и существенных изменений устных передач все-таки ограничены их шаблонностью. Поскольку необходимые знания должны быть накоплены, собраны и сохранены в памяти, необходимо их структурировать с помощью определенного мнемонического образца. Существенным признаком является ритмизация в форме повторов, антитез, аллитераций, а также шаблонное использование определенных фраз и идиоматических выражений. Кроме того, искусство устного рассказа обладает огромным запасом стандартизированных клишированных тем. Шаблонность в тематическом и языковом отношении накладывает свой отпечаток на содержание знаний, передаваемых из поколения в поколение¹¹. Анонимность и мифологичность, свойственные бесписьменным обществам, проявляются в особой специфике ретрансляции культурных ценностей. Сохраняя и передавая из поколения в поколение мудрость старейшин, устная традиция запрещает всякое интеллектуальное новаторство, делая упор на старом и обычном.

Изобретение алфавита привело к коренному изменению культурной памяти и стало, по мнению Маклюэна, поворотным пунктом в истории человечества. Письменность позволяет удерживать гораздо больше знаний, чем необходимо для стабильности общества, и подрывает социальное согласие публикациями противоположных мнений и взглядов. Кроме того, письменные свидетельства могут быть перефразированы, объединены, раскритикованы и истолкованы в совершенно новой коммуникативной ситуации. К тому же в противоположность устным передачам рассмотрение прошлого возможно с точки зрения возвращения интересов настоящего. «Изоляция зрения как ведущего органа чувств при чтении привела к дистантному, эмоционально удаленному характеру взаимоотношений между читателем и текстом, усилившему объективизацию реальности и знания. Разная психодинамика зрения и слуха обуславливает карди-

нальное различие между устными и письменными культурами. Для устного общения характерен эффект присутствия собеседника, большая степень «общинности», чем для чтения, которое, как правило, осуществляется в одиночестве и потому способствует развитию индивидуализма. Положительные итоги изобретения письменности очевидны: она позволяет передавать информацию на расстоянии, хранить ее во времени, способствовать развитию литературного языка и т.д.»¹². Появление письменности, а затем и печатного станка, изменило не только коммуникативную парадигму, но и сознание личности, «открыло эру индивидуального творчества. До тех пор сохранялось лишь то, что проходило цензуру коллективной памяти и включалось в традицию. Возможность записывать открыла двери перед индивидуальным творчеством, резко изменила статус отдельной личности. С этого момента цивилизация связывается с идеями личности и индивидуального творчества. Традиции отводится консервирующая функция, а личность становится дрожжами истории, ее динамическим началом. Изобретение делается повседневным фактом, а скорость исторического процесса резко возрастает»¹³. Меняется экзистенциальность личности, так как все переносится на текст и связано с текстом: окружающий человека мир рассматривается как текст и главный смысл ищется тоже в тексте – научном или сакральном. Алфавит учит человека мыслить абстрактно: память освобождается для абстрагированного концептуального мышления, что ведет к появлению наук. В сопоставлении со строением письменных текстов, устное изложение является скорее дополнительным, чем подчинительным, скорее избыточным, чем кратким и точным, скорее консервативным, чем инновационным, скорее эмоциональным, чем деловым, скорее мифическим, чем историческим, скорее ситуативным, чем абстрактным. Таким образом, понятия «устный» и «письменный» указывают не только на использование различных средств передачи информации, но и на совершенно различный образ мыслей. По сравнению с мультимедийностью устных сообщений использование письменности приводит к ограничению визуального восприятия, так как сообщения передаются не присутствующим реально говорящим, а с помощью абстрактной системы знаков через материальные средства передачи информации. Использование письменности переносит культурную память с живого носителя на независимого, объективного и абстрактного. «Живое, звучащее слово, обращенное к конкретному человеку, заменяется абстрактным зна-

ком письменности, существующим вне времени, что предполагает возможность многократного к нему обращения. Он существует лишь в пространстве линейной плоскости, что задает необходимость легализации мысли, ее имплицитный и векторный характер»¹⁴. Отсутствие реального собеседника в письменной форме коммуникации предъявляет более высокие требования к построению текста: возникает необходимость предвидения всех возможных аргументов со стороны всех мыслимых коммуникатором оппонентов, что неизбежно ведет к постепенному расчленению сознания инициатора речи на «я» и «другого». Возрастает внутренняя диалогичность мысли, увеличивается рефлексивность мышления. Специфической формой закрепления личности становится мысль, отчужденная и зафиксированная письменно. Одновременно решается экзистенциальная проблема преодоления конечности личности, которая возникает именно тогда, когда человек осознает себя как личность, отличную от других. Личный опыт индивида, который в бесписьменной культуре растворялся в общем, коллективном опыте народа, теперь фиксируется и передается наряду с ним. Новая форма коммуникации помогает личности запечатлеть свой неповторимый вклад в культуру.

В «Федре» Сократ критикует письменность: основное его возражение касается постепенного исчезновения автора за текстом, лишения информации субъективности. Текст, зафиксированный письменно, отстранен от автора, а потому не может быть им обоснован и истолкован. Неправильное толкование читателем и недостающая серьезность со стороны автора, который не может взять на себя непосредственную ответственность за свои высказывания, причиняют много вреда. Круг адресатов также невозможно ограничить. К тому же слабеет память, так как автор может теперь полагаться на чужое запоминание.

И все же в сократовской критике излагаются и достоинства письменности. Память отдельных личностей избавляется от бремени заучивания наизусть, так как культурные знания могут быть надежно сохранены в овеществленной форме и востребованы в любое время. Благодаря возможности долговечного хранения, способного к транспортировке, письменные тексты могут восприниматься через пространство и время. Однако в этом случае возникает необходимость их перевода, комментирования и толкования. Так как алфавит относительно легко поддается изучению, знания, письменно зафиксированные, становятся потенциально доступными каждому, что может привести к демократизации общества¹⁵.

Переход к письменной коммуникации означает отрыв отдельных индивидуумов от конкретной, приуроченной к пространству и времени коммуникативной ситуации. Перемещение с содержания коммуникации на её конкретного носителя делает возможным передачу и получение как их собственных, так и чужих сообщений. Освободившись от непосредственного духовно-физического вовлечения в коммуникативную ситуацию, отправитель может теперь проявить свои интеллектуальные способности. Революционные изменения в области передачи и хранения информации изменяют психологию рядового участника событий, отмечает М. Лотман. «С одной стороны, расширяются возможности организации форм общественной жизни, памяти, учета и прогнозирования результатов, с другой – индивидуальной творческой деятельности»¹⁶.

До появления книгопечатания роль письма как универсального средства общения и практически единственного способа воспроизведения текста была необычайно велика. Изобретение в 1455 году книгопечатания привело к увеличению коммуникативных потенциалов, уже имеющих в рукописной культуре манускрипта. Количественное увеличение и распространение книг привело к увеличению знаний. А открытие способа тиражирования подвижных литер способствовало нейтрализации материальности знаков. Рукописные документы, напротив, сохраняют в себе видимые следы телесного присутствия в виде индивидуального почерка пишущего. Поэтому книгопечатание может быть истолковано как окончательное расставание с «телесностью». Отсутствие телесности означает, что автор и читатель физически отсутствуют друг для друга. Смысл печатного текста уже не порождается в личном разговоре участников интерактивного процесса. Читатель чаще всего пытается представить себя автором текста, который является «источником смысла», и реконструировать заключенный в тексте смысл, а автор в процессе создания чаще всего представляет себе своего воображаемого читателя.

Постепенная подготовка печатного способа коммуникации, происходит уже в рамках письменного. Механический тип фиксации информации ведет к появлению ряда важных коммуникативных качеств. Так обусловленная тиражом унифицированность и стандартность значительного количества текстов создает определенное поле доверия к напечатанному. Уникальная, а подчас и обманчивая в силу своей единичности, информация, которая исходила от индивида в устном или письменном способе ее распространения, «превращается в определен-

ной степени в обезличенное надындивидуальное отправление, где авторство играет зачастую второстепенную роль»,¹⁷ так как печатный текст по пути от автора к получателю, как правило, проходит целый ряд промежуточных инстанций (напр., издатель, редактор, типография, корректор, цензура). В силу этого печатная информация представляет собой олицетворение некоей общественной инстанции, которая вызывает большее доверия, нежели отдельная личность.

Существенным достижением книгопечатания является издание огромного объема знаний из различных областей науки, которые стали доступны широкому кругу читателей. Кроме того, газета, учрежденная в 17 веке, стала первым средством массовой информации, которое периодически сообщало актуальную информацию, представляющую интерес для большинства населения. Как справедливо замечает Я. Н. Засурский, «размножение знаний с помощью печати произвело реальную революцию в умах людей, раскрепостило их, сделало свободными, иногда полусвободными, но все-таки думающими, имеющими доступ хотя бы к книге, а это очень много»¹⁸. Поэтому «в настоящее время можно сколько угодно говорить о том, что абсолютное превосходство алфавита над другими видами письменности, признаваемого в качестве идеала европоцентристской традицией, представляется «отжившим понятием»: для европейской культуры алфавит сыграл свою тридцативековую роль, и сегодня нельзя сказать, что в рамках этой культуры ему уже есть серьезная угроза или реальная замена»¹⁹.

Примечания:

¹ Боров В.Ю., Коваленко А.В. Культура и массовая коммуникация. – М.: Наука, 1986. – С.150.

² Лотман М. Несколько мыслей о типологии культур // М. Лотман. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллин: Александра, 1992. – С. 103.

³ Goody J., Watt I. Konsequenzen der Literalitat // Jack Goody, Ian Watt, Kathleen Gough. Entstehung und Folgen der Schriftkultur. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986. S. 68-73. цит. по Kresic Marijana. Kommunikationstheorie und Internet. <http://www.mediensprache.net/de/networx/docs/networx-15.aspx/>

⁴ Лотман М. Несколько мыслей о типологии культур // М. Лотман. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллин: Александра, 1992. – С. 104.

⁵ Лотман М. Технический прогресс как культурологическая проблема // М. Лотман. Семиосфера. – СПб.: Искусство, 2001. – С.624.

⁶ Kresic Marijana. Kommunikationstheorie und Internet. [http://www.mediensprache.net/de/networx/docs/networx-15.aspx.](http://www.mediensprache.net/de/networx/docs/networx-15.aspx/) – С.28.

⁷ Гаспаров Б.М. Устная речь как семиотический объект // Лингвистическая семан-

СЕКЦИЯ 1.

РУССКИЙ И ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ТЕКСТ КАК ДУХОВНЫЙ ФЕНОМЕН

тика и семиотика. Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 442. – Тарту, 1978. – С. 63-112.

⁸ Топо В.И. Очерк современной нарратологии // Критика и семиотика. – 2002. – Вып. 5. – С.8.

⁹ Грицанов А.А., Можейко М.А. Постмодернизм. Энциклопедия. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – С.493.

¹⁰ Там же. С.490.

¹¹ Kresic Marijana. Kommunikationstheorie und Internet. <http://www.mediensprache.net/de/networx/docs/networx-15.aspx>. С.27.

¹² Леонтович О.А. Проблемы виртуального общения. <http://www.irex.ru/publications/polemika/7/leontovich/htm>.

¹³ Лотман М. Технический прогресс как культурологическая проблема // М. Лотман. Семиосфера. – СПб.: Искусство, 2001. – С.624.

¹⁴ Боров В.Ю., Коваленко А.В. Культура и массовая коммуникация. – М.: Наука, 1986. – С.151-152.

¹⁵ Kresic Marijana. Kommunikationstheorie und Internet. <http://www.mediensprache.net/de/networx/docs/networx-15.aspx>. С.30.

¹⁶ Лотман М. Технический прогресс как культурологическая проблема // М. Лотман. Семиосфера. – СПб.: Искусство, 2001. – С.627.

¹⁷ Боров В.Ю., Коваленко А.В. Культура и массовая коммуникация. – М.: Наука, 1986. – С.161.

¹⁸ Засурский Я.Н. Роль технологий в истории развития печати // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. – 2003. – № 2. – С.9.

¹⁹ Шичалин Ю.А. «Осевые века» европейской истории» // Вопросы философии. – 1995. – №6. – С.75-86.

Москальчук Г. Г. (г. Оренбург)

РАЗМЕР ПРЕДЛОЖЕНИЯ И АБЗАЦА КАК РИТМООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР ТЕКСТА

Становление и эволюция графического облика текста продолжают веками. Типографские технологии организации письменного текста на странице интенсивно развиваются с появлением книгопечатания и большей доступностью бумаги как демократичного материала для письма. Значительно совершенствуют и ускоряют композиционно-графическую сторону организации текста компьютерные технологии, рекламная практика, стандартизация графико-композиционной стороны деловых документов и художественное творчество поэтов и писателей. Тем не менее, лингвистическое осмысление форматов абзацирования текста недостаточно. Теоретическое видение абзаца как компонента письменного текста плюралистично, поскольку данную

композиционную единицу текста пытаются осмыслить с разных сторон: как дискретный компонент целого, как стилистический феномен, как информационно-иерархичное единство, как графико-просодическое явление, как компонент формы текста и др. ЛЕВК

Абзац в качестве феномена письменного текста изучен недостаточно. Довольно большое количество исследований посвящено его внутренней структуре, где абзац рассмотрен как информационно-иерархическая структура, обладающая некоторыми модельными свойствами, воспроизводимыми в письменных текстах.

Абзац и сверхфразовое единство (ССЦ, СФЕ и др.) разграничиваются, исходя из их природы. Так, ССЦ выделяется по тематическому критерию, в качестве объединения предложений на основе единства развиваемой микротемы, то есть является итогом объективно-логического членения текста. Абзац же квалифицируется в качестве единицы субъективно-авторского членения текста, создается автором намеренно, с какой-либо композиционно-прагматической задачей (облегчить восприятие информации, регулировать скорость чтения текста, выявить ритм, придать тексту художественно-выразительные качества и т.п.).¹

Структура абзаца описывалась лингвистами чаще всего на материале художественных произведений. Л.М. Лосева изучила значительный корпус русских произведений, обнаружила общность их структурирования и формально-информационное сходство первых предложений абзаца, названных ею абзацными фразами (зачинами). Далее в абзаце возможна средняя часть и концовка. Автор отмечает, что не в каждом абзаце возможны данные компоненты. Интересными и не утратившими стилистико-прагматической значимости представляются правила разделения текста на абзацы, сформулированные Л.М. Лосевой.² Абзац, по мнению Л.М. Лосевой является структурно-семантическим ядром текста и с ритмо-мелодических позиций – знаком препинания. Г.Я. Солганик также придерживается трехчастности строения абзаца, однако отмечает, что не всегда абзац может быть представлен в своем полноструктурном виде. Зачины абзаца репрезентируют «новую» информацию, служат организующим началом абзаца. Средняя часть содержит развитие заявленной в зачине мысли или темы, она может быть различной протяженности. Концовка присутствует не всегда, она часто корреспондирует со структурой фрагмента как некоторого единства из ряда абзацев – фрагмента в терминологии Г.Я. Солганика.³

Идея вписанности абзацного отступа в систему знаков препинания теоретически развивается в работах Б.С. Шварцкопфа, выделяющего в пунктуационной системе русского языка традиционно рассматриваемое ядро (12 меж- и внутрипредложенческих пунктуационных знаков) и периферию системы пунктуации в виде разнообразных явлений пространственного, композиционно-типографского порядка (черточки, пробельность строк, звездочки, лесенки и т.п.), в данную группу же автор относит и абзацный отступ как знак препинания, оформляющий фрагмент текста от одного отступа до другого.⁴

Еще менее осмыслен формат абзаца как характеристика письменного текста, участвующая в регулировании скорости чтения и организующая восприятие текста читателем.⁵ Вопрос о том насколько размер абзаца связан с пропорциональными внутритекстовыми зависимостями дискретных составляющих и целого выводит частно-графическую проблему на уровень формообразования и композиции текста как целостности высшего порядка. Но здесь нужно разграничивать два аспекта: 1) абзац в отдельном тексте, где интересен ритм композиционного построения и его качества; 2) абзац как универсальная графико-стилистическая и функциональная единица формы текста.

Размер абзаца как таковой, то есть вне связи, как с другими абзацами данного текста, так и других текстов служит интересным параметром оценки функциональных качеств прозаической речи, может быть интересен для практических и теоретических оценок текстового субстрата в определенном жанре, стиле, в творчестве отдельного автора и т.п. В действительности размер абзаца в тексте выступает как усредненная оценка обычности/необычности размеров данной порции текста в узусе, гармоничности, либо дисгармоничности и/или экспрессивности внутритекстовых дискретностей в соотношении с целым.

В тексте каждый его объемно представленный компонент воспринимается зрительно, имеет некоторый пропорциональный целому объем, организует некоторый ритмический рисунок объемов в силу неодинаковости размеров отдельных композиционных частей, выделяемых на странице автором.

Методика определения размеров абзаца опирается на его сверхпредложенческую природу. Иными словами, абзацы, исходя из простой логики, можно оценивать по количеству целых (от точки до точки) предложений. Дискуссионно в данном случае условное теоретическое приравнивание размеров отдельных предложений, входящих в абзацы, нивелирование их синтаксической сложности. Тем не менее,

если полагать, что ритмической порцией целого текста является абзац, то следующей по иерархии единицей является отдельное предложение. Разумеется, можно вести подсчеты и в типографских знаках, и в словах, но смысловой ритм выражают все же завершенные высказывания, обладающие мелодикой и размерами. Итак, для построения модели ритмического целого (текста), намеренно подвергнутого авторскому композиционному делению, достаточно оценивать размер абзаца в целых предложениях.

Важным моментом представляется оценка отклонений от средней величины абзаца, то есть средний размер абзаца (предложения) есть величина абстрактная, математическая. В действительности абзац является целочисленной величиной.

Поэтому необходимо указывать меру отклонения среднего размера языковой единицы, осуществляющейся в некотором интервале размеров (среднее значение $\pm ?$). Интервал размеров, ограниченный данными значениями, отражает область инвариантно-устойчивого функционирования структуры произведения.

Но иногда происходят по воле автора достаточно значительные отклонения в размерах единиц, составляющих текст. Выход за статико-инвариантные усредненные размеры может осуществляться как в сторону уменьшения размеров абзаца (такие абзацы считаем сверхкороткими, далее – СК), так и в сторону их увеличения (сверхдлинные, далее – СД). Но здесь мы сталкиваемся с лимитом размеров минимального абзаца, он в реальном тексте не может быть менее единицы, хотя встречаются выборки, где данный статистический порог оказывается переиленным, например, парцелляты, вынесенные в отдельный абзац и подобное.

Текст, рассмотренный недискурсивно, является «функционально завершенным целым» (А.А. Леонтьев), он обладает цельностью, завершенностью, а также конечностью размеров, иными словами, представляет собой тотальную единичность, вписанную в некоторую форму.

Поэтому дискретные составляющие текста как тотальной отдельности (слово, предложение/высказывание, абзац, глава и т.д.) вписаны своими размерами в некоторое пространство-время цельного и отдельного текста, они создают неповторимо-повторяющийся ритмы собственной упаковки во внутритекстовое пространство-время данного и/или любого текста. Прежде всего, важно следование единиц (единств) в протяженность. Это ритм размеров и/или объемов.

Так, В.И. Иванов для немецкой прозы установил, что соотношения размеров предложения и абзаца характеризуется прямой зависимостью, а, следовательно, включается в систему «скрытой упорядоченности» объемов лексических и синтаксических единиц текста, которую отмечал немецкий исследователь Г. Аренс. Автор проанализировал соотношение между длиной предложения в словах и длиной слова в слогах, в результате приходит к выводу, что с увеличением размера предложения возрастает и размер слова, а с уменьшением размера предложения уменьшается и размер слова.⁶ Для русского текста подобные соотношения не встретились в лингвистической литературе, но они выводят на проблематику размерного подобия и самоподобия лингвистических составляющих текста, могут служить одним из аргументов в пользу фрактальности структур текста.⁷

В качестве примера рассмотрим соотношения размеров предложения и абзаца в нехудожественных произведениях А.С. Пушкина (разного рода литературных заметках, фрагментах, размышлениях). Всего были рассмотрены 500 абзацев, в которых оценивался размер предложений и их основные синтаксические характеристики (таблица 1).

Размер предложений различного синтаксического качества и мера варьирования отклонений от средней величины значительно различаются. Так, размер простого предложения составляет $11,46 \pm 3,33$, тогда как сложное предложения с различными видами связи его частей колеблется свыше 22 слов при возрастании меры отклонений от средней величины. Количество предложений, использованных в выборке из нехудожественных произведений А.С. Пушкина также неравномерно, что позволяет автору варьировать ритмическую сторону текста одновременно с синтаксическим качеством прозаического текста.

Таблица 1. Синтаксические характеристики предложений и их размер в нехудожественной прозе А.С. Пушкина

Тип предложения	Средний размер предложения в словах	σ	Количество предложений
Простое предложение	11,46	3,33	564
Сложное предложение	19,62	9,67	211

Сложноподчиненное предложение	20,19	5,94	326
Сложносочиненное предложение	18,86	6,06	88
Бессоюзное сложное предложение	22,82	9,72	357
Средние значения по выборке	17,46	6,24	1546

Таким образом, средний размер предложения в выборке составляет $17,46 \pm 6,24$. Учет систематические колебания размера предложения относительно среднего значения позволяет среднеквадратичное отклонение (σ). Данные параметры характерны для синтаксического фона (далее – Ф), на котором выделяются своими размерами сверхкраткие и сверхдлинные предложения, или предложения экспрессивных размеров. Сверхкраткими в данной выборке (далее – СК) являются предложения, обладающие следующим форматом: $17,46 - 6,24 = 11,22 \approx 11$ слов. Сверхдлинными (далее – СД): $17,46 + 6,24 = 23,7 \approx 24$ и более слова.

Доля сверхкратких предложений в выборке из 1546 предложений равна 630, то есть 0,407 от объема выборки. Сверхдлинные составляют 343 предложения (0,222), а остальные 573 (0,371) – фоновые, или среднего размера.

В абзацах, равных одному предложению, присутствуют предложения всех трех форматов. Соотношение в них СК 40 абзацев, а СД 44, то есть приблизительно одинаково. В абзацах размером от 2 до 12 предложений СД тяготеют преимущественно к конечной позиции. СК же характерны для начал абзацев.

Таблица 2. Вероятность предложений разного формата в нехудожественной прозе А.С. Пушкина

Формат предложения	Кол-во	Вероятность
СК	630	0,407
Ф	573	0,371
СД	343	0,222

Рассмотрим черновой набросок А.С. Пушкина «О народности в литературе», который достаточно типичен по своим форматам.⁸ Фрагмент посвящен спорам о народности в русской критике 20-х годов 19 века. Размер текста равен 7 абзацам (ср.: средний размер абзаца в выборке составляет 7,57 абзаца). Внутритекстовая эволюция размеров абзаца обнаруживает следующий ритмический сюжет: {1 – 1 – 2 – 3} и

{1 – 3 – 2}. Первый ритмический эпизод (4 ступени) строго соответствует числам ряда Фибоначчи, отражает закономерный рост спонтанно разрастающихся природных систем. Второй же ритмический эпизод (последние 3 абзаца) выглядит на этом фоне ярко экспрессивным: {1 – 3 – 2}, что создает его некую ритмическую автономию форматов в целом тексте, создает смысловой и структурный разъем в тексте.

Отклонения от инвариантно-усредненного функционирования структуры текста как в большую, так и в меньшую сторону отражают процесс выхода структуры на иные эволюционные возможности, при этом в рамках целого создаются новые ритмические и экспрессивные структуры. С синергетической точки зрения интересно сопоставить инвариантное протекание процессов спонтанного взаимоприспособления единиц друг к другу и к целому, то в подобном случае коридор размеров (среднее значение $\pm\sigma$) и будет отражать качественно-количественный вариант организации текста. Если же мы исследуем выход за пределы инвариантной нормы размеров абзаца, то вступаем в область спонтанного выхода системы из установившегося равновесия, создающего некое новое динамическое качество вследствие бифуркаций.⁹

Вопрос о содержательности размера как параметра предложения и текста, безусловно, нуждается в исследовании и теоретическом осмыслении, поскольку текст как информационная макроструктура обладает не только содержательными, но и физическими характеристиками, одной из которых является формат целого и составляющих его частей. Размер рассматривается как качественная характеристика текста, позволяющая объективно судить о составе системы текста и его функциональных возможностях. Деривационный потенциал размера отдельных рассказов, вписанных в финитную форму, пропорциональные соотношения форматов текста друг с другом и с целым произведением образуют внутритекстовый ритм объемов, что позволяет оценить скрытые авторские интенции.

Примечания:

¹ Левковская, Н.А. В чем различие между сверхфразовым единством и абзацем? // Филол. науки. 1980. – №1. – С. 75–78; Лосева, Л.М. Как строится текст / Л.М. Лосева. – М.: Просвещение, 1980. – 94 с.

² Лосева, Л.М. Как строится текст / Л.М. Лосева. – М.: Просвещение, 1980. – 94 с; Москальчук, Г.Г. Размер предложения и абзаца / Г.Г. Москальчук // Творчество

В.М. Шукшина: Энциклопедический словарь-справочник / науч. ред. А.А. Чувакин. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – Т. 1: Филологическое шукшиноведение. Личность В.М. Шукшина. Язык произведений В.М. Шукшина. – С. 158 – 159; Москальчук Г.Г. К вопросу об интерпретационном потенциале понятий «размер предложения и текста» / Г.Г. Москальчук // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспект: Материалы III междунар. научно-практич. конф. (Бийск, 30 нояб. – 1 дек. 2006 г.) / отв. ред. Н.И. Доронина. – Бийск: Изд-во БПГУ им. В.М. Шукшина, 2006. – С. 324–329; Москальчук Г.Г. Размер абзаца как параметр моделирования внутренней динамики текста [Текст] / Г.Г. Москальчук // Славяне в этнокультурном пространстве южно-уральского региона: Материалы VII межрегиональной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры в Оренбуржье. – Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2012. – С. 91-97.

³ Солганик, Г.Я. Стилистика текста: учеб. пособ. / Г.Я. Солганик. – М.: Флинта; Наука, 1997. – С. 229 – 235.

⁴ Шварцкопф, Б.С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование / Б.С. Шварцкопф. – М.: Наука, 1986. – С. 66 – 72.

⁵ Москальчук, Г.Г. Экспериментальные методики формирования наивно-теоретических представлений студентов-филологов об абзаце и сложном синтаксическом целом / Г.Г. Москальчук // Вестн. Оренб. гос. пед. ун-та. Электрон. науч. журн. 2012. – № 2 (2). – С. 87–93. URL: <http://www.vestospu.ru/>

⁶ Иванов В.И. Соотношение размеров предложения и абзаца // Вопросы языкознания. – 1976. – №1. – С.88 – 92.

⁷ Бекасова, Е.Н. Векторы интерпретации текста: структуры, смыслы, генезис / Е.Н. Бекасова, Г.Г. Москальчук, В.Ю. Прокофьева. – М.: Спутник+, 2013, С. 14–76.

⁸ Пушкин, А. С. О народности в литературе («С некоторых пор вошло у вас в обыкновение...») / А.С. Пушкин. Режим доступа: <http://www.rvb.ru/pushkin/01text/07criticism/02misc/0996.htm>

⁹ Москальчук, Г.Г. Структура текста как синергетический процесс / Г.Г. Москальчук. – М.: УРСС, 2010.

**СЕКЦИЯ 2
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК, КУЛЬТУРА РЕЧИ И
МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ**

Дементьева Т. И. (г. Харьков, Украина)

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АКТИВНЫХ МЕТОДОВ
ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ**

Главной задачей преподавания русского языка студентам-иностранцам – будущим специалистам является обучение речи на материале специальности.

Успешность обучения во многом зависит от того, какими приёмами и методами пользуется преподаватель в процессе презентации и закрепления нового материала.

Как показали исследования немецких ученых, человек запоминает только 10% того, что он читает, 20% того, что слышит, 30% того, что видит, 50 – 70% запоминается при участии в групповых дискуссиях, 80% – при самостоятельном обнаружении и формулировании проблемы. И лишь когда обучающийся непосредственно участвует в реальной деятельности, в самостоятельной постановке проблем, выработке и принятии решения, формулировке выводов и прогнозов, он запоминает и усваивает материал на 90%. Близкие к приведённым данные были получены также американскими и российскими исследователями. Отмечая равнодушие к знаниям, нежелание учиться, низкий уровень развития познавательных интересов у студентов, преподаватели пытаются конструировать более эффективные формы, модели, способы и условия обучения. Однако чаще всего активизация сводится либо к усилению контроля за работой студентов, либо к попыткам интенсифицировать передачу и усвоение информации с помощью технических средств обучения, компьютерных информационных технологий.

Стратегическим направлением активизации обучения является не увеличение объёма передаваемой информации, не усиление и увеличение числа контрольных мероприятий, а создание дидактических и психологических условий осмысленного учения, включения в него студентов на уровне не только интеллектуальной, но личностной и социальной активности [10, с.3].

Создать условия для осмысленного учения студентов помогут, на наш взгляд, активные методы обучения, которые не только позволяют экономно расходовать учебное время аудиторных занятий, но также способствуют сближению обучения с практической деятельностью.

Существенный вклад в развитие теории и практики активных методов обучения внесли: Ю. С. Арутюнов, А. В. Хуторской, М. М. Бирштейн, Я. М. Бельчиков, Т. П. Тимофеевский, Р. Ф. Жуков, И. Г. Абрамова, В. А. Трайнев, Л. Г. Вишнякова, Т. И. Бочарова, А. П. Панфилова, М. А. Доможирова, Б. Н. Герасимов, В. Ф. Комаров, А. Л. Лифшиц, А. П. Панфилова, В. Я. Платов, Ю. М. Порховник, В. И. Рыбальский, А. М. Смолкин, И. М. Сыроежин, и мн. др.

Активные методы обучения – это методы, характеризующиеся высокой степенью включенности студентов в учебный процесс, активизирующие их познавательную и творческую деятельность при решении поставленных задач.

Отличительными особенностями активных методов обучения являются:

- целенаправленная активизация мышления (студент вынужден быть активным независимо от его желания);
- достаточно длительное время вовлечения студентов в учебный процесс (активность студентов должна быть не кратковременной или эпизодической, а в значительной степени устойчивой и длительной, т. е. в течение всего занятия);
- самостоятельная творческая выработка решений, повышенная степень мотивации и эмоциональности студентов;
- интерактивный характер, т. е. постоянное взаимодействие субъектов учебной деятельности (студентов и преподавателей) посредством прямых и обратных связей, свободный обмен мнениями о путях решения той или иной проблемы [9, с. 5].

Наиболее эффективными, на наш взгляд, из активных методов для обучения иностранных студентов русскому языку являются деловые и ролевые игры.

Поэтому, целью данной статьи является рассмотрение сущности деловой и ролевой игр, их функций и значения в процессе языковой подготовки иностранных студентов.

Деловая игра в обучении может применяться как форма организации учебной деятельности, а также как условие и средство воссоздания конкретной профессионально-ориентированной деятельности.

Однако вплоть до сегодняшнего дня возможности деловой игры как средства обучения профессионально-ориентированному общению на иностранном языке изучались недостаточно и вследствие этого не нашли реализации в учебном процессе [7, с.8].

В настоящее время существуют различные толкования данного понятия.

Деловая игра, по мнению Я. М. Бельчикова и М. М. Бирштейн – это средство развития творческого профессионального мышления, в ходе её человек приобретает способность анализировать специфические ситуации и решать новые для себя профессиональные задачи [3, с.15].

В. А. Трайнев рассматривает деловую игру как специально организованное управление, интегрирующее профессиональную деятельность, направленную на формирование и обработку профессиональных умений и навыков [20, с.7].

Деловая игра, как отмечает Л. Г. Вишнякова, представляет собой практическое занятие, моделирующее различные аспекты профессиональной деятельности обучаемых и обеспечивающее условия комплексного использования имеющихся у них знаний [6, с.5].

Т. И. Бочарова считает, что деловая игра – это форма учебной работы, дающая возможность студентам наиболее полно освоить в ходе учебного процесса профессиональные навыки и функции специалиста [5, с.36].

М. А. Доможирова отмечает, что деловая игра – это комплекс ситуаций профессионального общения, объединенных единым сценарием, который является формой организации, обучения и контроля коллективной учебной деятельности [7, с.8].

Р. Н.Сафина, А. В. Смирнов и В. М. Минияров рассматривают деловую игру как технику моделирования профессиональной деятельности при создании новых условий, предназначенную для поиска новых, иногда нестандартных способов ее реализации [15, с.58].

Таким образом, по-разному определяя родовую принадлежность деловой игры, авторы чётко указывают на её динамический характер и взаимосвязь с профессиональной деятельностью.

В качестве структурных компонентов игры выступают цель, правила игры, содержание, сюжет, имитируемая ситуация, роли и игровые действия по их реализации, игровое употребление предметов – их условное замещение, отношения между участниками игры [7, с.8].

Общая цель учебных деловых игр – активизация процесса обучения и ускорение формирования у обучаемых комплекса знаний, умений и навыков, необходимых для повышения эффективности деятельности специалистов различных профилей [6, с.26].

Независимо от превалирования того или иного аспекта целевого посыла деловой игры в ней выделяют следующие основные функции: информационно-познавательную, организационно-управленческую, эмоционально-воспитательную и профессионально-адаптивную [18, с.55].

Деловые игры подразделяются:

- по функциональному назначению и конечной цели: на обучение, исследовательские, поисковые, производственные, квалификационные;

- методологии проведения: ролевые, инновационные, имитационные, групповые дискуссии, организационно-деятельностные, эмоционально-деятельностные;

- степени открытости игры: открытые и закрытые;

- времени проведения: без ограничения времени, с ограничением времени;

- по количеству участников: интерактивные, неинтерактивные [18, с.260].

Условиями эффективной организации деловых игр на занятиях является: 1) владение преподавателем технологией проведения деловых игр;

2) способности преподавателя дидактически отработать учебный материал под деловую игру; 3) стимулирование студентов к активному выбору и исполнению ролей при деловой игре; 4) создание открытой, непринужденной и благоприятной атмосферы партнерства на занятии; 5) лично ориентированный анализ результатов участия студентов в деловой игре.

В деловой игре выделяют ряд важных для её проектирования и реализации сущностных этапов:

- информационный, который связан с усвоением, запоминанием, обновлением, систематизацией готовой суммы профессиональных знаний, умений и навыков;

- проблемный, на котором происходит перевод теоретических знаний на язык практических действий;

- поведенческий, обеспечивающий принятие решений и программы действий в условиях конкретной ситуации на основе её глубокого

теоретического осмысления;

- оценочный, позволяющий выбирать и обосновывать оптимальные варианты решения поведенческой программы.

Такой целостный, много ступенчатый процесс создает надежную основу для увеличения самостоятельности в решении новых задач, для формирования творческой активности студентов [4, с.55-56].

При использовании деловой игры процесс обучения максимально приближен к реальной практической деятельности специалиста. Многие методисты считают, что с помощью деловой игры усвояемость новых знаний достигает 90 %. Деловая игра является формой воссоздания предметного и социального содержания будущей профессиональной деятельности специалиста. Она моделирует поведение и отношения, которые характерны для будущей деятельности, способствуя решению профессиональных проблем, реальных противоречий и затруднений, характерных в типичных профессиональных проблемных ситуациях [13, с. 68].

Деловая игра, являясь активным методом обучения, характеризуется наличием некоторых признаков, отличающих ее от других активных методов. Игра основывается на контрасте игрового (условного) контекста с внешним (реальным). С игровым контекстом, с условностью игры непосредственно связаны пространственно-временные особенности игры. Эти две категории присутствуют в игре в сжатом виде, что придает игре динамичность: в учебной аудитории за короткий отрезок времени проигрываются ситуации, отражающие ряд событий, которые в реальной жизни вряд ли происходят в один день. Социально-психологические особенности деловой игры как метода обучения проявляются, прежде всего, в коллективном взаимодействии её участников и их мотивированности [7, с. 9].

Деловая игра как метод обучения даёт возможность студентам осваивать свою профессиональную деятельность целостно, в совокупности отдельных её сторон и в динамике развития [8, с.125].

Учебная деловая игра позволяет задать в обучении предметный и социальные контексты будущей профессиональной деятельности и тем самым смоделировать более адекватные по сравнению с традиционным обучением условия формирования компетенции будущего специалиста. Опираясь на принципы соревновательности, результативности, инициативности, деловая игра представляет собой эффективное средство учебного процесса, позволяющее студентам продемонстрировать, применить и получить знания, умения, навыки и опыт в

модулируемой профессиональной деятельности, развить коллективное творчество [2, с.4].

Деловые игры позволяют имитировать совокупность управляемых и неуправляемых процессов, обеспечивая в ускоренном масштабе взаимосвязанную последовательность ситуаций, близких к реальным, происходящих в повседневной жизни [5, с.12].

Во время проведения игр каждый студент получает возможность самовыражения, сравнения себя с другими, реализации своих возможностей, в результате чего повышается степень самостоятельности, осмысленности учения. Игровые технологии помогают найти способы решения определенных задач путем погружения участников в ситуации, максимально приближенной к жизненным условиям [15, с. 61].

Деловые игры приближают речевую деятельность к естественным условиям, помогают развивать навыки общения, способствуют эффективной обработке языкового материала, обеспечивают практическую направленность обучения, помогают исключить равнодушие, скуку, формализм из учебного процесса и дают неисчерпаемые возможности воссоздания самых различных отношений, в которые вступают будущие специалисты в реальной жизни [13, с.68].

Деловые игры воспитывают у студентов такие личностные качества, как деловитость, быстрота реакции на изменяющуюся обстановку в профессиональной деятельности, способность быстро ориентироваться в ней, чувство коллективизма и т.д. [6, с.26].

Ролевая игра в энциклопедии профессионального образования определяется как разновидность деловой игры, метод повышения психологической компетентности и развития коммуникабельности за счет приобретения навыков: а) партнерских отношений с исполнителями в процессе коллективного поиска, б) ведение переговоров с возможными деловыми партнерами [22, с.49].

Выдающийся психолог и лингвист А. А. Леонтьев определил ролевую игру как особый тип деятельности, в котором мотив заключается в самом процессе [11, с.53].

А. И. Луцик считает, что ролевая игра - это простой и естественный способ познания человеком окружающей среды, наиболее доступный путь для овладения знаниями, умениями, навыками. [12, с.132].

Активным методом обучения, средством развития коммуникативных способностей, эмоциональной заинтересованности, мотивации

учебной деятельности считает ролевую игру А. В. Чернова [21, с.320-321].

А. Б. Тарнопольский и С. П. Кожушко отмечают, что ролевая игра нередко воспринимается как разыгрывание коротких сценок, чтение по ролям, инсценировка текстов или постановка коротких скетчей. С такой трактовкой ролевой игры не могут согласиться авторы, поскольку самым важным в ней считают именно ролевое поведение участников, нацеленное на решение той или иной задачи, экстралингвистической проблемы общения. По мнению авторов, нельзя отнести к ролевым играм разыгрывание сценок по определенному сценарию. В данном случае не решается никакая коммуникативная экстралингвистическая задача, поскольку участники просто воспроизводят готовый текст. Из этого вытекает такое требование к ролевым играм как их спонтанное разыгрывание. Это означает, что недопустимо давать студентам возможность сначала подготовить все свои реплики, договорившись об их последовательности, а уже затем воспроизвести подготовлен эпизод или фрагмент. Такие действия не будут коммуникацией как таковой, а лишь простым воспроизведением более или менее удачно подготовленного текста. Нельзя отнести к ролевым играм и простое разыгрывание ситуаций социального контакта. Здесь нет проблемы, которую нужно решить, в соответствующем реальном общении коммуникация происходит почти автоматически. В ролевой же игре такая проблема всегда присутствует, и необходимо согласовывать с ней своё ролевое поведение. Таким образом, ролевые игры всегда отличаются проблемностью и ролевое поведение во многом обуславливается реальной проблемой [19, с.145, 146].

По мнению А. А. Артемьевой и М. Н. Макеевой, ролевая игра является квазипрофессиональной деятельностью, имеет черты, как обучения, так и труда. Игра представляет собой, по мнению авторов, игровую деятельность участников на имитационной модели, создает условия и динамику производства. Она позволяет задать в обучении предметный и социальный контексты будущей профессиональной деятельности и тем самым смоделировать более адекватные по сравнению с традиционным обучением условия формирования личности специалистов [1, с.33].

Важным в организации ролевых игр в процессе обучения является вопрос о педагогических возможности этого средства. Проведенный анализ научной и учебно-методической литературы показал, что ролевая игра признается богатым относительно функций средством

обучения. Чаще исследователи отмечают позитивное влияние ролевой игры на стимулирование речевого взаимодействия.

По мнению В. Л. Скалкина, ролевая игра как метод обучения выполняет обучающую функцию (способствует овладению навыками и умениями диалогической речи); мотивационно-возбуждающую (мотивирует и стимулирует учебную и познавательную деятельность); ориентировочную (ориентирует участников на планирование собственного речевого поведения и на предвидение поведения других коммуникантов); компенсаторную (компенсирует отсутствие общения в реальных ситуациях); воспитательную функцию (способствует формированию личности, расширяет мировоззрение [11, с.95].

А. В. Рубцова к основным функциям ролевых игр относит:

- мотивационную: создается важный для игрока мотив деятельности, который не отодвинут во времени, игрок включается в деятельность с первых минут;

- образовательную: в период подготовки к ролевой игре и в ходе игры игрок получает ранее неизвестную информацию, знания, которые закрепляются значительно быстрее благодаря практическому использованию в игровом процессе;

- воспитательную: у участников развивается умение уважительно относиться к чужим ценностям, корректно отстаивая свои взгляды; прививается культура поведения;

- развивающую: развивается скорость реакции, гибкость ума и поведения, внимание, память, творческие способности, организаторские качества, актерские навыки;

- коммуникативную: развиваются навыки культуры общения, умение вести себя в социуме, стимулируются умение завязывать контакты, строить и поддерживать коммуникацию;

- компенсаторную: компенсируется потребность в проявлении взрослости, они включаются в социально значимые отношения;

- терапевтическую: развивается умение гасить конфликты, снимается агрессивность, стрессы;

- релаксационную: снимается эмоциональное напряжение, вызванное напряжением на нервную систему при интенсивном обучении [14, с.39].

Авторы монографии А. А. Артемьева и М. Н. Макеева выделили 5 функций ролевой игры: мотивационно-побудительную, информационно-учебную; развивающие-воспитательную; коммуникативную; контрольную рефлексивно-оценочную. Авторы монографии отмеча-

ют, что в процессе игр все перечисленные функции выступают в комплексе. Более того, без влияния на них со стороны преподавателя, они мертвые и оживают лишь при взаимодействии с функциями преподавателя, реализованными в процессе педагогического руководства игрой [1, с.34].

Многие из функций ролевой игры имеют разные формулировки, но авторы вкладывают в них одинаковый смысл. Выполняя различные функции в содержании обучения, ролевые игры выявляют различные свои свойства в зависимости от поставленной дидактической задачи и характеризуются на основе специфических критериев [17, с.117].

К сожалению, объем статьи не позволяет в полной мере рассмотреть деловую и ролевую игры: их структуру, классификацию, условия их использования в процессе обучения иностранных студентов, а также их значение.

Однако из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что использование деловых и ролевых игр в процессе обучения иностранных студентов русскому языку значительно повысит не только их уровень языковой подготовки, но также и уровень профессиональной подготовки.

Деловые и ролевые игры являются наиболее перспективными методами обучения устной речи иностранных студентов, поскольку они обладают большими возможностями по сравнению с традиционными методами обучения.

Литература:

1. Артемьева, О. А. Система учебно-ролевых игр профессиональной направленности [Текст]: монография / О.А. Артемьева, М.Н. Макеева. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 208 с.
2. Афанасьева, Т. В. Деловая игра «Виртуальная фирма компьютерной техники» [Текст]: учеб. пособие / Т. В. Афанасьева. – Ульяновск : УлГТУ, 2007. – 50 с.
3. Бельчиков, Я. М. Деловые игры [Текст] / Я. М. Бельчиков, М. М. Бирштейн. – Рига : Авотс, 1988. – 304 с.
4. Бобрышов, С. В. Методы активизации процесса обучения [Текст]: учеб. пособие / С. В. Бобрышов, М. В. Смагина. – Ставрополь: СГПИ, 2010. – 256 с.
5. Бочарова, Т. И. Комплексная деловая игра как средство формирования профессиональных навыков и функций специалиста [Текст]: дис. ... канд. пед. наук / Т. И. Бочарова. – Ставрополь, 2006. – 187 с.
6. Вишнякова, Л. Г. Использование деловых игр в преподавании русского языка как иностранного / Л. Г. Вишнякова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 110 с.
7. Доможирова, М. А. Деловая игра в обучении профессионально -ориентированно-

- му общению на иностранном языке студентов неязыковых вузов [Текст]: автореф. дис....канд. пед наук: 13.00.08. / М. А. Доможирова. – С.-П., 2002. – 18 с.
8. Егоров, В. Е. Правовое образование в неюридическом вузе: монография [Текст] / В. Е. Егоров. – Псков: Изд-во АНО «Логос», 2009. – 260 с.
9. Зарукина, Е. В. Активные методы обучения: рекомендации по разработке и применению: учеб.-метод. пособие [Текст] / Е. В. Зарукина, Н. А. Логинова, М. М. Новик. – СПб.: ПбГИЭУ, 2010. – 59 с.
10. Курьянов, М.А. Активные методы обучения: метод. пособие / М.А. Курьянов, В.С. Половцев. – Тамбов: Изд-во ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2011. – 80 с.
11. Леонтьев, А. А. Некоторые проблемы учения русскому языку как иностранному [Текст] / А. А. Леонтьев. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 88 с.
12. Луцик, І. Рольова гра як засіб інтенсифікації процесу навчання іноземним мовам у педагогічному коледжі [Текст] / І. Луцик // Вісник Львів. ун-ту, Серія педагогічна. – 2007. – Вип. 22. – С. 131-137.
13. Покушалова, Л. В. Формирование профессионально-коммуникативной компетенции студентов в процессе деловой игры [Электронный ресурс] / Социосфера. – № 4. – 2011. – Режим доступа: <http://sociosphera.com>
14. Рубцова, О. В. Соревновательность в ролевой игре как эффективная технология обучения подростков (на примере иностранного языка) [Текст] / О.В. Рубцова // Психологическая наука и образование. – 2010. – № 5. – С. 37–42.
15. Сафина, Р. Н. Ролевое и деловое взаимодействие студентов вуза как механизм формирования личности будущих менеджеров [Текст] / Р. Н. Сафина, А. В. Смирнов, В. М. Минияров // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Т. 13. - № 2. – 2011. – С. 58-61.
16. Скалкин, В. Л. Обучение диалогической речи [Текст] / В. Л. Скалкин. – К.: Радянська школа, 2005. – 158 с.
17. Содержание обучения иностранным языкам в средней школе: Организация речевой деятельности. [Текст] / – М.: Педагогика, 1984. – 144 с.
18. Суркова, К. В. Психолого-педагогічні основи активних методів навчання [Текст] / К. В. Суркова, К. В. Будак // Зб. наук. праць. – 2010. – Ч.4. – С. 257-263.
19. Тарнопольський, О. Б. Рольові ігри у навчанні іноземних мов: психологічні та соціокультурні особливості їх проведення [Текст] / О.Б. Тарнопольський, С. П. Кожушко // Англістика та американістика. – 2011. – Вип. 8. – С. 145 - 148.
20. Трайнев, В. А. Деловые игры в учебном процессе: методология разработки и практики проведения [Текст] / В. А. Трайнев. – М.: Изд. Дом «Дашко и К»; МАНИПТ, 2002. – 360 с.
21. Чернова, А. В. Інноваційні підходи у викладанні української мови як іноземної [Текст] / А. В. Чернова // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2012. – Том 25 (64). Часть №2, №1. – С. 318 - 322.
22. Энциклопедия профессионального образования [Текст]. Т.1 – А-Л / под ред. С. Я. Батышева. – М.: АПО, 1998. – 568 с.

РЕСУРСЫ РЕГИОНА КАК ИСТОЧНИК ОБНОВЛЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В СТАРШИХ КЛАССАХ

Актуальность заявленной темы определяется необходимостью усилить мировоззренческий аспект при обучении русскому языку с учетом регионального компонента. Как известно, учебные пособия, реализующие базовый компонент образования в области русского языка, не обеспечивают региональный компонент в преподавании, в результате чего на уроках практически не используются природные и культурно-исторические ресурсы региона как базы для формирования нового содержания образования, отражающего специфику того или иного региона России, в частности Северного Кавказа. Невозможно переоценить роль Кавказа в создании русского культурного поля, начиная с памятников древнерусской литературы и заканчивая современными спортивными событиями. Кавказский край занимает исключительное место в жизни и творчестве А.С.Пушкина и М.Ю. Лермонтова. Потому считаем необходимым учитывать лингворегиональный контекст при изучении русского языка. Такой подход в преподавании создаёт условия для расширения у учащихся знаний и представлений о регионах России, развивает уважение к многоликой культуре русского народа.

На наш взгляд, большими возможностями для формирования коммуникативной компетенции и расширения кругозора старшеклассников обладает эпистемологический подход, учитывающий социальный, культурный, политический контексты, влияющие не только на формирование системы значений в языке, но и на формирование всей системы языка как целого. Поэтому в методике преподавания русского языка начинают уделять внимание лингвокультурным феноменам - логоэпистемам, являющимся доступом к культурной информации, заложенной в языковых единицах, без знания которых не может быть адекватного понимания современных русских текстов. Разработка основ теории логоэпистемы принадлежит В.Г. Костомарову и Н.Д. Бурвиковой [Костомаров 2001]. Создание термина логоэпистема было обусловлено стремлением авторов упорядочить процессы, характеризующие русский язык на современном этапе. Лингвисты отмечают, что «коммуникация на современный манер требует

от её участников большого количества историко-культурных знаний и навыков облекать в слово эти знания и воспринимать их в слове» [Костомаров 2003: 42]. Поэтому категории, используемые в парадигме нового научного лингвистического и методического знания, должны иметь стыковочный характер и требовать осмысления на двух уровнях – на уровне языка и на уровне культуры. Смысл логоэпистем, по словам Костомарова В.Г. и Бурвиковой Н.Д., в том, что они позволяют ярко, образно, с опорой на исторический опыт народа и, что немало важно, кратко, одним намеком, свернуто выразить мысль и чувство. Составляющими единицами когнитивной базы языковой личности являются различные логоэпистемы, в том числе и топонимы, обозначающие названия городов.

Здесь мы подходим к задаче, когда требуется определить состав топонимов-логоэпистем, прочно вошедших в когнитивную базу представителей нашей лингвокультурной общности. Для решения этой задачи мы обратились к исследованию Минюшовой О.Н., в котором представлен список топонимов-логоэпистем, функционирующих в коммуникативном пространстве носителей русского языка [Минюшова 2006], среди них следующие российские города: Беслан – символ страшной трагедии; Ленинград, Санкт-Петербург – центр духовной жизни России; Нефтеюганск – символ богатства и достатка; Урюпинск (Нижеурюпинск) – символ деревенской провинциальной безвкусицы; Саратов – периферии; Сталинград – героического подвига; Тамбов – невежества. Однако это не полный список логоэпистем-городов, указанных автором. Так, не названа логоэпистема Тьмутаракань – место, до которого трудно добраться из-за дальности его расположения, где царит темнота, культурная отсталость.

Далее рассмотрим методику «присвоения» старшеклассниками логоэпистематических единиц русского языка через топонимическое пространство Западного Кавказа. В качестве иллюстрации представим пример работы над топонимом-логоэпистемой «Тьмутаракань» с качественно-пространственным значением. Выбор определялся рядом причин: во-первых, раскопы городища Тьмутаракань находятся в 50 километрах от Анапы; во-вторых, логоэпистема Тьмутаракань возникла на основе памятников древнерусской литературы, с которыми учащиеся знакомы из курса литературы и истории России; в-третьих, использование логоэпистемы Тьмутаракань в речи встречается достаточно часто. Этот факт подтверждается электронными данными Национального корпуса русского языка.

Для изучения отдельного топонима-логоэпистемы предусмотрено наличие трех текстов: вводного, основного (расширенного, главного) и проблемного.

Первый текст в основном служит для первичного предъявления топонима. Этот текст представляет собой чаще всего или фрагмент словарной статьи из того или иного словаря, или фрагмент научно-популярного фильма, или отрывок из текста научно-учебного стиля. Второй текст раскрывает содержание топонима-логоэпистемы, а также может развертывать его в пределах нескольких текстов. Третий текст предполагает применение полученных в двух предыдущих текстах знаний к новым условиям. Отсюда и квалификация этой группы заданий и текстов как проблемных, требующих построения рассуждения.

Приводим образец учебной работы на уроке.

1. Прочитайте текст (посмотрите фильм). Что такое Тьмутаракань? Где она находится? В каких памятниках древнерусской литературы упоминается город? О чем эти произведения? Почему город называли Атлантидой?

Тьмутаракань – древний город, расположенный на Таманском полуострове, столица южного княжества Киевской Руси. Большая часть древнего городища находится под современными жилищами станции Тамань.

Впервые Тьмутаракань упоминается в известных памятниках древнерусской литературы – «Повести временных лет» и «Слово о полку Игореве».

На самом деле местонахождение города ученые не могли обнаружить несколько столетий, поэтому Тьмутаракань называли древнерусской Атлантидой.

(Из учебника «История Кубани»)

Затем предлагаем отрывки из памятников древнерусской литературы, в которых упоминается город, и выясняем этимологию слова Тьмутаракань.

Что необходимо знать преподавателю о происхождении топонима? В эпоху Хазарского каганата город назывался Тумен-тархан (тюр.), что буквально означало «место ставки военачальника (тархана), представляющего десять тысяч (тумен) воинов». Изменение названия города связано с разгромом Хазарского каганата киевским князем Святославом Игоревичем. Переименование населенных пунктов в миро-

вой истории при смене власти присутствовало довольно часто. Завоеватели давали новое или оставляли старое название, которое производилось (записывалось) на другом языке с учетом его языковых особенностей. Одним из примеров этому служит изменение названия хазарского города Тумен-тархан в период владения им русскими князьями в Тьмуторокань: Тумен (тюр.) > тьма (рус.), тархан (тюр.) > то-рокань (рус.) [Ковешников 2006: 91- 92].

1. Въ си времена Мьстиславу сущю Тьмуторокани поиде на касогы (Повести временных лет). 2. И пришедъ Тьмутороканю, заложи церковь святыя Богородица, и созда ю, яже стоить и до сего дне Тьмуторокани (Повести временных лет). 3. Дивъ кличетъ врѣху древа, велить послушати земли незнаем?... Сурожу, и Корсуню, и теб?, Тьмутороканьскый блъванъ (Слово о полку Игореве). 4. Олегъ ступаетъ въ златъ стремянъ въ градъ Тьмуторокан? (Слово о полку Игореве). 5. Се бо два сокола сл?т?ста съ отня стола злата поискати града Тьмутороканя (Слово о полку Игореве). 6. Всеславъ князь ... въ ночь влькомъ рыскаше: изъ Кыева дорискаше до куръ Тьмутороканя (Слово о полку Игореве).

2. Работа с основными примерами: Прочитайте предложения. Какое значение имеет Тьмутаракань / тьмутаракань в приведенных примерах? Почему?

1. Он защитил диплом, правда, с грехом пополам вытянул на три балла, и теперь получил распределение за тридевять земель, в дикую тьмутаракань, ехать туда не желал, а посему решил раз и навсегда с инженерией завязать. [Олег Глушкин. Вавилон].

2. Матушка показывала меня всем докторам, которых злая судьба забрасывала в нашу тьмутаракань, и часто возила для того же в город, но все без видимого успеха. [Михаил Шишкин. Всех ожидает одна ночь].

3. Многие передовые люди планеты ходят летом в шортах, а у нас тут сущая Тьмутаракань! [Василий Аксенов. Тайнственная страсть].

4. Однажды вместе с Паустовским, приехавшим к нему в гости в какую-то тьмутаракань, Бабель до сумерек просидел в старом лесном скиту, время от времени посылая Константина Георгиевича на разведку. [Антонина Крищенко. Небылицы о том, кто был].

5. Конец сентября. Кустанайская тьмутаракань. Каша сыплется с неба уже сплошняком: не снег еще, но уже и не дождь. [Евгеньев Александр. Рациональное зерно].

6. Мы поехали сыплющим капли городом в мою тьмутаракань. [Кира Сурикова. В пелене дождя].

7. Но он слышал тысячу раз, как у него была пневмония и мама плюнула на собственный отдых и повезла его на целых два месяца в эту тьмутаракань, без удобств и всего прочего и укрепила ребенка. [Галина Щербакова. Мальчик и девочка].

В процессе работы выясняем, что в первом, четвертом и седьмом примерах логоэпистема тьмутаракань - символ далекого края с дополнительным значением «лишенный благ цивилизации». Значением «периферия» обладает второй пример. Отметим, что параметр периферия осмысливается с помощью оппозиции «столица - провинция». В этом же ряду мы можем выделить пятый пример. В третьем и шестом примерах топоним Тьмутаракань / тьмутаракань символизирует деревенский провинциальный вкус как противопоставление вкусу безупречному, столичному. В целом провинция воспринимается как нечто темное, неповоротливое, агрессивное по отношению ко всему новому. Здесь нечем заняться. Быть из Тьмутаракани - значит, быть эдаким необразованным простачком.

Далее определяем, что указание на логоэпистемность топонима Тьмутаракань / тьмутаракань делается с помощью включения дополнительных языковых средств. Среди наиболее употребительных были выделены следующие:

- сочетание с неопределенными, притяжательными и указательными местоимениями (второй, четвертый, шестой и седьмой примеры);
- сочетание с прилагательными, образующими эпитет (первый и третий примеры).

Указанием на символичность может служить графическое оформление логоэпистемы – написание со строчной буквы, что свидетельствует о деономизации топонима Тьмутаракань (таких примеров большинство).

Затем предлагаем выполнить следующее задание: Используя Фразеологический словарь, подберите к логоэпистеме Тьмутаракань синонимы. (Материал для справок: у черта на куличках, за тридевять земель, в тридевятом царстве в тридевятом государстве, куда Макар телят не гонял, куда ворон костей не заносил.)

3. Самостоятельная работа с проблемным текстом: Прочитайте рекламный текст. Прокомментируйте смысл названия фильма, о котором идет речь в тексте. Почему для фильма выбран слоган: *Никогда не знаешь, где тебя настигнет любовь (You never know where love will take you ...)* Посмотрите фильм и напишите отзыв об увиденном, используя материал предыдущих текстов.

Что случается тогда, когда любовь приводит в такие места, где ты не мог и представить, что окажешься? Об этом фильм американского режиссера Ава Дю Верней «Middle of nowhere» («Тьмутаракань») (2012 год).

Или: Прочитайте начало повести Н.Корниловой «ТьмуТаракань». В чем особенность использованного автором заглавия? Что оно отражает – тему или основную мысль? Прочитайте повесть и напишите отзыв о книге, включив анализ авторской позиции.

Приступая к рассказу о самом нескучном лете в своей жизни, хочу сразу предупредить читателя, что жизнь моя не так длинна, как может показаться, раз уж пишу что-то вроде мемуаров. Да и не столь интересна, как это обычно бывает у тех, кто берется за перо. Сейчас мне почти тридцать, а события, о которых хочу рассказать, произошли ровно десять лет назад.

В то лето, кстати, не слишком жаркое, меня, отъявленную прогульщицу одного из престижных вузов Москвы, родители, заядлые бизнесмены, отправили в ссылку к бабушке в деревню. Деревня та находилась не так чтобы очень далеко от столицы, но на достаточном расстоянии, чтобы в Москву мне было не добраться.

Таким образом, обучение распознаванию и адекватному толкованию языковых единиц в курсе русского языка призвано предупредить и свести к минимуму вероятность возникновения «коммуникативных сбоев» при общении. Целенаправленная работа над логоэпистемами на уроке рассматривается нами как один из способов реализации концепции филологического образования, в рамках которой изучение логоэпистематических единиц и наблюдение над их функционированием в речи помогает старшеклассникам не только повысить свой уровень владения языком, но и глубже проникнуть в собственную культуру.

Список литературы

1. Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г., Прохоров Ю.А. Национально-культурные единицы общения в современном коммуникативном пространстве – лингвометодический аспект // От слова к делу / Сборник докладов: X Конгресс МАПРЯЛ. М., 2003.
 2. Ковешников В.Н. Очерки по топонимике Кубани. Краснодар, 2006.
 3. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Старые мехи и молодое вино. СПб., 2001.
- Минюшова О.Н. Топонимы-логоэпистемы в коммуникативном пространстве носителей русского языка: Дис. кан. фил. наук. М., 2006.

ПОЛИКУЛЬТУРНАЯ ПОДГОТОВКА БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Современное развитие мира, культуры выдвигает перед педагогической наукой новые задачи, касающиеся исследования менталеобразующих функций образования. Одним из стратегических направлений образования выступает передача из поколения в поколение, и закрепление в каждом из них исторически сложившихся духовных, мировоззренческих и культурных ценностей соответствующего социума, предопределяющих глубинные основания его специфического менталитета, воспроизведение духовного наследия народа.

На современном этапе развития общества социально-культурная ситуация характеризуется множеством инновационных изменений в сфере образования.

К концу двадцатого века в философии образования подошли к осознанию появления «общепланетарного глобализма» как одного из направлений обновления целей и содержания и, в какой-то мере, технологии образования (Global Education: From Thought to Action / Ed. by K.A. Tye, 1990; В.В.Сафонова, 1991, 1992).

Для общепланетарного глобализма как социально-педагогического явления характерно:

1. Ориентация на разработку взаимосвязанной политики в области культуры, образования, науки и коммуникации с целью обеспечения равновесия между прогрессом, интеллектуальным развитием и нравственным совершенствованием человечества (ЮНЕСКО, Декларация Мехико по политике в области культуры, 1984, с.81).

2. Глобальный подход к включению международного аспекта на всех уровнях и во всех формах образования, предполагающий приоритетное изучение междисциплинарных тем, затрагивающих глобальные проблемы человечества' на современном этапе развития и раскрывающих глобальную взаимозависимость между нациями и народами, включающих соответствующие моральные, гражданские, культурные аспекты международного воспитания (ЮНЕСКО и воспитание в духе мира // Перспективы, 1986, с.32-32; с.37; с.38).

3. Междисциплинарная гуманитаризация образования с целью ценностно-ориентационного осмысления опыта человеческой цивилизации и развития общепланетарного мышления.

4. Ориентация в стратегии образования на развитие культурно и духовно богатой личности как необходимой предпосылки для всестороннего развития общества, гармонизации отношений природы и общества, на укрепление уважения к многообразным национальным культурам, стимулирование индивидов к осознанию не только прав, но и обязанностей, возложенных на отдельных лиц, группы и народы по отношению друг к другу (ЮНЕСКО и воспитание в духе мира // Перспективы, 1986, с.32-33).

5. Ориентация на непрерывность образования, его развивающие и гражданские функции.

6. Гуманистическая психологизация педагогического общения.

7. Обеспечение взаимосвязи между учебной и миротворческой общественной деятельностью обучаемых с целью воспитания у них чувства международной солидарности, чувства социальной ответственности за судьбы развития цивилизации во всем ее многообразии национальных, региональных и континентальных форм существования (ЮНЕСКО и воспитание в духе мира, 1986, с.36-37).

В данном контексте поликультурное образование можно трактовать как совокупность идеалов, ценностей, верований, отношений между людьми, норм поведения, этикета, характерных для конкретной нации, которое транслируется педагогами в реализации учебно-воспитательного процесса.

Политическая острота проблемы поликультурного образования предопределяет решение этих вопросов деликатно и корректно. Принцип равенства наций не означает признания «одинаковости» наций. Это положение подчеркивает теоретическую значимость разработки проблемы менталитета для понимания и раскрытия сущности поликультурного образования. Успешное решение проблем поликультурного образования на мировом и региональном уровне невозможно без знания менталитета населяющих его народов.

Методологическим основанием поликультурного образования выступает культура, которая:

- включает в себя все сферы деятельности человека;
- имеет свою национально-специфическую особенность, обусловленную этноландшафтными, природными, социальными условиями и уровнем развития производственных сил;
- формирует условия и средства человеческого общения;
- объединяет народы, социальные группы, государства;

- выступает главным отличительным признаком этнических особенностей, менталитета культурной специфики народа и его языка;
- обуславливает неодинаковое развитие этнокультур в процессе их взаимодействия и взаимовлияния.

Именно эти положения дают право говорить о поликультурном образовании как о культурном феномене.

Иностранный язык является одним из основных инструментов воспитания личностей обучающихся, обладающих общепланетарным мышлением. Исследования в области социальной педагогики отчетливо показывают, что именно средствами изучаемого языка международного общения можно способствовать развитию у учащихся билингвальной социокультурной компетенции, включающей формирование таких качеств, как толерантности и непредвзятости к представителям других стран и культур (В.В.Сафонова, Е.Н.Соловова, И.Л.Бим, М.З. Биболетова, Л.Г.Кузьмина, П.В.Сысоев, М.Бурам, & Fleming M., С.Kramersch, P.V.Sysoyev, UNESCO and the issue of cultural diversity, UNESCO universal declaration on cultural diversity).

Языковое поликультурное образование, т.е. образование средствами иностранного языка, является частью поликультурного образования, однако в центре его внимания будет тематическое и дидактическое наполнение культуроведческого обогащения обучающихся средствами иностранного языка (второе направление). Языковое поликультурное образование означает включение в образовательные программы по иностранному языку информацию о культурах различных культурных групп (стран как родного, так и изучаемого языков). Однако необходимо отметить, что культура различных этнических, расовых, социальных, религиозных, гендерных и других групп должна быть включена в учебные программы не потому, что она не была представлена там раньше, а потому, что все они играли важную роль в единой истории страны и образовании единой национальной и мировой культуры. Кроме того, одно только добавление информации о «традиционно неизвестных» культурах вовсе не гарантирует поликультурность и не является ее свидетельством. Уровень поликультурности языкового образования будет зависеть от того, как представлен материал о конкретной культуре страны изучаемого языка, и как осуществляется его взаимосвязь с материалом о культурах других групп. Более того, вариативность и разнообразие тематического наполнения учебных программ необходимы для создания условий для лучшего понимания себя в спектре культур.

Анализ рабочих программ по иностранному языку позволяет сделать вывод о том, что целенаправленная, систематическая работа по приобщению студентов к культуре страны изучаемого языка может быть усилена.

Анализ результатов анкеты показал, что в массе своей у студентов есть стремление приобщиться к знаниям о ценностях культуры страны изучаемого языка, однако реально такие знания поверхностные, а, иногда, и просто ошибочные.

Так, в ответе на вопрос «Необходим ли курс “Ценности культуры страны изучаемого языка” будущему учителю иностранного языка?», 100 % студентов ответили положительно. Это выражает положительное отношение студентов к культуре изучаемого языка в целом и одновременно показывает, что знаний о культуре страны у студентов явно не достаточно.

В абсолютном большинстве ответов студентов мы увидели, что студенты не вычлняют в качестве образцов культуры выдающиеся произведения литературы и искусства, у студентов нет целостного представления о культуре страны. В задании продолжить предложение «Культура страны это - ...», в массовом опросе ответили 70% студентов, из них - 28% дали ошибочные ответы, 32% пытались дать ответ, но включили незначительные или не включили главные существенные. И лишь 10% респондентов нашли правильный ответ.

Далеко не все компоненты понятия «культура страны» осознаются студентами в полной мере. Так, почти все студенты, раскрывая свои представления о культуре страны, на первое место ставят - традиции и обычаи - данный компонент присутствует в 97,8% ответов. Литература и искусство упоминается в 53,2% случаев, история и наука - в 47,2%; люди и знания - в 15,6% ответов.

Адресуя студентам вопрос «Считаете ли Вы, что будущему учителю иностранного языка необходимы знания о культуре страны изучаемого языка?», мы стремились выявить их отношение к культуре страны. 98% студентов ответили, что такие знания необходимы любому учителю, особенно иностранного языка.

Некоторые студенты (30%) недооценивают фундаментальные представления о культуре страны, им кажется, что для того чтобы приобщиться к ценностям культуры вполне достаточно «съездить за границу», «смотреть видеофильмы», «переписываться со сверстниками из-за рубежа».

Удивляет формальное усвоение ценностей культуры страны изучаемого языка, когда студенты 4 курса в числе выдающихся писателей

называют телеведущего или журналиста, а в числе известных литературных произведений – детектив или роман-однодневку. Услышав имя Ги де Мопассана, студентка спросила «Что это такое?». Без комментариев...Общий низкий кругозор абитуриентов наконец-то убедил руководство страны увеличить количество часов в школьном курсе литературы и ввести сочинение в качестве выпускного экзамена.

Проведенная таким образом констатация представлений студентов о ценностях культуры страны изучаемого языка и представлений об умениях, необходимых им для трансляции получаемых знаний в общении со школьниками, привела нас к заключению о том, что представления об умениях передавать знания у будущих учителей превышают знания о культурных ценностях.

Диагностическое исследование показало, что студенты более всего заинтересованы в знакомстве с теми явлениями французской культуры, истории, науки, которые транслируют идеи добра, истины, красоты. Такой результат нельзя считать случайным, так как именно к этим категориям сводятся все остальные ценности. Именно в них содержится «незыблемая сила», неподвластная, по словам поэта, векам и, следовательно, всегда способная воздействовать на личность. Кроме того, они обнаруживают общечеловеческий характер под пестрыми национальными обличьями.

Отдавая себе отчет в том, что воплощение трех названных ценностей, чаще всего, синкретично, неотделимо одно от другого, целесообразно обратиться к науке как области поиска истины, литературе как сфере воспитания нравственности и, прежде всего, добра и, наконец, живописи как искусству «зримой» красоты.

Список использованной литературы:

1. Выжлецов Г.П. Аксиология культуры. – СПб., 2003. – 148 с.
2. Гершунский Б.С. Образование в третьем тысячелетии: гармония знания и веры // Педагогика. – 1998. – № 2. – С. 49-57.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – СПб., 2003. – 574 с.
4. Дмитриев Г.Д. Многокультурное образование. – М.: Народное образование, 2000.
5. Макаев В.В., Малькова З.А., Супрунова Л.А. Поликультурное образование - актуальная проблема современной школы.// Педагогика. – 1999. – №4. – С. 3-10.
6. Образование: сокрытое сокровище: Докл. Междунар. комиссии по образ. для XXI в., представленный ЮНЕСКО. – Париж, 1997. – С. 52.
7. Поликультурное образование в современной России: проблемы и перспективы: Материалы Всероссийской научной конференции. 16-18 сентября 1997 г. – Пятигорск, 1997. – 207 с.

8. Экба Н.Б. Взаимовлияние языков и развитие двуязычия в национальной школе. – СПб., 2003. – С.5.

9. Юдакин А.П. Билингвизм и проблема связи языка и мышления // Теоретические проблемы социальной лингвистики. – М., 2001. – С. 220-240.

Важина Е. Н. (г. Оренбург)

СЕМАНТИКА СЛОЖНЫХ СЛИТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ПРИЗНАКОВЫМ КОМПОНЕНТОМ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Под сложным слитным словом мы понимаем слитно оформленную лексическую единицу, содержащую в своем составе не менее двух живых с точки зрения современного русского языка корневых морфем.

Новое сложное слово может быть образовано по разным словообразовательным моделям, разными способами. В производном сложном слове, как правило, сохраняется базовое значение мотивирующих слов и появляется новое, самостоятельное, значение. О том, что значение сложного слова, помимо суммарного значения составляющих компонентов, содержит какую-то дополнительную сему, благодаря которой возникает самостоятельное лексическое значение сложного слова, пишет Т.И. Кочеткова (2, 37). Мы разделяем это мнение и в качестве примера рассмотрим сложное слитное слово *криволесье*. Сложное слитное существительное *криволесье* построено по модели «сложное слитное существительное = (основа прилагательного + основа существительного + суффикс) + флексия. Слово имеет, согласно Толковому словарю русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, лексическое значение «низкорослый, с кривыми стволами лес» (3, с. 300). В семантике данного слова можно выделить семы мотивирующих слов – *кривой* (в значении «не прямой, изогнутый» (3, с. 300)) и *лес* («множество деревьев» (3, с. 317)), а также новые семы – «низкорослый», «ствол». Таким образом, в результате взаимодействия сем мотивирующего прилагательного и мотивирующего существительного и приращения новых сем формируется новое сложное слитное существительное *криволесье*. Семантика данного слова помимо предметных сем («ствол», «лес») содержит признаковые семы: «низкорослый», «кривой», т.е. сложное слитное существительное *криволесье* отягощается дополнительным смыслом, оно становится признакодержущим.

Сложное слитное существительное *первозимье* построено по модели «сложное слитное существительное = (основа прилагательного + основа существительного + суффикс) + флексия. Слово имеет, согласно Толковому словарю русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, лексическое значение «начало зимы, а также первый зимний путь» (З, с. 489). Семантическая структура сложного слитного существительного *первозимье* сформировалась в результате взаимодействия сем мотивирующего прилагательного *первый* (в значении «первоначальный, самый ранний; происходящий, действующий раньше всех других» (З, с. 489)) и мотивирующего существительного *зима* (в значении «самое холодное время года, следующее за осенью и предшествующее весне» (З, с. 225)). Кроме того, в процессе формирования семантики слова *первозимье* наблюдается приращение новых сем («зимний», «путь»). Сложное слитное существительное *первозимье* обладает общим категориальным значением абстрактного предмета, однако семантика этого слова содержит и предметные семы («начало», «зима», «путь»), и признаковые («первый», «зимний»). Таким образом, сформировавшееся новое сложное слитное существительное *первозимье*, называет предмет (в широком смысле) и характеризует его. Стоит отметить, что при трансформации данного сложного слитного существительного в атрибутивное словосочетание «первая зима» мы наблюдаем, что семантика слова *первозимье* нетождественна семантике словосочетания (теряются важные семы семантической структуры сложного слитного существительного).

Из приведенных примеров видно, что семантика сложных слитных слов не сводится к сумме смыслов мотивирующих слов, а представляет собой взаимодействие смыслов составляющих компонентов (См.: О.П. Ермакова, Т.И. Кочеткова).

Рассматривая семантику сложных слитных слов, можно выделить 3 типа семантической взаимосвязи между сложным дериватом и его производящими компонентами

I. В формировании семантики сложных слитных слов участвуют семы слагаемых компонентов с прямым лексическим значением.

II. В формировании семантики сложных слитных слов участвуют семы компонента с прямым лексическим значением и другого – с переносным.

III. В формировании семантики сложных слитных слов участвуют семы мотивирующих компонентов с переносным значением.

Сложное слитное существительное *мелколесье* мотивировано словосочетанием «мелкий лес» и построено по модели «сложное слитное

существительное = (основа прилагательного + основа существительного + суффикс) + флексия». В образовании сложного слитного существительного участвуют семы прилагательного *мелкий* в первом номинативном значении («состоящий из небольших по величине однородных частиц» (3, с. 341)) и существительного *лес* («множество деревьев» (3, с. 317)). То есть, семантика слова *мелколесье* сформировалась в результате взаимодействия сем мотивирующих слагаемых компонентов, которые участвуют в процессе словообразования в прямом лексическом значении. Сложное слитное существительное *мелколесье* сохраняет в своей семантической структуре признаковые семы мотивирующего прилагательного *мелкий* и номинативные семы мотивирующего существительного *лес*, однако при основосложении с одновременной суффиксацией у сложного деривата формируется значение абстрактности.

Примером слов, в образовании которых участвуют семы слагаемых компонентов с прямым лексическим значением, могут служить и сложные слитные существительные *разноречие*, *новопоселенец*, *суходол*.

На основании особенностей формирования семантики мы выделяем вторую группу сложных слитных слов, в образовании которых участвует один компонент с прямым лексическим значением, другой – с переносным.

Сложное слитное существительное *кривосудие* построено по модели «Сл. = (О прил. + Инт. + О сущ. + Суффикс) + Фл.» и мотивировано субстантивным словосочетанием (с атрибутивными отношениями) *кривой суд*. В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой данное слово имеет лексическое значение «неправосудие» (3, с. 300). В образовании данного слова участвуют мотивирующее прилагательное *кривой* в переносном значении («неправдивый» (3, с. 300)), мотивирующее существительное *суд* – в значении «мнение, заключение» (3, с. 766) и суффикс [иј] со словообразовательным значением абстрактности. Сложное слитное существительное *кривосудие* имеет значение названия сложного «признакосодержательного» понятия.

Рассмотрим сложные слитные существительные со значением лица мужского пола, образованные сложением компонентов слов с переносным значением. Сложное существительное *пустобрёх* («враль, болтун, пустослов» (3, с.622)), построенное по модели «Сл. = (О прил. + усечен. О глаг. + Нулевой суффикс) + Фл.», мотивировано прилагательным «пустой» в переносном значении («бессодержательный,

неосновательный, несерьезный» (З, с. 622)) и глаголом «брехать» в переносном значении («врать, говорить вздор» (З, с. 56)). Слово имеет помету «просторечное», обозначает лицо (человека) с его характеристикой. Сложное существительное *пустозвон* («пустослов, пустомеля» (З, с. 622)) также мотивировано прилагательным «пустой» в переносном значении и инфинитивом «звонить» в переносном значении («разглашать что-н., поднимать шум» (З, с. 222)). Слово имеет помету «разговорное». Разговорные и просторечные слова в большинстве своем обладают экспрессивностью и образностью, сложные слитные слова *пустобрёх* и *пустозвон* в своей семантике сочетают метафорические семы сразу двух составляющих их основ мотивирующих слов (данные существительные мотивированы глагольными словосочетаниями со связью управления). В результате образовались существительные, обозначающие человека с его оценочной характеристикой. Существительное *пустозвон* имеет сходство по структуре и обобщенному значению («человек с его характеристикой») со словом *пустослов*, однако данные сложные существительные по-разному мотивированы (существительное *пустослов* мотивировано глаголом *пустословить*).

Таким образом, на основании особенностей семантики мы выделяем третью группу сложных слитных слов, в образовании которых участвуют компоненты в переносном значении.

Стоит отметить разную степень идиоматичности сложных дериватов. Сложные слитные существительные, мотивированные субстантивными словосочетаниями со связью согласования и построенные по модели «Сл. = (О + Инт. + О + Суффикс) + Фл.» (*мелкая тема > мелкотемье, красная шея > красношейка, черный лес > чернолесье, первая зима > перевозимье*), обладают высокой степенью идиоматичности. Семантика данных существительных не совпадает с семантикой мотивирующих словосочетаний; в данном случае на формирование семантики сложного существительного большое влияние оказывает словообразовательное значение суффикса (например, значение абстрактности или значение лица). Лексическое значение существительных, мотивированных субстантивными словосочетаниями со связью согласования, построенных по модели «Сл. = (О + Инт. + Сл.) + Фл.» (*белый эмигрант > белоэмигрант, вольный слушатель > вольнослушатель*), совпадает со значением мотивирующих словосочетаний, т.е. степень идиоматичности таких сложных существительных низкая. Существительные, мотивированные субстантивными слово-

сочетаниями со связью управления и построенные по модели «Сл. = (О + Инт. + Сл.) + Фл.» (*женщин (жен) ненавистник > женоненавистник, марание бумаги > бумагомарание, ненавистник человека > человеконенавистник*), по значению тождественны мотивирующему словосочетанию. (Хотя, возможно, словообразовательный процесс существительных типа *бумагомарание, чиновочитание* более сложный, т.к., с одной стороны, можно увидеть «свертывание» словосочетания, которым мотивируется сложное слово, а с другой стороны, абстрактное значение формируется с участием (а иногда и без этого) словообразовательных формантов (чаще всего в этой роли выступает суффикс)).

Сложные существительные, мотивированные нумеративным словосочетанием (связь – сильное управление), построенные по модели «Сл. = (Сл. + О + Суффикс) + Фл.» (*много богов > многобожие, мало лет > малолетка*), лексически не тождественны мотивирующим словосочетаниям и разворачиваются в более сложные структуры (*многобожие – когда много богов; малолетка – тот, кому мало лет*).

Существительные, мотивированные глагольными словосочетаниями со связью управления, построенные по модели «Сл. = (О + Инт. + О + Суффикс) + Фл.» (*книги любить > книголюб, мир любить > миролюбец, народ любить > народолюбец, правду любить > правдолюбец и др.*), лексически не тождественны мотивирующим словосочетаниям и разворачиваются в полупредикативные конструкции (причастные обороты) и в сложноподчиненные предложения по типу «это тот, кто делает что-то» (значение лица у данных существительных формируется благодаря словообразовательному значению суффикса). Сложные существительные, мотивированные глагольными словосочетаниями со связью примыкания, построенные по модели «Сл. = (Сл. + О + Суффикс) + Фл.» (*вольно думать > вольнодумец, скоро думать > скородум, тяжело думать > тяжелодум, скоро ходить > скороходец*), лексически не тождественны мотивирующим словосочетаниям и разворачиваются в полупредикативные конструкции (*вольнодумец > человек, вольно думающий*) и в сложноподчиненные предложения по типу «это тот, кто так делает» (значение лица у данных существительных формируется благодаря словообразовательному значению суффикса, который может быть графически не выражен).

Характером мотивации сложных слитных существительных обусловлено формирование значения «признаковости». При мотивации словосочетанием существительного с прилагательным ведущую роль

в формировании «признаковости» у сложного деривата играет прилагательное (*крутой берег* > *крутобережье*). При мотивации словосочетанием наречия и глагола основным выразителем признака является наречие, хотя обе эти части речи обладают категориальным лексическим значением признака – соответственно непроцессуального и процессуального (*вольно думать* > *вольнодумец*). При мотивации словосочетанием существительного и глагола сложное слитное существительное, обозначающее лицо, может приобретать оценочное значение (*любить корысть* > *корыстолюбец*); оценочное значение часто бывает обусловлено метафорическим сочетанием мотивирующих слов (*кровь пить* > *кровопивец*). Оценочное значение может сформироваться у сложного слова, мотивированного словосочетанием с безоценочными компонентами, при участии суффикса. Например, сложное существительное *клятвопреступник*, построенное по модели «Сл.= (О сущ. + интерфикс + О глаг. + суффикс) + фл.», мотивируется словами с безоценочным значением глагольного словосочетания: существительным *клятва* «торжественное обещание, уверение» (З, с. 273) и глаголом *преступить* «самовольно нарушить, отступить от чего-нибудь» (З, с. 575). Однако оценочное значение сложного существительного *клятвопреступник* («тот, кто нарушил клятвы» (1)) сформировалось под влиянием суффикса со значением лица (человек, способный нарушить клятву, получает отрицательную общественную оценку. *Ах, изменник, ах, клятвопреступник!* (В.Я. Шишков)). Сложное слитное существительное *рабовладелец* («человек, владеющий рабами» (З, с. 627)) мотивируется безоценочным субстантивным словосочетанием со связью управления «владелец рабов». Однако при употреблении в контексте в семантике существительного *рабовладелец* может появиться оценочная коннотация вследствие актуализации глубинных оценочных сем слова «раб» в сочетании с глагольными семами «владеть» («применять насилие») (*Теперь я все знаю о вас, рабовладелец, растлитель и спекулянт!* (И.А. Ефремов)).

Примечания:

1. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000
2. Кочеткова Т. И. Словосложение как средство номинации и предикации в современном русском языке: Монография / Т. И. Кочеткова. - Оренбург, Изд-во ОГПУ, 2004. – 288с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН – М., АЗЪ, 1996. – 928 с.

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ЛИНГВИСТИКЕ

На современном этапе лингвистики теория языковой личности развивается достаточно активно. Интерес к личностному аспекту изучения языка существенно повысился в последние годы не только в лингвистике, но и в психологии, педагогике, философии, лингводидактике. При этом понятие языковой личности тесно связано с определением личности вообще. Чтобы ответить на вопрос, что следует понимать под языковой личностью, необходимо рассмотреть прежде всего понятие личность вообще.

Даже само слово *личность*, хотя и имеет общеславянский корень -лик-¹, появилось в русском языке сравнительно недавно. В.В. Виноградов в этой связи пишет: «В древнерусском языке до XVII в. не было потребности в слове, которое соответствовало бы, хотя отдаленно, современным представлениям о личности. В системе древнерусского мировоззрения признаки отдельного человека определялись его отношением к Богу, общине или миру, к разным слоям общества, к власти, государству, родной земле с иных точек зрения и выражались в других терминах и понятиях»². Таким образом, возникновение слова *личность* связано с развитием самосознания человека, со становлением философской и психологической науки.

Личность является объектом исследования многих наук, в центре изучения которых находится человек. Чаще всего подходы к рассмотрению структуры личности базируются на общечеловеческих представлениях о внутреннем мире человеке, которые наиболее четко сформулированы в религиозных учениях.

В *религии* «с точки зрения христианской антропологии, личность представляет единство телесной, душевной и духовной форм жизни, при этом душевное и духовное разделяются, а самой важной для личности считается духовно-нравственная жизнь. Различие в понимании духовного и душевного проявляется и в языке. Душевный человек - сердечный, открытый, дружелюбный. Слово духовный происходит от дух, отсюда значение - «относящийся к церкви, религии». Духовный человек - это человек высокой нравственности, следующий идеалам истины и добра»³.

В философии личность – «человеческий индивид в аспекте его социальных качеств, формирующихся в процессе исторических конкретных видов деятельности и общественных отношений»⁴.

В психологии «личность – это человек, взятый в системе таких его психологических характеристик, которые социально обусловлены, проявляются в общественных связях и отношениях, являются устойчивыми, определяют нравственные поступки человека, имеющие существенное значение для него самого и окружающих»⁵.

В педагогике «понятие «личность» в отличие от понятия «человек» - социальная характеристика человека, указывающая на те его качества, которые формируются под влиянием общественных отношений, общения с другими людьми»⁶.

В социологии понятие «личность» вводится «для выделения, подчеркивания неприродной (надприродной, социальной) сущности человека и индивида»⁷.

В юриспруденции под личностью понимается «человек со своими взглядами и убеждениями, проявляющий свою уникальную целостность, единство социально-психологических качеств в межличностных, общественных отношениях, сознательно участвующий в той или иной деятельности, понимающий свои действия и способный руководить ими»⁸.

Таким образом, разные области человеческих знаний по-разному понимают такое понятие, как «личность». Если в религии самой важной для личности считается духовно-нравственная жизнь, то в философском определении личности появляется социальная составляющая. В психологии отмечаются нравственные поступки человека. В педагогике основное внимание уделяется влиянию общественных отношений. Социологи отмечают надприродную сущность личности, а политологи активно разрабатывают отношения личности с государством и другими элементами политической системы. В юриспруденции же ставится акцент на сознательном отношении личности к той или иной деятельности.

Актуальным и интересным при этом представляется развитие теории языковой личности в сторону внимания к соотношению в личности языка и речи, и к выделению понятия речевой портрет личности. Именно в последнее время в отечественном языкознании сформировалось особое направление, изучающее языковую личность в различных ее аспектах, - лингвистическая персонология, или лингвоперсонология. «В рамках общей персонологии может быть выделена в

самостоятельное направление науки о языке лингвистическая персонология, исследующая состояние языка (индивидуацию) как частно-человеческой языковой личности (идиолектной личности), так и многочеловеческой (полилектной) языковой личности - народа»⁹.

Анализ и описание языковой личности затрагивает все аспекты изучения языка и нередко стирает границы между дисциплинами, потому что нельзя изучать человека вне его языка, так же как нельзя познать язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к конкретной языковой личности.

Потребность в понятии и термине «языковая личность» появилась в 80-е годы XX века. Приоритет в разработке проблемы языковой личности принадлежит русской лингвистике, хотя идея рассмотрения существования и функционирования языка в связи с его носителем – человеком всегда была присуща языкознанию.

Исторические предпосылки появления соответствующей теории можно обнаружить в трудах Вильгельма фон Гумбольдта, который отмечал: «... язык – не просто средство взаимопонимания, но слепок с мировоззрения и духа говорящего»¹⁰.

В отечественной лингвистике существует три основных подхода к изучению языковой личности: 1) психолингвистический, 2) лингводидактический, 3) собственно лингвистический.

Основу психолингвистического подхода к изучению языковой личности заложил И.А. Бодуэн де Куртенэ. Он рассматривал языковую личность как «вместилище социально – языковых форм и норм коллектива»¹¹ и считал, что «каждому человеку свойственна речь особая, речь индивидуальная, как со стороны «внешней», звуковой, так и со стороны «внутренней», идейной»¹². Современная психолингвистика, представленная работами А.А. Леонтьева, А.А. Залевской и др., двигаясь по этому направлению, сосредоточилась на изучении речевой деятельности, механизмах порождения и восприятия речи. Поэтому обращение к самой языковой личности при данном подходе возникает лишь тогда, когда рассматривается взаимосвязь языка и мышления или языковой онтогенез, а под языковой личностью понимается «субъект речевой деятельности, словесно выражающий, материализующий мысль»¹³.

Лингводидактический аспект разработки понятия «языковая личность» представлен в работе Ф.И. Буслаева «О преподавании отечественного языка», который методологические принципы своего труда строил на представлениях о нерасторжимом единстве родного языка с личностью ученика¹⁴.

Современная лингводидактика значительно продвинулась в понимании содержания языковой личности. Ведущее место в разработке данной теории занимают труды Г.И. Богина, который под языковой личностью понимает «многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовности к осуществлению речевых поступков разной степени сложности, которые классифицируются по видам речевой деятельности и уровням языка»¹⁵. Кроме того, Г.И. Богин объединил такие разнородные феномены, как носитель языка, говорящий, языковое сознание, менталитет, картина мира, ассоциативное поле; разработал методику создания портретов языковых личностей определенных референтных групп; осуществил классификацию языковых личностей, системы и структуры прецедентных текстов.

Лингвистический подход к изучению языковой личности представлен такими именами, как В.В. Виноградов, Ю.Н. Караулов, С.А. Сухих, В.И. Карасик, Е.В. Иванцова, Л.Н. Чурилина.

Основоположником собственно лингвистического подхода является В.В. Виноградов, который в книге «О языке художественной прозы» впервые употребил сам термин «языковая личность»¹⁶. В качестве языковой личности ученый рассматривал «любого носителя языка, индивидуальную речевую структуру», а способ ее изучения и описания предполагал воссоздание структуры языковой личности на основе «производимых и воспринимаемых ею текстов»¹⁷. Однако при изучении данной проблемы В.В. Виноградов обращался преимущественно к языку художественной литературы, и поэтому рассматривал как языковую личность только «язык писателя» (образ автора) и «речевой портрет персонажа»¹⁸.

С.А. Сухих определяет понятие языковой личности как «сложную многоуровневую функциональную систему, включающую три уровня: владение языком (языковая компетенция), владение способами осуществлять речевое взаимодействие (коммуникативная компетенция), знание мира (тезаурус)»¹⁹.

По мнению В.И. Карасика, «языковая личность представляет собой срединное звено между языковым сознанием – коллективным и индивидуальным активным отражением опыта, зафиксированного в языковой семантике, с одной стороны, и речевым поведением – осознанной и неосознанной системой коммуникативных поступков, раскрывающих характер и образ жизни человека, с другой стороны»²⁰.

В настоящее время теория языковой личности активно разрабатывается в трудах Ю.Н. Караулова.

Ученый считает, что в самом термине содержится идея получения (на основе анализа языка текстов) обобщенного знания о личности:

1) как индивидууме и авторе этих текстов, с его характером, интересами, социальными и психологическими предпочтениями и установками;

2) как типовом представителе данной языковой общности и более узкого, входящего в нее речевого коллектива, как усредненном носителе данного языка;

3) как представителе человеческого рода, неотъемлемым свойством которого является использование знаковых систем и естественного языка.

Язык в этом случае предстает и как система, и как текст, и как способность говорения его носителей, а под языковой личностью понимается «личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств»²¹.

Так, Ю.Н. Караулов делает возможным наряду с образом автора и персонажем художественного произведения рассматривать как языковую личность реального «человека с улицы»²².

Опыт реконструкции языковой личности содержится в работах В.В. Виноградова, в книге под ред. Д.Н. Шмелева «Язык и личность», в работах Ю.Н. Караулова, в диссертациях Н.Н. Меньковой, З.В. Баишевой, И.К. Субботиной и др.

В работах современных лингвистов языковая личность рассматривается в нескольких аспектах:

1) результаты изучения ЯЛ с точки зрения создаваемых и воспринимаемых ею текстов представлено в работах Г.И. Богина, В.П. Белянина, К.Ф. Седова;

2) изучению ЯЛ выдающихся людей прошлого и настоящего посвящены работы А.В. Горбуновой, Н.М. Вахтель, Т.В. Кочетковой и др.;

3) гендерные особенности ЯЛ рассматриваются в работах Т.Л. Хризман, З.Р. Хачмафова;

4) национальный компонент ЯЛ анализируется в работах Ю.Е. Прохорова, Ю.Н. Караулова, И.А. Стернина;

5) сферу возрастных особенностей ЯЛ изучается в работах Е.Б. Чернышовой, Е.И. Грищук, О.А. Леонтьевой;

6) наиболее распространено изучение ЯЛ в социолингвистическом аспекте, который представлен в работах Л.П. Крысина, Е.Ю. Лазуренко, О.Н. Паршиной и др.;

7) ряд исследований посвящен проблемам изучения ЯЛ различных социальных (в т. ч. профессиональных) групп: телевизионных ведущих - Г.Н. Беспамятнова, политических деятелей – Ю.А. Кричун, музыкантов – Э.Н. Мутигуллина и др.

В настоящее время изданы работы, посвященные изучению языковой личности персонажа художественного текста: статьи Р.П. Козловой «Герои «Поднятой целины» как коллективная и индивидуальная языковая личность», В.И. Башковой «Языковые личности сибирячек в повести В.П. Астафьева «Где-то гремит война»», Г.Г. Хисамовой «Персонаж художественного текста как языковая личность», В.С. Тютриной «Своеобразие языковой личности персонажа в повести С. Липкига «Декада»» и др.

В последние два десятилетия понятие «языковая личность» активно разрабатывается в лингвокультурологическом направлении, которое предлагает рассматривать языковую личность как члена определенного национально-лингвокультурного сообщества (В.В. Воробьев).

Таким образом, **языковая личность** – это любой носитель языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в них системных средств данного языка для отражения картины мира личности и для достижения определенных целей в этом мире.

Языковая личность - социальное явление, но в ней есть и индивидуальный аспект. Индивидуальное в языковой личности формируется через внутреннее отношение к языку, через становление личностных языковых смыслов. При этом не следует забывать, что языковая личность оказывает влияние на становление языковых традиций. Каждая языковая личность формируется на основе присвоения конкретным человеком всего языкового богатства, созданного предшественниками. Язык конкретной личности состоит в большей степени из общего языка и в меньшей - из индивидуальных языковых особенностей.

Примечания:

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. Т.2 (Е - Муж) / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – М.: Прогресс, 1986. – С. 495

² Виноградов В.В. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / В.В. Виноградов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. - М.: Ин-т рус. яз. РАН, 1999. – С. 271

- ³ Морозова, О.Е. Мир человека и его речь: Монография. / О.Е. Морозова. - Архангельск: Поморский университет, 2005. – С. 23 - 24
- ⁴ Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – М.: изд-во «Республика», 2001. – С. 289
- ⁵ Психология человека. Курс лекций / Кураев Г.А., Пожарская Е.Н. – Ростов-на-Дону, 2002. – С. 137
- ⁶ Подласый И.П. Педагогика: Новый курс: Учебник для студ. пед. вузов: В 2 кн. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. – Кн. 1: Общие основы. Процесс обучения. – С. 72
- ⁷ Социология: Учебник для вузов / В.Н. Лавриненко, Н.А. Нартов, О.А. Шабанова, Г.С. Лукашова; Под ред. проф. В.Н. Лавриненко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – С. 254
- ⁸ Романов В.В. Юридическая психология: Учебник. - М.: Юрист, 1998. – С. 39
- ⁹ Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины / В.П. Нерознак // Язык. Поэтика. Перевод: Сб. науч. тр. Моск. лингв. ун-та. – М., 1996. – 116 с.
- ¹⁰ Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. - М., 1984. – С. 397
- ¹¹ Языкознание. БЭС / Гл. ред. В.Н.Ярцева. – М., 1998. – С. 56
- ¹² Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Том 2. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – С.71
- ¹³ Леонтьев А.А. Язык. Речь. Речевая деятельность. – М., 1987. – С. 104
- ¹⁴ Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. – М.: Либриком, 2010. – 360с.
- ¹⁵ Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. – М., 1984. – С. 29
- ¹⁶ Виноградов В.В. О языке художественной прозы. Избранные труды. – М.: Наука, 1980. – 360с.
- ¹⁷ Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М., 1971. – С. 34
- ¹⁸ Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М., 1971. – С. 30
- ¹⁹ Сухих С.А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса: дис...д-ра филол. наук: 10.02.01, 10.02.19. – Краснодар, 1998. – 260 с. – С. 123
- ²⁰ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 70
- ²¹ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987. – С. 139
- ²² Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987. – С. 76

СЕКЦИЯ 3.
ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРЫ В КОНТЕКСТЕ СЛАВЯНСКОЙ
ДУХОВНОСТИ

Сысоева Н. П. (г. Оренбург)

ИДЕЯ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА В ЭПИЧЕСКОЙ
ПОЭМЕ И. С. АКСАКОВА «БРОДЯГА»

Этот встречный процесс эпизации в сфере стихотворного повествования эстетически продуктивно и своеобразно отразился в эпосотворчестве И. Аксакова, И. Никитина, Н. Огарева, Н. Некрасова.

Характерной чертой искусства середины XIX века, в том числе и эпосотворческих проектов, стала их активная идеологизация как следствие напряженных поисков средств и форм преодоления кризисности русского мира и его переустройства.

Идеологический дискурс в эпосотворчестве середины XIX века достаточно отчетливо выражал основной спектр идейных устремлений интеллектуально активных групп русского общества, претендовавших на представительство интересов всей русской нации. В целом этот идеологический дискурс можно обозначить как славянофильский (И. Аксаков), либерально-демократический (И. Никитин), революционно-демократический (Н. Огарев). Идеологический состав некрасовского эпосотворчества можно определить как сложную динамику христианской и революционной идей, с элементами патриархальной утопии и либерализма.

Незавершенная эпическая поэма И. Аксакова «Бродяга» (1847—1850) стала органическим фрагментом своеобразного эпического славянофильского проекта. Этот проект рождался в славянофильских кругах в контексте общей славянофильской «консервативной народной утопии», по концептуальному определению Анджея Валицкого (1), «лучшего зарубежного исследователя русского славянофильства» (2). Проект строился из разнородного и разножанрового материала эпистолярных критических, эстетических высказываний о мировом и русском эпосе, прежде всего о русских былинах и эпических песнях — «нашей народной эпопее», по выражению «наибольшего утописта среди славянофилов» (А. Валицкий) К. С. Аксакова.

Исключительный интерес мэтров славянофильства к эпосу и национальной эпической поэзии был обусловлен славянофильской

концепцией русской старины, истории, природы искусства в целом.

К сожалению, «практическая», «эпическая» составляющая славянофильской программы ещё не стала предметом всестороннего исследования в условиях активизации научного интереса к феномену славянофильства в работах, имеющих крупное методологическое и литературоведческое значение (3).

Свое наиболее полное, отчетливое и последовательное выражение славянофильская концепция эпосотворчества как высшей, «истинной», универсальной формы национального искусства нашла в статьях К. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или «Мертвые души» (1842), «Богатыри времен великого князя Владимира по русским песням» (1852), «О различии между сказками и песнями русскими».

Эпический эксперимент И. Аксакова в сфере литературной практики оказался глубоко созвучным теории эпосотворчества, выстраиваемой его старшим братом.

Абсолютный приоритет эпической поэзии над другими литературными жанрами К. Аксаков, прокладывая пути развития русской исторической научной школы в изучении фольклора, видел в том, что эпическая поэзия объемно запечатлела «целый русский мир», по точному определению А. Валицкого, выразила национальное, «коллективное сознание, ещё не подвергшееся индивидуализации и рационализации» (4).

Не соглашаясь с сформировавшимся в его время и укоренившимся позднее в науке утверждением о том, что русский народ, в отличие от других, не создал своей эпопеи типа «Илиады», «Одиссеи», «Песни о Роланде», «Песни о Нибелунгах» и т.п., К. Аксаков увидел «эпопею особого рода» именно в цикле русских былин, во многом не дошедших до нас во всей полноте и кажущихся разрозненными.

«Видно и теперь, что все эти рассказы, — убеждённо писал К. Аксаков, — составляют одно живое целое: они соединены между собой не одним каким-нибудь великим событием, собравшим людей около себя, а жизнью, единством жизни; это целый мир, движущийся и играющий одною жизнью, весь ею проникнутый. Таким образом, перед нами эпопея особого рода, согласная с самим существом русской жизни. Мы не видим в ней могущественно движущегося вперед события; не видим увлекающего хода времени; нет, — перед нами другой образ, образ жизни, волнующейся сама в себе и не стремящейся в какую-нибудь одну сторону; это хоровод, движущийся согласно и стройно, — праздничный,

полный веселья, образ русской общины. — Этим духом проникнуто, этим образом запечатлено все, что идет от русской земли, такова сама наша песня, таков напев ее, таков строй земли нашей» (5).

В процессе великого мировоззренческого спора первой половины XIX века о капитализме, о путях развития России, защищая свой «модус существования», славянофилы пытались отстоять дорогие им нравственные устои путем их «рационализации», если воспользоваться известной формулой З. Фрейда, в своеобразную «консервативную утопию» (А. Валицкий).

Сочувственно комментируя концепцию русского славянофильства, выстроенную американским социологом Ф. Теннисом, А. Валицкий справедливо акцентировал внимание в этой концепции на славянофильской идее противопоставления «простой жизни народа» жизни общества. Жизнь общества — «мир приличий и условностей, за которыми скрывается борьба самолюбий, беспрестанное соперничество и тайная взаимная вражда; в жизни народа — простота и естественность быта, в жизни общества — прихоть моды; в народе — патриархальная семья, в обществе семейные связи ослабевают; народ остался верен старорусской традиции, общество — исключительный плод петровских реформ. Народ перестает быть народом,

когда поддается влиянию капиталистической цивилизации <...> Славянофилы считали, что на Западе уже нет «народа», что настоящий народ сохранился лишь в славянских странах и прежде всего в России» (6).

Логика развития современной цивилизации, отсутствие «всемирно-исторического интереса, великих событий», индивидуализация и рационализация современного человеческого мироустройства, разрушение того «единства духа — той внутренней связи, которая связует все его явления», делают невозможным возрождение древнего эпоса на Западе. Его уделом становится неизбежная деформация и разрушение. «Этот древний эпос, — утверждал К. Аксаков, — перенесенный из Греции на Запад, мелел постепенно... (7).

Создавая свою «консервативную народную утопию», К. Аксаков отверг гегелевскую идею «исторической необходимости», противопоставив ей вневременную истину: «Истина — не временщик и от времени не зависит». Вневременная истина К. Аксакова, наряду с другими базовыми положениями его утопии, заключалась в том, что восстановление, «восстание» «древнего эпоса» из эстетического небытия возможно в России.

Здесь народное бытие, почти не тронутое петровскими реформами и цивилизационным процессом в таких губительных проявлениях, как рационализация и индивидуализация коллективного целого и коллективного сознания, сохранило старорусские традиции, «строй земли русской», «образ русской общины» с ее универсальным всеединством и согласием.

Русская община, по К. Аксакову, — живая, ныне действующая модель возможного восстановления истинного, не подверженного чужеродным влияниям строя русского национального сообщества.

«Тайну национальной жизни», «древний эпос со своею глубиною и простым величием», тот же глубокопроникающий и всевидящий эпический взор, то же всеобъемлющее эпическое созерцание (8) увидел К. Аксаков в поэме Гоголя «Мертвые души».

При уязвимости романтической в своей основе, внеисторической в своих отдельных положениях теории эпосотворчества К. Аксаков с поразительной чуткостью и точностью определил конститутивный для эпоса утвердительный пафос гоголевской поэмы в создаваемом образе русского мира, многоуровневую связь поэмы с традициями древнего эпоса, с таким абсолютным его эпическим инвариантом, как «Илиада» Гомера.

Эта глубинная «живая связь» проявилась в избрании Гоголем истинно эпического объекта — «целой сферы жизни», «мира, являющего нам глубокое целое, глубокое, внутри лежащее содержание общей жизни, связующей единым духом все свои явления» (9).

Не романная, а эпическая сущность гоголевской поэмы проявилась, по мнению К. Аксакова, в органично эпической позиции и эпическом образе автора, летописца духовной истории России, пророка-духоиспытателя, предостерегающего нацию о гибельности уклонения от «прямой, торной» христианской дороги, учителя, причастного к «тайне русской жизни», ищущего пути духовного восстановления разрушающегося национального целого, певца русского «простора», русского богатства, этого могучего залога возможного великого будущего России.

Сущностно-эпическую природу «Мертвых душ» К. Аксаков обнаружил в гоголевской не негативной, а позитивной, не внешней, а внутренней, христианской в своей основе антропологии. В отличие от Белинского, К. Аксаков увидел за социальной сатирой, спровоцированной внешней, временной деформацией русского национального характера, глубочайшее художественное проникновение в «тайну русского характера», «сущность, (субстанцию) русского народа» (10).

В трактровке К. Аксакова гоголевская поэма как бы перебрала мост из неэпического настоящего в эпическое прошлое поверх современного литературного процесса «обмеления» эпоса до романа и повести. Восстанавливая прерванную духовно-культурную связь времени, устремившись к постижению «тайны русской жизни», гоголевский эпос возвращал национальное искусство к своей традиционной, истинной, органично коммуникативной в своей основе функции коллективной духовной самоидентификации, определению путей и форм восхождения национального коллектива на новую фазу своего саморазвития.

Гоголевское эпическое творение открывало, по мнению К. Аксакова, перед русской нацией и национальным искусством духовные и эстетические перспективы: «К новому художественному наслаждению призывает оно нас, новое глубинное чувство изящного будит оно в нас, и невольно открывается впереди прекрасная даль...» (11).

И. С. Аксаков настойчиво искал свои формы воплощения «великой мыслит эпохи».

Его эпический проект «Бродяга» (1847—1850) — поразительно интересная попытка не только воплотить в литературной практике формировавшуюся эпосотворческую теорию старшего брата, но и отыскать пути духовного приобщения к народному бытию, снять, по крайней мере, на эстетическом уровне мучительную для него дисгармонию развитого, интеллектуального, рефлексирующего сознания и народного «коллективного сознания, еще не подвергшегося индивидуализации и рационализации» (А. Валицкий).

И. Аксаков как бы сам воплотил в своей жизненной практике призыв Гоголя о том, что для понимания русской жизни русскому человеку «нужно проездиться по России». «Чиновник, купец, литератор», И. Аксаков мог считать себя обладателем значительного, отрезвляющего от всяких излишних «умствований» практического жизненного опыта.

Можно утверждать, что И. Аксаков занял не только в своей переписке, но и в предпринятом эпическом опыте органичную для него «эпическую» позицию. «Он собирал факты жизни как практик жизни, как этнограф, публицист, будущий журнальный издатель, он фиксировал процесс собственного постижения этой жизни и, можно не сомневаться, был при том абсолютно искренним» (12).

Столь свойственное духовно развитому сознанию второй трети XIX в. (Чаадаев, Лермонтов, Белинский, Герцен, Огарев, молодой Тургенев)

нев) нарастающее чувство своего «сиротства», «скитальчества», «духовного бродяжничества», порождаемое дезинтеграцией русского национального и народно-патриархального мира, И. Аксаков пытался преодолеть в живом эстетическом переживании собственного «родства» с народным миром.

Своему эпическому фрагменту («очерку») И. Аксаков стремился придать возможную эпическую полноту. Не событие, а образ русского народного мира, образ его существования и самоосуществления в органичном единстве «житейских», «минутных» забот и своей «сокровенной» сущности делает он объектом своего художественного изображения.

Буквально совпадая с базовыми положениями создаваемой в это время эпосотворческой теории старшего брата, И. Аксаков воссоздает образ самой русской жизни, неподвластной историческому времени (ср. у К. Аксакова: в народной эпопее мы «не видим увлекающего хода времени...»), осуществляющей самое себя по вечным законам Природы и Мироздания. Это образ сияющего, безоблачного голубого неба, палящего зноя, жары, тишины, безлюдного в сенокосную пору села, бесконечного простора...

Катилась медленно ленивая река,
Послушна вечному стремленью! (13)

Ритмы этой естественной самодостаточной жизни определяются и озвучиваются помимо каких-либо цивилизационных искусственных форм.

И. Аксаков последовательно «иллюстрирует» одно из главных положений славянофильской эстетики К. Аксакова, утверждавшего, что универсальным объектом русской «эпопеи» является образ «русской общины

Образ жизни «русской общины» у И. Аксакова мудро гармонизирован естественной сменой дневного бытия, наполненного насущными заботами, — ночным бытием, которое «творится» «в тишине», когда человек снова и снова переживает свое единство с мирозданием: «В тишине жизнь новая творится...» (т. 4).

Тяжкий повседневный труд («...с их загорелых лиц / Обильный пот катится градом», «...помоляся Богу, / Усталые заснули тяжело...») чередуется с песней, со сценами общего, искреннего веселья («И став на дороге веселой толпой, / Ведет хороводы народ молодой»), будни — с праздниками.

Создавая эпический образ русского общинного мира, И. Аксаков пытался совместить несовместимое. С одной стороны, он необычайно чутко следует основному моделирующему закону классического эпосотворчества о вневременной, внеисторической природе «эпического мира», его самостоятельности и внутренней завершенности.

С другой стороны, И. Аксаков активно включает в этот выдержанный в классических законах эпосотворчества пласт извечно существующего русского народного бытия остро современные реалии, отчетливо ассоциирующиеся с реальным историческим временем середины XIX века.

Выстраивая образ крестьянской общины на основе своего культурного опыта, формирующейся славянофильской теории и своих богатейших жизненных наблюдений, И. Аксаков, современный идеолог, русский интеллигент, сознающий свою личную и сословную ответственность за судьбы русского народа, не может игнорировать реальной дисгармонии современной ему крестьянской социальной жизни. Эта дисгармония ощущается автором в драматическом несоответствии высокого, исконно христианского строя духовного облика, трудолюбия народа его реальному положению в русском мире; недостаточностью земельного надела, бедностью, унижительной зависимостью от произвола помещиков и чиновников, правовой незащищенностью.

Образ «русской общины» И. Аксаков осовременивает, конкретизирует и уточняет серией повествовательных зарисовок разных и сходных в своей основе крестьянских судеб, определяемых конкретной и исторической эпохой середины века, предваряя универсальный композиционный «фресковый» (И. Г. Неупокоева), прием поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

Этот коллективный образ и коллективная судьба русского крестьянства слагаются из истории «побега» главного героя поэмы, крестьянского парня «Матвеева сына» Алешки и обретенного на русской дороге приятеля — «тезки» — Матвея Алексеевича Сухих, в поисках вольной жизни и вольного труда, из истории «побегов» и «подвигов» «хромого Степаныча», вернувшегося «домой изувеченным после «сеченья», из рассказов «седого старика», бежавшего от помещика из богатых саратовских степей вниз по Волге, «в Астрахань», «губернию народную», по примечанию автора, слышавшему «это выражение про Астраханскую губернию от одного саратовского мужика» (т. 4). Этот образ дополняется почти «некрасовским» образом дружно работаю-

щей на строительстве шоссеиной дороги артели из семерых мужиков, бежавших сюда из окрестных мест «с прозвищами предивными» от «постылого житья», «безладицы», «опек», помещичьих и чиновничьих притеснений.

Городская цивилизация, государственные учреждения, земский суд, бурмистр предстают в поэме И. Аксакова как образования искусственные, враждебные многовековому, естественно формировавшемуся общинному самоуправлению. Здесь под покровом закона «пройдохами» творятся «воровские» дела, всемерно попираются права и интересы крестьян.

В отличие от классической эпической традиции, «народная поэма» И. Аксакова уже отмечает проявления опасного, деформирующего влияния на крестьянское мироустройство меняющихся социальных условий, расплывающихся общинные и нравственные устои, искажающих «субстанциальную» основу народного характера, агрессивно вовлекающих человека с неискушенным, «естественным» сознанием в чужой ему «публичный» мир, где стремительно утрачиваются христианские представления о добре и зле, грехе и праведности. И. Аксаков необычайно остро ощущает, какому серьезному испытанию подвергается существование многовекового народного миропорядка, семьи, человека.

Крестьянская Русь у И. Аксакова приходит в небывалое прежде движение. Мужики говорят и мечтают о вольной жизни и вольном труде, массаи бегут от помещиков в южные степи, на Волгу, в «народную (Астраханскую) губернию», сбиваются в артели, пытаясь выбиться из пут бедности и зависимости «добыванием вольных деньжон».

Крестьяне, выламывающиеся из коллективного целого, утрачивающие прежнее целостное коллективное сознание, нравственную ответственность перед общиной, становятся легкой добычей этого жестокого мира.

Одно из его самых страшных обличий — русский кабак. В поэме Аксакова содержатель кабака «сиделец» Фома — характерное явление нового времени, новый тип безжалостного и циничного предпринимателя, почувствовавшего, что в это «взволнованное время» безотказным источником обогащения может стать сам углубляющийся процесс материально-духовного неблагополучия народа: «Фома-то народ / Пить — допьяна выучил / Оброки все выручил, / Последнее вымучил...» (т. 4).

Здесь, в кабаке «мещанин горемычный» спился и растратил с трудом нажитое добро, оставив мать и детей в нищете. Здесь красавица Груня, соблазненная и брошенная любимым, выгнанная с позором из родного дома, превращается в «пьяную бабу».

В представлении автора сцены кабацкого «артельного» «веселья» — искаженная форма исконного народного согласия, единства и радости совместного существования. Кабацкое «раздолье» и «разгул» тревожно сигнализируют автору о душевном надрыве и дисгармонии самой активной и предприимчивой части крестьянства, ищущей «исхода».

Целит, гармонизирует и воссоединяет крестьянский мир вера. Высокой оппозицией к образу разоряющего и губящего народ кабака становится в поэме образ соединяющего и спасающего христианского храма. Народные герои И. Аксакова помнят о Боге, поверяют Ему свои самые заветные помыслы, соединяются в своей молитве к Нему со всем христианским миром.

Христианский праздник становится всеопределяющим событием в жизни крестьянства, днем торжества «мира и любви».

Магия христианского праздника, согласной молитвы к Богу восстанавливает поколебленные в повседневной житейской суете христианские святыни и опоры, целит и врачует души, возвращает в них свет и смирение, милосердие к ближнему, ощущение своего единства с ним и Богом.

И. Аксаков может скорбеть и негодовать, почти по-гоголевски, по поводу того, как быстро люди в суете «грешного века» забывают сокровенные и святые минуты духовного обновления в храме:

Отходит служба. Снова го же!
Засуетится грешный век!
Какая дрянь, великий Боже,
Подчас бывает человек. (т. 4)

Но поэт снова и снова ищет органичного синтеза «истины минутной» и «истины сокровенной, вечной», сознавая неполноту любых сатирических обличений в адрес человека.

Разгадывая сокровенные мотивы жизненного поведения своих героев, И. Аксаков выявляет такие константные качества их духовного строя, как кротость, милосердие, всеотзывчивость, готовность нести свой жизненный крест... «Укорные» и «позорные» слова бурмист-

ра, обращенные к отцу беглого Алешки, не находят поддержки у крестьянской сходки, которая сочувствует старому Матвею Лукичу и укрепляет его в смирении перед жизненными испытаниями:

Грешна тоска пред Господом,
Дал крест тебе Он на плечи —
Неси его с терпением (т. 4).

Кротость и бедность, смирение перед своим «горюшком» и сердечная отзывчивость на чужое отличают крестьянский мир от всего остального.

Аксаковское «эпическое созерцание», основанное не на социальном, а на этическом критерии восприятия и изображения русской действительности, может достигать поразительной социальной остроты, далеко превосходящей по своей пронзительной точности и онтологической глубине злободневную социальную сатиру его времени.

Конститутивный для эпоса «утвердительный» (Г. Гачев) пафос изображения крестьянского бытия определяется в поэме И. Аксакова народным коллективным мирозерцанием, не зависящим от каких-либо житейских бед и испытаний и основанным на непоколебимой вере в извечную гармонию и божественную мудрость мироздания.

Поэт пытается приобщиться к этой многовековой, естественной, дорациональной, дорефлексивной вере. Человек активно-аналитического склада ума, подверженный состояниям хандры и тоски, он стремится передать во всей полноте крестьянское, смиренное, бессознательно-благоговейное и благодарное доверие к миру, созданному Творцом.

И хотя главный герой поэмы — крестьянский парень Алешка ставится автором в пограничную ситуацию духовного разлада с окружающим миром, тоски и бегства, судьба его заранее позитивно предопределена аксаковской формирующейся славянофильской концепцией народного общинного мира и человека. Разъединение героя с миром не приобретает характера антагонистического отчуждения, оно скорее вызвано молодостью, с ее переизбытком и игрой духовных и физических сил, жадной воли, естественным стремлением гармонизировать отношения природного «простора», «простора» в себе самом и окружающего социума.

Образ своего героя Аксаков строит, следуя основополагающим законам фольклорной эстетики: простота, отказ от какой-либо инди-

видуализации и эстетизации, сосредоточенность на исконных, национально-русских, коллективистских чертах и качествах.

Народ тем и разнится от привилегированного сословия, что не имеет никаких отличий, никаких особенных черт; человек из народа зовется просто «человеком» или «крестьянином», ибо других званий и отличий у него нет. «О, как богата эта бедность! — писал К. Аксаков <...> Нося звание только человека, только христианина, он с этой стороны есть идеал всего человечества и христианского общества; высшие классы тоже становятся народом, когда забывают о различиях, отличающих их от других людей, когда чувствуют в себе только человека и христианина» (14).

И. Аксаков сознательно уходит от какой-либо «романизации» повествования, которая, казалось бы, активно провоцируется ситуацией побега, погони, приключений героя в «чужом» для него мире. Напротив, поэт стремится к возможно большей эпизации повествования.

У Аксакова побег не отделяет героя от привычного ему родного общинного мира, а проводя его через жизненные испытания, укрепляет его веру в абсолютную ценность этого мира и нерасторжимую связь с ним уже на более высоком онтологическом уровне: «Все Русь да Русь, везде ты будешь дома!» Ведь аксаковский герой бежит, по собственному признанию:

Не от труда, а к новому груду!
На честный труд, на вольное терпенье! (т. 4)

Поэтому кульминация желанного самоосуществления наступает для аксаковского героя именно в момент переживания им по-новому осознанного «вольного» единства с этим общинным (христианским) миром:

От солнца — Божий храм
Горит и светится;
Стоит Алешка там
И тоже светится... (т. 4)

Такая кульминация, безусловно, снимала тему путешествия в качестве универсального, саморазвивающегося эпического «события», обеспечивающего полное и многоуровневое изображение народного мира и героя. Линейное наращивание «фрескового» ряда поэмы за

счет новых «приключений» и «историй» других лиц концептуально ничего в поэме уже не меняло.

Причинами этому, думается, могла быть идеологическая заданность аксаковского эпосотворческого акта и как следствие — невозможность в ее условиях решить проблему автора в соответствии с духом своей исторической эпохи.

И. Аксаков, видимо, намеренно не допускает «следов» авторского, лирического, присутствия в поэме, предельно нейтрализуя личные формы проявления авторского индивидуального сознания. Его лирическое слово и голос могут выражать гражданское негодование, иронию, скорбь, сочувствие, юмор, но они неизменно сверяются с общинно-народной, религиозно-нравственной оценкой и не просто сверяются, а, скорее, растворяются в ней. Автор оставляет за собой в конечном итоге только одну форму самовыражения — эпического повествователя, русского национального поэта, чувствующего «в себе только человека, только христианина» (К. Аксаков), принимающего русскую общину в качестве идеальной, надысторической модели. Раскрывая сущность «народомании» старшего из братьев, А. Валицкий писал: «Народ живет как бы вне истории — «мир» (слово, означающее одновременно «согласие» и «вселенную») для него являлся всем миром» (15).

Г. В. Флоровский в свое время отмечал, что пафос спавянофильства заключался в стремлении «выйти из истории», «укрыться в общине от политической суеты» (16).

Аксаковская идеальная модель общинно-народного мира не оставляла места современному Автору во всей многоуровневой сложности его бытия. Не в поэме, а в переписке, публицистике, будущей журнальной деятельности отразится его жизнь в качестве просвещенного дворянина, идеолога, критика в широчайшем контексте европейского и русского общественно-исторического процесса, жизнь русского интеллигента, проходящего через фазу активного самосознания, сопровождаемую состояниями рефлексии, тоски, хандры, поисками нравственных опор их преодоления.

«Дороги» автора и его народного героя онтологически пересекались, но не совмещались. Аксаковская эпохальная «тоска», порожденная высочайшим уровнем духовного самосознания своего «Я», своей человеческой и исторической ответственности (по выражению Е. И. Анненковой, «Аксаков вынашивал мысль о всем человечестве») и невозможностью их реализации в эпоху нарастающей дезинтеграции,

искала отклика в бессознательно-стихийном всплеске «тоски» его героя — бродяги.

Наступающий цивилизационный процесс пугает поэта своим грубым, агрессивным вторжением в сакральную сферу извечной гармонии народного бытия с Природой.

И. Аксаков оказался перед комплексом сложнейших проблем, которые с такой остротой встанут перед создателями эпической поэмы второй трети XIX века: Никитиным, Огаревым, Некрасовым. Но в отличие от Огарева и Некрасова, во многом совпадая с Никитиным и предваряя их эпосотворчество, И. Аксаков пытался в своем эпическом проекте сублимировать и универсализировать традиционные ценности «старой Руси» и на этой основе создать тот материально-духовно привлекательный для всех сословий образ общинно-народной России, которой мог сыграть роль всеобъединяющего национально-духовного центра.

Но последовательно выстраивая идеальную модель народно-общинного мира и ограничив роль Автора функциями «летописца», эпического фиксатора, онтологического «обозревателя», И. Аксаков выявлял необычайную сложность фундаментального вопроса эпохи о необходимости кардинально менять (гармонизировать в понимании Аксакова) взаимоотношения между дворянским и крестьянским мирами.

«Как практик жизни, как этнограф, публицист», чиновник, «немало поездивший по России» по долгу службы (Е. И. Анненкова), И. Аксаков глубоко осознавал необходимость разрешения острейших духовно-нравственных и социально-общественных проблем со стороны власти, государственных институтов, привилегированных сословий по отношению к народу. Как поэт-эпик, он необычайно чутко выразил необходимость «исхода» (Достоевский) всей русской нации из современной кризисной фазы в новую, более гармонизированную фазу общенационального бытия, но реальных, практически-действенных путей этого «исхода» он, именно «как практик жизни», не видел. Может быть, поэтому он, в отличие от автора «Мертвых душ», попытался на эстетическом уровне гармонизировать взаимоотношения между «заколдованным миром народной жизни» (Белинский) и авторским миром за счет дискурсивной архаизации и фольклорной стилизации последнего.

Установка на идеализацию народно-общинного мира, его заведомо утопическую изоляцию от современного исторического процесса,

самоустранение авторского «Я» во всей многоуровневой сложности его бытия лишали эпический «проект» И. Аксакова онтологической (обязательной для эпической поэмы) и как следствие — эстетической перспективы.

«Проект» И. Аксакова, повторив судьбу давнего русского «арзамасского проекта» первой трети XIX века, остался незавершенным.

Обрывалась поэма Аксакова строфой о «православной земле» (ассоциировавшейся в его сознании с обобщенным образом русского крестьянства), покинувшей «до весны» свой дом и отправившейся в зимний извоз по бесконечным дорогам «всей Руси». Любовь и сострадание, сердечная сопричастность к судьбам русского народа и духовная тревога за его будущее наполняли строки неоконченной поэмы И. Аксакова.

Он пытался установить со своим народом ту «сердечную, теплую, живую связь любви» (17), высшее проявление которой он так глубоко и благодарно ощутил в творчестве Пушкина. Русь виделась ему в дороге...

Примечания:

1. Валицкий А. В кругу консервативной утопии / А. Валицкий // Славянофильство и западничество. М., 1992. Вып. 2. — С. 71 и след.
2. Егоров Б.Ф. Славянофильство / Б.Ф. Егоров // КЛЭ. М.: Энциклопедия, 1971. Т.6, СПб. 934
3. См.: Анненкова Е.И. Аксакова / Е.И. Анненкова. СПб., 1998; Гоголь и декабристы / Е.И. Анненкова. М.: Прометей, 1989; Кошелев В.А. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840-1850-е годы) / В. Кошелев. Л., 1984; Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях / В. Кошелев. М.: Новое литературное обозрение, 2000; Курилов А.С. Курилов // Литературные взгляды и творчество славянофилов 1830-1850-х годов: СПб., М., 1978; Цымбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века / Н.И. Цымбаев. М., 1986 и др.
4. Валицкий А.В. В кругу консервативной утопии / А. Валицкий / Славянофильство и западничество. М., 1992. Вып. 2. — С. 71.
5. Аксаков К.С. Литературная критика / К.С. Аксаков, И.С. Аксаков. М.: Современник, 1982. — С. 93.
6. Валицкий А. В кругу консервативной утопии / А. Валицкий // Славянофильство и западничество. М., 1992. Вып. 2. — С. 138.
7. Аксаков К. Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или «Мёртвые души» // К. Аксаков // Русская критика от Карамзина до Белинского. М., 1981. — С., 277-278.
8. Аксаков К. Указ. соч. — С. 278.
9. Аксаков К. Указ. соч. — С. 278.

10. Аксаков К. Указ. соч. – С. 280.
11. Аксаков К. Указ. соч. – С. 279.
12. Анненкова Е.И. Аксаковы / Е.И. Анненкова. СПб., 1998. – С. 219.
13. Аксаков И.С. Полн. собр. соч.: В 4 т., 2-е изд. / И.С. Аксаков. СПб.: Тип. Суворина, 1913. Т. 4 – С. 69. (Далее ссылки на это изд. даются в тексте с указанием тома и стр. в скобках).
14. Цит. по: Бродский Л.Н. Ранние славянофилы / Л.Н. Бродский. М., 1900. – С. 114-115.
15. Валицкий А. Указ. соч. Вып. 2. М., 1992. – С. 75.
16. Флоровский Г.В. Пути русского богословия / Г.В. Флоровский. Париж, 1937. – С. 257-252.
17. Аксаков И.С. Речь о А.С. Пушкине / И.С. Аксаков // Литература в школе. 2002. № 2. – С. 2.

Уткина Е. В. (г. Оренбург)

МЫ ЧИТАЕМ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО (РАЗМЫШЛЕНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ЛИТЕРАТУРЫ)

Творчество великого русского писателя Ф.М. Достоевского (1821 – 1881) занимает особенное место в отечественной и мировой литературе. Он «не всегда был современным, но всегда – со-вечным» (прп. Иустин Попович). Важнейшей проблемой его творческих поисков и художественных решений всегда оставалась проблема **Человека**, его падения и восстановления. Он настойчиво искал в человеке «все то, что бессмертно и вечно в нем», он бился над проблемой добра и зла, над проблемой страдания, исследовал законы истории, смысл и цель которой для него заключались в Богочеловеке.

Особое место творчество Ф.М. Достоевского занимает и в читательском сознании многих поколений. Мы по-прежнему читаем и перечитываем его произведения, думаем и размышляем над их проблематикой, мучаемся вопросами, которые поднимает писатель, ищем вместе с его героями ответы на них, понимая необходимость присутствия его творчества в нашей жизни, считая его «живым» классиком. Но будут ли испытывать такую потребность наши дети? Будет ли для их читательского сознания Достоевский с его «последними вопросами» человеческого бытия жизненно необходим?

В 1922 году Н.А. Бердяев в предисловии к своей книге «Миросозерцание Достоевского» писал: «Достоевский имел определяющее значение в моей духовной жизни. Еще мальчиком получил я привив-

ку от Достоевского. Он потряс мою душу более, чем кто-либо из писателей и мыслителей»¹.

В этих знаменитых словах философа речь идет об открытии человеком духовного космоса, который нам дает опыт общения с Достоевским. Ярким подтверждением этому служит невероятный взлет русской философской мысли на рубеже XIX-XXвв., одним из духовных источников которого было художественное и публицистическое творчество Ф.М. Достоевского, нашедшее сильнейший отклик в трудах представителей этого культурного явления (русского религиозно-философского ренессанса): В.В. Розанова, Вл. Соловьева, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Н.О. Лосского, Д.С. Мережковского, Л. Шестова и др. Благодаря этим мыслителям и их работам Достоевский «пришел» к нам.

Совершенно очевидно, что Достоевский – писатель особенный, его творчество переживается, прежде всего, как «явление невиданное», «источник новой силы» (И. Виноградов). Через творчество великого классика воспринимается особое качество русской литературы, природу которой он помогает выявить. В произведениях писателя отражается и воплощается вся эпоха 60-70-х гг. XIX в., когда «всё вверх дном на тысячу лет» (Б. Тарасов), именно в эти годы создаются его Пятикнижие и «Дневник писателя», ярко воплощающие основное творческое правило: *«перерывать все вопросы»* в своих произведениях.

Все вопросы в итоге сводятся к одному - о *существовании Бога*. «Существование Бога – главный вопрос, - пишет он А.Н. Майкову, - которым я всю жизнь мучился, сознательно и неосознанно». Именно этот *главный* вопрос (есть ли Бог, есть ли бессмертие) решают его герои, бунтари и мыслители: Родион Раскольников, инженер Кириллов, Иван и Митя Карамазовы. Без этого вопроса, без их «идеи» самих героев просто нет, равно как нет и самого автора, стоящего за знаменитыми словами Мити: «Меня Бог мучит. Одно только это и мучит».

Достоевский открыл новый этап художественного сознания в мировой истории литературы. В его творчестве возникает принципиально новая концепция человека. Предметом изображения в произведениях становится «не действительность героя, а его **самосознание**» (М.М. Бахтин). И уже в первом романе «Бедные люди» (1845 г.) он формулирует свою «тайну» о человеке, давая бедному, несчастному Макару Деушкину сознавать себя личностью самобытной, чувствовать в этом себя *равным* другим людям. Так проявляется «амбиция»

героя, противостоящая превращению человека в «ветошку». Мучительнее этого состояния для Девушкина ничего нет, потому что оно соотносимо им с потерей внутренней потребности *быть человеком*.

Оттого такими сильными оказываются «маленькие», герои Достоевского, его «бедные люди», его «униженные и оскорбленные» в этом своем праве сознавать себя человеком и бороться за него. Так, Девушкин, прочтя гоголевскую «Шинель», восклицает: «И для чего же такое писать? И для чего оно нужно? (...) Да тут и на улицу нельзя показаться будет; ведь тут это всё так доказано, что нашего брата по одной походке узнаешь теперь. (...) А лучше всего было бы не оставлять его умирать, беднягу, а сделать бы так, чтобы шинель его отыскалась, чтобы тот генерал, узнавши ... о его добродетелях, ... повысил чином и дал бы хороший оклад жалованья... зло было бы наказано, а добродетель восторжествовала бы. (...) Я бы, например, так сделал; а то что тут у него особенного, что у него тут хорошего?»².

Всеми покинутая героиня романа «Униженные и оскорбленные» несчастная умирающая мать говорит своей маленькой дочери: «Нелли, будь бедная, будь всю жизнь бедная, не ходи к ним, кто бы тебя ни позвал, кто бы ни пришел... Они злые и жестокие, и вот тебе мое приказание: оставайся бедная, работай и милостыню проси, а если кто придет за тобой, скажи: не хочу к вам!»³.

Соня Мармеладова, желая оправдать перед Раскольниковым «чистую» «как ребенок» Катерину Ивановну, в искреннем душевном порыве восклицает: «Это такая несчастная, ах, какая несчастная! И больная... Она справедливости ищет... Она чистая. Она так верит, что во всем справедливость должна быть, и требует... И хоть мучайте её, а она несправедливого не сделает. Она сама не замечает, как это всё нельзя, чтобы справедливо было в людях, и раздражается... Как ребенок, как ребенок! Она справедливая, справедливая!»⁴.

Обращаясь в своем творчестве к самым различным проблемам общественной, социальной и духовной жизни, Достоевский выделяет ту, в которой, по его мнению, сосредоточен тяжелый недуг современного общества – проблему «людских обособлений».

«Право, мне всё кажется, - пишет он в «Дневнике писателя» за 1876 год, - что у нас наступила какая-то эпоха всеобщего «обособления». Все обособляются, уединяются, всякому хочется выдумать что-нибудь свое собственное, новое и неслыханное. (...) Всякому хочется начать с начала. Разрывают прежние связи без сожаления, и каждый действует сам по себе. (...) Между тем ни в чем почти нет нравственно-

го соглашения; всё разбилось и разбивается и даже не на кучки, а уж на единицы»⁵.

Сравним со словами Гани Иволгина, героя романа «Идиот»: «...нет ничего обиднее человеку нашего времени и племени, как сказать ему, что он не оригинален, слаб характером, без особенных талантов и человек обыкновенный»⁶. В черновиках к «Подростку» Достоевский скажет, что «треснули основы общества», «стерлись определения и границы добра и зла». В обществе господствуют утилитарные и позитивистские идеи. Россия вслед за Западом, отступает перед новыми «идеалами», главное место среди которых отведено «миллиону». «Деньги ... даже таланты дают, - говорит всё тот же Ганя Иволгин, - И будут давать до скончания мира»⁷. Деньги дают могущество, сознание своей силы – именно так думает подросток Аркадий Долгорукий: «В том-то и идея моя, - мыслит он, - что деньги – это единственный путь, который приводит на первое место даже ничтожество»⁸. И вот такие идеалы, в основе которых находится «усиленное самосохранение» становятся достоянием «самодовлеющей индивидуальности» (М. Дунаев), «зарытой» в материальных благах, освобождающей себя от духовного совершенствования и устремленности ко всеобщим явлениям.

Подобное явление очень хорошо знакомо и нам, людям, живущим в XXI веке. Слова Гани Иволгина и Аркадия Долгорукого с тех пор повторяло не одно поколение молодых людей. От них же (и это вполне естественно!) мы можем услышать: ну и что изменилось с тех пор? Разве не правы эти герои Достоевского? Разве жизнь это не подтверждает? Разве в претензиях Ивана Карамазова Богу нет смысла?

Всё начинается с семьи, с семейного воспитания, с семейных традиций. Читаем в «Дневнике писателя» за 1877 год в очерке «Разговор мой с одним московским знакомым»: «...никогда семейство русское не было более расшатано, разложено... неоформлено, как теперь»⁹, - так пишет Достоевский. Исчезло представление о семье как о некоем целом («величайшей святыни человека на земле»), имеющем свой законченный, точный и определенный характер. Образовалось что-то совсем другое. Этому «другому» писатель дает название – «случайное семейство». Цитирую *«Именно случайное семейство (выд. Достоевским – Е.У.) – вот определение современной русской семьи»*¹⁰. Отсутствие целостности и единства в представлениях о семье, о её роли в воспитании и развитии детей, отсутствие потребности заботиться и любить, трудиться и жертвовать ближнему от труда своего формиру-

ет случайного гражданина, не укорененного в своей почве, оторванного от своих национальных корней. Последствия этого процесса перед нами наглядно представлены в романах «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы». Как важно, с точки зрения писателя, каждому человеку помнить об этом, а также помнить о том, что *«Без святого и драгоценного, унесенного в жизнь из воспоминаний детства, не может и жить человек»* - констатирует писатель в 1877 году¹¹. А через несколько лет словами Алеши Карамазова скажет: «Голубчики мои, ... Знайте же, что ничего нет выше и сильнее...и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома. (...) Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь. И даже если и одно только хорошее воспоминание при нас останется в нашем сердце, то и то может послужить когда-нибудь нам во спасение»¹².

Конечный итог *«всеобщего обособления»*, *«тяжелого недуга»*, поразившего людей, нагляднее всего проявляется в последнем сне Раскольникова, прорастающего мощными корнями во всем Пятикнижии. «Трихины», «вселявшиеся» в души людей, делают их бесноватыми. На поверхность выступают вседозволенность, личная правда каждого, мир начинает жить по закону «Я» и ввергает себя в погибель. Между тем, есть для человека спасение – принять Христа за «окончательный идеал на земле», «высшую красоту, служащую идеалом для всех» - «Коли веришь во Христа, то веришь, что и жить будешь вовеки»¹³.

Главнейшей проблемой творчества Ф.М. Достоевского всегда оставалась проблема веры. «...Не как мальчик же я верую во Христа и Его исповедую, а через большое **горнило сомнений** моя **осанна** прошла...» – так звучат, ставшие знаменитыми, слова из его последней записной тетради. По глубокому убеждению писателя «сильнейшая живая жизнь», «сердечное знание Христа» («Влас») сосредоточены в народной среде. Об этом свидетельствуют очерки «Влас» (1873), «Мужик Марей» (1876), «Фома Данилов. Замученный русский герой» (1877). Это подтверждают и знаменитые художественные образы, созданные Достоевским – Макар Долгорукий и старец Зосима. «...судите о нравственной силе народа и о том, к чему он способен в будущем» не по той «степени безобразия» до которой «он временно и даже хотя бы и в большинстве своем может унизиться», а по той лишь «высоте духа, на которую он может подняться, когда придет тому срок. Ибо безобразие есть несчастье временное, всегда почти зависящее от об-

стоятельств, ... а дар великодушия есть дар вечный, стихийный, дар, родившийся вместе с народом...»¹⁴.

Залогі достойной жизни Ф.М. Достоевский видит и в вершинных произведениях отечественной литературы. Он очень высоко оценивал творчество А.С. Пушкина, которого считал великим учителем и который в своих творениях выразил общее для русской интеллигенции «преклонение пред народной правдой» и «признание идеалов народных за действительно прекрасные».

Современная школа «не любит» Достоевского: часто учителя говорят, что он «сложен» для детей и, к сожалению, для самих педагогов. Что ж, сознание школьника ныне формирует массовая культура, и Достоевскому, равно как и русской классике вообще, почетное место в ней не предусмотрено, а читающие родители – явление, увы, не частое в современной жизни. Как же «подключить» детей к открытиям великого русского классика, провидца и борца за «восстановление погибшего человека»? Как не дать им пройти мимо творений А.С. Пушкина, И.А. Гончарова, Н.А. Некрасова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого?

Вопрос этот очень сложный и, надо признать, сейчас, как никогда, остро стоит перед всеми нами.

Нельзя, чтобы теория Раскольникова, так прочно «осевшая» в представлениях о человеке и его правах, укоренилась в сознании нашей молодежи. Нужно, чтобы они понимали весь трагизм её последствий.

Позволю вновь обратиться к писателю. В этих словах, мне кажется, кроется один из ответов на столь не легкий вопрос. В очерке «Мечты и грезы» (1873), Достоевский говорит о том, каким должен быть учитель: «народный, национальный учитель вырабатывается веками, держится преданиями, бесчисленным опытом». Опыт предков, по его мнению, сосредоточен не в постижении «педагогии», а в трудной науке быть человеком (стать?). Такой опыт вырабатывается «долгою самостоятельную жизнью нации, вековым многострадальным трудом...»¹⁵.

В связи с этим приходит на память одна иллюстрация Ильи Глазунова к роману «Униженные и оскорбленные»: маленькая девочка в накинутом на озябшее тельце стареньком платке, протягивая свою худенькую ручку, просит милостыню. Но просит она её не у людей, идущих и едущих мимо, а у нас, её ручка тянется к нам. За этим, очень точно схваченным художником, образом видится душа каждого ре-

бенка – ранимая, чуткая, доверчивая, открытая, страдающая, подчас обманывающая и озлобленная, но неизменно ждущая, верящая и надеющаяся. Часто вспоминаются и слова Ф.М. Достоевского: «Через детей душа лечится». Смысл этих слов где-то совсем рядом с другими замечательными словами писателя: «Мир красотой спасется»...

Примечания:

¹ Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н.А. О русских классиках. – М., 1993. – С. 107.

² Достоевский Ф.М. Бедные люди // Достоевский Ф.М. Бедные люди. Белые ночи. Неточка Незванова. «Бедные люди» в переписке Ф.М. Достоевского, воспоминания современников и русской критике. – М., 1987. – С. 102.

³ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 12 т. Т.4. – М., 1982. – С. 327.

⁴ Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М.: Художественная литература, 1971. С. 295.

⁵ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 9 т. Т.9. В 2 кн. Кн. 1.: Дневник писателя. – М., 2007. – С. 248-249.

⁶ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 6. – М., 1982. – С. 134.

⁷ Там же.

⁸ Достоевский Ф.М. Подросток. Роман в трех частях. – М.: Сов. Россия, 1979. – С. 73.

⁹ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 9 т. Т.9. В 2 кн. Кн. 2.: Дневник писателя. – М., 2007. – С. 191.

¹⁰ Там же. С. 192.

¹¹ Там же. С. 191.

¹² Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Роман в четырех частях с эпилогом. Т. 2. – М.: Художественная литература, 1935. – С. 434.

¹³ Достоевский Ф.М. Возвращение человека. – М.: Сов. Россия, 1989. – С. 464.

¹⁴ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 9 т. Т.9. В 2 кн. Кн. 2.: Дневник писателя. – М., 2007. – С. 15-16.

¹⁵ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 9 т. Т.9. В 2 кн. Кн. 1.: Дневник писателя. – М., 2007. – С. 17.

Юричек Ю. Ю. (г. Оренбург)

**КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКИЙ ТЕКСТ И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Т.Г. ШЕВЧЕНКО)**

Культуроведческая составляющая преподавания русского языка состоит в том, что учитель становится посредником между учеником, с одной стороны, культурой и языком – с другой. Учащиеся приобщаются к

культуре народа, воспринимают, эмоционально переживают и усваивают базовые ценности национального и общечеловеческого характера

В этой связи следует учитывать, что язык – один из важнейших признаков нации, он органически связан с культурой, он развивается в ней и выражает её. Особенностью лингвистики 21 века является активная разработка направления, в котором язык рассматривается как культурный код нации, а не просто орудие коммуникации и познания.

Фундаментальные основы такого подхода были заложены трудами В. Гумбольдта, А. А. Потебни и других учёных, утверждающих тезис о том, что границы языка нации означают границы мировоззрения конкретного человека, ибо человек только тогда становится человеком, когда он с детства усваивает язык и вместе с ним культуру своего народа. Все тонкости культуры народа отражаются в его языке, который специфичен и уникален, так как по-разному фиксирует в себе мир и человека в нём.¹

Проблема соотношения и взаимосвязи языка, культуры, этноса есть междисциплинарная проблема, решение которой возможно только усилиями нескольких наук – от философии и социологии до этнолингвистики и лингвокультурологии. Например, вопросы этнического языкового мышления – это прерогатива лингвистической философии. Специфику этнического, социального или группового общения в языковом аспекте изучает психоллингвистика.

Важной составляющей культуроведческого аспекта преподавания русского языка в школе является использование базовых компонентов культурологической направленности. Это имеет отношение к таким понятиям, как культуроведческий концепт, артефакты, фоновые знания, прецедентные тексты, культуроведческий фон урока, культуроведческий текст.

Культуроведческий концепт осмысливается как сугубо национальный специфический образ культуры, воплощённый в слове. Он отражает особенности сознания человека, вызывает определенные чувства, ассоциации. Примером слов-концептов могут служить «душа», «воля народа», «судьба», «смирение» и т. д. Количество концептов невелико, однако духовная культура любого общества не может обойтись без использования слов-концептов, например: Родина, любовь, вера. Базовым компонентом может служить не только слово, но и материализованное произведение культуры. Такими произведениями являются *артефакты*.

Артефакт – носитель ценностного представления-образа, в связи с этим он предоставляет широкие возможности для знакомства с внеязыковой деятельностью, отражённой в объектах культуры.

Ещё одним компонентом культурологической направленности являются сведения, известные всем членам национальной общности. Такие сведения носят название *фоновых знаний*.

Сообщение учащимся или восстановление их фоновых знаний особенно необходимо, если учитель на уроке обращается к историко-культурному прошлому страны. Фоновые знания конкретизируются в фоновой лексики, в словах, содержащих *культурный компонент*.

Основным средством представления общеизвестных культурно-языковых сведений в речи являются *прецедентные тексты*. Это тексты хрестоматийные, общеизвестные, воспроизводимые в другом художественном произведении, в речи людей высокой речевой и общей культуры. Это тексты, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников.

К прецедентным текстам относятся не только цитаты из художественных произведений, но и мифы, предания, устно-поэтические произведения, притчи, легенды, сказки, анекдоты и т. п. Прецедентным текстом может быть и имя собственное, например, имя известной исторической личности, персонажа какого-либо литературного произведения или киногероя.

Одним из основных источников прецедентности в европейской литературе является текст Библии. К прецедентным текстам, используемым в европейской культуре, относятся также цитаты из художественных текстов, мифы, предания, устно-поэтические произведения, притчи, легенды, сказки, анекдоты.

Все это имеет отношение к творческому наследию Т.Г. Шевченко. Для сохранения украинской культуры творческое наследие писателя – явление уникальное, играющее важную роль в культуре многонационального Оренбургского края.

За каждым текстом стоит своя уникальная система ассоциаций, вызываемых им в сознании носителей языка. Таковыми могут быть личность самого автора Т.Г. Шевченко, принадлежность его к исторической эпохе, сюжет его произведений, особенности авторской стилистики, отражающий украинские мотивы.

Обращение к концепту прецедентного текста позволяет определить представителя культуры, носителя языка, внутри данной культурной

группы и незнакомых членам других культурных групп.² Так в процессе изучения творческого наследия Т.Г. Шевченко возникают вопросы, связанные с историей заселения украинцами Оренбургского края; проблемы развития украинской культуры во взаимосвязи с культурой русского народа. Перспективность такой работы состоит в том, что у школьников появляется интерес к украинской национальной литературе, которая представлена в библиотечных фондах Оренбуржья.

В этой связи у учащихся появляется возможность осознать ценности национальной (украинской) и других культур, а у учителя использовать культуроведческую направленности уроков и внеурочной работы по русскому языку. Так определяется культуроведческий фон урока, который предполагает использование текстового и наглядного материала, отражающего важные стороны духовной культуры народов многонационального Оренбуржья. Он может создаваться исполнением национальных музыкальных произведений, демонстрацией произведений отечественного изобразительного искусства, показом предметов народного декоративно-прикладного искусства.

Важным компонентом системы приобщения учащихся к культуре народа является культуроведческий текст, отражающий историко-культурные ценности народа, эстетичный по содержанию, структуре и лексической наполненности. При отборе культуроведческих текстов следует учитывать не только его содержание, но и способен ли текст оказать эстетическое воздействие на читающего, вызвать у него эмоциональный отклик, воспитывать хороший вкус? Культуроведческий текст расширяет культурный кругозор обучаемых, служит примером для высказывания, обогащает речь учеников словами с культурным компонентом (в нашем случае украинским). Разновидностью культуроведческого текста является *искусствоведческий текст*, созданный художником, искусствоведом, педагогом, в котором непосредственно описывается (интерпретируется) содержание того или иного произведения искусства, оцениваются достоинства или критикуются недостатки конкретного произведения.

Таким образом, специфика культуроведческого подхода состоит:

- 1) в отборе культуроведческого текста как источника информации об историко-культурных ценностях народа, о национальной культуре и самобытности;
- 2) в привлечении искусствоведческого текста, являющегося опорой и образцом в интерпретации содержания и эстетики картины;
- 3) в применении принципа взаимосвязи уроков русского языка, литературы и изобразительного искусства, опирающегося на зритель-

СЕКЦИЯ 3.

ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРЫ В КОНТЕКСТЕ СЛАВЯНСКОЙ ДУХОВНОСТИ

ный опыт учащихся и эстетически грамотный анализ картины, её интерпретации.

При этих и других положительных условиях повышается культурная осведомленность учащихся: у одних повышается уровень эрудиции в вопросах разных искусств, у других – в вопросах экологии языка, появляются ассоциации, новые представления о предмете.

Таким образом, использование базовых компонентов культурологической направленности на уроках русского языка открывает новые возможности для решения проблемы взаимосвязи языка и культуры, расширения кругозора обучаемых, обогащения речи школьника.

Примечания:

¹ Головкин Ж. С. Культура и язык: аспекты взаимодействия/ Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. № 5 / том 12 / 2008

² http://www.terralinguistica.ru/harbour/precedent_text.html

Список литературы:

1. http://www.terralinguistica.ru/harbour/precedent_text.html
2. Бебешко Л. О. Культурологический подход в обучении русскому языку.
3. Головкин Ж. С. Культура и язык: аспекты взаимодействия/ Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. № 5 / том 12 / 2008
4. Новикова Л. И. Культурологический аспект обучения русскому языку в 5 - 9-х классах как средство постижения учащимися национальной культуры
5. Попова В. И. Образовательно-развивающая модель взаимосвязанной учебной и внеучебной деятельности школьника. Реализация концепций «Регионоведение» и «Профориентология»: учебное пособие/В. И. Попова; Мин-во образования и науки Рос. Федерации; Оренб. гос. пед. ун-т. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010 – с. 61 – 63

Проскуракова К. Е. (г. Оренбург)

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ И ВЗАИМООБОГЩЕНИЕ ЯЗЫКОВ В «ОРЕНБУРГСКОМ ОБЛАСТНОМ СЛОВАРЕ» Б.А.МОИСЕЕВА

В современных условиях глобализации стремительного изменения мира информационное пространство непрерывно расширяется,

при этом средства коммуникации позволяют человеку легко переходить из одной сферы общения и деятельности в другую.

Поликультурность как основная характеристика современного мира приобретает отчетливо выраженный антропоцентрический характер. В этих условиях актуальной становится проблема взаимовлияния и взаимообогащения языков и культур, поскольку язык – главное средство общения человека, а общение, как известно, это одна из составляющих существования человека.

Если рассматривать язык как совокупность всех слов народа и верное их сочетание для передачи мысли, то становится ясно, что языковая среда является определяющим фактором: она растит человека, формирует его мышление и речь, культуру человека, более того, саму личность человека. Сегодня, когда происходит расширение социокультурного пространства, активный взаимообмен языков и культур достиг невиданного размаха, встала как никогда остро проблема взаимовлияния языков.[5]

Взаимодействие и взаимообогащение языков происходит не само по себе; этот процесс отражает взаимодействие, взаимовлияние и взаимообогащение материальной и духовной культур различных народов, исторические контакты между ними. [7]

Так вместе с предметами, понятиями слова из одного языка переходят в другой язык. Заимствованные слова, как правило, отражают исторические связи между народами, культурное влияние одного народа на другой.

И.А. Бодуэн де Куртенэ в работе «Избранные труды по общему языкознанию» обобщает мысль о том, что с помощью исследования заимствованных слов можно с «большой точностью» делать выводы о взаимном культурном влиянии одного народа на другой [3].

Важна точка зрения Маслова Ю.С. о том, что общей основой для всех процессов заимствования является не только взаимодействие между культурами, но и экономические, политические, культурные и бытовые контакты между народами, говорящими на разных языках. Контакты эти могут носить массовый и длительный характер в условиях совместной жизни на смежных и даже на одной и той же территории либо могут осуществляться лишь через определенные слои общества и даже через отдельных лиц. [6]

Существенно, что ни одна культура не развивалась в изоляции, что любая национальная культура есть плод как внутреннего развития, так и сложного взаимодействия с культурами других народов.

Вопрос этимологической хронологии иноязычных заимствований, то есть вопрос о том, из какого языка и когда пришло то или иное иноязычное слово, привлекал многих русских исследователей языка. Эту проблему изучали А.И. Соболевский, И. Огиенко, Я.К. Грот, Л.П. Крысин, В.М. Аристова, Э.Ф. Володарская и др.

В этой связи «Оренбургский областной словарь» Б.А. Моисеева отражает историко-культурный процесс обогащения языков регионального пространства и представляет собой собрание языковых фактов, ситуаций, создает условия для познания ценностей и способов описания культурных образцов с помощью языка.

Словарь содержит 5698 слов и словосочетаний, отражающих специфику диалектной лексики Оренбуржья. «Оренбургский областной словарь» является диалектным словарём; в него вошли слова, которые употреблялись в оренбургских говорах, в словарный состав языка они не входят.

Диалектные слова собирались преимущественно в центральных и южных районах Оренбургской области: Оренбургском, Сакмарском, Октябрьском, Новосергеевском, Саракташском, Соль-Илецком и других районах. Эта работа велась более 30 лет во время командировок в районы области, либо во время педагогической практики студентов. В аннотации к словарю указаны фамилии студентов, сведения о говорах Оренбургской области.

Наш край многонационален – это, естественно, нашло отражение и в языке жителей Оренбуржья: «айрень» (кислое молоко, разведенное водой), «бабайка» (большое весло на плоту для управления), «бижбармак» (кушанье из кусочков мяса и маленьких лепёшек круглой или квадратной формы) и другие слова прочно вошли в нашу повседневную жизнь.

Словарный состав оренбургских говоров отличается богатством и большим разнообразием. В прошлом на сравнительно небольшом пространстве Оренбургской губернии было основано много населённых пунктов переселенцами из самых различных уголков России.

В результате переселения огромной массы людей в Оренбургскую губернию сюда были перенесены самые разнообразные русские говоры. Например, курские крестьяне, переселяясь на новые места, приносили сюда и свой говор. То же можно сказать и об Орловских переселенцах, тамбовских, рязанских, смоленских. И сейчас в словарном составе говоров этой территории можно выделить курские диалектные слова, орловские, рязанские, смоленские.

Так в связи с переселением крестьян (сибиряков) из Зауралья и Сибири – из тех мест, где заканчивалась Оренбургская пограничная линия и начиналась сибирская линия, - в оренбургских говорах появились слова: шаньга (круглые открытые пирожки), шанежка (уменьшительно-ласкательное от шаньга), паут (диалектное название полевых пауков).

Словарный состав оренбургских говоров содержит большую группу тюркских слов, преимущественно казахских, а также татарских и башкирских, поскольку русское население нашего края издавна живёт в соседстве и взаимодействует с тюркскими народами. В результате длительного общения русских жителей с тюрками большое количество тюркизмов проникло в русские говоры.

В производной лексике большое количество казахских заимствований приходится на терминологию животноводства: бура, бутакан, куспак.

Большое количество толкований заимствованных слов из языков переселенцев в Оренбургский край дано в словаре Б.А. Моисеева, поскольку главной целью в работе над словарём было толкование оренбургских диалектов и топонимики родного края.

Результатом усиленных языковых контактов, в какую бы эпоху они ни происходили, как правило, было взаимообогащение, т.е. усвоение определённых лексических элементов, усиливавших выразительные возможности языков. Так со Среднего Урала из бывшей Красноуфимской станицы принесено переселенцами в оренбургские говоры название для шиповника: шипиш; наименование хлебного изделия кокурка пришло из Среднего Поволжья в оренбургские говоры. [9]

Взаимообогащение – процесс двусторонний, т.е. это такой вид взаимодействия языков, при котором обогащаются все контактирующие языки.[7] Когда В.И. Даль приехал в Оренбургский край в 1833 году, то нашёл здесь широкое поле для своей деятельности как лингвиста: в то время в Оренбургской губернии жили переселенцы из двадцати губерний России.[9] В результате этих переселений между носителями речи происходил своего рода взаимообмен говорами.

Таким образом, среди основных составляющих мировой культуры особую роль играют языки современных средств коммуникации, освоение которых позволит человеку ориентироваться в мире, познавать окружающую действительность, проявлять толерантность к другим народам и культурам.

При этом идея толерантности, диалога культур становится основополагающей современной многонациональной школы. В этой свя-

зи использование «Оренбургского областного словаря» на уроках русского языка, во внеурочной работе, проектной деятельности старшеклассников является обоснованным и современным. [11]

Каждое общество, обслуживаемое данным языком, имеет национально-своеобразную культуру. Эта культура получает отражение в языке. Поэтому овладение языком означает, с одной стороны, овладение теми культурными ценностями, которое накопило данное общество, а с другой стороны, освоение этих ценностей невозможно без знания языка: язык – хранитель культуры, с его помощью культура наследуется новыми поколениями людей данного общества. [4]

«Язык – душа народа», - это известное высказывание вполне может стать эпиграфом к «Оренбургскому областному словарю», в котором отразилась жизнь народов, населяющих Оренбургский край.

Литература:

1. Библер В.С. Культура. Диалог культур (Опыт определения) // Вопр. философии. 1989. № 6. С. 31–42.
 2. Бекасова Е.Н. Праздное слово. // «Слава вам, братья, славян просветители!»: материалы научно-практических конференций / под общ. ред. В.В. Амелина. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2008. – С. 213-218.
 3. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. – М.: Академия наук, 2008. – С. 391.
 4. Крысин Л.П. Язык в современном обществе: Книга для учащихся. – М.: ООО ТИД «Русское слово – РС», 2008. – С.208.
 5. Куденко Е.В. О языковых процессах в полилингвальной ситуации // Филологические науки. – 2013. – №2 – С. 6-10.
 6. Маслова В.А. Лингвокультурология. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: «Академия», 2001. – С.208.
 7. Михальченко В.Ю. Словарь социолингвистических терминов. – М.: Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук, 2006.- С. 157.
 8. Моисеев Б.А. Оренбургский областной словарь / Моисеев Б.А. – Оренбург: ОГПУ, 2010. – 192 с.
 9. Моисеев Б.А. Хрестоматия оренбургских говоров / Моисеев Б.А. – Оренбург: ОГПУ, 2005. – 132 с.
 10. Панина Т.С. Русский язык в национальных школах Оренбуржья. Исторический аспект. // «Слава вам, братья, славян просветители!»: материалы научно-практических конференций / под общ. ред. В.В. Амелина. – Оренбург: ОГАУ, 2008. – С. 219-228.
 11. Попова В.И. Поликультурная составляющая преподавания русского языка в многонациональной школе (методические рекомендации) // Русский язык в полиэтнических классах: сб. Материалов круглого стола. – М., 2010. – С.71-84.
- Потебня А.А. Слово и миф. – М.: «Правда», 1989. – С.624.

ТЕМА ЛИЧНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ МОЛОДОГО ЛЬВА ТОЛСТОГО

Тема смысла жизни и смерти, «ситуации человека, не знающего смысла своего существования»¹ (В.Я. Линков) стала одной из важнейших в мировой литературе. Она органично претворилась в русской духовной культуре XIX века. Одним из ярких её выразителей явился Лев Николаевич Толстой. В его творческом сознании данная тема стала «духовной ситуацией» (И.И. Виноградов), «вопросом жизни», как он сам говорил².

Л.Н. Толстой воспринимал человека в его гармоническом естестве, изначально в нем присутствующем и отражающем гармонию мироздания. Важнейшим постулатом всей его жизни, перед которым он преклонялся и которому следовал, был тезис, выдвинутый Руссо: человек рождается совершенным и вследствие этого представляет собой «первообраз гармонии правды, красоты и добра». Но как при этом быть с человеческой историей, многочисленные примеры которой являют нам совершенно противоположное?

Уже в самом начале своего творческого пути Толстой испытывает потребность глубокого самопознания, вследствие чего и обращается к теме взросления, становления человеческой души – создает трилогию «Детство», «Отрочество», «Юность» (1852-1857), где обнаруживает, что выход из гармонического детского существования несет за собой нарушение мира, дисгармонию, людскую разъединенность, а следом за этим постановку сложнейших вопросов человеческого бытия. Поразному, но в общем, едином русле решаются эти вопросы в его последующих произведениях «Утро помещика» (1857), военных рассказах (1852-1856). И вот своеобразный итог он подводит в рассказе «Три смерти» (1859).

В творческом поиске молодого Льва Толстого появление данного рассказа вполне закономерно, так как в нем исследуется важное открытие, чуть позже более четко сформулированное в письме к А.А. Фету: «Если хорошенько подумать, что она (смерть) все-таки конец всего, так и хуже жизни ничего нет»³.

С мучительным любопытством вглядывается Толстой в уход человека из жизни, обращение его в «ничто». Для чего жить, «стараться», «хлопотать», - пишет он после смерти дорогого его сердцу брата

Николая. Он размышляет над уходом брата, над теми чувствами, которые тот испытывал за несколько мгновений до смерти. Чувствовать и ощущать собственное обращение в «ничто», по мнению Толстого, «страшно мучительно». Но в смерти человека есть и загадка, некое просветление⁴.

Впервые рассказ-притча Льва Толстого «Три смерти» был опубликован в январском номере журнала «Библиотека для чтения» за 1859 год, а написан всего за несколько дней. 15 января 1858 года молодой Л.Н. Толстой замечает в дневнике: «Хорошо начал писать «Смерть»⁵. Уже через девять дней работа над рассказом окончена.

В одном из писем Толстого этого времени (1 мая 1858г.) к родственнице и другу Александре Андреевне Толстой была раскрыта идея произведения: «Моя мысль была: три существа умерли: барыня, мужик и дерево. – Барыня жалка и гадка, потому что лгала всю жизнь и лжет перед смертью. Мужик умирает спокойно, именно потому, что он не христианин. Его религия другая, хотя он по обычаю и исполнял христианские обряды; его религия – природа, с которой он жил... Дерево умирает спокойно, честно и красиво. Красиво – потому что не лжет, не ломается, не боится, не жалеет»⁶.

Л.Н. Толстому не дает покоя один и тот же вопрос о смысле его собственной жизни и о том, чтобы этот смысл смог победить неизбежную смерть, превращение в «ничто».

В этом толстовском состоянии не то упоминание смерти, необходимое каждому человеку (о чем постоянно говорят Святые Отцы), необходимое для достойного пребывания в земном мире, помогающее жить как должно, но – отвращение от смерти, которое жизнь искажает и не дает возможности жить. Здесь мы можем говорить об очень точном материалистическом понимании сущности смерти, гениально в своей основе схваченным Толстым.

Итак, в рассказе «Три смерти» последовательно умирают барыня, мужик и дерево. Истории смерти барыни и мужика никак не связаны. Толстой как бы уходит на время от социальных и житейских подробностей. Для него важен факт ухода из жизни, философский смысл происходящего. Смерть барыни, по мнению Толстого, «безобразна», насковзь лжива, она умирает, подавленная страхом и отчаянием. «Мужик умирает спокойно... Он сам рубил деревья, сеял рожь и косил её, убивал баранов и рожались у него бараны, и дети рожались, и старики умирали, и он твердо знает этот закон, от которого он никогда не отворачивался, как барыня, и прямо, просто смотрел ему в глаза...»⁷.

Последние мгновения жизни человека мучительны и сложны, в его сознании происходят таинственные процессы, в которых, очевидно, есть место, как надежде, так и страданиям.

Подлинно прекрасной автор считает третью смерть – смерть дерева, в которой всё «красиво», так как истинно и естественно, находится в некоей гармонии, в которую вовлечены все процессы, связанные с этой жизнью. Отношение к смерти, равно как и к сущности жизни в этом рассказе определяется идеалом гармонии природы и близкой к ней трудовой крестьянской жизни. Потому и смерть воспринимается тогда, как естественный, закономерный этап в вечном движении и развитии («срубят, - а они опять вырастут...»).

Таким образом, в рассказе «Три смерти» Л. Толстой обозначает три уровня бытия, три степени близости к истине: уровень барыни, уровень мужика и уровень дерева. Уровень барыни предельно удален от истины; уровень мужика отражает законы «натуры», это уровень бессознательного следования истине; уровень же дерева – это сама истина («дерево не лжет»).

Определения этих уровней оказываются очень важными в последующем творчестве Льва Толстого. Уже в рассказе «Люцерн» (1859) абсолютно точно зафиксирован самый удаленный уровень: «гадкий», «жалкий» и «ложный». Это уровень цивилизации, разобщающий людей, обособляющий их, уводящий друг от друга. Таковым в своей удаленности он останется в творчестве Толстого до конца. Его яркое отражение мы увидим в «Войне и мире», впоследствии в творчестве писателя 1880-1890-х гг. Откроется нам и второй уровень, уже в Платоне Каратаеве, а далее в «Народных рассказах».

Проницательный Иван Бунин в свое время отметил тот факт, что люди не одинаково чувствительны к смерти. Он писал: «Есть люди, что весь век живут под её знаком, и с младенческих лет имеют обостренное чувство смерти (чаще всего в силу столь же обостренного чувства жизни)»⁸.

Безусловно, смерть ни при каком идеальном общественном устройстве и самой счастливой личной судьбе не станет безразличной для человеческого сознания. Не была она безразличной и для Толстого – художника, всю жизнь её постигавшего, боровшегося с ней и искавшего тот уровень жизни, который ей, смерти, может противостоять. «Обостренное чувство смерти» именно в «силу столь же обостренного чувства жизни» было присуще великому Толстому, всю жизнь прожившему в неотступных и напряженных размышлениях о ней и часто

повторявшему слова Марка Аврелия: «Высшее назначение наше – готовиться к смерти»⁹.

Примечания:

¹Линков В.Я. История русской литературы XIX века в идеях: Учебное пособие. 2-е издание. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. -192с.

²Виноградов В.В. Духовные искания русской литературы. – М.: Русский путь, 2005. – 672с.

³Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII-XIX веках. – М.: Издательский Совет РПЦ, 2003. – С. 876.

⁴Бицилли П.М. Проблема жизни и смерти в творчестве Толстого. (http://garmash.narod.ru/litved_tanatos/bizilli_tolstoi.html)

⁵Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 48. – М., 1952. С. 3.

⁶Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 60. – М., 1956. С. 265-266.

⁷Там же.

⁸Черепенникова Н. «Е.Б.Ж.» - толстовское заклятие от смерти. (<http://www.hrono.ru/text/2010/cherp1210.php>)

⁹Там же.

Эльбукаева А. (г. Оренбург)

**СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ
В ТЕКСТАХ КОНСТАНТИНА МАЗУРЕНКО**

Важной задачей журналиста является отражение действительности в текстах, но публицистика по своей природе предполагает осмысление, оценку фактов и, конечно, присутствие автора в тексте. Роль автора в тексте принципиальна. Как пишет В.Е. Хализев, «дух автора не просто присутствует, но и доминирует в любых формах художественной деятельности». [1]

В последнее время массовая экспансия печатных средств массовой информации (СМИ) усилила интерес языковедов к газетной коммуникации как могущественному средству влияния на читательскую аудиторию. Публицистику называют летописью современности. Публицистический стиль на современном этапе развития печатных СМИ наиболее оперативно откликается на нужды общества, вбирает и отображает богатство языковых тенденций, составляет открытую зону для языковедческих исследований, чем привлекает внимание многих отечественных и зарубежных ученых. Современный газетный текст в полной мере отражает не только перемены, происходящие в обществен-

но-политической и социально-экономической жизни, но и, что особенно важно для лингвистических исследований, изменения в языке.

Публицистический стиль характеризуется большой эмоциональностью и оценочностью. По своей сути публицистика призвана активно вмешиваться в жизнь общества, формировать общественное мнение. Основные функции публицистического стиля - воздействие и сообщение. Взаимодействие этих двух функций и определяет употребление слова в публицистике.

По определению Е.С. Щелкуновой, публицистический текст – «знаковый комплекс, сориентированный на взаимодействие автора и массовой аудитории для обмена актуальной социальной информацией, представлениями, мнениями и максимально актуализирующий потенциал текстовой динамики». [2]

Отражение действительности в текстах является важной задачей журналиста, но публицистика по природе своей предполагает осмысление, оценку этих фактов, и, следовательно, присутствие автора в тексте. Читая современный публицистический текст, читатель не только становится очевидцем описываемых событий, но и видит текстовое отражение авторской личности, его самосознания, позиции, творческой индивидуальности.

Публицистический текст, по мнению Е.С. Щелкуновой, «всегда является «авторским», независимо от того, насколько явно субъект высказывания присутствует в ткани текста. Читатель получает в нем факты и их интерпретацию, даже если она будет выражаться просто в отборе информации. С этой особенностью связано наличие скрытой или явной оценочности публицистического текста». [2]

Цель нашей статьи – выявить, в каких формах проявляется авторская модальность в текстах Константина Мазуренко.

По мнению Л.А. Новикова, авторская модальность - это «отражение определенного мировоззрения и оценка изображаемого» и связывает ее с категориями художественного времени и пространства. [3]

Другую точку зрения выражает Л.Г. Барлас. Он определяет авторскую модальность как семантическую категорию, способствующую «организации целостности художественного произведения» и выявлению идейных позиций писателя, его отношения к героям, разновидность субъективной модальности, двустороннюю, содержательно-формальную категорию, внося тем самым существенный вклад в исследование модальной проблематики. [3]

По мнению Г.Я. Солганика, присутствие автора обнаруживается как эксплицитно, так и имплицитно. В первом случае используются соб-

ственно грамматические факторы: использование местоимений первого лица и соответствующих глагольных форм, обращения к читателю, вводные конструкции, собственно вопросительные и риторически-вопросительные построения, адресованные читателю, междометия.

Во втором случае нельзя представить закрытый список средств обнаружения авторского присутствия, можно лишь вести речь о следствиях его роли в создании текста, а точнее о тех повествовательных сдвигах, которые создают три оценки: модальную, эмоционально-смысловую и функционально-ориентировочную. «Волонтаризм» авторского поведения проявляется как бы в создании указанных повествовательных сдвигов.

При всем их многообразии и разнохарактерности применительно к репрезентации «авторского поведения» С.Г. Ильенко выделяла на два их типа, связанных:

1) с изображением описываемого как реального или гипотетического;

2) с изображением описываемого с объективированных (незаинтересованных) позиций или с позиций сопереживания (сочувствия).

И хотя каждая из двух названных разновидностей, уточняющих текстовую модальность повествования, имеет разные способы своей презентации (первое – сослагательное наклонение глагольных форм, придаточные части, маркированные ирреальными союзами типа *как будто*, собственно сравнительными придаточными союзами *как*; второе – вставные конструкции, вопросительные предложения, вводные слова), они сближаются тем, что та и другая обнаруживают авторскую позицию, придавая объективному характеру повествования субъективную оценку. [4]

Выявляя в каких формах проявляется присутствие автора в текстах Константина Мазуренко, мы будем ориентироваться именно на концепцию Г.Я. Солганика.

Константин Мазуренко работает в редакции ежедневной газеты «Орская хроника» с сентября 2000 года. Он является корреспондентом отдела социальной жизни: освещает деятельность правоохранительных органов, работу судов, прокуратуры. К. Мазуренко - ведущий фельетонист редакции. [5]

Иногда К. Мазуренко работает под псевдонимом и подписывается под своими текстами, как К. Брюзжалов. Как объясняет сам автор, такой псевдоним он выбрал потому что он, как старичок, смотрит на всех стороны и брюзжит.

Как показал анализируемый нами материал, в своих текстах Константин Мазуренко использует такие приемы, как:

1) Собственно вопросительные и риторически-вопросительные построения, адресованные читателю. То есть вопросы, не требующие ответа (либо ответ принципиально невозможен, либо ясен сам по себе, либо вопрос обращен к условному собеседнику). Риторический вопрос активизирует внимание читателя, усиливает его эмоциональную реакцию. Используя их, автор с большей очевидностью занимает позицию находящегося рядом наблюдателя, незамедлительно реагирующего на события, происходящие в обществе.

Например: *Вы, наверное, уже читали объявление возле ДК машиностроителей на площади Шевченко? «Внимание, запрещена парковка автомобиля ближе чем на 5 метров к колонне. Возможно обрушение карниза». Вот так вот. А ведь через эти главные колонны люди ходят и в «Магнит», и в «Милано»... То есть машина важнее? Или подразумевается, что человек в случае чего успеет отскочить от летящих на голову обломков?» (текст «СМИшные органы и психология»). [5]*

2) Восклицательные предложения - предложения, характеризующиеся эмоциональной окрашенностью и повышенной экспрессивностью. С их помощью автор наиболее явно передает собственное эмоционально состояние и выражает свое отношение к происходящему.

Например: *При этом с двумя смертельными уровнями он два раза выстоял жуткую очередь. Вот ветераны, вот несгибаемая порода людей! Дай Бог каждому из нас такое здоровье! (текст «С анализами на брудершафт»). [5]*

3) Междометия. Автор этими словами непосредственно выражает свои чувства, переживания и волеизъявления, не называя их.

Например: *Эх, вот если бы мы так с московским начальством никеля говорили... ? (текст «СМИшные органы и психология»).*

Некоторые доносч... ой, то есть разносчики, заставляли перепуганных жильцов тут же, не сходя с места, вслух и с выражением зачитывать передовицу. (текст «Кто погладит мишку с флагом?»). [5]

4) Обращения. Автор каждый раз указывает, к кому направлены его слова. Основная функция обращения состоит в том, чтобы, назвав собеседника (адресата речи), привлечь его внимание, побудить к восприятию речи. Но обращение употребляется не только для того, чтобы привлечь или поддержать внимание собеседника. Оно выполняет одновременно ещё одну функцию: называя собеседника, автор этим названием-обращением оценивает его и раскрывает свои отношения с ним (деловые, социальные и др.)

Например: *Ой, уважаемые читатели, только не подумайте, что орские эксперты Государственного экологического контроля и анализа намекают на нашу промышленность! (текст «Россия», которую мы потеряли»)*

Уважаемые политики! В настоящий момент по городу расставлены в огромном количестве щиты наружной рекламы с вашими лицами. (текст «Ужас, кхе-кхе!..»). [5]

5) Вводные слова. Они синтаксически не связаны с предложением и выражают отношение говорящего к сообщению, общую оценку сообщения, указание на источник сообщения или на его связь с контекстом речи.

Например: *Кстати, а у нас на что изыскивают дополнительные средства? У нас экс-губернатору А. Чернышеву хотят вернуть льготы и выплаты, равные 3 миллионам 300 тысячам рублей (текст «Настройка преемника»).*

Вот, например, жительница города Алевтина Снегирева, в прошлом адвентистка, а в еще более далеком прошлом православная христианка, озабочена совсем другим: она собирается подать в суд иск к главе города. (текст «Остерегайтесь арбузов!»). [5]

6) Вставные конструкции. Автор употребляет слова, словосочетания и предложения, содержащие различного рода добавочные замечания, попутные указания, уточнения, поправки, разъясняющие предложение в целом или отдельное слово в нем, иногда резко выпадающие из синтаксической структуры целого.

Например: *Только, значит, заикнулись мы о слухах, которые ходят по Новотроицку – про ожидаемый приезд Путина – как администрация вдруг приоткрыла карты! (текст «Прочная крыша лучше красивого лица»)*

А кто не берет в расчет психологию, тот раскидывает по ящикам бесплатную газету под названием «Коммунальщик» (да-да, в городе появился новый орган тиражом 950 экземпляров, учредитель – ООО «Коммунальщик»), в которой слесари будут растолковывать глупым жильцам, что они, глупые жильцы, должны быть в восторге от своих коммунальщиков... (текст «СМИшные органы и психология»). [5]

7) Сослагательное наклонение глагольных форм. Использование этого приема позволяет автору показать, что он рассматривает эти явления не как реальный факт, а как нечто желаемое, предполагаемое.

Например: *Ну почему бы Юрию Долгорукому не стукнуть рукой по столу и не обязать перенести мусорные баки с очищаемого побережья Елшанки?! (текст «Стеклотаро-мусорное иго»)*

Об этом «ОХ» уже писала в номере за четверг, но Брюзжалов хотел бы обратить внимание на одну интересную деталь... (текст «Под маской здравого смысла»). [5]

Необходимо подчеркнуть в формировании авторской модальности в текстах Константина Мазуренко особую роль играют синтаксических конструкций: вставных и вводных, а также собственно вопросительные и риторически-вопросительные построения, адресованные читателю.

Исходя из этого, мы можем сделать вывод о том, что присутствие Константина Мазуренко в его текстах проявляется и эксплицитно, и имплицитно. В зависимости от темы своего материала, он выбирает способы художественно изображения. В некоторых событиях показываются, как реальные или гипотетические. Например, «Настройка преемника» или «Остерегайтесь арбузов!». Другие он описывает с объективированных (незаинтересованных) позиций или с позиций сопереживания (сочувствия). Например, «Прочная крыша лучше красивого лица» или «СМИшные органы и психология».

Константин Мазуренко достаточно скромно оценивает свою роль, называя себя «брюзжащим старичком». На наш же взгляд, это очень удачный образ, который позволяет ему сильнее воздействовать на читателей. Константин Мазуренко смотрит на жизнь сквозь призму смеха и иронии. При такой позиции автора очевидные проблемы и несовершенства нашего общества открываются для читателя в другом ракурсе: мы с улыбкой воспринимаем его замечания и вслед за ним начинаем смотреть на нашу жизнь со стороны. Читая, мы слышим «брюзжание» автора, и в этот момент в наших сердцах порождает сомнение: «А так ли мы живем?». Именно это сомнение и заставляет нас двигаться дальше и становиться лучше. Поэтому, мы считаем, что роль Константина Мазуренко в нашем обществе более значимая, чем он определил ее сам.

Литература:

1. Хализев В.Е. Теория литературы. – М: Высшая школа, 1999. – С. 54
2. Щелкунова С. Е. Публицистический текст в системе массовой коммуникации: учеб. Пособие. – Воронеж: Родная речь, 2004. – С. 194
3. Бочкова О.С. Категории модальности, времени и пространства в жанре НФ: (на материале русско- и англоязычных текстов) // Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2006. – 25 с.
4. Ильенко С.Г. Русистика. Избранные труды – Санкт-Петербург, 2003. – С. 360-374
5. Официальный сайт газеты «Орская хроника» <http://www.hron.ru/?content=redaksy>

СЕКЦИЯ 4
РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ
ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Коробейникова А. А. (г. Оренбург)

**О ЛЕКСИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА
В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ:
НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК**

Россия и Китай – страны высокой культуры. Об этом свидетельствуют не только многочисленные архитектурные, художественные, литературные памятники, но и богатейший фольклор, одним из видов которого являются народные пословицы и поговорки. «Пословицы – это кристалл мысли народа в определённую эпоху...», – писал классик китайской литературы Лу Синь¹. Ф. Ф. Фахрутдинова пишет: «В паремических языковых единицах запечатлены народная мудрость, ценностная картина мира этноса и в афористической форме содержится сумма активных и пассивных знаний о внешнем порядке вещей и внутреннем мире человека»². О. Ю. Печёнкина считает, что «пословицы являются ценным лингвистическим материалом, так как являются стереотипами народного сознания, отражают народную культуру не только как целостные знаки, но и единицами своего состава, а также хранят и воспроизводят традиции народного менталитета, являясь константами видения мира и миропонимания целого этноса»³.

Изучением русских пословиц и поговорок занимались многие учёные, исследуя разные аспекты паремиологии: происхождение и статус пословиц и поговорок (В. Л. Архангельский, Т. С. Бендерли, В. И. Даль, В. И. Зимин, С. И. Ожегов, А. А. Потебня, В. Н. Телия, Н. М. Шанский), семантику (А. П. Аникин, Е. М. Верещагин, Ю. А. Гвоздарев, В. Г. Костомаров, А. А. Крикман, Г. Л. Пермяков, М. А. Рыбникова, Л. Б. Савенкова, А. И. Соболев, В. П. Фелицына), художественные особенности (С. Г. Лазутин, В. М. Мокиенко, Л. А. Морозова, Л. С. Панина), структуру (Н. Барли, А. О. Дандис, Г. Л. Пермяков), проблемы вариантности пословиц (Г. Ф. Благова) и др.

Стимулом для включения пословиц и поговорок в круг интересов современного языкознания явилась, в частности, проблема опре-

деления границ фразеологии. Пословицы и поговорки либо признаются фразеологизмами и, соответственно, включаются в предмет фразеологии, либо не признаются таковыми и выводятся за пределы фразеологии. Условно можно выделить три точки зрения на эту проблему:

1) широкое понимание фразеологии как самостоятельной дисциплины. В её состав включаются все сочетания, обладающие признаками устойчивости и воспроизводимости: фразеологические единства и сращения, фразеологические сочетания, пословицы и поговорки, крылатые слова, речевые штампы [Архангельский 1964, Виноградов 1977, Кунин 1972, Шанский 1985].

2) При узком понимании фразеологии в её состав включают устойчивые словосочетания, которые функционально соотносятся со словом как номинативной единицей языка и представляют собой структурно-семантическое ядро фразеологии [Ларин 1956, Бабкин 1964, Гвоздарев 1977, Молотков 1977, Жуков 1987].

3) Подход, при котором любые сочетания лексем, в том числе и неустойчивые, невоспроизводимые, включают в её состав [Копыленко, Попова 1978].

Мы разделяем мнение учёных, не относящих пословицы и поговорки к кругу фразеологических единиц. В качестве аргументации нашей позиции рассмотрим содержание понятий *пословица*, *поговорка* и *паремия*. Первоначально термин паремия (от греч. *paroimia* – притча) заимствован из греческого языка и оставался синонимом к словам *притча*, *пословица*, *поговорка* в их древнерусских значениях⁴. Однако в церковном обиходе семантика слова была другой: слово означало не любое изречение, а особый тип изречений, выбираемых из Священного Писания для чтения во время богослужения. В словаре В. И. Даля *паремия* определяется как «нравоучительное слово», то есть текст назидательного характера⁵.

В настоящее время термин *паремия* выступает как родовой термин по отношению к терминам *пословица* и *поговорка*. Данное понимание термина отражено в монографии В. Н. Телия «Русская фразеология»⁶. К паремиям относятся пословицы, поговорки, крылатые слова, призывы, лозунги, приметы, прибаутки, каламбуры, проклятья, присловья. Л. Б. Савенкова определяет *паремию* как «устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное изречение, пригодное для употребления в дидактических целях»⁷. В. И. Даль определил *пословицу* как «краткое изречение, поученье более в виде притчи, инос-

казания или в виде житейского приговора; поговорка есть особь языка, народной речи, не сочиняется, а рождается сама; это ходячий ум народа; она переходит в поговорку или простой оборот речи»⁸. *Поговорку* Даль определяет как «окольное иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения».

В настоящее время поговорка является объектом изучения разных наук: фольклористики, лингвистики, поэтики, истории и др. В рамках перечисленных наук изучаются различные аспекты сущности поговорок и даются определения с разными наборами признаков. Анализ различных точек зрения на проблему разграничения паремии, поговорок и поговорок как терминов современной лингвистики в качестве рабочих определений позволяет принять как наиболее удобные в использовании следующие. *Паремия* – это родовый термин по отношению к поговорок и поговорок, это устойчивое в языке и воспроизводимое в речи изречение, носящее обобщённый характер. *Поговорка* – это изречение, обладающее воспроизводимостью, относительной стабильностью состава и структуры и имеющее образную или прямую мотивировку общего значения, не вытекающего только из значения составляющих его лексем, носящее обобщённый характер.

Поговорка – это изречение, обладающее воспроизводимостью, относительной стабильностью состава и структуры и имеющее прямую мотивировку общего значения, не вытекающего только из значения составляющих его лексем, носящее обобщённый характер⁹.

В традиционном китайском языкознании фразеология как лингвистическая дисциплина отсутствовала и, вероятно, была заимствована из российской науки. В 50-е – 60-е годы она ориентировалась на концепцию В. В. Виноградова. Но она имеет ряд специфических свойств, отражающихся в терминологии. В китайской фразеологии терминология напрямую связана с представлением об объёме единиц, входящих в неё. Традиционно выделяют такие типы фразеологизмов:

Чэньюй (chengyu) – идиома, идиоматическое выражение, фразеологизм «готовые выражения» (Например: смотреть на пожар с противоположного берега. Ср.: моя хата с краю).

Гуаньюньюй (guanyongyu) – «привычные фразы, ходячие выражения» (Например: выступать в красной маске. Ср.: прикидываться добрым человеком).

Сехоуэй (xiehouyu) – «речения с усекаемой концовкой - недоговорки-иносказания» (Например: в морозный день пить студёную воду – каждая капля отдаётся в сердце. Ср.: запасть глубоко в душу).

Яньюй (уану) – «пословицы» (Например: не став буддийским монахом, не узнаешь, как холодно его голове. Ср.: только на собственном опыте можно понять, насколько велики трудности).

Суьюй (сууу, суһуа) – «поговорки».

Гэянь (геуан) – «афоризмы» (Например: не делай другому то, чего себе не желаешь).

Цзинцзю (ејингју) – «отточенные фразы, сентенции».

Цишо (қи шуо) – «странные речения, парадоксы, суждения»¹⁰.

Яньюй представляют собой общее, законченное, грамматически оформленное суждение, имеют структуру предложения. Яньюй обладают параллелизмом. Яньюй параллельной конструкции представляют собой две равновеликие части, основанные на количественном, лексико-семантическом и грамматическом параллелизме, к примеру: Shi shenme bing, zheyang di yaowu, bing jieshou «чем заболел, такое лекарство и принимай» (ср.: клин клином вышибают). Яньюй непараллельной конструкции могут быть представлены разными структурными моделями Shui ye wufa rushui, zai chuangshang, quxian «кто не может заснуть, тому и кровать крива» (ср.: плохому танцору и сапоги мешают).

Обычно для китайских пословиц и поговорок используют один китайский термин уану, так как границы, отделяющие пословицы от поговорки весьма условны, поэтому они, как правило, объединяются в одном словаре. Например, в словаре «Китайские пословицы и поговорки»¹¹, «Русско-китайский словарь пословиц и поговорок»¹² и др.

На основе анализа лексикографических источников нами было выделено понятийное ядро концепта «человек»: в русском языке человек мыслится как уникальное живое существо, наделенное даром мышления и речи. Человек существует в обществе. Нами выявлены языковые единицы, объективирующие различные аспекты содержания концепта «человек». Текстовые репрезентанты распределены на 7 групп, основанием послужили доминантные семы, обозначающие: 1. Собственно человек, лицо (номинант концепта); 2. Характеристика человека по внешности; 3. Характеристика человека по чертам характера; 4. Термины родства; 5. Возраст, пол; 6. Социальное положение (род деятельности); 7. Группа лиц как единое целое. Анализ частотности употребления слов, вербализующих концепт «человек» в пословицах и поговорках, позволил выделить его ядро и периферию.

Ядро концепта составляют слова, характеризующие внешность и черты характера человека, а также термины родства. Это связано с

противопоставлением человека животному, а также определением человека в свой род, клан. Слова и словосочетания, отражающие различные стороны существования человека в обществе составляют ближайшую периферию концепта: слова, обозначающие пол, возраст, социальный статус, принадлежность к группе лиц, объединенных территориально. Отдаленную периферию концепта «человек» образуют слова, характеризующую человека как отдельную личность.

Физические качества, внешний вид, характер, поведение человека представлены в пословицах посредством образных номинаций. Продуктивными моделями таковых являются «животное – человек», «растение – человек», «мифологический персонаж, существо – человек».

Бинарная оппозиция является одним из способов мифологического или мистического осмысления, когда все «истинное» происходит в виртуальном пространстве между «тем» и «этим». Распадение мира на абсолютные противоположности (красивый – некрасивый, добрый – злой, родной – неродной, свой – чужой, и т.д.), есть древнейшие архетипы сознания. Данные противопоставления в характеристиках человека мы и определили в процессе анализа русских и китайских пословиц и поговорок.

Пословицы и поговорки, отражая реальную окружающую действительность, запечатлели в своем содержании все особенности многовекового исторического развития русского и китайского этноса, впитали его дух. Внешне лаконичные, емкие по содержанию паремии раскрывают своеобразие мышления народа, подчеркивают суть его морали, и потому исследовательский интерес к данному предмету не иссякает. Мы полагаем, что перспективным является изучение русских и китайских пословиц и поговорок в сопоставительном аспекте. Конечно, это представляет не только большой научный интерес и практическую значимость, но и большую сложность. Данная часть словарного состава наиболее колоритна и специфична. Кроме этого, русский и китайский языки не являются близкородственными. Однако, как нам представляется, тем явственнее проступают структурно-семантические особенности.

Примечания:

¹ Лу Синь. Пословицы. Собрание сочинений в четырех томах. Гослитиздат, 1955, том II. – С. 126.

² Фахрутдинова Ф.Ф. Роль паремий в лингвокультурологических исследованиях / Ф.Ф.Фахрутдинова // Фразеология. Тула, 2000. – С. 101.

³ Печенкина О.Ю. Содержание концептов Бог и Судьба в текстах пословиц и поговорок, собранных В. И. Далем : диссертация ... к. фил. наук : 10.02.01- Брянск, 2001. – С. 8-9.

⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 3 Т. – М. – С. 206.

⁵ Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 2000. – С. 18.

⁶ Телия В.Н. Метафоризация как основной прием создания лексических и фразеологических средств языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М., 1987. – С. 58.

⁷ Савенкова, Л.Б. Русские паремии как функционирующая система : дисс. ... доктора филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2002. – С. 67.

⁸ Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст] : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 2000. – С. 334, 11.

⁹ Басова, Л.В. Концепт ТРУД в русском языке : На материале пословиц и поговорок : диссертация ... к. фил. Наук. – Тюмень, 2004. – С. 43.

¹⁰ Донова О.В. Фразеологизмы в системно-структурном и антропоцентрическом аспектах : на материале русского и китайского языков : диссертация ... к. фил. Наук. – Бийск, 2011. – С. 20.

¹¹ Введенская Л.А. Китайские пословицы, поговорки. – Ростов-на-Дону, 1959.

¹² Русско-китайский словарь пословиц и поговорок. – Пекин, 2005.

Линтовская Е. М. (г. Оренбург)

МЕНТАЛЬНО ЗНАЧИМАЯ ЛЕКСИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.С. ПУШКИНА

Понятия «менталитет», «ментальность» с конца 80-х годов XX века получили довольно широкое распространение в отечественной научной и публицистической литературе, средствах массовой информации, стали составной частью лексики современного русского языка. Менталитет отражает рациональные представления о мире, свойственные тому или иному народу. Ментальность – мировосприятие в категориях и формах родного языка, соединяющая интеллектуальные, волевые и духовные качества национального характера. Зачастую оба эти термина используются как синонимы без учета различий оттенков значений.

Обратимся к ключевым концептам русской ментальности в исследованиях современных лингвистов, а именно к ментально значимой лексике, которые выделили А. Вежбицкая, В.В. Воробьев, В.В. Колесов и Н.М. Дмитриева. Можно отметить, что исследователи выделяют схожие ряды ментально значимых слов. Так, например,

почти у всех авторов встречаются слова *судьба, душа, добро, благо, свобода, воля, долг, обязанность, совесть, тоска, счастье, смирение, любовь, дружба, вера, надежда, зло, грех, соборность, жизнь, смерть, терпение* и т.д.

Русский менталитет на протяжении тысячелетия менялся, но оставались доминирующие концепты.

Как писал И.А. Ильин: «Русская художественная литература – вот истинная русская философия, самобытная, блестящая, философия в красках слова, сияющая радугой мыслей, облеченная в плоть и кровь образов художественного творчества. Всегда отзывчивая к настоящему, временному, русская художественная литература в то же время всегда должна была быть сильна мыслью о вечном, непреходящем; почти всегда в глубине ее шла неустанная работа над самыми важными, неумиряющими и значительнейшими проблемами человеческого духа» [Ильин, 1993].

Изучив все ряды слов, выделенных указанными исследователями, мы можем составить список из семидесяти слов, наиболее близких русской ментальности: *благо, благовещение, благодарность, благодать, благородство, благословение, вера, вина, воля, воскресенье, гордость, грех, добро (доброта), добродетель, доброжелательность, долг, достоинство, дружба, духовность, душа, жалость, жизнь, закон, зло, истина, красота, любовь, лень, милосердие, молитва, мораль, мудрость, мужество, надежда, наказание, нравственность, обман, обязанность, покаяние, правда, право, православие, преступление, прощение, радость, самопожертвование, свобода, святость, смерть, смирение, соборность, совесть, сочувствие, спасение, справедливость, страдание, страх, стыд, судьба, счастье, терпение, тоска, труд, христианство, целомудрие, честность, честь.*

В данной работе мы рассмотрели ментально значимую лексику в произведениях А.С. Пушкина как русской языковой личности. Нами были проанализированы следующие тексты: «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», «Жених», «Сказка о золотом петушке», «Сказка о попе и работнике его Балде», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди».

Изучив перечисленные произведения, мы заметили, что практически все слова из составленного нами списка ментально значимой лексики встречаются в текстах А.С. Пушкина. Наиболее частотными

являются такие лингвокультуремы как: *любовь* (23), *добро* (23), *жизнь* (20), *душа* (19), *смерть* (16), *правда* (14), *воля* (14).

Мы исследовали значения, в которых эти слова употреблены в текстах А.С. Пушкина и выявили, что слова *любовь*, *добро*, *жизнь*, *душа*, *смерть*, *правда* и *воля* являются наиболее частотными из всего списка ментально значимой лексики и рассмотрели содержательную сторону данных единиц.

И.А. Ильин охарактеризовал представления русского человека о любви так: «Это самый важный и самый сильный источник жизни, он пылает в сердце, и только любовь положительна: созерцающая и размышляющая, любовь, вероятно, является величайшей познавательной силой человеческой души... Любовь есть основная духовно-творческая сила русской души» [Ильин, 1994].

Василий Розанов говорил о христианской любви как о «главном герое русской культуры»: «Любовь есть чудо. Нравственное чудо» [Розанов, 1990].

Любовь чаще всего употребляется в текстах А.С. Пушкина в таких значениях, как «*постоянная, сильная склонность, увлеченность чем-н.*» («Речь последней по всему / Полюбила его»); «*Выбери себе любимую мету*»); «*чувство глубокого расположения, самоотверженной и искренней привязанности*» («Ей наказывал себя / Побережь, его любя»); «*глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство*» («Однако же ее слова были столь несообразны ни с чем, что мать, неотходившая от ее постели, могла понять из них только то, что дочь ее была смертельно влюблена во Владимира Николаевича и что, вероятно, любовь была причиной ее болезни»; «Она меня любит; она отвыкла от прежнего своего состояния»); «*пристрастие, вкус к чему-н.*» («Одно не хорошо: за девушками слишком любит гоняться»). Все три значения – ментально значимые.

Как отмечает Н.М. Дмитриева, ссылаясь на Энциклопедический словарь «Этика» «в широком этическом смысле слова *добро*, как и благо, означает, во-первых, ценностное представление, выражающее положительное значение чего-либо в его отношении к некоторому стандарту, во-вторых, сам этот стандарт. Слово «добро» является субстантивированным кратким прилагательным в форме среднего рода. Именно в таком виде в значении «хорошо» оно существовало в церковнославянском языке» [Дмитриева, 2011].

Добро в текстах произведений А.С. Пушкина использовано чаще в ментальном значении «*нечто положительное, хорошее, полезное,*

противоположное злу» («Добрый путь вам, господа, / По морю по Окияну / К славному царю Салтану») и лишь однажды в значении *«имущество, вещи»* («Все его добро было уже уложено; оставались одни голые, простреленные стены»).

Как пишет П.Н. Савицкий, «в народном представлении душа вовсе не бесплотное, неосязаемое нечто, она имеет образ и подобие тела, в котором пребывает, она и поступает подобно своему телесному воплощению; это энергия формы, создающей тело. Она, душа, вместе с телом, душа – сущность тела, не плоти земной, но тела, в том самом смысле, в каком это слово и родилось когда-то: тело – остов, структура исходной формы, т.е. души. А не стало тела – «и в чем только душа держится!» [Савицкий, 1997].

Слово *«душа»* в произведениях А.С. Пушкина часто встречается в устойчивых выражениях (душа моя, не губи душу, ни души): «Не губи ты нашу душу: / Выплесни ты нас на сушу!»; «Полно, князь, душа моя, / Не печалься...»; «Не слышно было ни души».

По Н.А. Бердяеву, «русский человек не очень ищет истины, он ищет правды, которую мыслит то религиозно, то морально, то социально, ищет спасение. В этом есть что-то характерно русское, есть своя настоящая русская правда» [Бердяев, 1918].

Слово *«правда»* используется в произведениях А.С. Пушкина чаще всего в значении *«справедливость, честность, правое дело»* («Лет двадцать пять служил он в сем звании верой и правдою»).

По словам составителей польского словаря русской ментальности, для понятия «воля» существует несколько концептов. Один из них толкуется только через не поддающееся дефиниции «хочу», на котором, и только на нем, строится акт выбора и поведения. Часто этот концепт проявляется в дублированной форме – «вольная воля». В русской традиции так понимаемая «воля» нередко мифологизируется и превозносится как исключительная черта русского характера. Она заявляет о себе в форме тотального бунта, разнузданности, деструкции... «Воля» в пространственном значении равна освобождению от всякой организации, от любых ограничений, в том числе чувственных, зрительных и двигательных регулировок [Идеи в России, 2000].

В Словаре С.И. Ожегова первое значение слова «воля» – *«способность осуществлять свои желания, поставленные перед собой цели»*, а в произведениях А.С. Пушкина данное значение находится на последнем месте по количеству употреблений.

Вероятно, эти значения и являются особенно важными для русской ментальности. Таким образом, в языке произведений А.С. Пушкина отразились русские ментальные представления.

Примечания:

1. Бердяев Н.А. Судьба России. – М., 1918. – С. 83.
2. Вежбицкая А. Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. Mouton; Berlin; New York, 1991.
3. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы): Монография. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331с.
4. Дмитриева Н.М. Языковые особенности этических категорий русского менталитета. – Оренбург: Вестник ОГУ №11, 2011. – С. 57 – 61.
5. Идеи в России. Словарь под ред. А. де Лазари: В 3 т. – Лодзь, 2000.
6. Ильин И.А. Путь к очевидности. – М., 1993.
7. Ильин И.А. Собрание сочинений. Т. 3. – М., 1994.
8. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.
9. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: ОНИКС 21 век, 2003. – 976 с.
10. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета. – М., 2010. – 328 с.
11. Розанов В.В. Несовместимые контрасты жития. – М., 1990.
12. Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М., 1997.

Пожидаева А. С. (г. Оренбург)

**КОНЦЕПТ «ЦЕЛОМУДРИЕ» В ИДИОСТИЛЕ Л.Н. ТОСТОГО
(ПО РОМАНУ «АННА КАРЕНИНА»)**

Современная лингвистика текста художественного произведения рассматривает понятие «идиостиль писателя» с различных точек зрения. Согласно «Стилистическому энциклопедическому словарю»¹, идиостиль выступает как совокупность стилистических, текстовых и языковых особенностей художественного произведения. Существует и другая точка зрения, при которой в понятие «идиостиль» вкладываются не только языковые (лингвистические) особенности художественного текста, но и экстралингвистические. Под последними понимают единицы, отражающие позицию писателя, его мировоззрение, индивидуальность. При таком подходе идиостиль трактуется как художественная индивидуальность писателя и совокупность языковых элементов, с помощью которых он её выражает. Исследованием вопросов, касающихся идиостиля, занимались такие учёные, как Л.Г. Бабенко, В.А. Пищальникова, О.В. Шаркунова и др.

Исследователи, занимающиеся стилистикой языка писателей, выделяют «набор» определённой лексики, характерной для того или иного автора. По их мнению, такая лексика отражает концептуальные предпочтения писателя. Многие учёные отмечают, что для точного описания мировосприятия писателя, его идиостиля нужно исследовать концептосферу, то есть совокупность концептов. В данном случае концепты рассматриваются как представления о мире человека, о его морально-нравственных ценностях. Содержание концептов у каждого художника слова определяется особенностями его языковой картины мира. Но также в языковой картине мира одного человека отражается концептосфера всей русской культуры.

Являясь ментальной единицей, концепт будет отражён в идиостиле писателя на уровне идеи, главной мысли и мнения по поставленной в произведении проблеме.

Мы обратились к лингвокультурологическим особенностям идиостиля Л.Н. Толстого как одного из самых значимых русских писателей, отразивших в своем творчестве не только эпоху, но и характерные особенности русской культуры. Произведения Л.Н. Толстого оказали влияние на мировосприятие не одного поколения.

Центральным понятием в религиозно-нравственном учении Л.Н. Толстого, по мнению Ю.В. Шарановской², является «Целомудрие». Писатель осознавал двойственность человека, его «вечную» внутреннюю борьбу между телесным и духовным. Концепт «Целомудрие» представляется одним из сложных концептов русской ментальности. Понимание целомудрия в различные исторические периоды претерпевало изменения. В настоящее время на первый план выходит значение целомудрия как девственности и невинности. Первое же значение целомудрия мы определили по толковым словарям – это значение нравственной чистоты, добродетели. Это значение будет являться ядром концепта «Целомудрие».

Рассмотрим концепт «Целомудрие», его вербализацию в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина».

Вербализацию концепта «Целомудрие» мы рассматриваем в сравнении отношений Анны к близким людям: мужу, Вронскому и детям.

В отношении Анны к мужу можно выделить два периода – до встречи с Вронским и после. До встречи с Вронским Анна испытывала к мужу уважение, видела в нём доброту («он добр», «хороший человек, правдивый, добрый»). После грехопадения меняется её взгляд на мужа – она видит недостатки во внешности («поразили её

теперь хрящи ушей», «ожидала увидеть его другим»), где слово «теперь» указывает на то, что ранее Анна не обращала внимание на такие детали. Вначале Анна скрывает своё чувство к Вронскому от Каренина («состояние притворства»), но она не может скрыть «краски на своём лице» («вдруг яркая краска стала выступать на её лицо», «слёзы стыда выступили ей на глаза»). Это первое проявление стыда, совести, дающее нам понять, что чувствует Анна после измены. «Слёзы стыда» отсылают нас к тому, что Анна нарушила что-то, а именно целомудрие. Меняется её отношение к Каренину – «я боюсь, я ненавижу вас», «разве он может любить?», «ненавижу его великодушие». Испытываемый Анной стыд перед мужем помогает ей осознать своё положение и состояние («ногтя его не стою»). Анна начинает понимать серьёзность своего преступления – греха по отношению к супругу.

Проанализировав лексику, характеризующую отношение Анны к Вронскому, мы сделали вывод, что Вронский выступает как искушение, как соблазн. Чувство по отношению к Вронскому можно увидеть на физическом уровне («нервы натягиваются», «глаза раскрываются», «что-то давит дыханье», «густая краска удовольствия выступила у неё на лице»), на эмоциональном уровне («радость, беспричинно овладевшая ею», «сердце наполнялось преступною радостью», «я люблю его», «чувствовала враждебность»). Важнейшими лексемами здесь выступают «чувство стыда», чувство вины («чувствовала виноватою»), чувство преступности своих поступков («чувствовала преступною»). Чувство стыда и вины приходят после совершённого греха – измены. Радость в романе также «преступная», напоминающая и выдающая грех неверности, подразумевающий преступление.

На примере лексики, выражающей отношение Анны к мужу и Вронскому, мы видим, как страсть, совершённый грех разрушают семью, за этим следует невозможность создать новое (новую семью с Вронским), так как потеряна цельность восприятия жизни. Анна чувствует себя «преступною» и «виноватою» перед мужем, в её глазах мы видим «слёзы стыда». Муж перестаёт быть главным человеком в её жизни, она уже «не думает о нём», забывая про долг супруги в браке. Сначала сокрытие греха («чувство притворства») в итоге приводит к открытому признанию, даже ненависти («я боюсь», «я ненавижу вас»). Притворство, измена разрушают семью Карениных. Но «мучительное положение» в обществе, чувство «унижения», ревность препятствуют созданию новой семьи с Вронским. Анна начинает испытывать

«чувство озлобленности» к нему, она находит выход: Анна гибнет, назвав это наказанием Вронскому («накажу его»).

В понятии целомудрия очень важно отношение родителей к детям. В романе Анна по-разному относится к своим двум детям – сыну, рождённому в браке с Карениным Серёже и незаконнорождённой дочери от Вронского Ане. Слова «мой», «разве я могу не любить его», «был прелестен», «лучше всех» говорят об искренней любви Анны к сыну. Но именно сын становится «камнем преткновения» в отношениях с Вронским («был помехой»). Сын напоминает ей о совершённом грехе («его глаза я видеть не могу»), является «компасом, который показывал им степень их отклонения», отклонения в целомудрии, в разрушении семьи. У Анны мы видим смешанное и противоречивое отношение к дочери: она справляется о её здоровье («Здорова?»), но не знает, сколько зубов выросло у неё («Сколько у ней зубов, Анна ошиблась»). Дочь является незаконнорождённой, рождённой вне брака, поэтому «у ней нет имени». Дочь так же, как и Серёжа, напоминает Анне о её грехе, в ней она ищет Вронского («Где его голубые глаза?»). Различие в отношении к детям показывает, насколько разрушено то, что было когда-то целым – семья, и что так и не удалось построить с Вронским. Анна «наслаждается» присутствием («близостью») с Серёжей, «он прелестен», он её любимый сын («мой»). Рождение же дочери не привело к желаемому соединению с Вронским (к браку с ним).

Проанализировав лексику в романе, мы выявили несколько важных лексем, выражающих чувство, которое ведёт к разрушению целомудрия семьи, а также лексем, которые показывают изменение отношения Анны к мужу.

Во-первых, это лексема «блеск».

Мы впервые встречаем её, когда брат Анны Стива говорит с Левиным о своей измене жене и «его глаза блестели больше обыкновенно». Этот необычный блеск мы видим и у Анны на приёме у Кити. Кити замечает на балу «дьявольский блеск в глазах» Анны и ощущает в ней «что-то чуждое, бесовское и прелестное». «Дьявольский блеск», «что-то бесовское», «прелестное» (от глагола *прельститься* – поддаться соблазну³) говорят о том, что Анна охвачена каким-то недобрым и нечистым чувством. Примечательно то, что на балу она встречается и танцует с Вронским.

Анна противопоставлена свету («не похожа была она на светскую даму»). Левин «всё время любовался ею – и красотой её, и умом и

образованностью и вместе с тем простотой и задушевностью». Анна «держится чрезвычайно прямо», шаг её «твёрдый» и «лёгкий», Л.Н. Толстой подчёркивает это словами «как всегда», что значит «постоянно». Это говорит о том, что походка её спокойна, Анна уверена в себе, у неё чистая совесть. Но с искушением (Вронским) появляется «блеск». Не только в глазах Анны мы видим блеск – «лицо её блесстело ярким блеском». Двойное употребление корня -блест-/-блеск-увеличивает смысловую нагрузку на это выражение. Вронский также «напоминает страшный блеск пожара».

«Пожар» является второй лексемой, значение которой ведёт к разрушению, в данном случае разрушению целомудрия, так как само слово «пожар» – пылающий, быстро распространяющийся огонь, при котором гибнет всё живое и больше тем, чем сильнее он разгорается. Чувство Анны к Вронскому растёт. Она «горда своим положением» – появляется понятие гордости. Анна твёрдо говорит что «не хочет быть ничем другим» (для Вронского), кроме любовницы. Чувственную сторону её отношения к Вронскому показывает большое количество употреблений глагола «чувствовать» и имени существительного «чувство»: «чувство стыда», «чувствовала, как нервы натягиваются», «чувствовала, что глаза её раскрываются больше», «чувствовала унижение», «заставляете чувствовать себя виноватой», «чувствовала преступной». Это семантическое поле с глаголом в центре «чувствовать» связано с лексемами «пожар» и «блеск», где «блеск» выступает как отблеск чувства, жара, охватившего Анну. В это поле также входят словосочетания «густая краска удовольствия на лице», «взгляд, прикосновения руки его прожгли её», «чувство, жёгшее её». Лексемы «пожар» и «блеск» говорят о чувственной, физиологической стороне чувства Анны к Вронскому. Это также подтверждают следующие лексические единицы: «страстно любящая его ласки», «полное обладание им было ей постоянно радостно».

Мы предполагаем на основе выявленных лексем (близость, пожар, блеск, удовольствие), что Анна испытывала к Вронскому страсть. Концепт «Страсть» связан с концептом «Целомудрие» именно через его отрицательное, разрушительное значение (страсть – пожар). Постепенно разгоравшееся чувство начинает губить Анну – она становится раздражительной, озлобленной, нервной. Л.Н. Толстой снова употребляет глагол «чувствовала» – Анна чувствует враждебность, испытывает злобу к Вронскому. Страсть переходит в озлобленность,

недоверие, ревность. Беспричинно овладевшая преступная радость, переросшая в пожар, губит Анну – она спонтанно решает наказать Вронского, чтобы избавиться от того, что беспокоит. Целомудрие в браке, добродетель и чистота разрушены пожаром страсти, повлёкшим за собой сначала притворство и ложь, а затем уже гибель. Ложь и притворство не постоянно присутствовали в поведении Анны. Она противопоставляет себя свету, хочет создать новую семью, но построить её не на целомудрии, а на грехе, а это оказывается невозможным.

Нарушение целомудрия семьи в романе можно представить в виде схемы:

«беспричинная радость» – «жѣгший румянец» – «удовольствие» – «борьба» – «чувство стыда» – «чувствовать виноватой» – «чувствовать преступной» – «состояние притворства» – «способность лжи» – «унижение» – «мучительное положение» – «враждебность» – «злоба» – «наказание».

Итак, концепт «Целомудрие» обнаруживается в романе не сколько через его ядро (нравственная чистота, добродетель), сколько через «антиконцепты»? «Страсть», «Грех», повлекшие за собой разрушение целомудрия. Периферию концепта мы наблюдаем через подтекст, слова-ассоциации, которые дают нам полное представление о смысловой наполненности концепта. Целомудрие в идиостиле Л.Н. Толстого предстаёт как одно из важнейших понятий для духовно-развитого, нравственного, цельного человека. Разрушение целомудрия путём греха, безнравственности ведёт к духовному разрушению личности. Такое понимание полностью совпадает с традиционными представлениями о целомудрии.

Примечания:

¹ Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Л. М. Алексеева, В. И. Аннушкин, Е. А. Баженова; под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта. Наука, 2003. – 635 с.

² Шарановская, Ю. В. Анализ понятия «целомудрие» в религиозно-нравственном учении Л. Н. Толстого / Ю. В. Шарановская // Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. – Тула, 2010. – № 14 (85). Выпуск 13. – С. 318-324.

³ Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – 26-е изд., переработ. и доп. – М.: ООО «Издательство Оникс»: «Издательство «Мир и Образование», 2008. – 736 с.

Мироненко Д. Н. (г. Оренбург)

КУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА ИСТОРИЧЕСКИ РЕЛИГИОЗНЫХ ТОПОНИМОВ МОСКВЫ И ПРАГИ

Названия внутригородских объектов интересны своей подвижностью. Они живо реагируют на все события современности. В них отражаются не только политические, социальные и другие взгляды общества, но и определенные языковые тенденции, особенности словообразования и словоизменения. По мере того, как данные внутригородские объекты подвергались различным изменениям, перестройкам и реконструкциям, их названия тоже изменялись: переосмыслились и преобразовывались, но все эти изменения происходили в рамках законов функционирования топонимической системы. С точки зрения того, как переосмыслились и преобразовывались топонимы, как их переименование связано с социумными, культурологическими процессами мы и будем выявлять культурную семантику топонимов.

Объектом нашего исследования послужили топонимы Праги и Москвы, а именно названия площадей двух славянских столиц. Предметом культурная семантика этих названий.

Мы проанализировали названия площадей Праги и Москвы и обнаружили, что многие названия образованы от имен почитаемых святых или храмов, монастырей, костелов, которые находятся или находились на площади либо рядом с ней.

В Москве мы нашли шесть названий площадей, носящих имена церквей, монастырей (Соборная площадь, Спасопесковская площадь, Ивановская площадь Кремля, Даниловская площадь, площадь Новодевичьего монастыря, площадь, Пречистенские Ворота).

Например, Даниловская площадь первоначально называлась площадью Данилова Монастыря, так как располагалась близко к Свято-Данилову монастырю, который был основан в 1282 году московским князем Даниилом Александровичем (младшим сыном Александра Невского). В 1925 году Даниловская площадь в Москве была переименована в площадку Рынка по находившимся здесь торговым рядам, а 12 мая 1956 года обрела свое современное название.

Соборная площадь – старейшая площадь российской столицы издавна являлась символом Москвы. Три прекрасных собора сформировали Соборную площадь – Успенский (1327 г.) Архангельский

(1333 г.) и церковь Иоанна Лествичника с колокольней (1329 г). Соборная была главной площадью. Иногда ее называли Царской, а иногда Красной. Здесь проходили чинные шествия, сопровождаемые пышными воинскими эскортами, торжественные церемонии по случаю церковных праздников, парады и пиры для народа. Древнейшая площадь столицы была свидетельницей всех эпохальных страниц российской истории. В настоящее время все древнейшие соборы Кремля, расположенные на Соборной площади, помимо религиозных функций, являются также музеями, в которых представлены шедевры древнерусского искусства.

Все названия площадей, образованных от названия монастырей имеют яркую культурную семантику, так как связаны с монастырями и храмами, которые были построены много веков назад. Все подобные названия были переименованы несколько раз в связи с тем, что в советскую эпоху велась борьба с церковью, и многие наименования топонимов, относящиеся к царю или вере, были переименованы. После падения режима некоторые названия были восстановлены, однако многие объекты продолжают носить имена большевистских вождей, советских праздников и т.д. По сей день ведется работа по возвращению первичных наименований.

Особенно интересен с этой точки зрения топоним *Пушкинская площадь* – ее историческое название Страстная площадь (по Страстному монастырю), иначе площадь Тверских ворот (по Тверским воротам Белого города). Новое название – Пушкинская – площадь получила 28 июля 1931 года. Главным мотивом этого была, разумеется, борьба режима с православием – везде и во всем. Считается, что новое название площади не носило чисто мемориального характера (между прочим, в большое число изданий попала неверная дата переименования Страстной площади в Пушкинскую – 1937 год – год столетия со дня смерти поэта; это ошибка), а было связано с тем, что на ней находится памятник поэту. Сейчас мало кто знает, что с 1918 года Страстная площадь некоторое время называлась площадью Декабрьской Революции – в память о Декабрьском восстании, происшедшем в Москве в 1905 году. Топоним Пушкинская площадь на самом деле лишь частично можно признать названием-посвящением, и случай с именем Пушкинской площади – особый. Во-первых, название Пушкинская абсолютно прижилось здесь в центре Москвы именно благодаря памятнику поэту. Памятник этот – не просто выдающееся произведение русского искусства XIX века и одна из главных достопри-

мечательностей Москвы. Это один из духовных символов России и наше национальное достояние. Во-вторых, полное уничтожение объекта, который стал мотивом появления топонима Страстная площадь, — Страстного монастыря, конечно же, тоже сыграло свою роль в достаточно быстром исчезновении из памяти москвичей первоначального названия площади — притом, что сохранился топоним Страстной бульвар. Культурная семантика названия связана с именем великого русского поэта, площадь является излюбленным местом москвичей и гостей столицы. В 60 – е. годы здесь собрались любители поэзии и поэты, читались стихи.

В Праге то же есть названия площадей образованных от имен святых, костелов, храмов - (Бетлемская площадь (чешск. *Betlemske namesti*), Янская площадь (*Janske namesti*), Кржижовницкая площадь (чешск. *Krizovnicke namesti*), Анненская площадь (*Anenske namesti*), Мальтезская площадь (*Maltezske namesti*)). Например, Бетлемская площадь она же Вифлеемская. На месте нынешней Бетлемской площади был костел Филиппа и Якуба с кладбищем, которые огибала улица. Разрушенное кладбище в конце 18 века превратилось в площадь, которая получила название по Бетлемской часовне - Бетлемская площадь. В начале 15 века Вифлеемская часовня стала центром сопротивления и недовольства большинства пражских жителей. Однако проповеди оттуда распространялись по всей стране и за границей. Ее построили для чешских проповедей Ян из Милгейма (*Milheim*), дворянин короля Вацлава IV, и торговец Кржиж. С 1402 по 1412 гг. здесь проповедовал Мастер Ян Гус, до семи проповедей в день. В часовне собиралось и 3000 слушателей. Во время правления Иосифа II часовня была закрыта.

Таким образом, площадь названа в честь капеллы – тип католического храма, который сохранился до сих пор и находится на площади. Название Бетлемская для чехов означает не только то, что на площади находится часовня, но и то, какое значение в 15в. эта часовня имела в жизни горожан – символ сопротивления, пражане собирались и слушали проповеди в тяжелое для них время, при этом проповеди распространялись по всему миру. В этом заключена культурная семантика названия.

Янская площадь (*Janske namesti*) обладает самой яркой культурной семантикой веры. Янская площадь в Праге получила свое название в память о св. Яне Непомуцком (*Jan Nepomucky*). На это место в 1393 году приплыло по Влтаве мертвое тело святого, здесь было выловлено и временно похоронено в костеле св. Креста Большого. Свя-

той Ян Непомуцкий (чеш. Jan Nepomucky, ок. 1350, Непомук, Чехия — 20 марта 1393, Прага), Иоанн Непомуцкий, Иоанн Непомук — чешский католический святой, священник, мученик.

Ян родился приблизительно между 1340 м и 1350 м годом в поселении Помук (современный чешский Непомук), недалеко от монастыря цистерцианского ордена у холма «Зеленая Гора». В том месте, где сегодня располагается церковь Св. Яна Непомуцкого, ранее (по устным источникам) располагался дом, где и родился Ян. В 1389 г. Ян был назначен генеральным викарием пражского архиепископства.

Чешский король Вацлав IV (1378—1419) постоянно конфликтовал с высшим духовенством страны, отстаивал приоритет светской власти и вмешивался во внутрицерковные дела, полагая пражское архиепископство одним из главных своих оппонентов во внутренней политике. В 1393 г. по его приказу были схвачены и брошены в тюрьму Ян Непомуцкий и два других священника. Вскоре товарищи Яна были отпущены, а Ян после мучительных пыток был казнён — его бросили в мешке с Карлова моста во Влтаву. Конкретная причина, по которой гнев короля обрушился именно на Яна Непомуцкого, точно не известна. В 1433 г. хронисты выдвинули предположение, весьма вероятное, но точно не доказанное, что Ян отказался раскрыть королю тайну исповеди королевы, духовником которой он был.

По преданию, в том самом месте, где тело святого погрузилось во Влтаву, над водой возникло свечение в виде 5 звезд, с тех пор Непомуцкий изображается с пятью звездами над головой. Место, возле которого Яна сбрасывали через перила, можно увидеть по правую руку на пути по мосту в сторону Мала Страны, это место отмечено вмурованным в перила моста крестом и двумя медными гвоздями неподалеку от креста. Тело св. Яна было извлечено из Влтавы и впоследствии захоронено в кафедральном соборе святого Вита в Праге.

Таким образом, название площади антропонимично, образовано от имени самого почитаемого чешского святого.

Почитание Яна чешскими католиками как святого и мученика началось ещё в XV веке. К лику святых он был причислен в 1729 г. Ян Непомуцкий считается небесным покровителем исповедников, а также покровителем Праги и всей Чехии. В Чехии он является самым почитаемым святым, и название несет в себе культурную семантику, в которой отражается почет и уважение к этому святому, называя его именем площадь, пражане тем самым говорят, что помнят его деяния, легенду о его смерти.

Важно отметить, что площади Праги так же как и в Москве часто переименовывались, но по другим причинам. Во время немецкой оккупации многие топонимы переименовывали в честь немецких генералов или деятелей искусства, а после превращения Чехословакии в социалистическую республику многие объекты стали носить имена русских вождей, деятелей искусства или были названы в честь важных советских праздников. Однако, в отличие от Москвы, сейчас в Праге все первоначальные, исторические названия вернулись.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что чешское языковое сознание, отраженное в топонимах, более традиционно (чехи трепетно относятся к свои корням и стараются сохранить историю нетронутой), русская традиция именованйй более подвижна, культурная семантика русских урбонимов неустойчива и изменчива. В следствии этого в названиях пражских площадей можно проследить культурную семантику, а в названиях площадей Москвы её трудно определить и она не имеет такой силы и духовной значимости, связано это с тем, что площади часто переименовывались и не все исторические названия вернулись.

Список использованных источников:

1. <http://prahafx.narod.ru/ulica/male.htm>
2. Подольская Н.В. Лингвострановедческий словарь топонимов// Словари и лингвострановедение. – М.: Русский язык, 1982.
3. Поспелов Е. М. Топонимический словарь Московской области. – М., 2000.
4. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995.
5. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. – М., 2001.

Завадская А. В. (г. Оренбург)

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ТОПОНИМИКА Г. ОРЕНБУРГА: СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Жизненное пространство человека, среда его постоянного обитания оказывают сильное влияние на языковое сознание. Особенно наглядно это проявляется при номинации тех или иных городских объектов: улиц, районов, парков, скверов. Наряду с официальными топонимами, закрепленными в разных документах, справочниках города,

существуют топонимы неофициальные, не закрепленные в словарях, но достаточно широко употребляемые горожанами и понятные большей части жителей данного города.

Е.М. Пospelов отмечает, что неофициальные названия населенных пунктов появились еще в XVIII веке¹. Так, в словаре В.И. Даля фиксируются такие неофициальные топонимы, как *Питер* (неофициальное название г. Санкт-Петербург), *Можай* (неофициальное название г. Можайск) и др.

М.В. Ахметова считает, что в 1990-е годы произошёл своего рода прорыв неофициальных топонимов в СМИ и художественную литературу². Ученый считает, что огромную роль при этом играет Интернет. Для обозначения данной группы топонимов существуют различные термины, среди них локализмы, регионализмы, регионимы, региолекты, узуальные номинации, неофициальные регионализмы, топонимы-прозвища, урбонимы и т. п.

В отличие от официальных топонимов, по мнению О.А. Шариповой³, неофициальные топонимы в большей степени характеризуют черты и условия жизни городского населения, его быт и в меньшей степени раскрывают колорит конкретной эпохи в развитии общества.

На сегодняшний день существует большое количество исследований неофициальной топонимики различных городов: Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля, Иваново, Sterлитамака, Тамбова. При этом мы не обнаружили исследований, посвященных неофициальным топонимам Оренбурга.

Цель данной работы – показать словообразовательные особенности неофициальных топонимов Оренбурга. В качестве материала исследования выступили лексические единицы, называющие топонимы Оренбурга, которые мы обнаружили в речи жителей Оренбурга, а также на интернет-форумах и в социальных сетях.

Среди оренбургских топонимов вторичной номинации подвергаются чаще всего названия улиц, парков, скверов, жилых районов. При этом наиболее продуктивными способами образования неофициальных топонимов являются те же способы, которые чаще всего используются при словопроизводстве молодежного сленга: сокращение, универбация, суффиксация, сокращение с суффиксацией и др. Рассмотрим подробнее эти способы.

Суффиксальный способ. Следует отметить, что в качестве словообразовательного форманта обычно выступают суффиксы, имеющие нейтральную окраску (*Розочка* – улица Розы Люксембург, *Про-*

летарка – улица Пролетарская). Известный всем оренбуржцам неофициальным топоним *Пироговка* тоже можно рассматривать как суффиксальное образование. Однако необходимо отметить, что в данном случае в качестве производящей базы выступает целое словосочетание ‘больница имени Н.И. Пирогова’, а суффикс добавляется только к последнему слову.

Также мы обнаружили два неофициальных топонима, образованных суффиксальным способом от одного и того же сова: *Девятина* – 9-й микрорайон, *Девятка* – посёлок 9 января. В данном случае производящей основой является *девят-(ый)*.

Сокращение – способ словообразования, при котором происходит усечение конечной части слова. Неофициальное название Оренбурга – *Орен* – является наглядным примером использования данного способа в речи оренбуржцев. Этот способ очень часто используется при обозначении улиц. Так, мы обнаружили следующие неофициальные топонимы, образованные путём сокращения: *Терешки* – улица Терешковой, *Коростели* – улица бр. Коростелёвых, *Салмыши* – улица Салмышская. Иногда при сокращении происходит чередование конечных согласных, например: *Монтага* – улица Монтажников (ж/г), *Молодёга* – остановка Молодёжная (ж/г).

Универбация – способ словообразования, употребляющийся преимущественно в разговорной речи. Особенностью данного способа является то, что из производного словосочетания берётся только часть первого слова (обычно прилагательного) и к нему добавляется суффикс. В качестве примеров можно привести такие неофициальные топонимы, как *Зауралка* (производное от ‘Зауральная роща’), *Железка* – железнодорожная больница, *Пожарка* – район в Оренбурге, где находится пожарная часть (в качестве производящей базы выступает словосочетание ‘пожарная часть’). Следует отметить, что иногда при универбации используются и суффиксы, употребляющиеся преимущественно в разговорной речи и имеющие сниженный оттенок: *Малуха* (производное от ‘Малая земля’).

Сокращение с суффиксацией. В отличие от универбации в качестве производящей основы выступает не словосочетание, а только одно слово. Слов, образованных данным способом, очень много в разговорной речи. В их числе производные *фотик*, *фотка*, *телик*. Среди неофициальных топонимов этот способ не столь популярен. Мы обнаружили производное *Ломик*, которое используется как неофициальное название рынка «Локомотив».

Большой интерес для анализа представляет неофициальный топоним *Пидаль* (или *Педадь*, допускается различное написание). Этим словом в речи горожан обозначается сквер, в котором находится памятник А.С. Пушкину и В.И. Далю. Производящей основой в данном случае являются слова ‘Пушкин и Даль’, при этом от первого слова берётся только первый звук, второе слово сохраняется в полном виде. Между частями сохраняется союз *и*. Однако иногда его заменяют на гласную *е*, стремясь таким образом сохранить и орфографическую точность, т.к. в созвучном нарицательном существительном *педадь* пишется именно гласная *е*.

Также нами был обнаружен один неофициальный топоним, представляющий собой **аббревиатуру** – МПИ. Производящим словосочетанием в данном случае является ‘магазин против института’. Этой аббревиатурой жители г. Оренбурга называют магазин «Буревестник», расположенный напротив Оренбургского государственного университета. Как видим, в исходном словосочетании допущена лексическая ошибка: вместо слова *против* должен быть употреблён предлог *напротив*. Однако в речи жителей города закрепилась именно аббревиатура МПИ. Возможно, это связано с тем, что в последние годы в русском языке появилась близкая по звучанию аббревиатура английского происхождения – МРІ, ‘Message Passing Interface’ (интерфейс передачи сообщений).

Необходимо рассмотреть также топонимы, представляющие собой неофициальные названия высших учебных заведений. Их особенностью является то, что в качестве производящей основы выступает не современный официальный топоним, а тот топоним, который существовал раньше. Так, например, на сегодняшний день один из главных университетов в Оренбурге называется Оренбургский государственный университет. Раньше он имел другое официальное название – Оренбургский политехнический институт. Несмотря на то, что название изменилось, неофициальный топоним, активно употребляющийся в речи горожан сегодня, образован от прежнего названия путем сокращения одного из слов, входящих в название учебного заведения – *политех*. Похожая история и у неофициального топонима *сельхоз*, который используется для обозначения Оренбургского государственного аграрного университета, именуемого раньше как Оренбургский сельскохозяйственный институт. При этом необходимо отметить и тот факт, что наряду с топонимом *сельхоз* функционирует синонимичный вариант *сельхозка*. Однако с точки зрения словообра-

зования это различные слова, т.к. вариант *сельхоз* образован способом сокращения, а *сельхозка* – универбации.

Таким образом, неофициальная топонимика г. Оренбурга представляет собой интереснейший феномен, который нуждается в дальнейшем изучении. С позиций словообразования можно отметить такие особенности неофициальных топонимов, как использование при их словопроизводстве тех способов и моделей, которые используются в молодежном сленге. Наиболее продуктивными способами словообразования неофициальных топонимов являются сокращение, универбация и суффиксация. Реже неофициальные топонимы образуются путем аббревиации и сокращения с суффиксацией.

Примечания:

¹ Поспелов Е.М. Историко-топонимический словарь России. Досоветский период. – М.: Профиздат, 2000

² Ахметова М.В. Заметки о неофициальной русской урбонимии // Ономастика. – 2010. - № 2. – С. 53 – 68.

³ Шарипова О. А., Неофициальные топонимы как подсистема языка города // Ярославский педагогический вестник – 2012 – № 4 – Том I (Гуманитарные науки). - с. 203-206

СЕКЦИЯ 5
СЛАВЯНЕ В ИСТОРИИ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Семенов В. Г. (г. Оренбург)

ИЗ РОДА УГЛИЧИНИНЫХ

В 2013 году казаку Григорию Хисматуллину из Оренбурга пришло письмо из далекой Сербии от Жарко Живановича, сообщавшего о могиле атамана третьего военного отдела Оренбургского казачьего войска, генерал-майора И.И. Угличина. Она находится в г. Велико-Градиште. Этот факт стал поводом для поиска дополнительных сведений о роде Угличиных.

Могила И.И. Угличина. Сербия

Прапорщик **Василий Угличинин**, согласно «Месяцесловам» второй половины XVIII века, служил в 1781 г. в городе Осе Уфимской

провинции Оренбургской губернии уездным казначеем. В этой же должности он был и в 1784 году в Пермском наместничестве.

Коллежский регистратор Степан Угличинин был указан в 1796 году в Уфимском наместничестве в 1791 году в экспедиции винной и соляной. Губернский секретарь **Степан Васильевич Угличинин** служил секретарем в 5-й экспедиции по винной и соляной части.

Видный военный деятель XIX века член Военного Совета генерал от инфантерии Н.Г. Залесов, опубликовал в 1903 году в журнале «Русская старина» воспоминания, в которых упоминает ещё об одном представителе рода Угличиных. Залесов указывает, что в 35 верстах от г. Бугульмы, месте его рождения, находились земли, принадлежавшие Евгении Степановне Угличиной, урожденной Аксаковой. «Муж её, суворовских времен отставной полковник Угличинин, - пишет Залесов, - был дядей моей матери и моим крестным отцом». Любопытные сведения о супружеской чете Угличиных можно найти в «Семейной хронике» писателя С.Т. Аксакова:

«Против всякого ожидания, мы нашли полон дом родных, гостей и большую суматоху: тетка моя Евгенья Степановна выходила замуж, и через несколько дней назначена была свадьба. Евгенья Степановне стукнуло уже сорок лет, но она была очень свежа и моложава; ей наскучило жить в доме у невестки и находиться в полной зависимости от хозяйки, которая в старые годы много терпела от своих золовок и в том числе от нее, хотя она была лучше других. Евгенья Степановне захотелось, хоть под старость, зажить своим домком, иметь свой уголок и быть в нем полной хозяйкой. Она выходила замуж за **Василия Васильевича Угличинина**, целый век служившего в военной службе и недавно вышедшего в отставку полковником. Это был человек очень простой, добрый, смирный и честный; ему было далеко за пятьдесят лет. Он не имел никакого состояния, кроме пенсии, и происходил из самобеднейших дворян или однодворцев, переселившихся в Уфимское наместничество. Четырнадцать лет определили его в военную службу; он служил тихо, исправно, терпел постоянно нужду, был во многих сражениях и получил несколько легких ран; он не имел никаких знаков отличия, хотя формулярный список его был так длинен и красноречив, что, кажется, должно бы его обвешать всякими орденами. Последнее время он служил на Кавказе, откуда вывез небольшую сумму денег, накопленную из жалованья, мундир без эполет, горского, побелевшего от старости, коня, ревматизм во всем теле и катаракт на правом глазу; катаракт, по счастью, был не так приметен, и Васи-

лий Васильич старательно скрывал его, боясь, что за кривого не пойдет невеста.... Она любила нежно и горячо своего инвалида-полковника, который также очень нежно и глубоко любил ее. К сожалению, они не имели детей».

В Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО) удалось также обнаружить сведения об отце и двух сыновьях, служивших в Оренбургском казачьем войске в XIX веке. **Угличинин Иван Иванович**, родился в 1803 году, происходил из казачьих детей. В городе Уфе имел благоприобретенный дом. На службе состоял канониром в конно-артиллерийской роте № 11 с 21 сентября 1819 года, с 9 июня 1820 года - бомбардиром; с 16 июля 1820 года был урядником 4 класса; с 2 мая 1822 года - урядником 3 класса. Конно-артиллерийская рота № 11, в которой он служил, 25 августа 1829 года была переименована в № 9 роту. Тридцатого марта 1833 года ему было присвоено звание хорунжего с переводом в Оренбургское казачье войско.

Женат был И.И. Угличинин на солдатской дочери Анастасии Николаевой. Имел детей: Дмитрия, 16 лет, дочерей: Афимию, 7 лет, Парасковию, 5 лет, Аграфену (15.06.1835), Анну (24.07.1837), Александра (18.01.1840).

С 19 февраля 1836 года по 25 ноября 1844 года по приказу командующего Оренбургским казачьим войском, генерал-майора Щуцко-го, Угличинин командовал Уфимской станицей 3-го кантона. Как сообщалось в документах: «российской грамоте читать и писать умеет, в домовых отпусках и в штрафах не бывал, замечаниям и выговорам не подвергался. Слабым в отправлении службы замечен не был, беспорядков и неисправностей между подчиненными не допускал». В начале 1850 года Угличинин проживал в Пречистинской станице. Женат был вторым браком на Василисе Васильевне. Дата его смерти не установлена, но известно, что на 1876 год его жена значилась вдовой. От второго брака были сыновья Михаил и Ипполит.

Удалось найти подробные сведения и на атамана третьего военного отдела Оренбургского казачьего войска, генерал-майора И.И. Угличинина, прах которого покоится в Сербии.

Угличинин Ипполит Иванович родился 23 января 1859 года в семье потомственных дворян Пречистенской станицы Оренбургского казачьего войска. Окончил Оренбургскую военную прогимназию и Оренбургское казачье юнкерское училище по 2-му разряду (1876-1878гг.). По окончании Оренбургской военной прогимназии, был выпущен в Оренбургское казачье войско урядником (с 05.06.1876.).

В Оренбургское казачье юнкерское училище прибыл 12.09.1876, тогда же зачислен юнкером. 07.10.1876 был зачислен в 3-й Оренбургский казачий полк. 07.04.1878, по окончании курса в училище по 2 разряду, был переименован в портупей-юнкера.

Высочайшим приказом, последовавшим 16 апреля 1878 года, был произведен в хорунжие. С 01.08.1878 - наблюдающий за обучением казаков в станицах 1-го военного отдела с зачислением в штаб Иргизского укрепления. 27.04.1879 был командирован во 2-й Оренбургский казачий полк. 25.12.1879 произведен в сотники. 18.08.1881 был назначен заведующим оружием. 20.09.1881 на состязательной призовой стрельбе получил приз (74 руб.) 07.07.1883 был уволен в войско на льготу.

25.06.1884 на состязательной призовой стрельбе в лагерном сборе 1 отдела получил приз 60 руб. 13.02.1885 был командирован в 3-й Оренбургский казачий полк. 15.04.1885 прибыл в полк, тогда же был зачислен в него. С 02.09.1885 по 02.09.1886 и с 08.10.1886 состоял членом суда общества офицеров. 29.08.1887 был назначен заведывающим оружием. 10.11.1887. был произведен в подьесаулы. 25.09.1888 сдал должность заведывающим оружием. 03.10.1888 уволен в казачье войско на льготу.

09.06.1890 был зачислен в состав 7-го мобилизованного полка командующим 5 сотней. По расформировании полка отчислен от мобилизованного полка на льготу (30.06.1890). Назначен в 1-й Оренбургский казачий полк (20.01.1891). Прибыл и зачислен в полк 25.02.1891 года. Был временно командующим 3-й сотней с 06.03. по 31.03. и с 16.04. по 23.05.1891; временно командующим 6-й сотней с 25.06. по 08.07.1892; временно командующим 4-й сотней с 01.09.1892 по 01.04.1893.

С 26.10.1891 по 28.04.1892 - член полкового суда. За состязательную стрельбу (74 руб.) 31.05.1892 награжден призом. 06.05.1893 Всемилостивейше награжден орденом Святого Станислава 3 степени. С 02.09.1893 по 23.06.1894 - член суда общества офицеров. С 10.09.1893 по 01.04.1894 был командующим 5-й сотней. 24.07.1894 командирован в 10-й льготный Оренбургский казачий полк на Смоленские маневры. По расформировании полка (02.09.1894) был уволен в войско на льготу.

В 1897 году награжден призом за состязательную стрельбу (60 руб.). 27.04.1897 командирован на службу в 6-й Оренбургский казачий полк начальником эшелона. 01.07.1897 прибыл в полк. 18.06.1898

СЕКЦИЯ 5.

СЛАВЯНЕ В ИСТОРИИ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

был назначен командующим 2-й сотней. 01.07.1898. был произведен в есаулы. 07.09.1898 награжден призом за состязательную стрельбу на скорость (48 руб.). С 16.06. по 29.12.1898 - член полкового суда. С 29.12.1898 по 29.05.1899 - председатель полкового суда.

С 24.03 по 17.04.1899. находился в составе подвижного отряда с 2-й сотней под начальством подполковника Сулоцкого. 05.06.1899 утвержден в должности начальника гарнизона укрепления Гульчи. Награжден призом за состязательную стрельбу (14.08.1900). 06.05.1901 Всемиловейше был награжден орденом Святой Анны 3 степени. Награжден призом за состязательную стрельбу (04.08.1901). 07.09.1901 сдал 3 сотню и должность начальника гарнизона укрепления Гульчи. 18.09.1901 уволен в войско на льготу начальником 2-го эшелона льготных казаков и исключен из списков полка. 08.10.1901 прибыл на льготу. 11.12.1901. Назначен атаманом Пречистенской станицы, а 10.04.1904. отчислен от этой должности, в связи с началом русско-японской войны.

10.04.1904 был назначен в 12-й Оренбургский льготный полк и командирован на его сборный пункт в поселок Клястицкий. Прибыл и вступил в командование 6 сотней 16.04.1904. В составе полка выступил со сборного пункта на Дальний Восток (29.04.1904). 27.05.1904 в составе эшелона перешел границу.

Находился на театре военных действий и участвовал в делах против японцев с 02.04.1904. Находился в распоряжении штаба 4-го Сибирского армейского корпуса. С 6-й сотней 12-го полка произвел разведку у д. Идофаншанг, имел перестрелку с таковым 28.06.1904. Командуя 6-й сотней 12-го полка и 5-й сотней 11-го полка, которые находясь в составе рекогносцировочного отряда генерального штаба полковника Романова 5 июля производил рекогносцировку и имел дело с Японцами у дер. Сандяю (Награжден чином войскового старшины) с 03.07. по 05.07.1904.

С 6 сотней 12-го полка находился в составе 4-го Сибирского армейского корпуса, участвовал в бою при железнодорожной станции Дашичао с 10.07. по 12.07.1904.

С разъездом производил разведку у д. Сандепу и Чензанцзы, в последней уничтожил разъезд противника 21.09.1904.

В составе 12-го полка, командуя 5-й сотней, участвовал в делах с противником у д. Тадасанпу в передовом отряде генерал-майора Грекова (27.09.1904). В составе передового отряда генерал-майора Грекова командуя 2-й и 6-й сотнями 12-го полка, которые занимал д. Лодянтунь после натиска значительных сил противника под ружейным

огнем сотни очистили д. и отошли в д. Федафуанзы, которую удерживал за собою 29 и 30 сентября, несмотря на то, что противник не раз намеревался выбить сотню из деревни (награжден орденом Святого Владимира 4 степени (с 28.09. по 30.09.1904).

Командовал 4-й, 5-й и 6-й сотнями 12-го полка, которые находились при штабе 2 Маньчжурской армии с 9 января по 2 февраля 1905 г. Участвовал в бою с противником 12 января 1905 года у д. Сандепу. С 9 февраля, командовал сотнями 3-й, 5-й и 6-й – 12-го полка, 1-й, 4-й и 3-й – 11-го полка, состоя в распоряжении штаба 2-й маньчжурской армии. С ними участвовал в боях под г. Мукденом с 14.02 по 10.03.1905. В средне-конном передовом отряде генерал-лейтенанта Грекова командовал отрядом 11-го сторожевого полка с 13.08.1904 по 05.10.1905.

За отличие в делах с японцами был награжден орденом Святого Станислава 2 степени (06.05.1904.) и произведен в войсковые старшины (28.10.1904). Высочайшим приказом награжден орденом Святого Владимира 4 степени с мечами и бантом (05.01.1905), а спустя полгода (05.06.1905) - орденом Святой Анны 2 степени с мечами.

В 1909 году Высочайшим приказом (26.09.1909) был назначен на должность помощника командира полка по строевой части. Награжден мечами к ордену Святого Станислава 3 степени (27.04.1905). За отличие в боях произведен в полковники (16.07.1905.) со старшинством с 25.02.1905. Командирован в 11-й Оренбургский казачий полк (20.02.1905). В связи с назначением в полк третьей очереди откомандирован от 11-го полка (20.11.1905). Назначен командиром 15-го Оренбургского казачьего полка (24.12.1905). Вступил в командование 15-м Оренбургским казачьим полком (30.12.1905). В связи с реформированием полка исключен из списков полка (30.09.1906).

Высочайшим приказом назначен командиром 8-го Оренбургского казачьего полка 26.09.1906. Прибыл и вступил в командование 8-м полком (27.10.1906). Пожалован Его Высочеством Эмиром Бухарским малой золотой звездой (17.11.1906). По случаю демобилизации сдал полк, тогда же (06.09.1907.) был исключен из списков полка. Командирован на службу в Оренбургский казачий дивизион командиром (02.11.1907). Прибыл и зачислен в дивизион 16.11.1907. Высочайшим приказом был назначен командиром 3-го Оренбургского казачьего полка (22.05.1908).

Прибыл и вступил в командование полком 14.06.1908. Высочайшим приказом (03.05.1909) был назначен атаманом 3-го военного отдела Оренбургского казачьего войска. Прибыл к новому месту служ-

СЕКЦИЯ 5.

СЛАВЯНЕ В ИСТОРИИ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

бы 09.07.1909. Высочайшим приказом (04.12.1909) награжден орденом Святого Равноапостольного князя Владимира 3 степени. По Высочайшему соизволению 12.05.1910 зачислен почетным казаком Травниковской и Кундравинской станиц 3-го военного отдела Оренбургского казачьего войска (12.05.1910.). Об этом было объявлено в приказе по Оренбургскому казачьему войску № 358-1910 года.

Утвержден почетным попечителем Чебаркульского 2-х классного училища 17.05.1910. (Приказ по Оренбургскому казачьему войску № 312-1910 года). По Высочайшему соизволению 10.01.1911 года зачислен почетным казаком Звериноголовской станицы 3-го военного отдела Оренбургского казачьего войска. (Приказ по Оренбургскому казачьему войску 1911 г. № 82). Высочайшим приказом за отличие по службе произведен в генерал-майоры (23.04.1911).

В июне 1912 года Всемилостивейше предоставлено звание почетного казака Долгодеревенской станицы и Ключевского поселка Ключевской станицы (Оренбургскому казачьему войску 1912 г. № 342). Зачислен почетным попечителем всех казачьих школ Травниковской станицы 16.06.1912. (Приказ по Оренбургскому казачьему войску 1912 г. № 413). Награжден орденом Святого Станислава 1 степени (23.09.1912).

Всемилостивейше (03.10.1912.) предоставлено звание почетного казака Челябинской станицы (Приказ по Оренбургскому казачьему войску 1912 г. № 564). В сентябре 1913 года пожалован темно-бронзовой медалью на Владимирской ленте в память столетия Отечественной войны 1812 г. (Свидетельство командующего войсками округа 1912 г. № 11459). Утвержден в звании почетного попечителя всех станичных и поселковых школ Кундравинского станичного юрта (23.01.1913). (Приказ по Оренбургскому казачьему войску 1913 № 571). Предоставлено право ношения на груди светло-бронзовой медали в память 300-летия царствования Дома Романовых (21.02.1913). Ранее награждался серебряной медалью «В память царствования Императора Александра III» (20.12.1896), и темно-бронзовой медалью «За труды по первой всеобщей переписи населения» (15.05.1897).

В приказе по Оренбургскому казачьему войску № 541 от 02.08.1913 года сообщается о болезни генерала: «Вследствие болезни атамана 3-го военного отдела вр. вверенного мне войска, генерал-майора Угличинина, разрешаю ему отпуск впредь до увольнения в отставку». В приказе по Оренбургскому казачьему войску № 564 от 12.08.1913 написано: «Атаман 3-го военного отдела, генерал-майор Угличинин и

помощник его, войсковой старшина Токарев, рапортом от 4 сего за № 7154, донесли, что первый из них сдал должность атамана 3-го отдела, а последний принял. Подлинный подписал: вр. и.д. наказного атамана генерал-майор Полозов». Уволен от службы по домашним обстоятельствам с мундиром и пенсией 07.08.1913.

Ранен и контужен не был. Женат вторым браком на дочери священника Губерлинского поселка Орского уезда Оренбургской губернии Лидии Дионисьевне Козьмодемьянской (на время венчания в 06.02.1898 г. ей было 24 года). Имеет сыновей: Николая (12.11.1899), Георгия (04.04.1901), Сергея (25.09.1903). Жена и дети вероисповедания православного. Имущества не имеет. Наказаниям и взысканиям не подвергался.

Был в отпусках: В 14 дневном отпуске с 25.01.1886 по 03.02.1886. В двадцатидневном отпуске с 14.12.1886 по 07.01.1887. В двухмесячном отпуске с 02.08.1886 по 02.10.1887. В двадцативосьми дневном отпуске с 29.01.1892 по 18.02.1892. Возвратился из отпуска ранее срока на 8 дней. В десятидневном отпуске с 19.12.1892 по 30.12.1892. В 28 дневном отпуске с 14.08.1908 по 10.09.1908. В 28 дневном отпуске с 17.03.1913 по 12.04.1913. В отпуске с 04.08.1913. В январе 1916 года проживал в Оренбурге.

Во время Гражданской войны был в вооруженных силах Юга России, а потом покинул пределы России и оказался в Сербии. Подробности его пути не установлены. Известно, что в мае 1921 года в Сербию прибывала большая группа уральских казаков (около 40 человек) из Грузии. Здесь, во главе с подьесаулом К.П. Кирилловым, они находились после эвакуации с Северного Кавказа. Вскоре многие казаки уехали, а оставшиеся вошли в «Азиатскую казачью станицу». Умер И.И. Угличинин в г. Велико-Градиште в Сербии 20 октября 1931 года.

По сведениям верхнеуральского казака Ю.М. Милекесова, супруга и два сына генерал-майора И.И. Угличинина оказались в Австралии. Он пишет: «И если говорить о казаках, участвовавших в церковной деятельности, нельзя не упомянуть **Лидию Дионисьевну Угличинину** (1872-1956 гг.), вдову оренбургского казачьего атамана, генерал-майора, скончавшегося в Югославии. Лидия Дионисьевна прибыла в Австралию в 1932 году, ее же сыновья Георгий и Сергей Ипполитовичи приехали ранее в середине 1920-х годов и открыли знаменитую столярную фабрику George Brothers». Л.Д. Угличинина обладала большим уважением и авторитетом и много трудилась на благоустройство храма».

СЕКЦИЯ 5.

СЛАВЯНЕ В ИСТОРИИ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Угличинин Михаил Иванович (26.10.1856-1905) - из потомственных дворян ст. Пречистинской. Окончил Оренбургскую военную гимназию и Оренбургское казачье юнкерское училище по 2 разряду. На службе с 01.01.1875. Хорунжий с 16.04.1878. Сотник с 12.12.1879. Подъесаул с 10.11.1887. Есаул с 01.07.1898. Служба: во 2 Оренбургском казачьем полку (1878-1879), в Сарыкамышском отряде (1883), в 1 Оренбургском казачьем полку (1887-1889). На льготе (1889-1891). В 6 Оренбургском казачьем полку (1891-1894). Член суда общества офицеров с 01.01.1892. Командир 4-й сотни 6 Оренбургского казачьего полка с 25.03.1893. Председатель офицерского заемного капитала с 12.01.1894. Член полкового суда с 07.10.1894. Участвовал в Алайской экспедиции (01.06-02.10.1893). На льготе с 1895 по 1899. В 6 Оренбургском казачьем полку (1899-1902), На льготе без должности (1902-1904). Со льготы назначен в 12 Оренбургский казачий полк, участник русско-японской войны 1904-1905 гг. Умер на Дальнем Востоке (Приказ по Военному ведомству от 25.06.1905). Супруга Ульяна Александровна, уроженка Самарской губернии. Дети: сын Константин (08.04.1879) и дочь (имя не установлено). Награды: серебряная медаль «В память царствования Императора Александра III» (20.12.1896), Святого Станислава 3-й степени (08.03.1883), Святой Анны 3-й степени (06.05.1894).

Угличинин Михаил Иванович. 1895

Совсем недавно мне на адрес электронной почты, пришло письмо из города Брисбен (Квинсленд, Австралия) от Виктории Смолиной.

В Брисбене с 9-го по 14-е июня будет проходить русский фестиваль «Из России с любовью» и одна из главных тем его - 100-летие Первой Мировой. Кроме концертов и прочих увеселений организаторы запланировали несколько лекций по истории.

К 100-летию начала Первой Мировой войны в Русской общине запланировано несколько мероприятий. В том числе, выпуск небольшой брошюры о воинах, лежащих на кладбищах Брисбена.

Виктория написала «Вот там я и попробую рассказать хотя бы о некоторых из наших героев. Ведь у меня в списках и военные моряки, и офицеры, и просто солдаты и даже священник - он был удостоен чести носить наперсный крест на Георгиевской ленте за участие в войне.

Нас уже человек 5 добровольцев, которые согласились привести их (могилы) в порядок».

Виктория любезно предоставила фотографию могилы Лидии Дионисьевны Угличининой.

Мои́ла Л.Д. Угличининой. Австралия

Источники:

1. ГАОО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 460.
2. Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891-1945. Биографический справочник. –М. 2007.
3. Приказы по Оренбургскому казачьему войску за 1910-1913 гг. Оренбург, 1910-1913.
4. Список генералам, штаб и обер-офицерам Оренбургского войска и почетным казакам того же войска по старшинству. Оренбург, 1897.

Денисов Д. Н. (г. Оренбург)

**РОССИЙСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ АВТОНОМНАЯ ЦЕРКОВЬ
В ОРЕНБУРЖЬЕ***

Возникновение Российской Православной Автономной Церкви уходит корнями в раскол между духовенством Русской Православной Церкви (РПЦ), оставшимся после революции 1917 г. в Советской России и эмигрировавшим за рубеж. Для управления духовными делами миллионов российских беженцев в 1921 г. на соборе в Сремских Карловицах (Сербия) было учреждено Временное высшее церковное управление за границей, преобразованное с 1922 г. в Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ). Первоначально он признавал власть Патриарха Московского и всея Руси, который, в свою очередь, не ставил под сомнение каноничность нового объединения. Однако в 1927 г. между РПЦ и РПЦЗ произошёл раскол, когда заграничные структуры отказались принять Декларацию управляющего Московской Патриархией митрополита Сергия (Страгородского) (1867–1944) о безусловной лояльности советской власти.

С либерализацией в СССР общественно-политической жизни и религиозного законодательства в 1990 г. Русская Православная Церковь Заграницей развернула деятельность на исторической Родине и учредила здесь подконтрольную Российской Православную Свободную Церковь (РПСЦ). В её состав стали приниматься вместе с приходами священники, покинувшие РПЦ по идейным или карьерным соображениям. Некоторые клирики и миряне видели в Заграничной Церкви носительницу исконных, неиспорченных православных тра-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Оренбургской области научного проекта №13-11-56005.

диций дореволюционной России из-за непримиримого отношения к атеистической советской власти, сильных монархических убеждений, канонизации царственных мучеников. Другие хотели добиться в новой организации продвижения по службе или избежать дисциплинарной ответственности по прежнему месту работы. Так, во главе РПСЦ встал бывший настоятель Суздальского прихода РПЦ, архимандрит **Валентин** (в миру **Анатолий Петрович Русанцов**) (1939–2012), который отказался подчиниться решению архиепископа Владимирского и Суздальского Валентина (ныне митрополита Оренбургского и Саракташского) о переводе в менее значимый город Покров. В 1990 г. он был назначен экзархом Архиерейского Синода РПЦЗ на территории СССР, а в 1991 г. хиротонисан во епископа Суздальского и Владимирского. Однако после череды конфликтов в 1996 г. епископ Валентин окончательно вывел из подчинения РПЦЗ свою организацию, которая в 1998 г. была перерегистрирована как Российская Православная Автономная Церковь (РПАЦ). В 2001 г. он принял титул митрополита. В Русской Православной Церкви его организация получила название «Суздальского раскола»¹.

В период своего расцвета РПАЦ насчитывала до 150 приходов, 6 монастырей. Но в 2007 г. после длительного переговорного процесса Русская Православная Церковь Заграницей примирилась с Русской Православной Церковью, подписала акт о каноническом общении и вошла в её состав на принципах самоуправления. Несмотря на независимость от создавшего её центра, это сильно подорвало идеологические позиции РПАЦ. Более того, российские светские власти активно поддержали курс на объединение всех православных приходов страны в рамках одной Русской Православной Церкви Московского Патриархата и ликвидацию прочих неканонических структур. В 2007 г. начался арбитражный процесс, который привёл в 2009 г. к судебному решению об изъятии у Российской Православной Автономной Церкви во Владимирской области 11 храмов, переданных ей прежде государством. В 2010 г. были конфискованы ещё 6 церквей, а 3 священника РПАЦ вернулись под юрисдикцию Московского Патриархата. В 2012 г. суд принял решение о передаче Росимуществу мощей преп. Евфимия и Евфросинии Суздальских из главного собора РПАЦ, однако оно до сих пор обжалуется. В 2013 г. был ликвидирован в судебном порядке «Центр православного просвещения», предоставлявший здание для прихода РПАЦ в Санкт-Петербурге. В 2014 г. у Церкви забрали ещё один храм в Суздале.

Изъятие культовых зданий, отток священников и создание параллельных структур РПЦ на местах привели к значительному сокращению приходов Российской Православной Автономной Церкви. В настоящее время она насчитывает на территории России 55 приходов (в том числе 19 зарегистрированных), а также имеет отдельные общины в Украине, Беларуси, Латвии и США². Управляющие органы РПАЦ находятся в г. Суздаль Владимирской области. После смерти в 2012 г. первого предстоятеля Церкви Валентина (Русанцова) её главой является митрополит Владимирский и Суздальский **Феодор** (в миру **Владимир Александрович Гинеевский**) (р. 05.04.1955). Подведомственные ему приходы РПАЦ находятся во Владимирской, Ярославской, Тверской, Брянской, Саратовской, Волгоградской, Оренбургской областях, Ставропольском крае, Удмуртии, Москве, Санкт-Петербурге и других регионах.

В **Оренбургской области** начало оформлению структур будущей Российской Православной Автономной Церкви было положено в 1991 г., когда к РПЦЗ присоединился со своим Свято-Троицким приходом иерей с. Ивановка Асекеевского района Анатолий Шаров. Он также обслуживал соседние общины свв. Космы и Дамиана в с. Мартыновка и Св. Живоначальной Троицы в с. Мочегай. Ещё одна община во имя Казанской иконы Божией Матери пос. Красногорский того же района арендовала здание сельского клуба для совершения богослужений под руководством иерея Максима Кораблёва. В 1998 г. эти общины вошли в состав учреждённой тогда Российской Православной Автономной Церкви, в которой с 2002 г. была образована Оренбургская епархия. В 2005 г. к ней примкнул запрещённый в служении клирик церкви Св. Михаила Архангела РПЦ в райцентре Октябрьское, иеромонах Виссарион (Варюхин), который обосновался

*Архиепископ Оренбургский и
Курганский РПАЦ Тимофей
(Шаров)*

в с. Ташла Тюльганского района. Таким образом, число приходов РПАЦ на территории Оренбургской области дошло до 5.

Возглавлял их епископ Оренбургский и Курганский **Тимофей** (в миру **Анатолий Алексеевич Шаров**). Он родился 3 октября 1954 г. в с. Ивановка Асекеевского района Оренбургской области, в крестьянской семье. Окончил исторический факультет Оренбургского государственного педагогического института. 15 января 1989 г. епископом Хабаровским Гавриилом (Стеблоченко) был рукоположен в сан иерея. Служил в Магадане, заочно окончил Московскую духовную семинарию. Затем возрождал религиозную жизнь в родном селе, но в 1991 г. отпал от РПЦ. В 1996 г. принял монашество, а в 1998 г. Архиерейский Синодом РПАЦ был возведён в сан архимандрита. 24 ноября 2000 г. рукоположен во епископа Оренбургского, викария Суздальской епархии. В ноябре 2002 г. назначен главой самостоятельной епархии с титулом епископа Оренбургского и Курганского³. 4 февраля 2011 г. возведён в сан архиепископа Оренбургского и Курганского. Публиковал собственный миссионерский листок «Утверждение истины» и статьи в бюллетене РПАЦ «Вертоград-информ».

Однако общий кризис Российской Православной Автономной Церкви затронул и её Оренбургскую епархию. К тому же, РПЦ Московского Патриархата вела активную разъяснительную работу на местах о неканоническом характере «Суздальского раскола» и организовывала рядом с его приходами свои собственные, ведь раньше православные верующие зачастую ходили в церкви РПАЦ из-за отсутствия на селе иной альтернативы. Так, в феврале 2009 г. пос. Красногорский Асекеевского района посетили благочинный РПЦ с причётниками и юристами, которые безуспешно попытались забрать ключи от молитвенного помещения РПАЦ и удалить из него иерея Максима Кораблёва, убеждая местных жителей в недействительности его священного сана. Однако в дальнейшем он сам принёс покаяние и вернулся в лоно Русской Православной Церкви, в 2012 г. был пострижен в монашество с именем Климент и назначен в тот же пос. Красногорский на должность настоятеля только что зарегистрированного прихода Московской Патриархата⁴. В июне 2014 г. принял участие в закладке на территории посёлка нового православного храма преп. Сергия Радонежского, который ему предстоит возглавить⁵.

В 2011 г. сотрудники «антисектантского» Информационно-консультационного центра сщмч. Макария Оренбургского РПЦ наведе-

лись в с. Мочегай Асекеевского района, где агитировали против Тимофея (Шарова) как «лжеархиепископа». Там же по согласованию с сельской администрацией была организована православная община вмч. Георгия Победоносца Московского Патриархата и подготовлено помещение для её богослужений⁶.

В результате целенаправленной и кропотливой работы Русской Православной Церкви верующие стали массово отходить от неканонической деноминации. В настоящее время на территории Оренбургской области остался лишь 1 зарегистрированный приход РПАЦ в с. Мочегай Асекеевского района, которым руководит лично архиепископ Оренбургский и Курганский Тимофей (Шаров). Если в 2007 г. число его активных прихожан составляло 45 человек, то уже в 2010 г., по сведениям РПЦ, снизилось до 8⁷.

Таким образом, последствия церковного раскола в православной среде Оренбургской области практически преодолены, а неканоническая Российская Православная Автономная Церковь находится в регионе на грани исчезновения.

Примечания:

1. Лункин Р. Российская православная автономная церковь (РПАЦ) // Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. I / Отв. ред. М. Бурдо, С. Б. Филатов. – М.: Логос, 2004. – С. 79–92.
2. Российская Православная Автономная Церковь // Иерархия литургических церквей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hierarchy.religare.ru/h-orthod-rpac.html> (дата обращения: 04.11.2014).
3. Тимофей, Епископ Оренбургский и Курганский [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rpac.ru/article/24/> (дата обращения: 04.11.2014).
4. Постриг и хиротония в Бузулукской епархии [Электронный ресурс]. URL: <http://бузулукская-епархия.рф/news/2012-12-09/postrig-i-hirotoniya-v-buzulukskoy-eparhii> (дата обращения: 04.11.2014).
5. Закладка храма в п. Красногорский [Электронный ресурс]. URL: <http://bgr-usrenie.ru/?p=3206> (дата обращения: 04.11.2014).
6. Отчёт о жизни и деятельности Оренбургской епархии Русской Православной Церкви Московской Патриархии за 2011 год. Приложение. – Оренбург, 2011. – С. 157.
7. Николаев О. В. Российская православная автономная церковь // Конфессии и религиозные объединения Оренбургской области: справочник. – Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2007. – С. 77; Отчёт о жизни и деятельности Оренбургской епархии Русской Православной Церкви Московской Патриархии за 2010 год. Приложение. – Оренбург, 2010. – С. 28.

Бахарева О.Я. (Оренбург)

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ «НИВА» ЗА ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

«И год второй к концу склоняется,
Но так же реют знамена,
И так же буйно издевается
Над нашей мудростью война».

Н. Гумилев. 1916 г.

Публикации журнала «Нива» времен Первой мировой войны (1914 – 1918) представляют особый интерес для истории и литературы, для всех любителей старины ¹. Известно, что в конце XIX – начало XX вв. русская литература после «золотого века» пушкинской поры вступила в «серебряный век»: появились новые таланты и литературные направления, новые стили и творческие группировки. Они искали согласно времени новые способы и пути решения вечных проблем: о сущности жизни и смерти, добре и зле, природе человека и его отношении к жизни и религии. В русской литературе с конца XIX века развивались три основных направления: критический реализм, модернизм (символизм, акмеизм) и литературный авангард (футуризм).

Первая мировая война в истории человечества была второй крупнейшей в Европе после войны 1812 г., развязанной Наполеоном. Она определила разрушительную «эволюцию событий последующего времени», положила начало переоценке устоев духовно-нравственных ценностей общества в сторону упрощения, озлобления и жестокости, «породила «потерянное поколение»² в мире и в России. Идеологами она была «искусственно задвинута в тень и перешла в разряд «забытых» войн»³.

Перейдем к обзору литературных публикаций, чтобы «воссоздать картину отражения Первой мировой войны, имеющей общенациональное значение»⁴, в прозе и поэзии, и сформировать представление о духовно-нравственных ценностях того времени, что определяет цель данной статьи. Обзор публикаций журнала сгруппирован по темам: публицистика военных корреспондентов и обозревателей, литературная проза о подвигах российского солдата-героя, о медицинском персонале – невидимых героев фронта и тыла, о роли женщины-храни-

тельницы воина в тылу и на фронте, поэзия, представленная творчеством молодых поэтов и поэтесс.

Обзор открывает статья генерал-майора Д.Н. Дубенского (26. 10. 1858. Рос. имп.– 05. 07. 1923. Висбаден, Германия)⁵. Вот его краткая биография. Дмитрий Николаевич родился в дворянской семье потомственных кадровых офицеров, окончил Александровское военное и Михайловское артиллерийское училища, произведен в офицеры в 1880 г., окончил академию Генерального штаба, в 1885 г. перешел в главный штаб, где прослужил до 1904 г.. С 1 января 1912 г. переведен на службу генералом для особых поручений при главном управлении государственного коннозаводства. На этом посту он обследовал коневодство на Кавказе, в казахстанских (киргизских) и калмыцких степях, в Сибири, на юге и в центре России, а также в губерниях царства Польского. Одновременно он исполнял обязанности редактора-издателя газеты «Русское чтение», в годы Первой мировой – редактор «Летописи войны 1914 – 1917», состоял в свите императора в качестве официального историографа. Д.Н. Дубенский подготовил четыре выпуска издания «Его Императорское Величество государь император Николай Александрович в действующей армии за 1914 – февраль 1916 гг.», награжден орденом святого Владимира 3 степени. Он издал много популярных в народе книг и картин, среди них особо известны «История России в картинках», «Картины Родины», «История русского солдата», «Царствование Дома Романовых», «Суворов», «Скобелев» и др.⁶. Генерал-майор Д.Н. Дубенский не принял революционные события 1917 г и эмигрировал за границу, где вышли «Записки-дневники», «Как произошел переворот в России». В статье «Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии. Ноябрь – декабрь 1914 г.» дается описание маршрута второго путешествия царя в действующую армию с 18 ноября по 19 декабря 1914 г. В Ставке Главнокомандующий ознакомился с положением дел на Западном фронте и отправился через Смоленск в Тулу, посетил в воскресный день оружейный завод, основанный Петром Великим, прошел по мастерским, где изготавливались пулеметы, винтовки и револьверы, беседовал с рабочими и начальником завода. В Орле осмотрел один из госпиталей, где среди русских воинов было сосредоточено много австрийских и немецких раненых солдат и заметил, что в России «не делается различия в содержании раненых, как поступают наши противники». В Курске и Харькове император зашел в лазареты, где на лечении находилось

много офицеров, беседовал с ними о службе, ранении, выражая душевную заботливость. Дальше путь шел на Кавказ через Екатеринодар и Дербент в Тифлис. Там Николай II прослушал молебствие в Сионском соборе, посетил Ванкский Армяно-Григорианский собор, мечети суннитов и шиитов. В турецких городах – Карсе, Меджингерте, Сарыкамыше – посетил кавказскую действующую армию, которая вела походы и одержала ряд блестящих побед в турецкой части приграничной Армении. Из Закавказья государь-император прибыл в Рязань и в Москву. Это путешествие легло в основу второй книги, иллюстрированной многочисленными фотоснимками.

Познакомимся с военным корреспондентом и обозревателем, ведущим «Дневника военных действий» Константином Марковичем Шумским (подлинная фамилия Соломоновым). Его год рождения не известен, но известна дата смерти – 2-3 июля 1938, Париж. К.М. Шумский (Соломонов) был сыном военного врача 8-го гренадерского Московского полка, окончил Полоцкий кадетский корпус (1894) и Алексеевское военное училище (1896). В 1904 г. прикомандирован к Квантунской крепостной артиллерии, участник обороны Порт-Артура, был ранен. За мужество награжден золотым оружием, в 1909 г. получил чин штабс-капитана 2-го Кронштадского крепостного артиллерийского полка. В 1910 г. окончил Академию Генштаба. Его журналистская деятельность началась в 1903 г. в «Биржевых ведомостях». С 1914 г. постоянный военный обозреватель «Биржевых ведомостей», газеты «Утро России», журнала «Нивы», работал корреспондентом парижского «Ле Журнал». Он автор «Очерков мировой войны» и книги «Борьба берега с флотом». К.М. Шумский (Соломонов) эмигрировал во Францию после октября 1917 г., умер 2-3 июля в 1938 г., 8 июля кремирован на кладбище Пер-Лашез. «Дневник военных действий» публиковался в каждом номере «Нивы», язык публикаций отличался конкретикой, фактами, логикой и краткостью, например, «Борьба за Вислу», «Наступление Макензена на Люблин-Холм», «Варшава и Ковно», «Наступление в Полесье», «Борьба в Сербии» и др.

Прозаик и журналист Николай Николаевич Брешко-Брешковский (8 (20). 02. 1874, СПб. – 24.08. 1943. Берлин. Германия) сын революционерки Е.К. Брешко-Брешковской. Из-за ареста и ссылки матери с 10 лет мальчик воспитывался в семье дяди В.К. Вериги в г. Заславе на Волыни, окончил Ровенское реальное училище (1893) и переехал в С-Петербург⁷. Будучи от рождения склонным к литературно-

му творчеству, он писал рассказы, повести, статьи о спорте и моде, этюды о русских художниках, публикуя их в газетах и журналах, являлся автором исторических романов и повестей: «В потемках жизни» (1914), «Танцовщица Лилиас», «Дочь иностранного легиона» (1916) о войне в Сербии, «Позор династии» (1917) о распутинщине и др. Брешко-Брешковский Н.Н. относится к родоначальникам русского шпионского детектива – «Гадины тыла» (1915), «Ремесло Сатаны» и «В сетях предательства» (1916). После 1920 г. он эмигрировал в Польшу (Варшава), жил в Париже. В эмиграции вышло свыше 30 романов, был одним из ведущих авторов журнала «Иллюстрированная Россия», сотрудничал во французских газетах, имел множество псевдонимов. Писатель А.Куприн называл его «неутомимый Брешка». После 1933 г. до гибели жил в Берлине, слово «немец» исчезло из его статей. При Гитлере он служил в органах пропаганды в газете «Новое слово» и одобрял нападение фашистской Германии на СССР, призывая к карательным мерам на оккупированных территориях. В ночь на 24 августа 1943 г. британская авиация бомбила Берлин, во время которой погиб Н.Н. Брешко-Брешковский. Творчество этого своеобразного писателя и журналиста не изучалось литературоведами и не переиздавалось. Советский писатель-историк В.С. Пикуль в своем творчестве испытал влияние этого литератора. Он использовал в романе «У последней черты» ряд прямых заимствований из романа Брешко-Брешковского «Позор династии» (1917). В журнале «Нива» за 1915 г. опубликованы: «На Прибалтийском театре войны», «Война в Прибалтийском крае» и «Кавказские орлы в Галиции». Автор дал картины Прибалтийского края и селений Туккум, Гольдинген, Курмален, описание усадьбы и столовой прибалтийского барона Бредериха в местечке Априкен. Героями повествования являются два мальчика-разведчика, старший – латыш, а младший – поляк. Они под видом родных братьев прошли линию фронта до г. Либавы и благополучно вернулись в штаб-квартиру эскадрона улан, которые расквартировались в Априкен. В скором бою с германцами эскадрон улан разбил неприятеля, иногда автор заострял внимание читателя на дружеском отношении местного латышского населения к русским. Живой стиль повествования и манера изложения остается в памяти читателя.

К сожалению, про военного корреспондента М. Доманского не обнаружено сведений в Интернет-ресурсах. Его записки корреспондента «В зареве войны» (1915 г.) печатались из номера в номер. Они рисуют обширную картину тяжелого и продолжительного дневного

сражения на Западном фронте, и далее необходимую, но кровавую работу санитаров после боя. Главными действующими лицами являются совсем юный вольноопределяющийся, в документах которого бережно хранилась фотография любимой девушки, и тяжело раненый немецкий офицер, потерявший в бою родного брата. Оба выросли без отца и были опорой и надеждой пожилой матери. Трогательное описание прощания старшего брата с младшим глубоко трогает читающего и заставляет задаться вопросом – «Во имя каких целей развязана война, несущая Смерть и Хаос?!»

Перейдем к теме «Российский солдат-герой», которая широко представлена многими писателями в рассказах, повестях и поэтами в стихах. Обратимся к малоизвестному писателю Андрею Ефимовичу Зарину (1869 – 1929), родившемуся в семье литераторов – отца Е.Ф. Зарина, критика, переводчика, поэта и – матери прозаика Е.И. Зариной⁸. Он окончил Виленское реальное училище. В 1883 г. ученика 6 класса Андрея Зарина арестовали за хранение нелегальной литературы и за связь с представителями «Народной воли», месяц он находился под стражей, а в 1884 г. административно был выслан в Саратов, но в 1906 г., будучи редактором «Современной жизни», полтора года отсидел в тюрьме. Сторонник октябрьской революции 1917 г., он сотрудничал в рабоче-крестьянских газетах и журналах «Смена», «Вокруг света», ряд повестей и рассказов посвятил революционному движению. А.Е. Зарин был знаком с Н.С. Лесковым, А.К. Шелер-Михайловым, В.П. Мещерским, А.Н. Плещеевым. С 1888 г. занимался литературной деятельностью: издал более ста книг, наиболее известные «Сорные травы. Две любви» (1890), «Дочь пожарного» (1892), «На изломе» (1901), 13 книг повестей, рассказов, очерков о жизни русских царей, написанных к 300-летию Дома Романовых. В журнале «Нива» за 1915 г. опубликован один из рассказов писателя «Медведь» о храбрости Гвоздева, нашедшего плюшевого медвежонка, оберега солдата, которого тот носил на спине. Однажды Мишка был «ранен», но Гвоздев досыпал опилки в чехол и поставил заплатку на место ранения. «Медведь перенес боевое крещение», – говорили солдаты, он стал им ближе и дороже, как настоящий боец. Во время ожесточенного боя с австрийцами у г. Владимира-Волынского, Мишка был исколот штыками и потерян, что вызвало сострадание и желание его найти. Бойцы с удесятенной энергией пошли в новую атаку и выбили австрийцев сразу из трех линий окопов. Детская игрушка отыскалась, но восстановлению не подлежала. При чтении невольно возникает параллель с

детьми и детством, западает в душу простым языком и бесхитростной манерой изложения.

Биография и творчество писателя В.К. Анфилова остались неизвестными для читателей XX века. На страницах «Нивы» на память всем потомкам он оставил рассказ «Зачарованный герой» (№ 31, 1915). Центром внимания является самоед Иван Кулва, выходец из тундры. «Желто-коричневое скуластое лицо его было гладко, точно деревянное: ни один мускул не шевелился на нем. Только черные, как смола, глаза искрились из узких и косых щелей, как бы оживляя эту неподвижную маску. ... Иван Кулва на своей родине в Тиманской тундре занимался оленеводством, рыболовством, занимался и охотой на песцов, куропаток и другую живность». Он пошел на фронт добровольцем, примером послужила картинка из иллюстрированного журнала, изображавшая момент штыкового боя. «Ему нестерпимо захотелось быть таким же, как на картинке, солдатом, чтобы иметь возможность, ... колоть ружьем немцев... Он брал в руки старенькую берданку, становился в положение штыковой атаки и тыкал слегка концом дула в бока подбегавших любопытствующих оленей... Очевидно, воинственный дух его предков XVII века проснулся в нем... Тяжело давалась Кулве солдатская выучка. Он не понимал, зачем надо ему ходить со всеми в ногу, ...пропускал моменты поворотов, вместо правого плеча поворачивал левое... Кулва лучшие возможности показал при изучении ружья. В стрельбе он проявил такую острую меткость, что его инструкторы обратили на него внимание, как на редкого стрелка. Успехи самоеда в стрельбе спасали его от многих нареканий при неудачах в «шагистике». И вот наступил день сражения. «Немцы наступали. Трещали ружья, тархтели пулеметы. ... Только Кулва стрелял вдумчиво, изредка, пристально всматриваясь в сторону выстрела, и после этого почти всегда кивал головою» ... Бой закончился, но Кулва не появился, однако к вечеру он пришел. «Опираясь на свою винтовку, он тихо шел, согнувшись, и тащил на спине какого-то человека, ... оказалось, раненого прусского офицера. ... Два доктора, фельдшера, сестры милосердия с нескрываемым удивлением столпились вокруг обнаженного тела со странными, вовсе не кровоточивыми, словно обмытыми ранами. ... Когда Ивана Кулву хоронили, прапорщик Соколов более всех хлопотал. Перед опусканием трупа в могилу, прапорщик снял с себя Георгиевский крест и положил его на грудь храброго самоеда. ... И то тело, которое должно было покоиться в сырой торфяной почве Тиманской тундры, опустили в сухой и желтый песочек

Червонной Руси ...» Так гибли миллионы безвестных героев за матушку Россию далеко-далеко от родимого очага.

Творчество Виктора Муйжеля (1880 – 1924, Ленинград) вряд ли было широко известно в первые годы советской власти, он рано ушел из жизни. В. Муйжель родился 18(30) июля 1880 г. в литовской семье в д. Уза Порховского уезда Псковской губернии⁹. В начале самостоятельной жизни он перепробовал профессии писца, приказчика, статиста, пока не занялся литературным творчеством, образцом изложения служил стиль Л. Н. Толстого. В. Муйжель писал рассказы на крестьянские темы, антивоенные очерки, рассказы для детей про животных. Молодой писатель умер 3 февраля 1924 г. в Ленинграде. В годы Первой мировой войны служил военным корреспондентом «Биржевых ведомостей» в Польше и Галиции, автор книги очерков «С железом в руках, с крестом в сердце» (1915). Для театра написал про революцию пьесу «Вешний ветер» (1923), посмертно вышел сборник «Последние рассказы» (1926). В «Ниве» напечатаны рассказы «Одна ночь», «Расплата», «На разведке», последний вышел с иллюстрациями художника И. Владимирова. Рассказ «Одна ночь» посвящена студенту-медику Серебрякову, который собирает раненых на поле боя в наступившей ночи, как несет на себе раненого в грудь офицера, попадает сам под обстрел немцев, получает ранение, но не бросает русского офицера. «Серебряков двигался вперед качающимися шагами и бормотал, как во сне: – «Теперь я понимаю, я знаю, что такое война. Война – не геройство, не экстаз, хотя и это тоже, не красота и отвага, – конечно, это тоже есть; война – ужасающий, страшный труд! ... Это работа, та самая, о которой мужики говорят: «так что индо кровь с пупа», – та самая, от которой в окопах люди царапают до крови в руках мерзлую землю, делают переходы по пятьдесят верст, падают от усталости, та работа, от которой зеленеет в глазах, когда прислуга надывается над увязшим орудием». Он вспомнил санитаров, падающих от усталости, докторов, считающих за счастье подремать полчаса на табуретке, здесь же, в операционной, этапных комендантов, от утомления понимающих не сразу, что им говорят, – и вся война представилась ему, как ужасающий, необъятный труд, страшная работа, требующая огромного, не учитываемого напряжения». Погрузившись в мысли, истекая кровью и потеряв ориентир, полуживой Серебряков вышел на немецких часовых. «Внезапная приятная слабость охватила его, колени сами подогнулись, и он сел с чувством бесконечного удовольствия, отблеском мысли понимая, что идти больше некуда». На

спине умирающего санитаря скончался офицер, и он сам. «И никто не узнал, что сделал и пережил в эту ночь студент-медик Серебряков».

Образ женщин-героинь, выступающих хранительницами воинов, формировался с медсестер, на любви и верности избраннику. Пресса писала о новых «кавалерист-девицах», подчеркивая их героизм и отвагу, ставя в пример «сильному» полу. Таков рассказ Н. Роминского «Волченок», в плен попадает переодетая солдатом дочь немецкого полковника, тайком сбежавшая на фронт в Галицию и мстившая за смерть отца. Главный герой рассказа дядя Митяй, который обнаружил раненную, долго думал по этому поводу и пришел к неожиданно выводу, «что германцы двинули и женщин (на войну), следовательно, когда всех перебьют, страна действительно опустеет, а наши, которые к тому времени появятся на свет, о чем позаботятся русские бабы, займут всю Германию, будет тогда «не Европа, а Рассея». Творчество Н. Роминского представлено в журнале еще одним рассказом «Набег». Перу прозаика Георгия Павлова принадлежат рассказы «Мадонна», «Долг», «Фантина», «Верден», «Талисман», «Тишина», к сожалению, о нем не найдено биографических сведений.

Перейдем к творчеству Корнея Ивановича Чуковского (19 (31). 03. 1882. СПб – 28. 10.1969. Москва)¹⁰. Подлинное имя – Николай Васильевич Корнейчуков, русский советский поэт, публицист, литературный критик, переводчик и литературовед, известный детский писатель, журналист. С 1901 г. начал писать статьи для «Одесских новостей», самостоятельно выучил английский язык по самоучителю Олендорфа, был направлен корреспондентом «Одесских новостей» в Лондон. В 1906 г. переехал в финское местечко «Куоккала», где познакомился с художником Ильей Репиным. От сочетания фамилии «Чуковский» и места «Куоккала» возникло название юмористического альманаха «Чукоккала. В журнале «Нива» опубликованы его очерки и статьи – «Как в Англии вербуют добровольцев» (№ 28, 1915), «Будьте спокойны, дорогие солдаты!» (№ 35, 1915), «Путеводитель к счастью» – этюд о творчестве писателя Н. Гарина-Михайловского (№ 47, 1915), «Книга об английском солдате» (№ 49, 1915), «Дети и война» (№ 52, 1915).

За годы войны в журнале «Нива» по неполным подсчетам публиковались свыше 50 авторов-прозаиков: А.П. Андреев «Игра судьбы», М. Сивачев «В лазарете», С. Фесенко «Автомобиль в нынешнюю войну», «Ни одного пленного», Ю. Волин «На Сайменском озере», «Самозванка», «Письмо из плена», Ив. Островский «Жизнь – сказка»,

С. Бельский «Беглецы», Ю. Свирский «Героиня», А.А. Дунин «Наказание», Вл. Кохановский «Набат», Ил. Сахаров «В часовне» и многие др.

Перейдем к краткому обзору творчества поэтов. Наиболее часто публикуемым был Аполлон Аполлонович Коринфский (1868 – 1937), русский писатель и этнограф¹¹. Он родился в Симбирске в семье мирового судьи, мать умерла сразу после рождения сына, а отец через пять лет, мальчик воспитывался у родственников. В детстве и юности его тянуло к поэзии А.А. Фета, А.Н. Майкова, Я.П. Полонского и к былинному фольклору. В 21 год переехал в Москву и стал сотрудничать с журналами «Россия», «Русское богатство», «Гуслиар» и др. В С-Петербурге служил в журналах «Наше время», «Всемирная иллюстрация», заведовал редакцией журнала «Север», писал о творчестве В. Брюсова, Ф. Сологуба, М. Лохвицкой и других поэтах. Выпустил книги стихов «Песни сердца» (1889 – 1893), «Черные розы» (1893 – 1895). Часто он писал стихи в искусственно-былинном стиле, навеянном народными мотивами Алексея Толстого, издал сборник этнографических очерков «Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа» (1901), книгу «В тысячелетней борьбе за Родину. Бывальщины X – XX веков» (1917) и др. В «Ниве» представлены его стихи – «Изгнанники войны» (№ 36, 1915), «Тризна Болгарии» (№ 45, 1915), «Мать Стефана Непобедимого (Румынское предание XIV в.)» (№ 35, 1916), «Всенародное моление» (№ 37, 1915), «Да здравствует, Сербия» (№ 3, 1916). В 1929 г. признан виновным в «антисоветской агитации», на три года был лишен права проживать в Ленинграде, переехал в Тверь, где умер в 1937 г.

Творчество Николая Гумилева (1886 – 1921) известно широкому кругу читателей. Он – русский поэт «серебряного века», создатель школы акмеизма, переводчик, литературный критик, путешественник, офицер, имел псевдоним Анатолий Грант. В «Ниве» (№ 9, 1916) поэт опубликовал отклик на военные действия в 1914 – 1915 гг.:

И год второй к концу склоняется,	Иль зори будущие ясные
Но так же реют знамена,	Увидят мир таким, как встарь.
И так же буйно издевается	Огромные гвоздики красные,
Над нашей мудростью война.	И на гвоздиках спит дикарь;

Вслед за ее крылатым гением,	Чудовищ слышны ревы
Всегда играющим в ничью,	мирные,

СЕКЦИЯ 5.

СЛАВЯНЕ В ИСТОРИИ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

С победной музыкой и пением.

.....

И сосчитают ли потопленных
За время трудных переправ,
Забывших на полях потоптанных
И громких в летописи слав?

Вдруг хлещут бешено дожди,
И все затягивают жирные
Светло-зеленые хвощи?
Не все ль равно? Пусть время
катится,
Мы поняли тебя, земля!
Ты только хмурая привратница
У входа в Божии Поля.

Известный русский советский поэт Сергей Есенин (1895 – 1925) представитель имаженизма (1919 – 1923)¹², с первых сборников стихов («Радуница», 1916; «Сельский часослов», 1918) выступил как тонкий лирик, мастер глубоко психологизированного пейзажа. Начинающий поэт в «Ниве» поместил одно из ранних стихотворений «Лисица» (№ 10, 1917):

На раздробленной ноге
приковыляла,
У норы свернулася в кольцо.
Тонкой протвой кровь
отмежевала
На снегу дремучее лицо.

Как желна, над нею мгла
металась,
Мокрый вечер липок был и ал.
Голова тревожно подымалась,
И язык на ране застывал.

Ей все бластился в колючем
дыме выстрел,
Колыхалась в глазах лесная топь.
Из кустов косматых ветер
взбыстрил
И рассыпал звонистую дробь

Желтый хвост упал в метель
пожаром,
На губах, как прелая морковь ...
Пахло инеем и глиняным угаром,
А в ощур сочилась тихо кровь.

Поэтесса, драматург, актриса Лидия Валентиновна Лесная (1889 – 1972) с 1907 г. выступала на сцене провинциальных театров – Киев, Херсон, Симбирск, тогда же начала печататься как поэтесса. В 1914 г. выпустила две пьесы «Алые розы» и «Это было так», в 1915 г. вышел сборник стихов «Аллеи причуд», «Жар-птица» (1922) и др. После 1917 г. жила в Сибири, в 1922 г. вернулась в Петроград. В «Ниве» напечатала два стихотворения «Франции» (№ 30, 1916) и «В воздухе» (№ 34, 1916).

Франции

Прекрасная страна веселья
и вина,
Страна искусства, роз
и винограда,
На поле доблести теперь тебе дана
Высокая, почетная награда!

Неувядающую славою покроет
Тебя могучая и доблестная рать:
Твои сыны, твои орлы – герои
Умели жить – умеют умирать!

Бессмертный Ламартин, Вольтер,
Гюго, Родэн
Руками гениев плели твое
величье,
Петэна гений новое отличие
Тебе дал, Франция: – Верден.

По неполным подсчетам на страницах журнала «Нива» были опубликованы стихи 25 поэтов, вот некоторые из них: Павел Орешников («Св. Георгий», «Их было двое», «После боя»), Сергей Михеев («Письмо», «Труба», «На заводе», «Цветы»), Иероним Ясинский («Север и юг», «Патаджурский перевал»), Георгий Иванов («Три свечи», «Солдаты проходили, барабаня...», «Сербия»), М. Андреев («Проводы», «Три сестры: Вера, Надежда, Любовь»), Александр Дроздов («В часовне», «Рекрут»), С. Караскевич («Над рубашкой»), Ал. Теняков («Павших в сражениях»), Вл. Тархов («Молитва»), Дм. Цензор («Родине»), Зоя Бухарова («Героям-мученикам», «В великие дни»), Елена Федотова («Суд», «Встреча»), Лидия Лесная («Франции», «В воздухе») и многие другие.

Итак, литературные публикации в журнале «Нива» за годы Первой мировой войны отразили общественное настроение и сохранили духовную память о тех годах, зафиксировав ее в народе. Молодые прозаики и поэты охватили многие темы. Они воспевали незыблемые устои народа: храбрость, мужество, отвагу, любовь, верность, надежду, преданность Родине. Их судьбы сложились по-разному. Кто-то принял революцию большевиков и продолжал литературную деятельность в советской России, а кто-то выехал за границу и умер там, навсегда забытый на родине. Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН открыл интернетовский проект «Первая мировая война и русская литература – Политика и поэтика: историко-культурный контекст». Целью проекта является комплексное исследование

культурной и политической хроники событий 1914 – 1918 гг., результатом которого станет итоговая конференция и издание труда по данной тематике.

Примечания:

¹ «Нива» – иллюстрированный еженедельный литературно-художественный и научно-популярный журнал для массового читателя, издавался с 18 (30) декабря 1869 г. по сентябрь 1918 г. в Санкт-Петербурге.

² Русская литература конца XIX – начала XX вв. Интернет-ресурсы.

³ Уткин А.И. Первая мировая война. Интернет-ресурсы.

⁴ Иванов А. И. Первая мировая война и русская литература 1914 – 1918 гг.: этические и эстетические аспекты, автореферат докторской диссертации для написания диплома, курсовой работы, тема для доклада и реферата. 2005. Интернет-ресурсы.

⁵ «Нива», № 27, 1915. С. 523.

⁶ Дубенко Д.Н. Военная энциклопедия. Интернет-ресурсы.

⁷ Материалы Балтийского архива. Брешко-Брешковский Николай. Интернет-ресурсы.

⁸ Зарин А.Е.: биографическая справка. Lib.ru / Классика. Интернет-ресурсы.

⁹ Муйжель, Виктор Васильевич. Википедия. Интернет-ресурсы.

¹⁰ Чуковский, Корней Иванович. Википедия. Интернет-ресурсы.

¹¹ Коринфский, Аполлон Аполлонович. Академик. Большая биографическая энциклопедия. Интернет-ресурсы.

¹² Имаженизм – группировка литераторов 20-х годов, на первое место выдвигала самоцельный образ и формотворчество над смыслом идеей, выражала богемные настроения, имела издательство «Имаженисты», ее представители А.В. Мариенгоф, В.Г. Шершеневич, А.Б. Кусиков, Р. Ивнев, отчасти С.А. Есенин.

Кокшаров А. Д. (г. Оренбург)

ДВА ПРИМЕРА ОТНОШЕНИЯ К ПРАВОСЛАВИЮ В РУССКОЙ АРМИИ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В последние годы можно наблюдать в средствах массовой информации различные дискуссии о поиске национальной идеи России, о путях укрепления нравственности, борьбы с коррупцией (продажностью) и пр. Обсуждают упомянутые вопросы нередко люди многознающие и действительно желающие блага Отечеству. Совершенно правильно называют пороки и обрисовывают их пагубность и для каждой личности, и для общества в целом. Однако как только участники обсуждения доходят до путей воплощения полезных изменений, за-

метна поразительная методологическая беспомощность. Имеет место констатация того, что хорошо быть богатым и здоровым, плохо быть бедным и больным. «Надо, чтобы все общество поняло (уяснило, осознало), что...» — это прекрасно, но каким образом подтолкнуть нас (общество) к желанию совершать нравственные поступки. Еще некоторое количество высказываний, не отвечающих на главный вопрос: каким образом улучшить нравственный климат в обществе. В завершении ведущий мероприятия («модератор»?) примиряюще объявляет: «Очень хорошо, что ученое (творческое, образованное, неравнодушное) сообщество поднимает наболевшие вопросы — сам по себе факт такого совещания просто прекрасен (позитивен, перспективен). Надеюсь, что еще не раз мы вернемся к очень полезному обсуждению самых важных для страны и формирующегося у нас гражданского общества вопросов на этой площадке (зале, студии и т.д.)». Возникает вопрос: для чего мы хотим снова собраться «на этой дискуссионной площадке» — чтобы перечислить язвы общества и констатировать, что без язв жить лучше?

Материалистический подход за всю историю давал рецепты улучшений лишь утопически. Утопии бывали бессильно-мечтательными или энергично-кровавыми, но кончались тупиком.

Затруднение в поиске путей выхода из бедствий и кризисов (война, голод, эпидемии и пр.) существуют лишь для людей материалистической традиции. О том, к чему должны подвигать всенародные беды, сказал святой праведный Иоанн Кронштадский, чудотворец (1829—1908). «Война злополучная, говорил он, попущена на нас как наказание праведное от Бога праведного. Что нам нужно при этом хаосе? Прежде всего нужно строгое действие всех властей, — или — прежде всего нужно общее покаяние всех классов населения России, — нужен общий пост, общественная, горячая молитва Богу об обращении заблудших, об исправлении нравов, потребен страх Божий, страх суда праведного, грозного наказания Божия» [1; с. 729].

Такое восприятие бед и бедствий позволяло нашим славным предкам выходить самим и, разумеется, выводить Родину из трагических обстоятельств. Безусловную истинность православного взгляда на земную жизнь и сопровождающие ее испытания подтверждает предсказание, сделанное св. праведным Иоанном Кронштадским еще в 1905 г. (в период первой русской революции). Известный и почитаемый во всем мире чудотворец сказал, что если не будет покаяния у русского народа, конец мира близок. Бог отнимет у него благочестивого царя и пошлет

бич в лице нечестивых, жестоких, самозванных правителей, которые зальют всю землю кровью и слезами. Последнюю часть о жестоких и самозванных правителях, как факте истории России, не смогут оспорить даже самые убежденные атеисты. После свержения императора Николая II путем заговора и переворота события в России развивались именно так, как было сказано более чем за 10 лет до катастрофы (и был заранее указан путь, как грядущих ужасов избежать, — покаяние).

Таким образом способ избежать бедствий один — соблюдение духовных законов. Игнорирование названных законов столь же губительно, как и игнорирование закона всемирного тяготения: если, зная не желая о физическом законе, вышагнем с 9 этажа — результат понятен. Расплата за нежелание знать духовные законы не столь быстра, но столь же неотвратима. Православные люди (даже неграмотные) знали, что несоблюдение заповедей приводит к грехам. За грехи Господь наказывает, за покаяние и молитву милует. Выполнить заповеди без Божьей помощи человек не может. Для получения этой помощи необходимы покаяние и молитва. Если сократить промежуточные рассуждения, то проблемы морально-нравственного характера, а вслед за ними естественно, экономические, политические, военные и пр., над которыми бьются «лучшие умы» гражданского общества, решались в России из века в век успешно, если значительное число людей каялось в грехах (в своих собственных, личных) и с Божьей помощью старалось жить по заповедям. В случае отхода от молитвы и покаяния многих происходят бедствия большого масштаба. Что поделаешь — сказанное выше, мягко говоря, неоригинально, но подтверждается всей историей России. Если же понимать под историей России тщательно препарированную поколениями историков-атеистов внешнюю оболочку исторического процесса, лишённую настоящих причинно-следственных связей, внутренней логики, в конце концов, то жизненная важность Православия для славных предков остается необъяснимой. В таком случае это лишь список дат, цифр, реформ (обязательно неудачных) под припев: «У нас в России всегда так» (т. е. плохо). Чему может научить такая история? Бежать из этой страны надо быстрее туда, где всегда было, есть и будет хорошо, к светлому образцу, до которого Россия не дотягивала, не дотягивает и дотягивать не будет. При таком подходе даже слабоумный сделает вывод — такую Родину не надо ни улучшать (это всегда было бесполезно), ни защищать. Родина годится лишь для того, чтобы ее распродать и бежать в «цивилизованные страны».

Разумеется, столь пессимистическая и бесплодная история России никому не нужна. Точнее, политая грязью история России необходима партнерам по переговорному процессу — для них наша Родина это территория и ресурсы (добыча). Какой-то период нас могли утешать ожидания благ от углубления и расширения демократии. События зимы-весны 2014 года красноречивы: самая демократичная страна 23 года тратила большие деньги на развитие демократии на Украине и воспитание приверженцев демократических ценностей. Результаты опыта в масштабах целого народа впечатляют любого.

Имеет смысл обратиться не к идеальной (существующей лишь в идеях) демократии, а к реальному опыту жизни России. В Оренбургских епархиальных ведомостях от 15-30 июля 1916 г. (№ 29-30) помещена статья священника В. Демидова «Сила молитвы (Из писем с боевого фронта)». В ней говорится о том, что в опасностях войны, «описать ужас которых нет слов на человеческом языке» [2] многие из офицеров и солдат начинают молиться Богу горячо и настойчиво. Автор говорит об офицерах, не исповедовавшихся и не молившихся по десять лет. Перед лицом смерти они почувствовали близость Бога, и потерявшие было веру, стали горячо молиться, как некогда в детстве молились» [3]. Священник пишет о роте поручика Парнасова (127-го Путивльского полка). Задача — выбить немцев из окопов. Убийственный огонь противника сразил нескольких храбрецов моментально. Командование по телефону торопит. «Выскочив из окопа, поручик могучим баритоном запел молитву: «Спаси, Господи, люди твоя»... Рота подхватила молитву и с пением бросилась на немецкие окопы. Это было незабываемо-трогательное зрелище; люди забыли про опасность и видимо повергли в недоумение немцев. Преодолев несколько рядов толстой (в палец) проволоки, наши храбрецы выбили немцев и захватили их окопы. И чудно! Пробежав под убийственным огнем сотни шагов, рота потеряла до смешного ничтожное количество людей: трех тяжело раненых и до двух десятков с легкими поражениями. Убитых не было вовсе. А у нас находятся люди, которые кричат: «Зачем молитва, к чему храмы?» [4]

Священник В. Демидов описал боевой эпизод, окончившийся удивительным, чудесным образом: атака пехоты укреплений противника под интенсивным огнем закончилась успешно и без убитых! Это при том, что и в I, и во II мировые войны пехотинец переживал в среднем 1-3 атаки (далее ранение или гибель). Чем эта атака отличалась от других — только молитвой. Атеисты попытаются объяснить (напри-

мер — «самогипноз»). Однако пули из немецких винтовок системы Маузера образца 1898 г. и пулеметов гипнозу и самогипнозу не подвержены. Ладно, оставим для коллег-атеистов лазейку: «Так совпало». Если не закрывать глаза позитивистскими шорами, то приведенный пример подтверждает древнюю истину — за молитву Господь милует. Огонь интенсивен, самые храбрые убиты, а присяга требует выполнить приказ. Поручик и его солдаты перед лицом неминуемой гибели. Православные знают, что Бог всемогущ и может даже изменить физические законы (тогда происходит чудо Божие); с детства знают, что умереть с молитвой на устах — это благо для бессмертной души человека. Поручик Парнасов поднимается с молитвой, и рота, идущая на смерть, единогласно подхватывает с детства знакомые слова. Идут в атаку и молятся все. Происходит невероятное — все молящиеся помилованы Господом, всем сохранена жизнь — как велика сила совместной молитвы! Вспоминается поговорка: «Пока гром не грянет — мужик не перекрестится». Гремит «гром» войны, и люди усердно обращаются к Богу — и получают чудесную помощь. Вспомним распространенные в народе слова: смелого пуля боится, смелого штык не берет. Воины, пожелавшие выполнить присягу, принесенную перед крестом и Евангелием, не жалеющие себя ради защиты Родины, отдающие жизнь ради спасения товарищей, идущие в бой с молитвой, поступают угодным Богу образом. За правильный выбор они немедленно вознаграждены — боевая задача выполнена, и все живы.

Приведенное выше успешное наступление пехотной роты осуществлено людьми православными, часть из которых, вероятно, никогда от веры и молитв не отходила, а часть вновь искренне обратилась к Богу в минуту смертельной опасности. Однако в 1917 г. и позднее Россия подверглась ужасным испытаниям. Св. праведный Иоанн Кронштадский предупреждал: «...если русский народ не покается...». Можно сделать вывод — значит, многие пренебрегли покаянием до революции, и для спасения (хотя бы бедами!) их бессмертных душ бедствия обрушились. Хотелось бы обойтись без ужасов гражданской войны и прочих бед. Для этого надо понять, каковы ошибки людей в начале XX в., и не повторить их. Имеются определенные трудности для живущих во второй половине XX — начале XXI века. Нам порой нелегко понять (а еще более — попытаться почувствовать), что в действительности значит «верующий человек» и «неверующий». Принципиальная разница этих двух состояний души порой ускользает, и мы свое непонимание маскируем суждениями: «Просто надо быть порядоч-

ным человеком...» (см. выше). Яркий эпизод из епархиальных ведомостей обрисовывает нам порыв людей к Богу и силу молитвы многих в экстремальной ситуации. Полезен был бы пример взглядов и суждений людей неверующих — сравнить их мысли и мироощущение со своим и скорректировать, если надо, себя нынешнего во избежание трагических последствий (духовных и физических).

Если полагать неверующих в Бога в дореволюционной России лишь полуграмотными нигилистами, декадентствующими художниками и литераторами, ударившимися в разгул купцами (хотя таких было достаточно) — картина будет неполна (упомянутых наберется относительно немного). Судя по ужасающе суровому лекарству от неверия, постигшему Отечество, отошедших от веры в действительности было достаточно много, и неверие их весьма прочно. Впечатляющий пример образованного, одаренного аналитическими способностями, любящего (по-своему) Родину человека мы находим в воспоминаниях генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина «Россия в Первой мировой войне», вышедших в издательстве «Вече» в 2014 году.

Н.Н. Головин (1875—1944) учился в Пажеском корпусе, в Николаевской академии Генерального штаба, служил на командных и штабных должностях; занимался научной работой (исследовал моральные и духовные качества военнослужащих); год стажировался во Французской Военной академии. Во время войны (с 1914 г.) он отлично командовал лейб-гвардии Гродненским гусарским полком, произведен в генерал-майоры, ранен, контужен, награжден георгиевским оружием — для первоначальной характеристики личности достаточно. В данном случае особенно интересен автор воспоминаний как специалист по военной психологии — то есть ясно осознающий важность восприятия человеком окружающей действительности и влияния психических процессов и состояний на решающие обстоятельства жизни общества. Работу Головина можно полагать фундаментальной. В ней рассмотрена материально-техническая сторона деятельности тыла и боевых действий на фронте, особенности комплектования войск, влияние возраста, национальности, рода занятий, места жительства людей на боевые и деловые качества. Автор не только собирает цифры, но и анализирует данные из различных источников информации, и суждения его тщательно аргументированы. Одним словом, перед читателем весьма информативное и подчиненное внутренней логике научное исследование.

В разделе «Характеристика русского патриотизма» автор с похвалой высказывается о выработанном веками в русском народе рыцарском чувстве защитника обиженных славянских народов. Мы не можем не разделить восхищение Головина патриотизмом 260 000 русских, пытавшихся бежать из германского плена. Однако далее, когда генерал-лейтенант ведет речь о вере, проявляется внешнее, поверхностное понимание, точнее сказать — непонимание действительной роли Православия: «Формула «за Веру, Царя и Отечество» была для русских народных масс 1914 г. своего рода политическим обрядом. А для того, чтобы понять, какую громадную роль в психологии этих масс мог играть обряд, нужно только вспомнить первенствующее значение, которое занимает обряд в области религиозных чувств тех же масс» [5]. Далее следуют рассуждения о громадном значении религиозного обряда для русских народных масс. Взгляд однобокий, хотя, к сожалению, отчасти не лишенный основания. Вероятно, столь большое число крещеных отошло от веры в начале XX века и после революции и в силу недостаточной просвещенности в основах православия, ненаучности молитве. У людей, не вполне осознавших сущность православия, обряды действительно занимали, да и сейчас занимают самое главное место — это беда конкретного человека и Родины в целом. Н.Н. Головин ограничивается данной констатацией и намеком не говорит о действительно решающей роли веры и молитвы в истории России с древнейших времен. Для автора не существовало чудес Божьих, а ведь они реальность для православных. Верующими были практически все великие люди, так или иначе прославившие Отечество — для них молитва, покаяние, помощь Божия всегда были и остаются реальностью. Верующими были безвестные труженики, создавшие города и распахавшие поля, благоустроившие Отечество, а при необходимости успешно оборонявшие его. Образованный офицер Генерального штаба об этом не знает (а если знает, то полагает маловажным). Причина, видимо, в семье, не сумевшей заложить основу православного понимания жизни. Способствовала выработке ущербного мировоззрения и система образования, бывшая, судя по результату, позитивистской, то есть познание действительности сводилось лишь к сумме сведений, полученных с помощью отдельных специальных наук. Науками Николай Николаевич овладел вполне, усвоив себе при этом совершенно западоцентричный взгляд на жизнь, означающий, что Запад является для всего мира образцом во всех отношениях.

Далее у генерала дается оценка русскому патриотизму в сравнении

с зарубежным. «Мы настаиваем на том, что внутреннее строение, т. е. строение психологическое, русского патриотизма было другое, нежели внутреннее строение любого из западноевропейских народов. Русский патриотизм был значительно более примитивен, он был — если можно так выразиться — лишь сырой материал, из которого в условиях культурной жизни и вырастают те более сложные виды «патриотизмов», которые можно было наблюдать во Франции в Великобритании и в Америке» [6]. В оценке достижений стран Запада есть нечто созвучное самооправданию людей, переходивших на сторону Гитлера во II мировой войне и говоривших при этом, что германцы это такая культурная нация... и поэтому можно и должно служить немцам.

После гражданской войны, живя в эмиграции, генерал являлся официальным представителем Гуверовского института войны, революции и мира в Европе, читал лекции по военной истории в Военной академии в Вашингтоне, в Высшей военной школе и Институте славянских исследований в Париже. Все эти учреждения трудно заподозрить в пророссийской направленности. Это не плохо и не хорошо — мы ведь не осуждаем волка за то, что он мясо любит, просто принимаем меры, чтобы он нашу скотину не резал. То же и здесь — люди, основавшие указанные учреждения, смотрели на Россию как на добычу, и весьма ко двору им пришелся генерал-ученый, смотрящий на жизнь не с православной точки зрения, а с позитивистской. В самом деле, ну зачем Гуверовскому институту человек, действительно осознающий духовные законы, лежащие в основе исторических процессов. Позитивист, могущий увидеть и описать только поверхностный слой причинно-следственных связей, пригодился. Его труды переведены на 8 языков. В них масса полезных сведений, но нет главного, что могло бы помочь спастись России тогдашней и нынешней. Более того, православный историк оказался бы опасен для устроителей Гуверовского института. Недаром после распада СССР З. Бжезинский сказал, что главным врагом США является православие. Этим наш партнер прямо подтвердил мощь веры православной.

В период оккупации Франции немцами Головин занимался отправкой добровольцев на работу в Германию и пополнением армии генерала Власова подготовленными офицерами. Умер от разрыва сердца, получив письмо от бойцов Сопrotивления с угрозой расправы [7].

Перед нами два участника I мировой войны — генерал Головин и поручик Парнасов. Поручик и солдаты его роты, выполняя приказ, по совместной молитве немедленно получают помощь Божию в виде

СЕКЦИЯ 5.

СЛАВЯНЕ В ИСТОРИИ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

успешного выполнения боевой задачи и сохранения жизни всем атаковавшим. Генерал не видит в православии ничего кроме обряда отсталых от Запада людей. Перед нами две России. Способные вернуться к вере в Бога люди с одной стороны, и закоренелые позитивисты с другой. Родина была «больна» генералами головиными.

Позитивистский взгляд на историю и на жизнь отдельного человека свойственен многим нашим современникам. В этом разгадка нынешних нестроений. Даже те из нас, кто полагает себя православным, неосознанно пользуются историческими схемами, созданными позитивистами. Особенно трудно осознать духовный смысл тех или иных исторических событий, когда историк-позитивист, исследовавший и изложивший события, талантлив, умен и многознающ (как, например, генерал Н.Н. Головин). Приведенные примеры требуют неторопливого осмысления именно в совокупности.

Примечания:

1. Источник живой воды. Жизнеописание святого праведного отца Иоанна Кронштадского. Сост. Н.И. Большаков. – Спб.: Царское дело, 1999. – 855 с.
2. Оренбургские епархиальные ведомости. – 1916. – 15-30 июля. – № 23-30.
3. Там же. С. 299.
4. Там же. С. 300.
5. Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. – М.: Вече. 2014. – С. 388.
6. Там же. С. 389.
7. Там же. С. 9.

Лутцев М. В. (г. Оренбург)

РУССКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ И РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

История России и СССР, где в общественно-политической и духовной жизни одним из значительных «действующих лиц» была и продолжает оставаться Русская православная церковь, позволяет проследить противоречивые процессы, имевшие место во взаимоотношениях между государством и церковью, переосмыслить многие устоявшиеся взгляды на место и роль религиозного комплекса в жизни общества.

Со времен утверждения христианства на Руси православная церковь стала важным и неотъемлемым элементом государственности и

всей политической системы российского общества. Далеко не всегда государственная политика, проводимая представителями церкви, однозначно вписывалась в политику государства, а отношения церковной иерархии и властителей России далеко не всегда были безоблачными. Однако российское государство и православная церковь были так тесно переплетены, что невозможно изложить историю одного, не излагая историю второй.

Крещение Руси князем Владимиром в 988 году явилось крупнейшим событием, как по своим результатам, так и по последствиям, ближайшим и отдаленным. Особенностью крещения Руси было то обстоятельство, что оно проводилось не апостольским путем, не проповедником по принципу «Покайтесь, и да крестится каждый из вас», а было введено «сверху», великим князем Киевским по формуле «Кто не войдет за мною в Днепр, будет врагом мне». Нередко введение христианства проводилось насильственными методами, как это произошло, например, в Новгороде княжескими посланниками Добрыней и Путятой.

Прежняя русская вера – язычество (правильнее все-таки назвать ее ведической религией) уже не удовлетворяло правящую элиту молодого сильного государства, претендовавшего на одну из ведущих ролей в тогдашнем мире. Язычество не делило людей на господ и подданных, не учило их подчиняться власти из-за страха кары сверху, не выделяло человека из природы, он был нерасторжим с миром ее вечного круговращения. Это смогла сделать только монотеистическая религия классового общества, каковой и стало для Руси христианство в его восточном, византийском варианте.

Следует отметить, что полной победы над язычеством христианство на Руси так и не одержало. Язычество продолжало жить в народных низах, оказывая сопротивление новой религии в виде формально христианских, но на деле языческих обрядов, обычаев, понятий и привычек, народном творчестве, основанном на языческой экзальтации духа и почвы. В летописях описываются «бесовские» языческие игрища, вспыхивали народные восстания под водительством волхвов. Да и русская знать, несмотря на ее внешнее благочестие и набожность, относилась к язычеству более чем терпимо. Весьма примечательно высказывание специалиста по культурному наследию Древней Руси М.В. Поповича о том, что «на востоке Славии язычество оказывается более устойчивым, приспособливается к христианству, прячется за его культом, в пережиточной форме фрагменты его доживают, до нашего вре-

мени. Восстановить что-то архаичное, используя польский или чешский фольклор, гораздо труднее, чем сербский или болгарский, но и последние в гораздо менее явной и чистой форме сохраняют пережитки архаичном» языческого мировоззрения, чем народная память русских, украинцев и белорусов» (1).

Впрочем, нужно отдать должное русскому православию, что в отличие от католицизма, оно не стало бороться с пережитками языческой старины, учреждая некий карательный орган, типа западноевропейской инквизиции. Она просто стала использовать старые праздники и обряды, наполняя им новым содержанием. И в этом церковь добилась больших успехов, сумев овладеть умами масс, особенно в социально – нравственном плане. Постепенно сложилось компромиссное равновесие языческих и христианских элементов - так называемое «двоеверие».

В институциональном плане для древнерусского христианства характерна тесная связь с верховной политической властью и ее административным аппаратом. В формальном плане преобладало безусловное соблюдение ритуально-обрядового, текстологического, иконографического канона. Господствующей методологической установкой было формальное соответствие построений теории и идеологии духу и букве нормативных установлений, изложенных в канонической православной христианской литературе. С религией было связано неразрывным образом функционирование всех видов искусств. По всей стране строились церкви. Сначала в качестве архитекторов выступали приезжие из Константинополя, затем этому искусству научились местные мастера. Покрывая стены церкви многочисленными изображениями эпизодов из священной истории, живописцы обязаны были следовать жестким правилам, которые обуславливали расположение сюжетов.

За короткое время после принятия христианства культура Древней Руси достигла своего расцвета, особенно при Ярославе Мудром. Киев, Новгород, позднее Владимир стали одними из крупнейших городов Европы. Возникло множество культурных центров, развивались ремесла, иконопись, деревянное и каменное зодчество.

Одним из тяжелейших испытаний в отечественной истории стало иго Золотой Орды. Монгольское нашествие и подчинение русских княжеств Золотой Орде на время отодвинуло православие в тень и оттеснило его от влияния на идеологию государства. Тем не менее, для церкви, по прежнему игравшей ведущую роль в обществе, это был,

по мнению Н.А.Бердяева, один из лучших периодов. Монголы, вплоть до принятия ислама при хане Узбеке были веротерпимыми, почитали всяких богов, в том числе и чужих и не вмешивались в дела русского православия. Более того, церковь была даже освобождена от уплаты дани. Церковь, призывая православных к смирению перед Ордой, одновременно духовно крепила народное единство, готовила Русь к большой битве с Ордой за независимость

Русский народ сумел осознать свои силы и подняться на борьбу за независимость. Во многом этот подъем связан с деятельностью не только московских князей: Ивана Калиты, Симеона Гордого, Дмитрия Донского, но и духовных пастырей Руси - митрополита Алексия и особенно Сергия Радонежского, самого почитаемого русского святого. За отказ присоединиться к Москве, преп. Сергий отлучал от церкви целые княжества. Именно он вдохновил на Куликовскую битву московского князя Дмитрия.

Этим подвиги св. Сергия не ограничивались. Построив почти в одиночку первую церковь и кельи на горе Маковце, что послужило основанием будущей Троице - Сергиевой Лавры он стал одновременно основателем многих других монастырей и храмов. Всего Сергий и его ученики в течении нескольких десятилетий на рубеже XIV -XV вв. более 150 монастырей. Все эти деяния выходят за пределы собственно церковной жизни, поскольку именно монастырская колонизация русского Севера, фактически дала этим глухим лесным пространствам культурное развитие.

Россия сбросила золотоордынское иго, но дорогой ценой в том числе и ценой духовных потерь. Из ига Россия вышла с одной стороны духовно окрепшей, но с другой – значительно более авторитарной, нежели в домонгольский период. Находящееся постоянно под «сверхвысоким давлением извне», Российское государство, чтобы отбиться от многочисленных внешних врагов вынуждено было добиться максимальной концентрации в своих руках всей полноты власти, в том числе и над церковью, для чего оно пошло на ликвидацию прежние вольностей, хотя и существовавшие ранее эти вольности были невелики.

В 1448 году Русская церковь становится автокефальной, то есть полностью независимой, самоуправляемой, имеющей благодать во всей полноте. В 1453 году, турки завоевывают Константинополь – «второй Рим паде». Весь остальной православный мир - южнославянские земли, Украина, Белоруссия, Грузия, Армения и др. оказываются под

пятой иноземных и иноверных поработителей в лице католического польско – литовского государства или мусульманской Османской империи. Не успев достаточно укрепиться, Московское царство, оказалось единственным в мире православным государством. Москва стала Третьим Римом, хотя соответствующая теория псковского старца Филофея, кажется, более известна сейчас, а не тогда.

В конце XV – начале XVI вв. впервые возникает вопрос о взаимоотношениях между православной церковью и Русским государством, выразившаяся в спорах «нестяжателей» (Нила Сорского и его последователей, «заволжских старцев») и «иосифлян» (Иосифа Волоцкого и его сторонников). Первые отстаивали позицию разграничения сфер деятельности государства и церкви как разнопорядковых, несопоставимых явлений общественной жизни, вторые выступали за союз церкви и государства. Победа иосифлян в споре с нестяжателями укрепила этот союз, но на несколько столетий, пресекла линию на духовное совершенствование. За внешним великолепием начался период долгого заката церкви как авторитетного общественного и культурного института.

Серьезным испытанием для русского православия стало правление Ивана Грозного. В этот период впервые была предпринята попытка подчинения православной церкви крепнущему государству. Во всей остроте стал вопрос о полномочиях главы православного государства, который должен был не только править, но делать это от имени Бога, властвовать и защищать народ и его религию от посягательств извне, более того, распространяя эту религию вовне. Для великого князя церковь ввела новое таинство – помазание на царство.

Однако после преобразования должности великого князя в царя, «помазанника божия», остро стал вопрос о соотношении полномочий царя и первосвященника церкви. Иван Грозный разрешил этот вопрос радикально: учредил опричнину, и с помощью опричников подвергнул репрессиям несогласных, в том числе и священников. Вершиной этих репрессий стало убийство митрополита Филиппа. В ситуации: кто должен быть первым в государстве и осуществлять посредничество между ним и Богом: либо царь, «помазанник божий», а первосвященник будет наместником в религиозных делах (византийско - православная модель - цезарепапизм), либо первым будет первосвященник, а царь будет его наместником в «мирских» делах» (римско - католическая - папоцезаризм) русское общество сделало нелегкий выбор в пользу первой модели.

Дальнейшее укрепление власти государства над церковью произошло в годы правления Бориса Годунова. Он предложил приехавшему в Москву Вселенскому Константинопольскому патриарху Иеремии II согласиться на введение на Руси патриаршества. Действовал Годунов и силой (почти год продержал патриарха под арестом) и хитростью (предложил ему самому стать патриархом и Константинополя (II Рима), и Москвы). Иными словами, всемирного духовный престол православия переносился из Константинополя в Москву, действительно становящуюся III Римом.

Однако, Иеремия, уже давший согласие на учреждение патриаршества, не был допущен к занятию церковного престола, и первым патриархом российским стал ставленник Годунова - русский митрополит Иов. При этом церковный собор, принимая в Москве особое уложение о патриаршестве, определил, что кандидатура патриарха подлежала утверждению царем! А это значит, что введение патриаршества только сузило конфессиональную свободу Церкви но уже канонически по аналогии с Ветхим Заветом поставило царя выше первосвященника, сделало его Владыкой и в церковных вопросах, дало право «вязать и решать» от имени Всевышнего во всех сферах жизни народа, хотя в узкоконфессиональной сфере Помазанник Божий непосредственное попечение вручал первому из епископов — патриарху. Одновременно введение патриаршества устанавливало прямую аналогию с Восточно-Римской империей, место которой заступала Москва. Московский Цезарь Август стал Владыкой и в мирских, и в религиозных делах.

И именно Годунов возвел понятие «Третьего Рима» в ранг официальной государственной идеологии. С его санкции была издана Псалтирь с надписью, что издана «в богохранимом и преименитом и царствующем граде Москве — в третьем Риме, благочестием цветущем при державе... Богом венчанного благоверного и христолюбивого великого монарха».

Происшедшее в конце XVI столетия говорит лишь об одном: нравственный идеал народа искал и находил свое самовыражение в поствизантийских идеологических и государственных формах даже тогда, когда ни о каком распространении своего благочестивого владычества вовне не могло идти и речи. Мессианская, вселенская идея новозаветного богоизбранного народа искала своего воплощения. Годунову это не удалось, но его последователи – Алексей Михайлович, Петр Алексеевич, Екатерина Вторая сумели возродить этот идеал в своих ре-

формах. И возвышение России до ранга империи основывалось не только на ее внешних достижениях, но и на единстве религии и идеологии.

Всего через десяток лет политическое положение России в Европе, стало поистине бедственным: смута, куча претендующих на русский престол самозванцев, разгул анархии и семибоярской «демократии» и, в конечном счете - иноземная оккупация страны иноверцами – католиками – поляками и протестантами - шведами, довели Россию до грани катастрофы. Расколосось все русское общество, не избежала его и церковь. Но патриотические круги церкви вновь были вместе со своим народом, борясь с врагом не только крестом и молитвой, но в случае необходимости и мечом. Патриотические письма Авраамия Палицына, упорство патриарха Гермогена в отстаивании интересов Православия сделали многое: подняли народ на борьбу. Народ, руководимый полководческим талантом Дмитрия Пожарского и организаторскими способностями Козьмы Минина, а в большей степени своим патриотизмом, сумел отстоять свою страну. Россия преодолела смуту и хотя и вышла из нее сильно ослабленной, тем не менее, независимой и православной.

Серьезным потрясением и для церкви и для государства Российского стал церковный раскол XVII в. ставший первым предзнаменованием будущих бурь. Патриарх Никон, энергичный и харизматический церковный лидер, в условиях роста религиозного вольномыслия и падения авторитета духовенства решил упорядочить обрядовую практику русской церкви, пересмотреть церковные обряды и привести их в соответствие с греческим богослужебным порядком. Сближение с греческой церковью должно было поднять престиж Российского государства на православном Востоке, а разночтения в русских и греческих церковных книгах приводили порой к настоящим скандалам.

За явлением церковного раскола скрывается глубокий историко-культурный смысл. Реформы Никона не были понятны ни элите, ни народу.

Раскол был большой трагедией народа. В ожидании прихода «антихриста», люди бежали в леса, горы и пустыни, в лесах образовывались раскольничьи скиты. В то же время трагедия повлекла за собой необычайный подъем, твердость, жертвенность, готовность претерпеть все за веру и убеждение.

Оценка раскольников однозначно как фанатиков-консерваторов, вряд ли верна. Например, по некоторым аспектам протопоп Аввакум

оказался большим новатором, чем его противники. Со временем «старовер» выделился в особый тип русского человека, с куль том труда, который иногда сравнивают с протестантской трудовой этикой на Западе. Среди русских промышленников капиталистической эпохи доля староверов оказалась весьма высокой. В своей общественной жизни раскольники взяли за основу институт земства с его практикой советов, сходов, выборного самоуправления сохранив, таким образом, демократические традиции народа.

Однако и триумфом Никона раскол не стал. Попытки чрезмерно энергичного и честолюбивого патриарха самому стать «Великим государем», то есть поставить под свой контроль не только церковную иерархию, но и государственную власть, создав таким образом, «православный Ватикан». Сработала инерция мышления: не много ли позволяет себе праву крестьянский сын, с одной стороны, произвольно меняющий вековые традиции, а с другой - препятствующий русской элите приобщаться к западной культуре и стандартам жизни? По какому праву он это делает? Против себя Никон настроил всех, как консерваторов, так и западников. Бояре умело раздувают властные амбиции Алексея Михайловича и настраивают его против Никона: он еретик, безбожник, иконоборец, посягает на власть Помазанника Божия. Все это завершается отставкой Никона и окончательным подчинением церкви государственной власти.

Новый этап в жизни Православной церкви в России и ее взаимоотношений с государством начался в начале XVIII в., ознаменованном реформами Петра I, коснувшимися и церкви. Сторонники петровских преобразований (Феофан Прокопович и другие) высказывали идеи подчинения церкви государству и превращение ее в особое государственное учреждение. В результате этих реформ Церковь была превращена в составную часть государственного аппарата, в институт оправдания его внутренней и внешней политики. Она вынуждена была выполнять ряд несвойственных ей функций: регистрацию брака и смерти, ведение метрических книг, организацию народного образования и т. д. Было ликвидировано патриаршество, его заменило новое высшее церковное учреждение - Синод. Содержание служителей культа господствующей православной церкви, строительство, ремонт и содержание церковных и монастырских строений, оплата миссионеров производились за счет средства государства. Оно также оказывало церкви и юридическую поддержку. Всякое выступление против господствующей православной церкви расценивалось как преступле-

ние государственное и наказывалось самым жестоким образом вплоть до ссылки на вечное поселение и каторжные работы. За свое духовное господство в обществе православная церковь платила юридическим подчинением государству, которое боялось самостоятельной церкви не меньше, чем проявлений разного рода инакомыслия, подрывавшего основы самодержавия. В конечном счете, подчинение церкви государству привело к тому, что выигрывало не только государство, но и сама церковь, которая получала колоссальные возможности оказывать свое влияние на значительную часть населения России будучи мощной идеологической силой в обществе.

В качестве официальной идеологии в дореволюционной России широко использовалась доктрина единства «православия, самодержавия, народности», которая была на вооружении российского абсолютизма вплоть до его падения. Сторонники этой доктрины объявили православие и самодержавие «исконно русскими началами», составляющими отличительный характер России. Тем самым обосновывалась исключительность исторического пути развития российского общества. Тезис «народность» являлся скрепляющим звеном всей этой доктрины. Кроме того, он имел собственное значение, подразумевающее преемственность и сохранение сути самодержавия, а вместе с ним и господствующей церкви.

Важной частью идеологической политики царского самодержавия являлась унификация религиозной идеологии, т. е. приведение вероучений различных конфессий к единой системе, которая бы безоговорочно поддерживала абсолютизм. В результате этого повсеместно шло широкое распространение влияния господствующей церкви, осуществлялось приспособление догматов и культов различных религиозных конфессий России к нуждам государственной власти, а конфессии, не признающие государственной власти преследовались и вытеснялись.

В целом же изучение истории государственно-церковных отношений в дореволюционной России убеждает, что православная церковь и ее деятели на протяжении многих веков не стремились отстаивать в политических вопросах какую-либо свою особую линию, отличную от позиции государства, а, как правило, разделяли сторону правящих сил, стоящих в данный момент у власти. Сложилась и длительное время существовала такая ситуация, когда в российском государстве церковь была в зависимости у государства, а граждане были в зависимости у государственной власти.

В конце XIX — начале XX вв. религиозные реформаторы попытались представить православную церковь в России жертвой самодержавия, стремясь при этом доказать, что для возрождения православия необходим его разрыв с реакцией и консерватизмом. Для оправдания так называемых «прегрешений» они всячески стремились использовать концепцию о «достоинстве христианства и недостойности христиан». Значительный вклад в разработку этой концепции внесли Н. Бердяев, В. Эрн, В. Розанов и некоторые другие русские мыслители, которые считали своей главной целью вывод русского православия из кризисного состояния. Однако все попытки религиозного реформирования не удались.

Падение авторитета русской монархии происходило одновременно с падением авторитета православной церкви. Не случайно многие церковные иерархи выступали за реформирование церкви и выход ее из-под контроля государства. 2 марта 1917 года отречение Николая II санкционировали три крупнейших иерарха РПЦ — Тихон (будущий патриарх), Сергей (будущий «сталинский» патриарх) и Антоний (будущий митрополит, глава Русской православной церкви за рубежом). Поместный собор утвердил легитимность временного правительства. У церкви появился реальный шанс стать самостоятельным общественным институтом.

Однако все эти надежды рухнули после победы Октябрьской революции. Когда стали разрушаться старые государственные структуры, в России появилась возможность практического осуществления демократических принципов взаимоотношений пролетарского государства с различными религиозными организациями, прежде всего — с православием, имевшим огромное влияние на умонастроения масс. Возможности для этого были, тем более, что можно было даже не слишком поступаться принципами марксизма. Еще Ф. Энгельс не только подробно выяснил значительное сходство между христианством и социализмом, но и установил между ними духовное родство. «И христианство, и рабочий социализм проповедуют грядущее избавление от рабства и нищеты; христианство ищет избавления этого избавления в посмертной потусторонней жизни на небе, социализм же — в этом мире, в переустройстве общества» (2). Иными словами, при всей атеистичности и антирелигиозности марксизма, его классики в иносказательной форме фактически продублировали христианскую парадигму «нового человека» и «царства справедливости».

Однако этого не произошло. Большевики, придя к власти, сделали акцент не на сходстве, а на различии православия и идеологии своей партии, хорошо показанном немецким философом Г. Рормазером, писавшим: «Фундаментальное отличие социалистической утопии от христианской эсхатологии состоит в том, что последняя исторически, политически осуществляется как настоящее, а не как будущее! Социалистическая утопия реализуется в процессе вызволения человека из настоящего, когда человек теряет свое настоящее. Она рисует будущее как результат отрицания настоящего. Христианская эсхатология не содержит в себе никакого другого смысла, кроме идеи о том, как сделать человека способным к восприятию настоящего. Она выводит человека из овладевшей им безумной веры в будущее, озабоченной тем, что человек всегда только должен или хочет жить, но никогда не живет. Эта эсхатология ориентирует его на настоящее» (3). Характер взаимоотношений пролетарского государства и церкви уже в первые послереволюционные годы определялся непримиримо атеистическим характером большевистской идеологии, ставшей со временем своеобразной социоцентрической религией.

Государственное православие, в течение многих веков бывшее не только религией большинства населения Российской империи, но и идеологической опорой существующего строя, для большевиков стало конкурентом во влиянии на массы, а христианский принцип «не сотвори себе кумира» вступил в неразрешимое противоречие с идеалами большевизма, культом разума, науки, вере во всеислие человека, и особенно с культом личности пролетарского вождя, «великого учителя», «гениального вождя всех времен и народов» и т.д., в общем, идеального верховного правителя, обладающего абсолютной властью, носящей сакральный характер. С точки зрения государственно-партийного руководства, Русская православная церковь, другие конфессии, действовавшие в стране, объявлялись контрреволюционными организациями, убежищем классовых врагов трудящихся, а религиозные организации и все верующие расценивались как враги советской власти, с которыми предписывалось всем органам бороться до победного конца.

В качестве лозунга этой борьбы большевики использовали тезис Ленина «кто не с нами, тот против нас», высказанный им в 1905 г. в его статье «Партийная организация и партийная литература». Борьба с инакомыслием проводилась на широком фронте идеологического противостояния, но главными направлениями этой борьбы всегда оста-

валась религия и философия, о чем в свое время писал Н. А. Бердяев: «Есть область, в которой коммунизм неизменен, беспощаден, фанатичен и ни на какие уступки не пойдет, — это область «мировоззрения», философии, а следовательно, и религии» (4).

В годы перестройки было впервые опубликовано секретное письмо В. И. Ленина, которое проливает свет на жестокость властей по отношению к священнослужителям. В нем вождь пролетариата писал: «Один умный писатель по государственным вопросам справедливо сказал, что если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то их надо осуществлять самым энергичным образом и в самый короткий срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут. Это соображение в особенности еще подкрепляется тем, что по международному положению России для нас, по всей вероятности, после Генуи окажется или может оказаться, что жестокие меры против реакционного духовенства будут политически нерациональны, может быть, даже чересчур опасны. Сейчас победа над реакционным духовенством обеспечена полностью...

Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий...

Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше» (5).

Аналогично рассуждали и другие представители большевиков. Заместитель наркома просвещения историк М. Н. Покровский призывал: «Нежничать с таким зверьем, как религия, не следует... На ее место должна стать «религия свободного человека, освобожденного трудящегося человека» «Нужно на место старого религиозного мирозерцания, основанного на страхе и принуждении, ввести мирозерцание воинствующего коммунизма и марксизма (6).

Религия и церковь объявлялась врагом номер один. Советское государство не только полностью лишило ее возможности какого-либо участия в государственной политике, но и подвергло ее массовым репрессиям, обрушилась на нее всю карательную мощь социалистического государства. Уже в первых законодательных актах советской власти обнаружился крен в сторону подавления прав и свобод не только духовенства, но и рядовых верующих, а также ограничения

деятельности религиозных организаций, которым было предписано заниматься исключительно удовлетворением религиозных потребностей верующих. Правовая незащищенность религиозных организаций развязала руки всякого рода «воинствующим безбожникам», грабителям и просто провокаторам. Беззакония, расправы были свойственны также и многим представителям новой власти. В 1919 г. была закрыта Московская духовная академия, в 1920 — Киевская и Казанская. В центральной и местной печати в 20-е годы публиковались списки репрессированных священников. К примеру, 28 марта 1922 г. «Правда» опубликовала список «врагов народа», в котором числился патриарх Тихон «со всем церковным собором» и десятки священников. В июне этого же года было расстреляно 5 из 11 обвиняемых по делу «о сокрытии церковных ценностей», а в августе ВЦИК утвердил еще 4 смертных приговора церковнослужителей, среди которых был Петроградский митрополит Вениамин (7). Всего в годы революционной смуты в СССР были убиты примерно четыре тысячи православных священников и двадцать восемь епископов (8).

В конце 20-х годов руководством страны во главе со Сталиным была выдвинута идея о возможности построения социализма в отдельно взятой стране ускоренными темпами. При этом считалось, что СССР должен быть превращен в единый «военный лагерь», в котором не допускалось и намек на существование инакомыслия. И вновь церковь была представлена в качестве «оплота контрреволюции». Поднялась очередная волна «атеистического наступления». В стране была развернута массовая антирелигиозная работа, административно-силовыми методами ликвидировались религиозные общества, закрывались, а затем и уничтожались многие культовые памятники. Несостоятельность идеи скорого достижения «безрелигиозного общества» послужила оправданием новой волны жестоких репрессий и физического уничтожения большинства священников и почти всего епископата Русской православной церкви. К началу 40-х годов российское православие оказалось фактически разграбленным и разгромленным. По данным же профессора И. А. Курганова, жертвами «красного террора» стало более 40 тысяч священнослужителей (9). Большевицкий атеизм победил.

И все-таки церковь выстояла. И не только выстояла, но и смогла заявить о себе как о влиятельной силе и опоре власти. Это произошло в такой критический для руководства и народа СССР период, каким стала Великая Отечественная война.

Трудно переоценить значение, которое имел для сплочения народа, укрепления его веры в конечную победу над агрессором и полное освобождение Родины такой принципиальный поворот в идеологической эволюции руководства страны, как его сближение с Русской Православной церковью, органично связанной с национальной историей. Тяжелое военное лихолетье, утраты и лишения оживили религиозные настроения в народе. Русская Православная Церковь, на время отодвинув на задний план свои прежние обиды на власть, с первых дней войны заняла патриотическую позицию, встав на сторону воюющего народа и всеми способами пыталась облегчить участь советских воинов, добиться победы над врагом. Патриарший Местоблюститель митрополит Сергей уже 22 июня 1941 г. обратился к верующим с посланием, в котором призывал их помнить «не о личных опасностях, а о священном долге перед Родиной и верой» (10).

Церковь активно включилась в борьбу с гитлеровскими захватчиками. Ее представители не на словах, а на деле показали, что они полностью разделяют судьбу своего народа. Например, сотрудничество армии и церкви и период битвы за Москву выразалось в сборе денег на нужды армии, воюющего народа, в благословении советских воинов на выполнение своего священного долга. В рядах Красной Армии и партизанских отрядах сражались многие представители духовенства: ставший настоятелем храма и г. Балашове сразу же после войны А. Шумов, клирик Троицкого собора в Саратове Н. Архангельский, иподиакон М. Порхунов и многие другие, впоследствии награжденные правительственными орденами и медалями. Архиепископ Лука (В. Войно-Ясенецкий) стал одним из лучших представителей военно-полевой хирургии, спас жизнь многим раненым.

Стремясь сплотить общество в интересах усиления борьбы с врагом, высшая государственная власть внесла серьезные коррективы в свою политику в области религии. С начала войны прекратились аресты священнослужителей и антирелигиозная пропаганда. 4 сентября 1943 г. митрополит Сергей был принят Сталиным в Кремле. Было принято решение о восстановлении патриархии. Разрешалось открывать приходы, духовные учебные заведения, начать издание церковных книг, выбрать патриарха. Из тюрем вскоре освободили многих священнослужителей, в том числе 11 архиереев. 8 сентября на Архиерейском соборе Патриархом Московским и всея Руси был избран Сергей (Извеков).

Новоизбранный Патриарх обратился к христианам те мира с призывом объединиться для окончательной победы над фашизмом. Это было началом активной международной деятельности Московской патриархии, на что и рассчитывал Сталин, стремившийся использовать внешние связи церкви в целях благоприятного для СССР послевоенного устройства мира. Разумеется, сближение государства и церкви происходило под жестким контролем со стороны последнего, осуществляемого государственным органом – Советом по делам РПЦ при Совнаркоме СССР (создан в 1944 г.).

Митрополит Иоанн (Снычев) писал: «Ни одна из догм коммунистического мировоззрения не была отвергнута, ни даже слегка пересмотрена. Но реальное содержание идеологической работы в массах» изменилось резко и принципиально, обретя, несомненно, национально-патриотические черты. При этом – надо отдать Сталину должное – пересмотр осуществлялся решительно и целенаправленно во всех областях: от культурно-исторической до религиозной» (11).

В течение периода советской истории с середины 40-х до начала 60-х годов происходил процесс нормализации в прошлом полностью испорченных отношений между государственной властью и различными религиозными конфессиями. Однако с начала 60-х годов вновь начались запретительные меры по отношению к верующим, шумные атеистические компании. Процесс административно-запретительных мер по отношению к религии и церкви продолжался вплоть до середины 80-х годов.

Качественно новое развитие взаимоотношения государства и церкви получают в настоящее время. Это прежде всего связано с одной стороны с попытками становления правового государства, демократизации общества, реализации прав человека, которые служат мощным стимулом повышения социальной активности и самостоятельности масс в условиях критического переосмысления опыта прошлых лет, освобождения от многих негативных стереотипов и явных просчетов, утверждения взаимопонимания и сотрудничества между людьми вне зависимости от их отношения к религии и церкви, с другой – с воссозданием в России традиционного авторитарного государства с опорой на традиционные ценности, в том числе ценности религии, среди которых православие играет доминирующую роль.

Хочется надеяться, что позитивные сдвиги, наметившиеся в наше сложное время в государственно-церковных отношениях, представляют собой не временное, конъюнктурное явление. Вне всяких со-

мнений последовательная демократизация общества органично связана с разработкой такого социально-политического механизма, который позволит создать надежные гарантии против возможных проявлениях культа личности, субъективизма, волюнтаризма, против ущемления интересов всех групп населения, каждой личности.

Современное состояние государственно-церковных отношений характеризуется, прежде всего поиском соприкосновения между представителями различных мировоззренческих ориентации. В значительной степени это связано с тем, что человечество сегодня находится на грани возможной катастрофы гибели цивилизации с непредсказуемыми последствиями. На авансцену истории выдвигаются ценности, в сохранении которых кровно заинтересованы все люди безотносительно их политической, социальной, духовной и нравственной нации. Для того чтобы сберечь современную цивилизацию в многообразии ее культуры, политических традиций, следует двигаться в направлении создания новой глобальной системе социальных и нравственных отношений, исключающих насилие, жестокость, чье-либо превосходство и исключительность.

Примечания:

1. Попович М. В. Мировоззрение древних славян. – Киев, 1985. – С. 34.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.22. – С. 467. 3.
3. Рормазер Р. К вопросу о будущем России // Россия и Германия: опыт философского диалога. – М. 1993. – С. 22 – 23.
4. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма // Юность. – 1989. – № 11. – С. 91.
5. Регельсон Л. Трагедия русской церкви. 1917- 1945. Париж, 1977. С. 282-283. Цит. по: Емельянов Б.В., Любутин К.Н., Русаков В.М., Саранчин Ю.К. История русской философии. – Екатеринбург: Деловая книга, 2005. – С. 369.
6. Покровский М. Н. Марксизм в программах трудовой школы I и II ступени. – М., 1924. – С. 6.
7. Геллер М. С. «Первое предостережение» – удар хлыстом (К истории выслаемых из Советского Союза деятелей культуры в 1922 г.) // Вопросы философии. – 1990. – № 9. – С. 56.
8. Пивоваров Д.В. Религиозное самоопределение человека в контексте культуры. // Философия самоопределения. – Оренбург, 1996. – С. 66.
9. Дикий А. Русско-еврейский диалог. – Нью-Йорк, 1971. – С. 131. Цит. по: Емельянов Б.В., Любутин К.Н., Русаков В.М., Саранчин Ю.К. Указ соч.
10. Вестник Военного и морского духовенства. – 2004. – № 1. – С. 8.
11. Митрополит Иоанн (Снычев). Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. – СПб., 1995. – С. 318.

Ляшенко И. Э., Желтова В. И. (г. Оренбург)

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В ЯЗЫЧЕСКИХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ТРАДИЦИЯХ

Гносеологические аспекты народной медицины восточных славян восходят к языческим традициям первобытнообщинной эры, а после крещения Руси и к ее взаимодействию с религиозными представлениями православных христиан.

Отдельные факты, явления или ритуалы языческого врачевания реконструируются на основе археологических находок, предметов бытового обихода, погребений, произведений изобразительного искусства, устного народного творчества (мифы, предания, пословицы, поговорки и т.д.). Наконец, непосредственные атрибуты народной медицины воссоздаются путем анализа заговоров, заклинаний, магических обрядов, ритуалов, изучения инструментов медицинского назначения, палеонтологических находок.

Медицина первобытного человека, языческая медицина в период становления первобытнообщинного строя была народной в буквальном смысле этого слова, поскольку носила коллективный характер, коллективный опыт, которым владели и который могли применять все члены данного сообщества.

Народная медицина славян не была однородной на протяжении длительного периода. Процесс развития условий жизнеобеспечения от простого собирания плодов и трав, охоты до земледелия и скотоводства способствовал появлению новых орудий труда и предметов врачевательства. Постепенное овладение силами природы привело к усовершенствованию медицинских приемов и навыков.

Опыт лечебного использования растительных средств обогатился за счет включения новых лекарственных растений (главным образом обезболивающих, рвотных, послабляющих) и переосмысления показаний к применению каждого из них.

В лечебный арсенал с развитием охоты и скотоводства стали входить также средства животного и минерального происхождения (жиры, молоко, печень, яхоний, хризолит и др.). В манипуляциях лечебного характера широко использовались воздействие бани, припарки, массаж, натирания жиром, кровопускания и другие способы рационального врачевания.

Следует подчеркнуть, что народное целительство, как акт помощи сородичу возникло не сразу. Прошли тысячелетия, пока перво-

бытный человек не отделил помощь при болезнях и травмах от собственной жизнедеятельности, пока побудительным моментом его действий были лишь собственные ощущения и переживания господствовал инстинкт самосохранения, унаследованный генетически или подсмотренный у животных.

Лишь с того времени, когда объектом медицинской помощи становится другой человек, когда помощь при болезнях и травмах превращается в средство сохранения жизни, здоровья и трудоспособности других членов сообщества, зарождается народная врачебельская деятельность, как форма общественной практики.

Одновременно начинается процесс концентрации целительных знаний и действий в руках отдельных членов коллектива, формируется определенный круг лиц со все более суживающимися функциями, в которые входило и врачевание. У древних славян это волхвы, знахари, чудесницы, чаровницы – прообразы и апологеты научной медицины и одновременно носители знаний народного врачевания, сохранившегося до настоящего времени. Народные целители использовали разные приемы как рационального, так и иррационального воздействия на человека [1. с.139-143].

Абстрактное мышление, появившееся в период расцвета первобытнообщинного строя, лежало в основе развития мифологического сознания, формирования религиозно-символических представлений о добре и зле, о мире и силах, которые им управляют. У славян это были многочисленные божества: Бог Род, Бог Сварог, Бог Перун, лада-Матушка, Бог Велес, Богородица Макошь и многие другие, которые покровительствовали человеку, защищая его от злых сил и болезней [2.]. Идея злых сил: духов, бесов, лежала в языческой медицине в основе представлений о причинах болезней и ориентировала в то же время на осуществление конкретных действий и приемов их изгнания [3. с.11-14]. При этом в мифах, слухах, сказаниях подчеркивалось, что Бог не может окончательно уничтожить Сатану, как олицетворение злых сил, человек должен сам праведностью своей жизни и магическими действиями отгонять бесов, сохранять и поддерживать здоровье: установка, являющаяся универсальной не только для народной, но и научной медицины.

Большую роль в миропонимании славян играли домашние божества – домовые, жившие либо в подпечье, либо в лапте, повешенном для него на печь. Именно домовые вели «воспитательную» работу в доме, помогая тем, кто трудится и наказывая ленивых. Домо-

СЕКЦИЯ 5.

СЛАВЯНЕ В ИСТОРИИ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

вой защищал от болезней, способствовал появлению в доме новорожденных. Духи управляли всеми предметами и явлениями природы, в т. ч. человеком. Развитие идеи о возможности отдельного существования души (духа) и предметного образа привело к представлению о бессмертии души и формированию веры в загробную жизнь.

Культ «домашних» божеств, несмотря на весьма неоднозначные и далеко не радужные отношения с православной христианской религией, не исчез, с принятием христианства. Несмотря на церковные запреты, славяне почитали добрых и злых духов, тем самым стремясь обеспечить себе здоровье, благополучие и безопасность.

Принятие христианства в качестве государственной религии не означало полной и быстрой перемены образа мышления и образа жизни восточных славян. Были учреждены епархии, построены церкви, общественные богослужения в языческих святилищах сменились богослужениями в христианских храмах, но полного отказа от верований прадедов и бытовых суеверий в народе не было.

Усложнились сюжеты мифов и церемония ритуалов как воплощение фундаментальных черт мышления, социального поведения, художественного творчества и в том числе в сфере сохранения здоровья и помощи больным и раненым, постепенно видоизменялись обрядовые действия, связанные с развитием и внедрением в общественное сознание славян таинств христианского православного вероисповедания. Религиозно-магические действия и речевые формулировки становились идеологической основой врачевания.

Субъективность оценки явлений, которые не могли быть прямолинейно истолкованы, привносила в культовые ритуалы изменения. В частности погребальный обряд прошел ряд этапов – от захоронения в позе эмбриона, как символ повторного рождения на земле – до образа кремации – полного сожжения трупов, до традиционных захоронений. От идеи повторного рождения, до вознесения души умершего к душам предков, которые должны помогать оставшимся на земле, принося дождь, снег, туман, солнце – блага, обеспечивающие успешное земледелие, скотоводство, мироощущения, достаточный уровень жизнеобеспечения и как следствие – здоровье.

В позднейшей истории ритуал захоронения умершего трансформировался. При этом обрядовые действия сочетались с православными христианскими традициями, в частности молитвенными чтениями над усопшим.

Народная медицина до настоящего времени использует иррациональные ритуалы с молитвенными обращениями к единому Богу, предвнесенному в миропонимание восточных славян с принятием христианства.

Экстрасенсорные формы воздействия на больного и господствующее мышление, сочетание практических приемов народной медицины с мифологическими ритуалами, стереотипами действий и христианскими мотивами имеет определенное психотерапевтическое воздействие и возникающее в связи с этим облегчение состояния больного.

Таким образом, народная медицина восточных славян с приемами рационального и иррационального воздействия на здорового и больного человека сохранилась до настоящего времени как неопценная сокровищница сведений о многотысячелетнем пути познания мира в области сохранения и борьбы за здоровье человека.

Примечание:

1. Ляшенко И.Э., Желтова В.И. Народная медицина как фактор толерантности в многонациональном регионе // И.Э. Ляшенко, В.И. Желтова Этнокультурный и межконфессиональный диалог в Урало-Поволжском полиэтническом пространстве: исторический отчет и современность. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. - Оренбург, 2013. - с. 139-143.
2. Фаминицын А.С. Божества древних славян. – СПб., 1995; Заблудовский П.Е. Возникновение медицины в человеческом обществе. – М., 1955. – С. 11-14.

Потапова А. Н. (г. Оренбург)

ИЗ ИСТОРИИ ВОЗВЕДЕНИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ В ОРЕНБУРГЕ

Активное освоение Оренбургского края в XVIII веке осуществлялось в рамках закрепления традиционной православной культуры. В ходе обустройства Оренбургской пограничной линии, строительства крепостей и редутов значительное внимание уделялось возведению церквей. Оренбург, строительство которого осуществлялось по «регулярному» плану, не стал исключением. Все работы координировала контора строений, отводившая места под будущие застройки. Строительство первых церквей в Оренбурге стало структурной составляющей градостроительства.

В соответствии с утвержденным проектом крепости первоначально предусматривалось возведение трёх церквей. Первой стала, построенная за пять месяцев из брёвен, доставленных из Бузулукского бора, и освящённая в сентябре 1743 г., церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы. Располагалась она на высоком месте, между современными Дмитриевским и Южным переулками. «Её ширина, согласно цифрам, приведенным в экспликации плана Оренбурга 1751 г., была 4 сажени, длина 10 сажений, что в метрической системе 8,52 м и 21,8 м соответственно»¹. На колокольне церкви установили дубовые столбы, на которых закрепили большой колокол весом в 25 пудов 35 фунтов, который по решению Духовного управления перевезли из разобранного ветхого здания храма в «отставном» Орске. Церковь стала соборной, так как в первые два года других церквей не было. На её содержание с 1744 г. выделялась сумма из казны в размере 50 руб. Успенская церковь прекратила свое существование в 1758 г. с устройством «взамен её Введенского каменного собора»².

Между современными улицами Пушкинской и Ленинской возвели вторую церковь, которую освятили во имя Троицы. Длина Троицкой церкви без апсиды составляла 17,8 м, ширина – 7,8 м. О времени ее появления в исторической литературе существует две точки зрения. Исследователь Н.М. Чернавский отмечал: «Троицкая церковь, находящаяся с основания г. Оренбурга (в 1743 г.) в самом центре его, принадлежит к древним, лучшим и наиболее богатым церквам города Оренбурга. Первоначальное устройство её и именно в прежнем деревянном виде относится к 1743 – 1744 годам. Застроена была Троицкая церковь для Пензенского полка и была первоначально чисто военной церковью»³. Протоиерей И.А. Рассыпнинский, служивший в этой церкви, происхождение ее относил только к 1774 г. и приписывал благочестивому желанию горожан воздвигнуть этот храм в память избавления города Оренбурга от известного бунтовщика и крамольника Пугачева. Известный исследователь истории края Р.Г. Игнатьев свидетельствовал: «Церковь Святой Троицы построена по обету оренбуржцев в память своего избавления в 1774 году сначала деревянной...»⁴. Первоначально Троицкая церковь была однопрестольной, без колокольни, которую соорудили только в начале XIX века. Следует отметить, что в 1770-е годы вместо деревянной Троицкой, пришедшей в ветхость, соорудили за счет казны новую каменную, освятили ее 24 августа 1784 года.

Воскресенскую церковь, занимавшую квартал по северной стороне по ул. Брыкина, перенесли в 1745 г. из Самары, где до 1743 г. находился центр управления Оренбургским краем. Церковь разместили в одной из госпитальных палат. Церковь во имя святителя Николая возвели в казачьей слободе в 1746 г., близ одноименного бастиона (в проекте не предусматривалась, располагалась на месте современного католического храма по ул. 8-е Марта). Никольскую устроили для переведенных в Оренбург уфимских и самарских казаков. Характерной особенностью являлся тот факт, что в эту церковь назначались церковнослужители из числа служащих в нерегулярном войске. Так, в донесении атаману В.И. Могутову от 4 мая 1749 г. сообщалось о назначении на должность священника – дворянина дворянской роты М. Диаконова, дьячка – казака М. Кожевникова⁵.

Н.М. Чернавский описал Воскресенскую и Никольскую церкви как «каменно-деревянные». В то же время, историк отметил, что в донесении И.И. Неплюева в Правительствующий Сенат от 4 марта 1746 г. обе церкви названы каменными⁶. В этой связи, следует отметить, что Воскресенская и Никольская церкви, как и предшествующие, имели *фахверковую* конструкцию. Специфика строительства заключалась в том, что основа состояла из столбов, переключин и раскосов, а пространство заполнялось природным камнем или другим материалом. Особенности обеих построек, по мнению известного краеведа В.В. Дорофеева, в том, что церкви возвели из дикого камня, который добывали рядом: красный песчаник на склоне над поймой, известковый камень на Маячной горе. В постройках такого типа использовалось дерево, которое не было «выдержанным», в узлах оно рассохлось за 12 – 13 лет. Земля насыпалась среди камней для выравнивания плоскости стен, которые обмазывались слоем глины, слой который оказался не очень прочным. Эти молитвенные здания не были рассчитаны на длительный срок функционирования. Священник Воскресенской церкви спустя 12 лет жаловался: «Земля сыплется, и от ветру церковь трясется, из четырех колоколов два расшиблены»⁷. В 1770 г. Воскресенская церковь прекратила свое существование за крайней ветхостью, и вместо нее обустроили Кресто-Воздвиженскую церковь, которую перенесли в Оренбург из упраздненной Воздвиженской крепости⁸.

Устроитель Оренбургского края, И.И. Неплюев, человек глубоко верующий, проявлял большую заботу о строительстве церквей, которые закладывал не только в городе, но и в обустраиваемых кре-

постях «большею частью за казенный счет». Каждый день Иван Иванович начинал с молитвы в домово́й церкви во имя Иоанна Предтечи, а во время поездок брал с собой походную полотняную церковь⁹. По его инициативе и при активном участии в городе стали возводить каменные церкви. Автором проекта Преображенского собора, заложенного весной 1746 г. рядом с Успенской церковью (ныне на этом месте трансформаторная подстанция рядом с музеем г. Оренбурга), стал Иоганн Вернер Мюллер. В 1750 г. храм достроили и освятили 12 ноября во имя Преображения Господня. «Спасо-Преображенский храм... был первым из храмов, построенных за казенный счет в прочном виде из камня и кирпича и именно в качестве главного соборного храма города Оренбурга»¹⁰. Возвели его на правом возвышенном берегу Урала, вблизи крепостного вала. О крепости здания свидетельствует толщина наружных стен, составлявшая более метра (около 1,5 аршин) и почти два метра в опорных участках. В архитектуре здания впервые появилось барокко¹¹.

Первую капитальную церковь в Оренбурге И.И. Неплюев назвал «Преображенской». В исторической литературе название связывают с деятельностью предшественника – И.К. Кириллова, который прибыв в 1735 г. на место закладки г. Оренбурга (ныне г. Орск), первым делом заложил дом Божий в честь и славу Преображения Господня. На наш взгляд, определенное влияние на этот выбор оказала и личная трагедия Неплюева. В ограде Преображенской церкви г. Орск была похоронена вторая жена И.И. Неплюева (венчание с ней состоялось 7 октября 1741 г.), 23-летняя фрейлина А.И. Панина, сопровождавшая в 1743 г. мужа в поездке по краю¹². Своим устройством Спасо-Преображенский храм во многом обязан первому оренбургскому губернатору, который немало лично жертвовал на собор. На содержание причта и сторожей отпускалось из казны 665 руб. 30 коп., на разные потребности собора сумма в 50 руб.¹³.

О признании заслуг И.И. Неплюева в устройении храма свидетельствовала надпись на стене, на лево от входа, гласившая: «совершился же и освятися по благословению преосвященного Луки, епископа казанского и свияжского, тщанием высокопревосходительного господина действительного тайного советника и кавалера Ивана Ивановича Неплюева 1750 г. Ноембрия во 12 день на память, иже святых отца нашего Иоанна Милостивого». В «Топографии Оренбургской губернии» П.И. Рычков оставил такое описание этого храма: «Наипаче же первая, яко главная, украшена преизрядным иконостасом и богатой

же церковной утварью, покрыта она вся белым листовым железом, и купола, как на церкви, так и на колокольне, вызолочены»¹⁴. Именовалась церковь «летним» и, по народному названию, «золотым» собором (от позолоченных куполов и креста).

Шестой в порядке сооружения стала, построенная за казенный счет для купечества, Благовещенская церковь, возведенная над воротами Гостиного двора на Николаевской улице (ныне на месте церкви стоит памятник-бюст И. Неплюеву). Духовное правление 12 июня 1750 г. получило от губернской канцелярии сообщение: «20 числа февраля сего 1750 года велено по представлению оной вместо имеющегося ныне при Оренбурге преждеделанного плетнем из хворосту и обмазанного глиной Гостиного двора построить вновь каменный Гостиный двор, который да за помощью Божьей сего лета строением начался и производится, а понеже по учинённому плану назначено быть при том Гостином дворе за умалением тамо приходских церквей и по многолюдству русских купцов на вратах того Гостиного двора церкви Божией во имя Благовещения Пресвятыя Богоматере»¹⁵. Весь комплекс Гостиного двора строился по проекту И.В. Мюллера

Освятили церковь 5 мая 1755 г., она была холодная, и, по словам священника Ивана Осипова, в зимнее время «приходилось греть руки и воздуха с покровами под горном»¹⁶. В 1770 г. прихожане обратились с просьбой к губернатору походатайствовать перед Духовной консисторией о расширении церкви, так как само помещение и особенно алтарь были весьма тесны. Получив разрешение от Казанской консистории, в 1775 г. священник И. Осипов затеял капитальную перестройку Благовещенской церкви. Она оставалась надвратной, пристроили две наружные каменные лестницы, которые вели на площадку «гульбище», откуда был вход в здание. В 1784 г. в Благовещенской церкви работы закончились, и протопоп получил от консистории указ освятить её, но не в то же именование, как предполагалось, а в честь Вознесения Господня, и с 1784 г. в документах Духовного правления церковь именовалась Вознесенской. К приходу Вознесенской церкви относился штат оренбургской пограничной таможни, оренбургское купечество и мещанство.

Построенных храмов, по мнению И.И. Неплюева, было недостаточно. В докладе епископу Казанскому и Свияжскому Луке он отмечал необходимость постройки нового Введенского собора: «...И в таком случае губернской канцелярией по сношению с духовным правлением рассуждено и назначено в городе построить ещё вновь две ка-

менные церкви Божии, а именно: первую вместо соборной старой деревянной, которая уже в ветхость приходит, во имя Входа во храм Пресвятой Богородицы, в другом удобном месте, а как построится, то в оную из старой готовый иконостас, кой ещё ничем невредим, перенести и освятить. Вторую же, для тамошнего гарнизона...»¹⁷.

С архипастырского разрешения в 1755 г. в Оренбурге заложили седьмую, Введенскую церковь, и к 1756 г. постройку завершили за казенный счет, 12 июня 1758 г. освятили. Её западный фасад украшали большие барочные волюты, расположенные по бокам первого яруса колокольни. Алтарь и основной объем храма покрывались вальмовой крышей. Пропорции основного помещения Введенской церкви были шире и ниже, чем у Преображенской. Новый собор стал трёхпрестольным, отапливаемым, что позволяло совершать богослужения в нём круглый год. В связи с этим, Введенский собор часто называли «Зимним», а в народе именовали «зеленым» собором (по цвету куполов). Неплюев церковь назвал «Введенскою» в честь праздника и в память дня прибытия первого переселенческого эшелона, 21 ноября. Престол и иконостас, часть икон и церковной утвари перенесли из оренбургского Успенского собора, пришедшего в ветхое состояние. Впоследствии, с 1859 по 1895 гг. Введенский собор являлся кафедральным собором Оренбургской епархии (одновременно со Спасо-Преображенским, к которому был приписан).

Петро-Павловскую церковь, ставшую восьмой, возвели в 1757 – 1760-х годах «тщением штабс- и обер-офицеров бывших двух полков, Пензенского и Нижегородского». Она стала самой высокой церковью Оренбурга, въезжающим в главные Сакмарские ворота сразу бросалась в глаза. Высота до купола – 18,4 м., до креста – 30,6 м.¹⁸.

Небольшую, однопрестольную, с каменными сводами и колокольней, церковь в загородной казачьей слободе, названную Георгиевской или «Егорьевской» построили «тщением приходских казаков и по вычету из жалования по приказу Неплюева» и освятили 25 июня 1756 г. В слободе селились в основном крещеные калмыки, записанные в казаки. «В связи с этим по справке войскового атамана Могутова в сентябре 1756 г. для новой церкви «требуется» от Духовного правления «ко определению для находящихся и пребывающих здесь на службу крещеных калмык и прочих поселяющихся здесь особою слободою казаков... избран был человек искусной и в калмыцком разговоре знающий»¹⁹.

Церковь «во имя Захария и Елизаветы» возвели в 1757 г. на Меновом дворе за счет казны. Церковь расположили над воротами, которые вели в сторону таможи, поэтому ее лучше было видно приезжающим из степи, а не из Оренбурга. В XIX в. Захарие-Елизаветинская церковь была приписана к Вознесенской церкви.

К 1760 г. в Оренбурге располагались 9 храмов и 2 собора - Преображенский и Введенский (исключая Успенскую как упраздненную и Иоанно-Предтеченскую как домовую). Но последующие исторические события внесли свои коррективы. В 1773 г., в ходе Пугачевского выступления, оказались полностью разрушены Захарие-Елизаветинская и Иоанно-Предтеченская церкви, разорена и поругана казачья Георгиевская церковь: «святые иконы были ободраны, на престольное одеяние разорвано в лоскутья, бумаги и указы церковные сожжены, храм превращён в стойло для лошадей, а с церковной паперти и колокольни стреляли из пушек». Е.И. Пугачёв подступил к Оренбургу 5 октября 1773 г., а ещё раньше ввиду появления передовых его партий военный губернатор И.А. Рейнсдорп приказал выжечь весь Форштадт, а казаков переселить в город. Тогда же перенесли иконостас Георгиевской церкви в одну из городских церквей. Только в 1791 г. по благословению архиепископа Казанского и Свияжского Амвросия Георгиевскую церковь восстановили и освятили 18 июля 1791 г., перенеся в нее прежний иконостас.

Страшным испытанием для горожан стал пожар, случившийся в ночь на 29 мая 1786 г., истребивший почти весь город. Сгорели Петро-Павловская, Никольская, Кресто-Воздвиженская церкви²⁰. Троицкая церковь стала жертвою пламени, ее восстановление, произведенное в основном на казенные средства, предпринято в 1794 г. и окончательно завершено в 1799 г., а в 1800 г. состоялось освящение перестроенной церкви. Церковные принадлежности и ризницу Николаевской церкви передали в Георгиевскую церковь. Приход и причт Николаевской церкви официально существовали до 1793 г., когда были упразднены, а все казаки, как проживающие в самом городе, так и в Форштадте, приписаны к приходу Георгиевской церкви. Этот приход этот стал самым значительным в Оренбурге и насчитывал в 1798 г. 437 дворов, или 1748 душ мужского пола²¹. Таким образом, в конце XVIII века в городе осталось только 5 церквей.

Подводя итоги, отметим, что «рождение» в XVIII веке города Оренбурга неразрывно переплетается с историей храмового строительства. В истории оренбургских церквей прослеживается и история края.

Последовательное формирование сословной структуры в городе, отразилось в стремлении к «обособленности» в религиозной жизни: церковь была у губернатора, казаки стремились иметь свои храмы, купечество проводило моления в своих Божьих домах, имелись церкви у двух военных полков, Пензенского и Нижегородского. Первые церкви появились во многом благодаря стараниям И.И. Неплюева и строились за казенный счет. В XIX веке храмовое строительство стало осуществляться при активной поддержке купечества и прихожан. Появлялись новые храмы, перестраивались и капитально ремонтировались имевшиеся. К рубежному в истории 1917 г. в Оренбурге действовали 24 (вместе с бердской) соборные и приходские церкви и 19 домовых, одна из которых располагалась в главном корпусе духовной семинарии.

Церкви, построенные в XVIII в., представлявшие культурную и историческую ценность, не устояли в 30-е годы XX века. Георгиевский собор был разрушен, Троицкую церковь, которую в 1932 г. разобрали до уровня крыши, впоследствии стали использовать под авиамастерские. В 1931 г. разобрали Спасо-Преображенский и Введенский соборы, Петропавловскую церковь. Одним из последствий такой антирелигиозной политики стало то, что город утратил свой особый архитектурный колорит, а потомки потеряли возможность прикоснуться к родной истории.

Примечания:

¹ Дорوفеев В.В. Архитектура Оренбурга XVIII – XX вв. – Оренбург: Южный Урал, 2007 – С.12.

² Чернавский Н.М. Заслуги Неплюева при устройстве оренбургских храмов // Оренбургская старина: историко-краевед. сб. – 2006. – №5. – С.22 – 23.

³ Чернавский Н.М. Заслуги Неплюева при устройстве оренбургских храмов. – С. 24.

⁴ Судоргина Т.В. Троицкая церковь принадлежит к древним // Вечерний Оренбург. – 2000. – 5 июля.

⁵ Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска: Вып. 3. – Оренбург: Типография Н.Г. Волкова, 1903. – С. 19.

⁶ Чернавский Н.М. К 150-летию Спасо-Преображенского храма // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 9. – Оренбург, 1907. – С.149.

⁷ Дорوفеев В.В. Над Уралом-рекой. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1988 – С.39 – 45.

⁸ Чернавский Н.М. К 150-летию Спасо-Преображенского храма. – С.149.

⁹ Чернавский Н.М. Заслуги Неплюева при устройстве оренбургских храмов. – С.23.

¹⁰ Чернавский Н.М. Заслуги Неплюева при устройстве оренбургских храмов. – С.26.

¹¹Дорофеев В.В. Архитектура Оренбурга XVIII – XX вв. – С.20.

¹²И.И. Неплюев, начальник оренбургской комиссии в 1742 – 1744 годах, Оренбургский губернатор в 1744 – 1758 годах // Губернаторы Оренбургского края /авт. – сост.: В.Г. Семёнов, В.П. Семёнова. – Оренбург: Оренбург. кн. изд-во, 1999. – С.51.

¹³Чернавский Н.М. Значение Спасо-Преображенского храма в Оренбурге // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 9. – Оренбург, 1907. – С.144.

¹⁴Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. 1762 год. Издано на средства Ф.И. Базилевского. – Оренбург; Оренбургский отд. Императорского Русского геогр. об-ва, 1887. – С. 246.

¹⁵Судоргина Т.В. В честь вознесения Господня // Вечерний Оренбург. – 2002. – 27 марта.

¹⁶Чернавский Н.М. Заслуги Неплюева при устройстве оренбургских храмов. – С.24.

¹⁷Чернавский Н.М. Заслуги Неплюева при устройстве оренбургских храмов. – С.25.

¹⁸Дорофеев В.В. Архитектура Оренбурга XVIII – XX вв. – С.20.

¹⁹Дорофеев В.В. Над Уралом-рекой. – С.40.

²⁰Чернавский Н.М. Заслуги Неплюева при устройстве оренбургских храмов. – С.24 – 25.

²¹Судоргина Т.В. По внешнему виду не оставляет желать лучшего// Вечерний Оренбург. – 2009. – 19 марта.

Мишучков А. А., Денисов Д. Н., (г. Оренбург)

СОФИЙСКАЯ ДОМОВАЯ ЦЕРКОВЬ ЖЕНСКОГО ЕПАРХИАЛЬНОГО УЧИЛИЩА Г. ОРЕНБУРГА

В одном из зданий Оренбургского государственного аграрного университета по улице Челюскинцев, 18 до революции 1917 г. располагалось уникальное духовное учебное заведение – Оренбургское епархиальное женское училище. Современные студенты-аграрии учатся там, где раньше постигали азы науки учащиеся: епархиалки – девушки, выходцы из духовного сословия. Обучение в училище продолжалось шесть лет и включало 22 предмета, выпускницы получали звание учительниц с правом работы в начальных школах всех типов. История этого учебного заведения еще ждет своих исследователей. Раскроем только один аспект – историю домового Софийской церкви. Образ святых мучениц – Софии и дочерей Веры, Надежды и Любви – один из самых любимых в чреде русской женской агиографии.

Каменное здание Оренбургского епархиального женского училища было построено по проекту архитектора Ф.Д. Маркелова в 1887–1888 гг. и освящено вместе с домовою церковью святых мучениц Софии и ее дочерей. Оренбургский купец 1-й гильдии Сергей Михайло-

СЕКЦИЯ 5.

СЛАВЯНЕ В ИСТОРИИ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

вич Иванов 3.09.1888 г. пожертвовал на училищную церковь 300 руб., подарил устройство иконостаса, приобрёл все храмовые принадлежности в полном количестве на сумму около 800 руб.¹ Всего он пожертвовал на домовую церковь более 2000 рублей. Особой благодарности заслуживает ученик великого И. К. Айвазовского, фотограф и художник Григорий Николаевич Оже, который за 200 рублей весьма добросовестно исполнил заказ по написанию всех икон училищной церкви².

В строительстве храма принимал участие председатель строительного комитета училища отец Михаил Руднянский с членами комитета – иереями Митрофаном Кремлевым, Иоанном Соломиным, Павлом Львовым, Н.Замятинным, диаконом делопроизводителем Иоанном Покровским. При освящении храма на всенощном бдении «после великого славословия инспектор классов новооткрываемого училища Викентий Андреев произнёс слово, в котором он, сопоставляя открытие женского училища с первобытным состоянием человечества, с нуждой Адама в помощнице ему, доказывал нужду в просвещённых труженицах и сотрудницах духовных пастырей³.

Божественную литургию торжественно совершил 3 сентября Его Преосвященство, Преосвященнейший Макарий, Епископ Оренбургский и Тургайский, в сослужении протоиерея Александра Базанова и иереев М. Руднянского, М. Кремлева и И. Соломина. Во время богослужения пел хор архиерейских певчих. Во время литургии был посвящён в сан священника инспектор классов училища, преподаватель Оренбургской духовной семинарии Викентий Андреев. Преосвященнейший Макарий в проповеди указал, что «образование спасительно для человека и его ближних лишь в том случае, если оно проникнуто духом Православия, если оно сорастворяется истинно христианской жизнедеятельностью, каковые результаты и желательно видеть от воспитанниц учебных заведений в нашем веке, когда так часто образование идёт в разрез с его жизнью и потому приносит не пользу, а вред, как ему самому, так и окружающей его среде»⁴.

В освящении училища принимал участие вице-губернатор А. А. Ломачевский, губернатор Тургайской области Я. Ф. Барабаш, окружной инспектор Чехович, протоиерей М. Любочестнов, оказавший большую услугу в деле создания училища и другие гражданские и военные чиновники. После литургии всему учащемуся и преподавательскому составу лично каждому было преподано Архипастырское благословение Преосвященнейшего Макария на предстоящие труды⁵.

В своей проповеди Преосвященнейший Макарий сказал: «Какою широкою волною разливается знание в нашем богоспасаемом граде! Какое множество здесь учебных заведений! Все сословия имеют их в изобилии. Но при всём множестве у нас разнообразных учебных заведений доселе не было научного приюта для девиц духовного звания, которые, подобно светским сверстницам своим, усердно могли бы стремиться к просвещению. Теперь, благодарение Господу, все устроилось. И так, всем начинающим начальствовать в сем заведении, воспитывать и учить здесь юных детей, предстоит одна общая задача – воспитать и возрастить из этих малых птенцов будущих матерей не только духовной семьи, но и всего нашего православного народа. Достигнуть этого нельзя одними науками: в науках много света, блеска, но жизненной теплоты мало; иногда и совсем не бывает её. Чтобы согреть юные сердца любовью к народу, надобно обратить их к самому духовному Солнцу нашему – ко Господу Богу, научить их искренно молиться, любить пламенно самого Господа Бога и тогда они полюбят верующий в Бога народ и будут истинными матерями его»⁶.

В первом 1888 – 1889 уч. году в первом классе училища учились 28 девушек. К 1892 – 1893 уч. году в училище было уже четыре класса, 130 учениц. В 1895г. – шесть классов, и сделан первый выпуск. В 1901г. училище стало семиклассным, 262 ученицы. При училище открылся приготовительный класс на 30 человек, куда принимались девицы из духовного сословия. От них требовалось знание утренних и вечерних молитв, Символа веры, 10 заповедей, праздничных тропарей, умение читать по церковнославянски. Первой начальницей училища была Ольга Николаевна Бурцева, священником – В. П. Андреев, преподавателями – «господа Троицкий, Зефиров, Беневоленский и Васильев; классными дамами были определены Александровская и Богоявленская». В совете училища находились: председатель – священник Павел Львов, члены: протоиерей Базанов и священник Райский». «С 1891г. добавились фельдшер Мария Виноградова и «рукодельная дама» Мария Воскресенская».⁷ Воспитанницы третьих и четвертых классов (по 10 – 15 человек) каждое воскресенье вечером посещали с воспитательницей чтения в городской Думе, устраиваемые Михаило-Архангельским братством. С февраля 1897г. при училище действовала образцовая женская одноклассная церковно-приходская школа, располагавшаяся в новом здании училища. С 20 марта 1897 г. начальницей училища стала дочь протоиерея Ольга Александровна Левицкая, ранее исполнявшая обязанности учителя русского языка в учи-

лице. За труды по просвещению она была в 1897 г. награждена благословением, в 1902 г. – Библией от Священного Синода, 6 мая 1905 г. – золотой медалью с надписью «За усердие» на Аннинской ленте⁸. Гордостью училища была библиотека. На 1901г. она насчитывала 2358 названий в 7390 томах.

Из отчетов училищного Совета видно, как духовно укреплялось училищное сестричество, установился аскетический духовный распорядок жизни. В училище во все воскресные и праздничные дни совершались богослужения в домовом храме. Все учащиеся училища по распорядку учебного заведения посещали храм. Из учениц был сформирован хор церкви. Ученицы по очереди послушаний читали шестопсалмие, кафизмы, церковные часы, заповеди блаженств. Воспитанницы 2 класса обычно читали вечерню, 3 класса – 1 час, 4 класса – 3 и 6 часы, 5 класса – шестопсалмие, 6 класса – канон и Апостол. Все клиросные послушания заносились в специальную клиросную тетрадь. Ежедневно, в течение всего учебного года, в храме совершались «с должным благоговением» утренние и вечерние молитвы поочередно воспитанницами старших классов при участии начальницы училища, дежурной воспитательницы, инспектора классов. Особо трогательными были песнопения учениц во время Великого поста, радостными и возвышенными пасхальные песнопения. В Рождественский пост и в святую Четыредесятницу воспитанницы говели, исповедовались и приобщались Святых Христовых Таин. Во время Великого поста литургии Преждеосвященных Даров, совершаемых священником и инспектором классов, начинались в 08:15 ч. утра, с 10:00 ч. начинались классные учебные занятия⁹. С 1901 г. часы начинались с 6:00 ч. утра, литургия с 7:00 ч. утра. После богослужения ученицы отдыхали час, а потом приступали в обычным занятиям. По предложению инспектора классов училища на утренних молитвах обязательно пелись тропарь и кондак святым училищного храма (мученицам Софии, Вере, Надежде и Любви), воскресные тропари, 1-я стихира на «Господи возвах» и ирмосы 1-й песни воскресных канонов. После утренней молитвы всегда прочитывалась глава из Святого Евангелия, а в Великий пост – отделы из Книги притчей. Также введена была традиция общего пения некоторых песнопений на всенощном бдении и литургии всеми воспитанницами, для чего оба училищных клироса сходились на середину храма. Две воспитанницы второго класса исполняли при богослужении обязанности свещеносцев и одна воспитанница шестого класса – помощницы церковного старосты.¹⁰ Накануне вос-

кресных и праздничных дней инспектором классов разъяснялись воспитанницам евангельские чтения или особенности богослужений в эти дни; делалось это в училищном зале тотчас после утренней молитвы для воспитанниц всех классов, живущих в общежитии.

«Богослужение воспитанницы посещали неопустительно по примеру и под наблюдением начальницы и воспитательниц. В дни, имеющие особенное значение для частной личной жизни воспитанниц, они также посещали Божий храм для молитвы. Например, в дни именин своих просили инспектора классов служить молебен, в дни поминовения усопших родных – панихиды; эти службы совершались для них в храме или после утренней молитвы и перед уроками, или после обеда. Во время богослужения чтение и пение исполняли воспитанницы старших и младших классов училища. Некоторые песнопения на всеобщем бдении и литургии пелись всеми воспитанницами. Три воспитанницы (приготовительного, 1-го и 2-го классов) исполняли при богослужении обязанности алтарщиц, две воспитанницы 6 класса – церковного старосты, одна воспитанница 6-го класса – уставщицы. Все вообще воспитанницы с похвальным усердием относились к благоустройству училищного храма, что особенно замечалось пред великими праздниками: Св. Пасхи, Рождества Христова, храмового праздника, дня принесения в училищный храм чудотворной Табынской иконы Божией Матери. Христианский долг исповеди и святого причастия исполняли воспитанницы дважды в год обязательно: в начале Рождественского поста, причём причащались в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, и на первой неделе Великого поста; кроме того, почти все – и на Страстной неделе»¹¹. По воскресеньям в пять вечера совершалась в храме торжественная вечерня с акафистом Господним в конце. В связи с чем воспитанниц освобождали от домашних заданий на понедельник.

В течение 1889 – 1890 гг., благодаря стараниям церковного старосты, коллежского регистратора Евгения Мякинкова, училищная церковь постепенно украшалась пожертвованиями от разных лиц: было пожертвовано много икон, которыми украшаются все стены храма, парчи на облачение престола и жертвенника, четыре пары священнослужительских облачений, плащаница, большой деревянный крест с живописным изображением Спасителя, запрестольные иконы в память чудесного спасения Государя Императора, разной церковной утвари – всего на сумму около 2000 руб.¹² Особенно ценное приношение было от купца А. Ф. Самоделкина – храмовая икона (св. Софии и

дочерей её Веры, Надежды и Любви) в киоте стоимостью около 100 руб.¹³ Также жертвовали на храм и другие купцы: «А. Ф. Труев пожертвовал колокол весом в 7 пуд. 5 фунт. (за 146 руб.), купец А. Ф. Клюмп (католик, владелец Оренбургского пивоваренного завода) – второй колокол в 3 пуд. 35 фунт. (за 72 руб.), купец Ф. А. Самоделкин – лампаду в 25 руб., купчиха Семёнова – шёлковый подризник в 25 руб., купец И. Г. Баландин – икону Благовещения в киоте стоимостью 48 руб.»¹⁴

Но особым ценным вкладом в благоукрашение храма стало участие самих воспитанниц училища. После каждого епархиального выпуска ученицы 6 класса украшали престол храма и жертвовали на храм «на поминовение». Так, в 1900 г. выпускницы 6-го класса пожертвовали на молитвенную память о себе 30 рублей. Воспитанницы всех классов собрали по собственному желанию на иконки для царских врат 7 руб. 62 коп., матерью на одеяния к трем аналоям – 29 руб. 93 коп., одеяния сшили сами учащиеся¹⁵. В 1902 г. выпускницы пожертвовали на память о себе в училищную церковь 37 руб. 50 коп. для покупки нового большого потира, в каком ощущалась большая нужда в дни причащения воспитанниц. Ко всем этим пожертвованиям были присоединены училищные средства и за 216 руб. 35 коп. приобретена церковная утварь: потир, дискос, звезда, 2 блюда и ковш.¹⁶ В 1902 г. выпускницы пожертвовали шёлковую голубую пелену на святой престол, расшитую золотом.¹⁷ В 1903 г. выпускницы пожертвовали шёлковые голубые воздухи, расшитые золотом, шёлковую завесу для царских врат и четыре бархатные пелены на аналои¹⁸. В 1905 г. выпускницы пожертвовали «на память о себе красные бархатные воздухи своей работы, расшитые золотом, и шёлковый расшитый золотом покров на св. престол».¹⁹ В 1906 г. выпускницы пожертвовали три шёлковых облачения на аналои, 1 шёлковый шитый серебром покров на аналой и облачение на крест.²⁰ В 1907 г. воспитанницами были устроены великолепные шторы на окна домово́й церкви, начальницей училища пожертвованы шёлковые завесы на царские двери, облачения на храмовую икону, покрывала на аналой и на панихидный столик. Такая же традиция золототканого вышивания учениц старшего класса существовала в течение всего времени существования училища.

В 1894 г. был построен второй 2-этажный корпус Оренбургского епархиального женского училища, значительно расширена училищная церковь за счёт сноса стен смежных комнат²¹. В 1907 г. была завершена постройка 3-го учебного корпуса Оренбургского епархиаль-

ного женского училища с новой домовою церковью. Во дворе училища перестроена деревянная колокольня. 2 сентября 1907 г. епископом совершено торжественное освящение нового училищного храма. Торжество освящения почтили оренбургский губернатор с супругой, бывший попечитель Оренбургского учебного округа И. Я. Ростовцев, начальница Оренбургского женского института имени императора Николая I, начальница Оренбургской женской гимназии, начальствующие духовно-учебных заведений и многие другие²². Средства на строительство храма выделил училищный Совет, 2000 тыс. руб. пожертвовал на иконостас церковный староста И.А. Мокеев, на полное священническое и диаконское белое облачение и 500 руб. – купец О.А. Зарывнов. Во дворе училища находилась деревянная колокольня.²³ На храм жертвовали многие жители г. Оренбурга. «По духовному завещанию оренбургская купеческая вдова Мария Львовна Иванова через душеприказчика кафедрального протоиерея М. Ф. Руднянского оставила 300 руб. с тем, чтобы проценты с этого капитала шли на пользу причта училищной церкви на вечное поминовение её и мужа Сергея Михайловича Иванова.²⁴

15.09.1908г. было утверждено оренбургским губернатором общество вспомоществования учащимся училища, оно же выплачивало стипендию Преосвященнейшего Макария. Членами общества были: Преосвященнейший Феодосий, епископ Оренбургский и Тургайский; Преосвященнейший Иоаким, епископ Нижегородский и Арзамаский; Преосвященнейший Дионисий, епископ Челябинский; его Превосходительство Иван Яковлевич Ростовцев; купец Федор Яковлевич Зарывнов. Так же для поддержания учениц в 1908 г. протоиерей Василий Афанасьевич Юдин передал 4000 рублей на учреждение при училище стипендии его имени²⁵.

В приходе Софийской церкви на 1917 г. насчитывалось трое мужчин, 432 женщины, из них – 417 из духовного звания, 15 – из дворян.²⁶

Раскроем историю священнослужителей храма, многие из них были репрессированы в годы Советской власти и стали священномучениками, а следовательно духовными покровителями учебного заведения.

3 сентября 1889 г. во время литургии в домовою церкви Оренбургского епархиального женского училища был рукоположен в сан священника Викентий Петрович Андреев. Он был сыном священника с. Покровки Оренбургского уезда и губернии. В 1882 г. окончил Уфим-

скую духовную семинарию, в 1886 г. – Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия. 1 июля 1887 г. назначен учителем латинского языка в Оренбургском духовном училище, в сентябре 1889 г. – преподавателем Священного Писания в Оренбургской духовной семинарии. Резолюцией епископа от 30 мая 1889 г. № 2369 утверждён инспектором классов и законоучителем Оренбургского епархиального женского училища. Согласно прошению резолюцией епископа от 24 октября 1890 г. он был освобождён от должности инспектора классов, но оставлен священником училищной церкви и законоучителем. Резолюцией епископа от 10 сентября 1892 г. перемещён на те же должности в Оренбургский учительский институт. 1 июня 1893 г. – назначен законоучителем Оренбургского реального училища и настоятелем её домово́й церкви.

На его место резолюцией епископа от 28 сентября 1892 г. № 5456 был назначен протоиерей Челябинского собора Василий Ильич Альбертов, вступивший в должность 10 ноября. До его прибытия должность священника училищной церкви исполняли по приглашению городские иереи. В. И. Альбертов окончил Уфимскую духовную семинарию, а в 1884 г. – Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия. Уже в декабре 1892 г. он был определён епископом на штатное священническое место в Оренбургский монастырь. Затем был настоятелем домово́й церкви и законоучителем Оренбургского женского института имени императора Николая I. 21 июля 1912 г. переведён на должность законоучителя Поневежского реального училища Ковенской губернии (ныне г. Паневежис, Литва).

Вместо него Совет Оренбургского епархиального женского училища пригласил священника больничной церкви в Оренбурге, студента местной Духовной семинарии Александра Петровича Цветкова, который резолюцией епископа от 29 декабря 1892 г. № 7641 и был утверждён в должностях священника училищной церкви и законоучителя с 1 января 1893 г. В сентябре 1895 г. он скончался.

1 октября 1895 г. надворный советник Александр Иоаннович Архангельский был рукоположен во священника училищной церкви. Он окончил Симбирскую духовную семинарию, а в 1888 г. – Казанскую духовную академию со степенью магистра богословия. В 1889–1914 гг. он возглавлял кафедру Оренбургской духовной семинарии по предметам миссии среди мусульман, в том числе преподавал арабский и татарский языки. Резолюцией епископа от 11 января 1894 г. был утверждён инспектором классов и законоучителем Оренбургского епар-

хияльного женского училища. В апреле 1897 г. по прошению назначен настоятелем Оренбургского Георгиевского войскового собора. В 1912–1914 гг. одновременно был редактором газеты «Оренбургские епархиальные ведомости». В 1914 г. определён ректором Уфимской духовной семинарии. Резолюцией епископа от 12 июня 1897 г. законоучителем и священником училищной церкви на его место был переведён иерей Михаил Полотебнов.

19 октября 1897 г. рукоположен в сан и 27 октября 1897 г. назначен настоятелем училищной церкви и законоучителем Иосиф Павлович Кречетович, а иерей Михаил Полотебнов был переведён для пользы службы на священническое место в Самарский хутор Орского уезда и губернии. И. П. Кречетович родился в 1873 г. в семье псаломщика Гродненской епархии. Окончил Литовскую духовную семинарию (ныне в г. Вильнюс, Литва), а в 1897 г. – Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия. Указом епископа № 101 от 8 августа 1897 г. был назначен инспектором классов Оренбургского епархиального женского училища. В ноябре 1902 г. назначен настоятелем Градо-Уральского Александро-Невского собора. В 1911–1915 гг. был ректором Оренбургской духовной семинарии. Определением Св. Синода от 23–25 февраля 1915 г. № 1478 был переведён на должность ректора Екатеринославской духовной семинарии (ныне в г. Днепропетровск, Украина). Был священником в с. Ромашки ныне Рошдянского района Киевской области Украины. В 1922–1923 гг. уклонился в обновленческий раскол. 20 июня 1923 г. хиротонисан обновленцами во епископа. С 11 января 1924 г. служил обновленческим епископом Изюмским, викарием Харьковской епархии. 16 сентября 1924 г. определён обновленческим архиепископом Полтавским и Прилукским, 2 июня 1926 г. – обновленческим митрополитом Белорусским, 22 марта 1928 г. – обновленческим митрополитом Крымским. В сентябре 1929 г. арестован органами ОГПУ, а в декабре освобождён от должности. Скончался 12 июня 1933 г.

Резолюцией епископа от 15 ноября 1902 г. инспектором классов, законоучителем и священником училищной церкви снова назначен Викентий Петрович Андреев. По прошению уволен от должности резолюцией епископа от 12 марта 1916 г. № 1893.

Указом Св. Синода 30.09. 1915 г. священником был назначен в храм Валентин Сергеевич Перехвальский, 1887 г.р., из духовного звания, инспектор классов и законоучитель Оренбургского Епархиального женского училища. Он закончил Московскую Духовную Академию в

1912 г., кандидат богословия. Епископом Евгением, Приамурским и Благовещенским, был награжден набедренником 20.12.1912 г. Получал за исполнение своей должности 1700 руб. от училища.²⁷

Диаконы при домово́й церкви исполняли должности экономов Оренбургского епархиального женского училища.

Согласно журналу Совета училища от 16 августа 1889 г. № 1, экономом состоял диакон Алексей Михайлов, но в январе 1890 г. был перемещён в село. Резолюцией епископа № 634 от 16 января 1890 г. временно исполняющим обязанности эконома определён диакон Оренбургского Николаевского Института благородных девиц Михаил Анциферов. В феврале 1891 г. уволился по прошению. Резолюцией епископа № 5418 от 28 сентября 1891 г. экономом училища назначен диакон Александр Базилевский. Вследствие его перевода на штатное священническое место резолюцией епископа от 3 декабря 1893 г. на должность эконома училища утверждён псаломщик с. Дурасово Стерлитамакского уезда Уфимской епархии Пётр Громогласов. Впоследствии он был рукоположен во диаконы, а 29 октября 1895 г. – во священника и переведён.

Резолюцией епископа от 16 марта 1897 г. новым экономом училища назначен диакон г. Илецкая Защита (ныне г. Соль-Илецк) Иосиф Розанов. После его перевода к церкви г. Илецкая Защита с посвящением во священника, на его место резолюцией епископа от 26 августа 1899 г. № 4663 определён диакон Нижнеозёрной станицы (ныне Илекского района Оренбургской области) Иоанн Смирнов. Вследствие его назначения приходским священником резолюцией епископа от 17 апреля 1903 г. экономом училища утверждён диакон с. Разномойка (ныне Тюльганского района Оренбургской области) Константин Иванов. После его рукоположения в сан священника и перевода в село резолюцией епископа от 22 мая 1909 г. № 3344 на должность эконома училища определён диакон церкви Оренбургского женского института Евгений Амвროзов. За его смертью резолюцией епископа от 21 апреля 1910 г. № 1234 новым экономом был назначен диакон церкви при Оренбургском женском институте императора Николая I Александр Базилевский. В связи с его определением на священническое место в с. Николаевку Оренбургского уезда и губернии резолюцией епископа от 18 января 1912 г. на должность эконома утверждён диакон Пётр Глинский. По причине его перевода диаконом в пос. Травниковский (ныне Чебаркульского района Челябинской области) резолюцией епископа от 19 августа 1914 г. новым экономом училища

назначен диакон с. Залесово (ныне Красногвардейского района Оренбургской области) Павел Лихачев из 1-го класса Оренбургской духовной семинарии. Последним диаконом до закрытия храма был с 13.08.14 г. эконом и диакон в училище – Павел Александрович Лихачев, 1883 г.р. Он окончил Сергиевские учительские 2-х годичные курсы в Оренбурге, с 1899 г. исполнял обязанности псаломщика. На 1917г. получал жалованье 360 руб. в год.

Старостами храма были следующие купцы г. Оренбурга. С 3 сентября 1888 г. купец 1-й гильдии – Сергей Михайлович Иванов. С 28 октября 1895 г. – купец Софрон Фатеев²⁸. С 27 апреля 1899 г. по 1900г. – купец Григорий Подрядов, он выделил для приобретения нового колокола 100 рублей.²⁹ С 1901 г. по 14.01.1909г. купец Николай Антонович Мокеев, пожертвовал более 700 рублей в 1904г., более 2000 тыс. руб. в 1907г. на иконостас. С 1909г. обязанности старосты выполняли воспитательницы 6 класса училища. Так, на 1917 г. старостой была Мария Ивановна Богоявленская, воспитательница 6 класса училища, помощницами у нее были две выпускницы шестого класса.³⁰

Глубокое духовно-религиозное воспитание в женском училище было обусловлено ее спецификой: его воспитанницы должны были стать будущими женами священнослужителей и подавать высокий нравственный образ всей пастве. Главной задачей жены священника было воспитание детей и хранение семейного очага, помощь мужу в церковных послушаниях, в первую очередь, в клиросном пении.

Восстановление в настоящее время в системе духовного образования Оренбургской митрополии женского училища крайне необходимо. Оно станет естественным завершением целостной системы подготовки мужских и женских кадров для духовного просвещения в Оренбургской области. Духовное возрождение в Оренбургской области возможно только на путях восстановления уже существовавших ранее образовательных традиций и их глубокой интеграции в современное общество, нацеленное на высокие нравственные идеалы целомудрия.

Примечания:

¹ Журналы Оренбургского Обще-Епархиального Съезда 1889 года 20 мая // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1889. – 1 сентября. – № 17. – С. 219.

² Руднянский М. Историческая записка об устройстве и открытии в г. Оренбурге Епархиального Женского духовного Училища, читанная 3-го сентября 1889 года, в

СЕКЦИЯ 5.

СЛАВЯНЕ В ИСТОРИИ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

день открытия училища // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1889. – 1 октября. – № 19. – С. 497 – 496.

³ Торжество открытия Оренбургского Епархиального женского училища и освящения храма при нём // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1889. – 1 октября. – № 19. – С. 494.

⁴ Там же. С. 495.

⁵ Там же. С. 496.

⁶ Слово, произнесённое Его Преосвященством, Преосвященнейшим Макарием, Епископом Оренбургским и Уральским, при освящении церкви в новоустроенном Епархиальном женском училище, 1889 г. сентября 3 дня // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1889. – 1 октября. – № 19. – С. 480 – 484.

⁷ Сушкова М.П. Оренбургское Епархиальное женское училище // Мученики, исповедники и храмы Оренбургской епархии XX века. Кн. 2 Сост. Н. Стремский. П.Саракташ, 1999. – С. 252.

⁸ Там же. С.256.

⁹ Отчёт о состоянии Оренбургского Епархиального женского училища по учебно-воспитательной части за 1889–90 учебный год // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1891. – 1 апреля. – № 7. – С. 69–70.

¹⁰ Отчёт о состоянии учебно-воспитательной части в Оренбургском женском епархиальном училище за 1899-1900 учебный год // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1901. – 1 февраля. – № 3. – С. 31 – 32.

¹¹ Отчёт о состоянии Оренбургского епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1909/10 г. // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1910. – 25 ноября. – № 47. – С. 358.

¹² Там же. С. 73 – 74.

¹³ Отчёт о состоянии Оренбургского Епархиального женского училища по учебно-воспитательной части за 1890–91 учебный год // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1892. – 1 февраля. – № 3. – С. 37.

¹⁴ Отчёт о состоянии Оренбургского Епархиального женского училища по учебно-воспитательной части за 1891–92 учебный год // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1892. – 15 ноября. – № 22. – С. 258.

¹⁵ Отчёт о состоянии учебно-воспитательной части в Оренбургском женском епархиальном училище за 1899-1900 учебный год // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1901. – 1 февраля. – № 3. – С.35.

¹⁶ Отчёт о состоянии учебно-воспитательной части в Оренбургском епархиальном женском училище за 1900–1901 учебный год // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1902. – 1 февраля. – № 3. – С.32–33.

¹⁷ Отчёт о состоянии учебно-воспитательной части в Оренбургском епархиальном женском училище за 1901–1902 учебный год // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1903. – 1 февраля. – № 3. – С. 40.

¹⁸ Отчёт о состоянии Оренбургского епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1902–1903 уч. год // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1903. – 1 декабря. – № 23. – С. 427.

¹⁹ Отчёт о состоянии Оренбургского епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1903/4 учебный год // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1905. – 1 февраля. – № 3. – С.74.

²⁰ Отчёт о состоянии Оренбургского епархиального женского училища в учебно-

воспитательном отношении за 1904/5 уч. г. // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1906. – 1 февраля. – № 3. – С. 37–44; 15 февраля. – № 4. – С. 62–73; 1 марта. – № 5. – С. 101.

²¹ Журналы общепархиального Съезда депутатов духовенства Оренбургской епархии 1895 г. // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1896. – 1 января. – № 1. – С. 1–8; 1 февраля. – № 3. – С. 35.

²² Отчёт о состоянии Оренбургского епархиального женского училища в учебно-воспитательном отношении за 1907/8 уч. год // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1909. – 29 января. – № 5. – С. 47.

²³ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890. Л. 94.

²⁴ Отчёт о состоянии Оренбургского епархиального женского училища по учебно-воспитательной части за 1896/7 учебный год // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1898. – 1 марта. – № 5. – С. 66.

²⁵ Сушкова М.П. Оренбургское Епархиальное женское училище // мученики, исповедники и храмы Оренбургской епархии XX века. Кн. 2. Сост. Н.Стремский. П.Саракташ, 1999. – С. 260.

²⁶ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890. Л. 97.

²⁷ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890. Л. 96.

²⁸ Отчёт о состоянии Оренбургского епархиального женского училища по учебно-воспитательной части за 1895/6 учебный год // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1897. – 1 апреля. – № 7. – С. 34.

²⁹ Отчёт о состоянии Оренбургского епархиального женского училища по учебно-воспитательной части за 1898/9 учебный год // Оренбургские епархиальные ведомости. – 1900. – 1 января. – № 1. – С. 5.

³⁰ ГАОО. Ф. 173. Оп. 9. Д. 1890. Л. 97.

Савинова Т. Н. (г. Оренбург)

ОРЕНБУРГСКИЕ ВОЕННЫЕ ИЗДАНИЯ (XIX - НАЧ. XX В.)*

Издательское дело в Оренбургской губернии начало развиваться сравнительно поздно. Если представить количественные показатели выпущенных в Оренбургской губернии книг в виде таблицы и по ней проследить издательскую динамику, то заметим, что их существенное увеличение начинается в 1880-х гг. Примерное количество названий книг, изданных в Оренбургской губернии, отражено в Таблице 1¹.

Среди книжной издательской продукции преобладали циркуляры и распоряжения, доклады и отчеты губернских, городских и прочих учреждений и организаций, адрес-календари, справочные книжки, труды научных обществ и проч. Встречались также произведения

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-13-56002.

Таблица 1. Примерное количество названий книг, изданных в Оренбургской губернии с 1820 по 1919 гг.

Кол-во изданий на разл. языках / Годы	1820–1839	1840–1849	1850–1859	1860–1869	1870–1879	1880–1889	1890–1899	1900–1909	1910–1916	1917–1919
рус. яз.	3/7	6	14	6/9	19/29	71	102	337	380	49
татар. яз.	Дан-ных нет	Дан-ных нет	Дан-ных нет	Дан-ных нет	Дан-ных нет	Дан-ных нет	Дан-ных нет	227	274	1
казах. яз.	1	Дан-ных нет	Дан-ных нет	Дан-ных нет	Дан-ных нет	Дан-ных нет	Дан-ных нет	20	11	Дан-ных нет
Всего	4/8	6	14	6/9	19/29	71	102	584	665	50

художественной литературы, учебные и справочные пособия, библиографические труды.

Издательская продукция военной тематики в репертуарном плане мало отличалась от гражданских изданий.

Всего военных книг в Оренбургской губернии в XIX – начале XX в. было издано более 80 названий². Первыми книгами являются: «Приказы по отдельному Оренбургскому корпусу за 1827 г.» (Оренбург: [б.и.], 1827), «Адрес-календарь Оренбургского отдельного корпуса, Оренбургской губернии и Управления Оренбургского края по части пограничной, с присовокуплением кратких статистических сведений. 1836 года» (Оренбург: тип. Штаба отд. Оренб. корпуса, [1835]. [2], 175, XII с.) и В.А. Павлов указывает еще одну, изданную на немецком языке: Даль В.И. «Замечания на Циммерманов опыт театра войны России против Хивы» (Оренбург, 1840)³.

Из общего количества книг около 30 изданий – административно-правовые документы (приказы, циркуляры, расписания, инструкции, отчеты и проч.), 37 книг посвящены истории армии и казачьего войска, 9 – учебные и справочные пособия, 7 книг по фольклору и художественной литературе. Данные цифры нельзя считать окончательными, т.к. работа по выявлению военных изданий еще продолжается. Например, в «Каталоге Оренбургской городской общественной библиотеки: по 1 сент. 1900 г.»⁴ значится работа Л.П. Тимашева (1864-

1932), в 1898 г. подьесаула Оренбургского казачьего войска, «От Оренбурга до Владивостока» (Оренбург, 1898), которая, насколько известно, до сих пор не обнаружена. Не исключено, что существуют и другие, неизвестные в настоящее время, книги. Если разграничивать издания армейские и Оренбургского казачьего войска (ОКВ), то в количественном отношении вторые превосходят первые.

В тематическом плане преобладают книги по истории Оренбургского казачьего войска.

Ниже приводим список военных книг⁵ в хронологии их издания, разделенный на две части: до 1880 г. и после 1880 г., в соответствии с общим состоянием книгоиздания в губернии.

До 1880 г.:

1. Приказы по отдельному Оренбургскому корпусу за 1827-1864 гг. / Оренб. отд. корпус. Оренбург: [б.и.], 1827-1864.

2. Адрес-календарь Оренбургского отдельного корпуса, Оренбургской губернии и Управления Оренбургского края по части пограничной, с присовокуплением кратких статистических сведений. 1836 года. Оренбург: тип. Штаба отд. Оренб. корпуса, [1835]. [2], 175, XII с.

3. Правила для кордонной службы на Оренбургской и Уральской линии, составленные при Штабе Отдельного Оренбургского военного корпуса. Оренбург: [б.и.], 1847. [2], 90, IV с.

4. Расписание Отдельного Оренбургского корпуса на ... 1847; 1849; 1856-1858 гг. / Оренб. отд. корпус. Оренбург: [б.и.], [1847-1858].

5. Приказы по Оренбургскому военному округу за 1866-1880 гг. Оренбург: [б.и.], 1866-1880.

После 1880 г.:

6. Стариков Ф.М. Откуда взялись казаки: ист. очерк / сост. войск, старшина Ф.М. Стариков. Оренбург: типолитогр. И.И. Евфимовского-Мировицкого, 1881. [4], IV, 264 с.

7. Стариков Ф.М. Откуда взялись казаки: ист. очерк. Оренбург: типолитогр. И.И. Евфимовского-Мировицкого, 1881. [4], IV, 264 с.

8. Ульянов. Руководство для заведующих хозяйством в полках, батальонах и командах. Оренбург: тип. Б. Бреслина, 1882. 400 с.

9. Стариков Ф.М. Откуда взялись казаки: ист. очерк. 2-е изд., доп. Оренбург: типолитогр. И.И. Евфимовского-Мировицкого, 1884. [4], IV, 324, III с.

10. Воробьев Ф.С. Сборник описания обмундирования, снаряжения, амуниции, а также всего конского снаряжения казаков Оренбургского казачьего войска: сост. на основании правительств, распоря-

СЕКЦИЯ 5.

СЛАВЯНЕ В ИСТОРИИ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

жений, приказов по воен. ведомству, образцов и наставлений войсковым старшиной Воробьевым. Троицк: тип. Д.Ф. Лобова, 1885. 78, IV с.

11. Солдатская книжка для нижних чинов пехоты. Оренбург: тип. Б.[А.] Бреслина, 1885. [2], VII, II, 396 с.

12. Приказы по Оренбургскому казачьему войску за 1889 г. Оренбург: [б.и.], 1889. 445 с.

13. Циркуляры по Оренбургскому казачьему войску за 1889 г. Оренбург, 1889. 334 с.

14. Стариков Ф.М. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. С приложением статьи «О современном быте оренбургских казаков» и карты / Оренб. губ. стат. ком. Оренбург: тип. Б.А. Бреслина, 1890. [8], 183 с, 1 л. карт.

15. Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска (с приложением статьи «О домашнем быте оренбургских казаков», рисунков со знамени и карты. Оренбург: тип. Б.А. Бреслина, 1891. [2], 250, VII с, 23 л. ил. карт

16. Стариков Ф.М. Исторический очерк присоединения к России Оренбургского края и участия в этом местного казачества. Оренбург: тип. Б. Бреслина, 1891. 77 с, 1 л. карт.

17. Бородин Н.А. Статистическое описание казачьего войска: Вып. 1,2 / изд. Войскового хоз. упр. Оренбург: [б.и.], 1891.

18. Бухарин Н.К. Очерки прилинейной жизни Оренбургских казаков. Оренбург: [б.и.], 1892.

19. Приказы по Оренбургскому казачьему войску за 1893 г. Оренбург: [б.и.], 1893. 623 с.

20. Приказы по Оренбургскому казачьему войску за 1894 г. Оренбург: [б.и.], 1894. 482 с.

21. Циркуляры по Оренбургскому казачьему войску за 1894 г. Оренбург., 1894.

22. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус как первое учебное заведение в истории русского образования киргизов. Оренбург: типолитограф. П.Н. Жаринова, 1896. 14 с.

23. Севастьянов С.Н. Школьное образование в Оренбургском казачьем войске за 1819-1895 гг.: крат. ист. очерк. Оренбург: типолитограф. губ. правления, 1896. 39 с.

24. Г. С. Волконский – Оренбургский губернатор, как инициатор памятника Неплюеву основателю Неплюевского училища / сост. С.Н. Севастьянов. Оренбург: [б.и.], 1897. 39 с.

25. Список генералам, штаб- и обер-офицерам Оренбургского войска и почетным казакам того же войска по старшинству. Оренбург: [б.и.], 1897. 263 с.

26. Устав бесплатных читален-библиотек в станциях и поселках 1-го Военного отд. Оренбургского казачьего войска. Оренбург: [б.и.], 1897. 21 с.

27. Инструкция станичным и поселковым обществам Оренбургского казачьего войска и должностным всех обществ лицам, при исполнении обязанностей, возложенных на них положением об общественном управлении станиц казачьих войск. Оренбург: [б.и.], 1898. 331 с.

28. Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1900 год. Часть гражданская. Оренбург: [б.и.], 1901. 110 с.

29. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска [Вып. 1]. Оренбург: Тург. обл. типолитогр., 1903. 158 с.

30. Авдеев П.И. Историческая записка об Оренбургском казачьем войске, составленная советником Войскового хозяйственного правления полк. П.И. Авдеевым 1873 г. / Оренб. казачье войско. Оренбург: Оренб. типолитогр. Порхунова Н.А., 1904. 182 с.

31. Мякутин А. От Оренбургского войска: казачья памятка: (Боевые заветы) казакам, идущим в поход 1904 г. Оренбург: типолитогр. Б.А. Бреслина, 1904. 15 с.

32. Самарский А. Война с Японией; Герои-моряки с «Варяга» и «Корейца». Оренбург: губ. типолитогр., 1904. [2], 44 с.

33. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска [Вып. II]. Оренбург: типолитогр. Тург. обл. правления, 1904. 161 с.

34. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. V. Оренбург: Тург. обл. типолитогр., 1904. 162 с.

35. Мякутин А.И. Песни оренбургских казаков: [В 4 т.] Т. 1: Песни исторические. Оренбург: типолитогр. Б.[А.] Бреслина, 1904. 291 с.

36. Белавин К.А. Происхождение и смысл русско-японской войны. Оренбург: типолитогр. И.И. Евфимовского-Мировицкого, 1905. 46 с.

37. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска Вып. VI. Оренбург: Тург. обл. типолитогр., 1905. 165 с.

38. Мякутин А.И. Песни оренбургских казаков: [В 4 т.] Т. 2: Песни былевые. Оренбург: типолитогр. Б.[А.] Бреслина, 1905. 162 с.

39. Мякутин А.И. Песни оренбургских казаков: [В 4 т.] Т. 3: Песни бытовые. Оренбург: типолитогр. Б.[А.] Бреслина, 1906. 314 с.

40. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска Вып. VII: хронол. перечень / сост. Н.Г. Лобов. Оренбург: Тург. обл. типолитогр., 1907. 472 с.

41. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. VIII: хронол. перечень / сост. Н.Г. Лобов. Оренбург: типолитогр. Б.А. Бреслина, 1907. 520 с.

42. Устав Оренбургского отделения «Русского общества нормальной и патологической психологии» при Военно-медицинской академии: [утв. 18 июня 1907 г.]. Оренбург: [б.и.], 1908. 6 с.

43. Полтавская битва 27 июня 1709 года: крат. ист. очерк Великой северной войны 1700-1721 гг.: к 200-летию юбилею: для шк., войск и народа: по Полтавскому, Соловьеву, Брикнер [и др.] / сост. А.М. Оренбург: тип. З.М. Вайсберг, 1909. 40 с, 1 л. пл.

44. Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1908 год. Часть военная. Оренбург: [б.и.], 1909. 16 с.

45. Приказ по 1-му военному отделу Оренбургского казачьего войска №№ 20-42, 43-60: февраль, март. Оренбург: [б.и.], 1909.

46. Приказ по Оренбургскому казачьему войску №№ 92-243 за 1909. Оренбург: [б.и.], 1909.

47. Приказы по Оренбургскому казачьему войску за 1909 г. Оренбург: [б.и.], 1909. 665 с.

48. Алексеева Н.И. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска / сост. Н.И. Алексеева. Оренбург: тип. З.М. Вайсберг, 1910. [2], 32 с.

49. Серов Д. Е. Оренбургский казак, его экономическое положение и служба: очерк соврем, быта оренб. казаков. Оренбург: губ. типолитогр. Б.А. Бреслина, 1910. 117 с.

50. Серов Д.Е. В помощь школам и малолеткам казачьих войск : [учеб. пособие]. Оренбург: типолитогр. Б.А. Бреслина, 1910. XIV, 50, 73 с, 8 л.

51. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. X: хронол. перечень / сост. Н.Г. Лобов. Оренбург: типолитогр. Б.А. Бреслина, 1910. 521 с.

52. Цыпляев П.И. Рукописи С.Н. Севастьянова: отд. оттиск ст. из «Тр. Оренб. учен. архив, ком.». Вып. XXIII. Оренбург: [б.и.], 1911. 72 с.

53. Конспект-руководство для подготовки к экзамену на должность уездного воинского начальника / сост. Г.П. Слюсаренко; под рук. Василевского. Оренбург: тип. З.М. Вайсберг, 1911. [2], VI, 218 с.

54. Лобов Н.Г. Краткая записка о старшинстве Оренбургского казачьего войска. Оренбург: тип. А.Н. Гаврилова, 1911. 28, 5 с.

55. Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1910 год. Часть гражданская. Оренбург: [б.и.], 1911. 119 с.

56. Лобов Н.Г. Краткая историческая записка об участии Оренбургских казаков в Отечественной войне 1812-1814 гг. с Наполеоном / сост. Н.Г. Лобов. Оренбург: тип. А.Н. Гаврилова, 1912. 27 с, 2 л. карт.

57. Лобов Н.Г. Описание знамен, знаменных значков и хоругвей Оренбургского казачьего войска. Оренбург: типолитограф. Б.А. Бреслина, 1912. [2], 27 с, 34 л. цв. ил.

58. Копии с официальных документов, подтверждающих как время образования Уфимского казачьего войска, так и право Оренбургского казачьего войска считать себя прямым преемником первого. Оренбург: [б.и.], 1912. 28 с.

59. Памятка 24-го Мортирного артиллерийского дивизиона. Оренбург: тип. Мильберг, 1912. 12 с.

60. Кудленко С.О. Конспект по истории русской армии : сост. по программе 1910 г. для воен. училищ I-VI. Эпоха Петра Великого ; II. Эпоха Румянцева и Суворова. Оренбург: тип. З.М. Вайсберг, 1912. [2], 52: схем.

61. Кудленко С.О. Конспект по истории русской армии: сост. по программе 1910 г. для воен. училищ I-VI. Эпоха войн с Наполеоном. Оренбург: тип. З.М. Вайсберг, 1912. 47 с: схем.

62. Кудленко С.О. Конспект по истории русской армии: сост. по программе 1910 г. для воен. училищ I-VI. Переходная эпоха. Оренбург: тип. З.М. Вайсберг, 1912. [2], 29 с: схем.

63. Кудленко С.О. Конспект по истории русской армии: сост. по программе 1910 г. для воен. училищ I-VI. Эпоха реформ. Оренбург: тип. З.М. Вайсберг, 1912. 48 с: схем.

64. Кудленко С.О. Конспект по истории русской армии: сост. по программе 1910 г. для воен. училищ I-VI. Новейшая эпоха. Оренбург: тип. З.М. Вайсберг, 1913. 72 с.

65. Кривошеков А.И. Разбитый разъезд: рассказ казака Ивана Михайловича Павлюка. Троицк: тип. Берх, 1913. 27 с.

66. Кривошеков А.И. В плену у японцев: рассказ из рус.-яп. войны казака пос. Прорывного, Звериноголовской станицы Ивана Ми-

СЕКЦИЯ 5.

СЛАВЯНЕ В ИСТОРИИ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

хайловича Согрина. Троицк: тип. Берх, 1913. 31 с.

67. Кривошеков А.И. Оренбуржцы на Дальнем Востоке. Троицк: тип. Берх, 1913. 67 с.

68. Пичугин Д.Г. Основные положения элементарной тактики: Конница: курс воен. уч-щ. Оренбург: тип. З.М. Вайсберг, 1913. 82 с.

69. Полный специальный словарь ко второй книге «Записок о Галльской войне» Гая Юлия Цезаря: (в порядке лат. текста) / сост. Г.И. Филиппович. Оренбург: тип. Тург. обл. правления, 1913. 82 с.

70. Краткий очерк истории Оренбургского Неплюевского корпуса. Оренбург: тип. А.Н. Гаврилова, 1913. 32 с.

71. Баранов Ф.Н. Песни Оренбургских казаков с напевками. В 3-х вып. Оренбург: тип. Товарищества Каримов, Хусаинов и Ко, 1913. 120 с.

72. Баранов Ф.Н. Песни Оренбургских казаков с напевками. В 3-х вып.: собр. и положил на ноты Ф.Н. Баранов. Оренбург: [б.и.], 1913. 106 с.

73. Баранов Ф.Н. Песни Оренбургских казаков с напевками. В 3-х вып. Оренбург: электро-паровая литотип. товарищества «Каримов, Хусаинов и К», 1913. 88 с.

74. Кудленко С.О. Конспект по истории русской армии : сост. по программе 1910 г. для воен. училищ I-VI. Новейшая эпоха. Оренбург: тип. З.М. Вайсберг, 1913. 72 с.

75. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. XI: хронол. перечень событий за 1847 – 1853 гг. / сост. Н.Г. Лобов. Оренбург: типолитогр. н-цы Бреслина, 1913. 657 с.

76. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска Вып. XII: хронол. перечень 1854-1858 гг. / сост. Н.Г. Лобов. Оренбург: типолитогр. н-цы Бреслина, 1913. 526 с.

77. Протоколы Оренбургского отдела Казанского общества ревнителей военно-санитарных знаний за 1912-1913 год (1-й год существования). Оренбург: тип. З.М. Вайсберг, 1913. 79 с.

78. Антонов И.Н. В великую годину: стихи. Оренбург: губ. тип., 1914. 17 с.

79. Протоколы Оренбургского отдела Казанского общества ревнителей военно-санитарных знаний за 1913-1914 год (2-й год существования). Оренбург: тип. бр. Маховых, 1914. 87, [1] с.

80. Приказ по Оренбургскому казачьему войску №№ 1-87 за 1915. Оренбург: [б.и.], 1915.

81. Приказ по Оренбургскому казачьему войску №№ 829-921 за 1915. Оренбург: [б.и.], 1915.

82. Войсковому Кругу Оренбургского казачьего войска: Войскового правительства докл. об учреждении Стат. отд. и об орг. оценочно-стат. исслед. на Войсковой территории. [б.м.]: [б.и.], [б.г.] 30 с.

Примечания:

¹ Составлена автором по : Оренбургская книга: XIX–XXI вв. : библиогр. указ. : в 3 ч. / М–во культуры Оренб. обл., Оренб. обл. универ. науч. б–ка им. Н. К. Крупской; сост.: О.В. Федосова, В.М. Коломацкая, Н.В. Колыхалова, А.В. Толстова. Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2009. 536 с.; Владимирцева В.Г. Деятельность книгоиздателей тюркоязычной литературы в Оренбуржье на рубеже XIX – XX вв. // Вторые Большаковские чтения. Культура Оренбургского края: история и современность: сб. науч. ст. Оренбург, 2006. С. 195, 197, 199; ГБУ «ГАОО». Ф. 1912. Оп. 2. Д. 56.

² Оренбургская книга ...

³ Павлов В. А. Люди и книги : Опыт «инвентаризации» уральского книгознания // Эпизоды из истории уральской книги. URL: <http://uralskie-rasskazi.ru/>

⁴ Каталог Оренбургской городской общественной библиотеки: по 1 сент. 1900 г. / сост. [Н.И.] Ободовская, [В.К.] Аверианова. Оренбург: тип. Д.Мазина, 1900. С. 472.

⁵ Оренбургская книга ... С. 14, 28-29, 32, 35-36

Томина Е. Ф. (г. Оренбург)

РАЗВИТИЕ БИБЛИОТЕЧНОЙ СИСТЕМЫ В 20-е ГОДЫ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ОРЕНБУРГСКОГО РЕГИОНА)

Переломные моменты истории затрагивают практически все области жизни, в том числе это коснулось и библиотечную систему. Библиотечная система возникает не в готовом виде, а в виде определенных предпосылок – тех или иных компонентов, связей, форм взаимодействия, механизма управления. Библиотечная система в Оренбургском регионе заняла прочное место в культурном строительстве. В ее состав входили библиотеки, которые в процессе своего функционирования и развития укреплялись и расширялись. Библиотеки как специфический институт общества, являясь неотъемлемой частью нашей культуры, осуществляют историческую трансляцию знаний в рамках социокультурной коммуникации. Частая смена власти в регионе тормозила развитие библиотек, но полностью их функционирование не было прекращено.

Условно можно выделить три этапа формирования библиотечной системы: возникновение (начальный), становление (средний) и пери-

од зрелости (высший). Каждому этапу соответствует определенный уровень развития, характеризуемый следующими признаками: степень комплексности библиотечных ресурсов, степень и эффективность их использования, масштабы и уровень организации взаимодействия библиотек. Установление последовательности процесса формирования библиотечной системы сопряжено с определенными трудностями и усложняется целым рядом обстоятельств.

Прежде всего, это процесс во многих отношениях неравномерный. Он охватывает в неодинаковой степени и в разное время различные стороны деятельности библиотек разных типов и ведомств. Сложность определения исторических рамок формирования библиотечных систем связывается еще и с тем, что они вообще условны и относительны. Обычно библиотечная система, не завершив полностью этап развития, вступает в новый этап. Последний этап новыми методами и средствами решает задачи предыдущего периода. Таким образом, уровень, содержание и формы развития библиотечной системы накладываются, друг на друга во времени. Но это не исключает установления относительных границ, в том числе и временного порядка, в развитии библиотечных систем.

Рассмотрим развитие библиотечной системы в Оренбургском регионе. В январе 1919 г. открылись избы-читальни в 7 станицах и в 3 станичных поселках Оренбургского казачьего войска, предлагалось открытие ещё двух. Пополнение фондов осуществлялось в основном за счет пожертвований изданий, поскольку купить книги было невозможно¹. Продолжала сохраняться созданная локальная сеть казачьих библиотек². За годы своего существования станичные библиотеки Оренбургского казачьего войска стали, в сущности, досуговыми центрами в станицах и посёлках. В 1919 г. в Оренбургской губернии было 20 земских библиотек, финансирование которых продолжалось до конца существования колчаковского режима³.

Установлено, что на формирование библиотечной системы Оренбургского региона 1919 г. повлияли особенности исторического развития: трансграничное положение и переселение этнических и конфессиональных групп населения.

К лету 1919 г. библиотеки приобрели статус образовательных, информационных и культурных центров, сформировались ведомственные библиотечные сети.

В своей деятельности библиотеки столкнулись со следующими проблемами:

1. Неудовлетворительное состояние помещений, в которых размещались библиотеки.

2. Плохая комплектация фондов библиотек и высокий процент неграмотного населения.

3. Недостаточное финансирование и взимание оплаты за пользование библиотекой.

Поэтому данные о библиотечной системе ограничиваются сбором и регистрацией тех или иных фактов и сведений о взаимодействии библиотек.

Библиотеки выполняли намеченную программу и оказывали на население большое образовательное и воспитательное влияние, заключавшееся в воспитании культурного и национального самосознания и в содействии образовательному развитию населения. Деятельность библиотек оказывала влияние путем знакомства с сочинениями лучших писателей, поднимала нравственный уровень⁴.

Среди библиотек определенное место занимали библиотеки разнообразных общественных организаций, которые содержались на средства членов обществ. Естественно, что круг читателей в основном ограничивался членами общества, а фонд комплектовался в зависимости от целей данной общественной организации. Они работали неупорядочено, каталоги отсутствовали. Некоторые из обществ, записав необходимость наличия библиотек в уставах, не смогли организовать их ввиду отсутствия средств⁵.

В конце 1919 г. правительство приняло декрет «О ликвидации неграмотности среди населения России». Закон обязывал всех граждан в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющих читать и писать, обучаться грамоте на родном или русском языке. Уклоняющиеся от этой обязанности могли быть привлечены к уголовной ответственности. Однако эта работа осложнялась недостатком финансовых средств, слабостью материальной базы, нехваткой педагогических кадров. В этих условиях большую помощь в борьбе с неграмотностью помимо общественных организаций оказали и библиотеки. Был составлен единый план обучения чтению и письму взрослого неграмотного населения. Одновременно с этим библиотека выступала развивающим культурным элементом, который преследовал просветительские цели, содействовал общественному прогрессу и дальнейшему пути культурного развития. В условиях НЭПа были увеличены ассигнования на развитие образования и на работу по ликвидации неграмотности.

Развитие библиотечной системы зависело и от состояния книгоиздания, книжной торговли, библиотечного дела и т.д. Исследования показывают, что в период 1920-х гг. в России ситуация в книгоиздательском деле была очень сложной. Не хватало бумаги, оборудования, специалистов и т.д. Вместе с тем продолжали работать старые и возникали новые издательства. В 1920-е гг. сложилась «многоукладная» система книгоиздания, куда входили как вновь создаваемые государственные, так и уцелевшие частные издательства. В годы НЭПа появились и активно работали многочисленные кооперативные издательства, некоторые из них проработали несколько лет и были закрыты – либо по финансовым, либо по идеологическим причинам, другие устояли и просуществовали десятки лет. Среди наиболее крупных, активно выпускающих книжную продукцию издательств, прежде всего, надо назвать такие, как «Госиздат», который в 1920-х гг. являлся крупнейшим государственным издательством, «ЗИФ» («Земля и фабрика») – издательство акционерного общества Всероссийского профсоюза рабочих бумажной промышленности (в этом издательстве выходили серии «Приключенческая библиотека», «Библиотека подрастающего поколения»), «Мысль» – кооперативное издательство, возглавляемое известным деятелем «книжного мира» Л.Вольфсоном. Следует также отметить, что большую роль в поддержке издательского дела того периода сыграл А.М. Горький, сумевший объединить вокруг себя талантливых людей, которые сумели создать замечательный коллектив писателей и художников.

Уровень развития и достижения библиотек оценивались критически. Группа библиотек весьма неоднородна по уровню подготовки (начальное и среднее), по характеру обучения (светское и религиозное), по ведомственной принадлежности (Министерству народного просвещения, местным органам управления, Русской православной церкви и др.), по количественным и качественным характеристикам. Более скромными были фонды библиотек начальных учебных заведений Министерства народного просвещения, духовного ведомства и казачьей администрации. Можно предположить, что библиотеки были обязательным атрибутом начальных училищ. Зачастую их фонд насчитывал 200-300 экз., преобладала многоэкземплярная учебная литература. Сословно-профессиональные учебные заведения духовного ведомства обладали значительными книжными собраниями.

Становление и развитие библиотечной системы Оренбургского края, являвшихся составной частью культурного пространства всей

страны, осуществлялось в русле общероссийских тенденций. Стоит отметить региональные особенности формирования библиотек. Библиотеки Оренбургского края проходили этапы развития, аналогичные столичным, но со значительным опозданием, т.к. существенное влияние оказывали географические, этнические, экономические и культурные особенности края (удаленность от столичных книжных центров, уникальный этноконфессиональный состав).

Библиотечные работники проводили масштабную культурно-просветительскую работу путем организации досуга и внешкольного образования широких слоев населения. Они открывали чайные (в том числе и с читальнями при них), библиотеки-читальни, народные дома, воскресные школы и классы, проводили народные чтения, театральные представления, распространяли литературу, организовали работу собственных книжных складов.

Самой многочисленной группой специальных библиотек были учебные. Традиционно библиотека учебного заведения состояла из ученической и фундаментальной библиотек, а также фонда учебных пособий. Первые комплектовались преимущественно книгами для внеклассного чтения. В фундаментальные библиотеки приобреталась учебно-методическая литература, ориентированная на удовлетворение информационных потребностей преподавательского состава.

Уровень развития учебных библиотек зависел от статуса и финансовых возможностей учебного заведения, времени его создания. Наиболее представительные книжные собрания имели библиотеки средних учебных заведений. Эта группа библиотек была неоднородной: библиотеки мужских гимназий, история формирования которых имеет более длительную историю, располагали самыми внушительными по объему и разнообразными по тематическому составу книжными фондами. Более развитыми были книжные собрания государственных гимназий, имевшие гарантированные денежные поступления из казны, в сравнении с частными гимназиями, имели лучшие возможности для формирования библиотечных фондов.

Специальные библиотеки Оренбургского края в силу типологических особенностей имели закрытый характер и ограниченный круг читателей. Это обуславливало структуру библиотеки, профиль комплектования и качественный состав фонда. Однако в ряде случаев они частично выполняли функции общедоступных библиотек. Зачастую специальные библиотеки обслуживали не только целевые группы чи-

тателей (сотрудников предприятий, представителей войска, учащихся и педагогов), но и удовлетворяли духовные запросы грамотного населения региона. Подобные инициативы были особенно актуальны на начальных этапах формирования книжно-библиотечной культуры Оренбургского края.

Развитие школьного образования, рост культурного уровня населения, ликвидация неграмотности и малограмотности повысили спрос на книги, стимулировали развитие библиотечной системы, требовали повышения уровня работы. Опыт организации библиотечного дела в 20-е годы XX века представляет историческую ценность.

Всего библиотек в Оренбурге в 1919 году насчитывалось 24, из них русских библиотек общего пользования было 16, мусульманских – 2, при учебных заведениях – 5 и одна специальная сельскохозяйственная. Общее количество библиотечных работников насчитывалось за 1919 год – 57 человек, количество книг в этих библиотеках составляло – 92842 экземпляра и читателей – 22477.

При библиотеках работали читальные залы, выписывались периодические издания (газеты и журналы), устраивались чтения, которые имели большой успех не только среди детей, но и взрослого населения.

Библиотечная система развивалась и к 1920 г. уже насчитывалось 55 библиотек⁶. В 1923/24 гг. существовало 6 библиотек политпросвета, руководителей данных процессов (библиотечных сотрудников) 19 человек, подписчиков было 4332 человека, а фонд литературы составлял 96897 экземпляров. В 1924/25 гг. количество библиотек политпросвета и число руководителей не изменилось, а уменьшилось количество подписчиков до 3355 человек, и фонд литературы из-за изъятия антисоветской литературы по заданиям Главлита и исключения утраченной до 64785 экземпляров.

Национальных библиотек (для татар) при отделах народного образования в 1923/24 гг. было одно учреждение, состав которого включало в себя 462 человека, педагогического персонала 2 человека, в сравнении с 1924/25 гг. изменилось только количество подписчиков (клиентов), которое уменьшилось до 396 человек⁷.

Общее количество библиотек в Оренбургской губернии на 1 января 1923 года составляло 73 с общим количеством экземпляров 167064 книг. Наибольшим спросом пользовалась детская литература и беллетристика, политико-экономическая, общественно-политическая и сельскохозяйственная литература. Главный состав подписчиков – это

молодежь в возрасте 16-20 лет. В татарских библиотеках комплектация книг оснащалась плохо, что требовало пополнения фонда. Местные центральные газеты выписывались, но получали их не регулярно или вовсе не получали⁸.

В 1925 г. правительство приняло закон, предусматривающий введение в стране всеобщего начального обучения и расширение сети школ. Проведенная в 1926 г. Всесоюзная перепись населения зафиксировала значительное увеличение числа лиц, умеющих читать и писать. Численность грамотного населения в возрасте старше 9 лет достигла 51,1% (в 1897 г. – 24%). Несколько сократился разрыв в уровне грамотности между жителями города и деревни.

В 1924-1925 годах сельские библиотеки были реорганизованы в избы-читальни, которые стали опорами в проведении агитационно-массовой работы среди крестьян.

На 1924/25 гг. утверждена следующая система библиотек и волостных изб-читален: в г. Оренбурге 6 библиотек, в должности библиотекарей 18 человек; в Оренбургском уезде библиотек и библиотекарей было равное количество – 20; в Каширинском уезде 13 библиотек, а библиотекарей на одну единицу больше – 14; в Орском уезде 9 библиотек, библиотекарей тоже было на одну единицу больше – 10. Таким образом, общее количество библиотек было 48 учреждений и 62 библиотечных сотрудника⁹.

Библиотечная сеть развивалась и увеличилась. В сравнении с 1923/24 гг. библиотек и изб-читален было 42, в следующий период прибавилось 3, а в 1926/27 гг. стало 61¹⁰. Организационные мероприятия проводились и увеличивались по сравнению с предыдущим периодом. В 1925/26 гг. мероприятия по массовой работе на 1 избы-читальню составило – 124, а в 1926/27 гг. – 201. Количество посетителей массовых мероприятий выросло в 2 раза с 4533 до 9208 человек. Количество экземпляров книг наоборот немного уменьшилось с 1977 до 1965 штук. Процент выбытия книг из библиотек увеличился с 5 до 11%¹¹.

В докладе Бугурусланского уисполкома о работе за период с 5 апреля 1925 г. по 20 марта 1926 г. сказано, что в 1924/25 гг. было 5 учреждений, а в 1925/26 гг. количество выросло до 15, изб-читален было в 1924/1925 гг. – 26, а в 1925/26 гг. стало 30. Численность библиотек сохранялась и даже увеличивалась, благодаря увеличению школ и численности обучающихся в них, все это способствовало увеличению штатных работников. Так в 1924/25 гг., библиотекарей было 7 человек, а в 1925/26 гг. увеличилось до 19 человек, сотрудников, которые

СЕКЦИЯ 5. СЛАВЯНЕ В ИСТОРИИ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

работали в избах-читальнях (избачей) в 1924/25 гг. было 26 человек, в 1925/26 гг. стало 30 человек¹².

Библиотеки выполняли агитационную работу в дни празднования революционных событий, устраивали выставки и лекции. Работа в уездах проводилась слабее, так как не было квалифицированных библиотекарей.

Массовая работа по 25 волостям и 11 сельским избам-читальням в 1926/27 гг. выглядит следующим образом. Собраний с докладами и лекциями было 2263 раз, выступали и принимали участие 147902 человека из них мужчин – 96676, женщин – 33066, а остальные дети. Бесед было проведено 1557 раз, в обсуждениях участвовали 47663 человека из них мужчин – 31916, женщин – 11351, детей – 4396.

Также состоялись вечера вопросов и ответов 150 раз, в них участвовало 7197 человек, большую часть приняли мужчины 4656, проводились различные экскурсии 7 раз с общим количеством 637 человека, из которых 257 мужчин, 205 женщин, 175 детей¹³.

Сеть политико-просветительских учреждений развивалась, например, в 1927/28 гг. изб-читален было 35, а в 1928/29 – 49, библиотек 19, а стало 16 за счет укрупнения¹⁴. Помимо стандартных мероприятий в библиотечной системе проводились и библиотечные походы по районам и городу. В связи с этим в 1929 году были пополнены фонды на 6390 рублей, продано платной литературы на 5990 рублей, проведена подписка на периодические издания в количестве 9102 экземпляра¹⁵.

В условиях военного режима земство и Оренбургское казачье войско предпринимали попытки не просто придать должности библиотекаря статус профессии, но и признать общественную пользу его деятельности¹⁶.

Таким образом, на протяжении 20-х годов XX века в Оренбургском регионе просматривается развитие и усовершенствование библиотечной системы как планомерно направляемого, сложного и длительного процесса взаимодействия и объединения библиотек различных типов и ведомств, так необходимых для развития, как духовной основы культуры, так и образовательной. Каждая из библиотек имеет свою историю, процесс зарождения и становления, развития и совершенствования, функциональность во времени. В данный период сложился достаточно обширный круг книг, который был весьма разнообразен как по тематике и жанрам, так и по уровню оформления. Вся эта литература попадала на книжный рынок, однако советская модель книжного рынка с самого начала была организована как госмонопо-

листоческая. Огромные тиражи, которыми издавалась литература, расходилась, прежде всего, по массовым библиотекам.

Примечания:

- ¹ ГАОО. Ф. 1912. Оп. 2. Д. 52. Л. 58-58 об.
- ² ГАОО. Ф. 1912. Оп. 2. Д. 56. Л. 62-62 об.
- ³ Молчанов, Л. Земские библиотеки за Уралом / Л. Молчанов // Библиотека. – 2001. – № 8. – С. 77.
- ⁴ Букреева, О.Г. Библиотечно-просветительная деятельность попечительств о народной трезвости в России в конце XIX начале XX вв.: автореф. дисс. канд. пед. наук / О.Г. Букреева. – М., 2008. – 18 с.
- ⁵ Камскова, Т.А. Народные библиотеки как явление культуры (на примере Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX вв.): автореф. дисс. канд. пед. наук / Т.А. Камскова. – Самара, 2003. – 16 с.
- ⁶ ГАОО. Ф. 450. Оп. 1. Д. 100. Л. 246-252.
- ⁷ ГАОО. Ф. 450. Оп. 1. Д. 245. Л. 65-69.
- ⁸ ГАОО. Ф. 450. Оп. 1. Д. 168. Л. 104-407.
- ⁹ ГАОО. Ф. 450. Оп. 1. Д. 210. Л. 17 об.-18.
- ¹⁰ ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 966. Л. 6.
- ¹¹ ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 147. Л. 9 об.-11.
- ¹² ГАОО. Ф. 910. Оп. 1. Д. 1051. Л. 99-100-104.
- ¹³ ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1147. Л. 9 об.-11.
- ¹⁴ ГАОО. Ф. 2394. Оп. 1. Д. 59. Л. 8.
- ¹⁵ ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 289. Л. 207 об.-208.
- ¹⁶ Савинова, Т.Н. Библиотеки в контексте социокультурного пространства трансграничного региона (на примере Оренбургской губернии 1865-1919 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук / Т.Н. Савинова. – Новосибирск, 2012. – 24 с.

Моргунов К. А. (г. Оренбург)

ОРЕНБУРГСКАЯ ЕПАРХИЯ В ПЕРИОД «БЕЗБОЖНЫХ ПЯТИЛЕТОК» И РЕПРЕССИЙ (1927 – 1941 гг.)*

Период «религиозного НЭПа», характеризующийся относительной стабилизацией государственно-церковных отношений, оказался недолгим. Хлебозаготовительный кризис 1927-1928 гг. и вызванные этим экономические трудности советским руководством были обострены обострением классовой борьбы, а религиозные организации были объявлены контрреволюционными, препятствующими дальнейшему

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Оренбургской области научного проекта №13-11-56005.

социалистическому строительству. Пропагандистские методы борьбы с религией все в большей мере стали сочетаться с открытой борьбой с религиозными организациями и репрессиями против священнослужителей и верующих.

В конце 1920-х годов были предприняты попытки активизировать работу Союза безбожников (с 1929 г. – Союза воинствующих безбожников). По неполным данным в Оренбургском округе в 1928 г. действовали 61 ячейка, состоящая из 2560 членов¹. Однако точного учета количества членов Союза не велось. Многие ячейки к этому времени распались или функционировали формально, членские взносы не поступали, антирелигиозной литературы не доставало, обстановка в религиозных организациях не изучалась, подготовленных кадров антирелигиозных работников было мало. Работа антирелигиозных кружков не носила плановый характер. Определенная активизация происходила только в периоды проведения антирелигиозных кампаний.

Своеобразным катализатором процесса закрытия культовых учреждений стало постановление ВЦИК, принятое 17 сентября 1928 г. В нем говорилось о необходимости передачи пустующих церквей, монастырей и мечетей под культурно-просветительские учреждения. В результате местными советами инициировалось проведение собраний рабочих коллективов, жителей тех территорий или населенных пунктов, где располагались молитвенные здания, в ходе проведения которых принимались решения о переоборудовании культовых сооружений под культурно-просветительские учреждения. В реальности чаще всего острой необходимости для этого не было. Большинство закрытых храмов, мечетей, молитвенных домов и пр. использовались под самые различные хозяйственные нужды. Некоторые здания пустовали и вообще не находили никакого применения. Закрытие культовых сооружений сопровождалось массовыми арестами духовенства. Действующие служители культа облагались повышенным налогообложением.

Власть по-прежнему открыто поддерживала обновленческие организации. В октябре 1927 г. Оренбургский губисполком расторгнул договор со староцерковной общиной Дмитриевской церкви в г. Оренбурге и заключил новый договор на право пользования церковью с обновленческой общиной, мотивируя это решение необходимостью справедливого подхода к распределению молитвенных зданий. При этом обновленцы пользовались расположенными рядом Михайловской и Пантелеимоновской церквями. Последняя, из-за малочислен-

ности общины, вообще пустовала. Бывшая община староцерковников Дмитриевской церкви обратилась в августе 1928 г. в губадмотдел с просьбой предоставить им Пантелеимоновскую церковь, но получила отказ. В сентябре 1928 г. Оренбургским окрисполкомом Пантелеимоновская церковь была закрыта.

В мае 1928 г. губернским административным отделом было обследовано здание церкви, расположенной на территории бывшего Успенского монастыря в г.Оренбурге. В результате в горисполком было направлено письмо о передаче здания храма школе воздушного боя и бомбометания. Сам монастырь был закрыт еще в 1923 г. В его спальных корпусах поселились курсанты школы воздушного боя и бомбометания. Монахини, составившие религиозную общину, были выселены из монастыря и поселились по частным домам, зарабатывая себе на жизнь шитьём стёганных одеял, обработкой козьего пуха и вязкой ажурных паутинок. Среди причин закрытия храма губернский административный отдел указывал на то, что религиозная община насчитывает всего 116 человек, здание церкви используется не в полной мере, к тому же в 412 метрах от него располагается «кладбищенская» церковь. Кроме того, общиной был нарушен договор в части ремонта здания церкви и хранения имущества². В результате было принято решение о ликвидации религиозного общества. В октябре 1928 г. за помощью к Е.П. Пешковой обратилась монахиня Евпраксия Колганова, которая ранее возглавляла приходскую общину бывшей монастырской церкви. Она сообщает подробности о дальнейшей судьбе храма: «...иконы художественные на кипарисе выбрасывались в окна с верхнего этажа, колокола один в 262 пуда и один в 141 пуд тоже сброшены с колокольни беспощадно, так что карниз у колокольни отшибли, но колокола не разбились, только ушли в землю до половины. Кресты выворочены из глав, так сказать, с корнем, ибо их тянули трактором, канат два раза обрывался, и все это делалось в виду многотысячной толпы, так как было приурочено в праздник. Народ возмущен до бесконечности, общине ничего из утвари и из облачений не выдано, иконы и утварь (часть, не всё) сложены в монастырских конюшнях, а часть икон сожжена под котлом, облачения и ковры отданы в театр, а между тем, у нас многие церкви нуждаются в облачениях»³. Курсанты попробовали приспособить здание церкви под клуб, но до конца свою работу не довели. Е. Колганова просила оказать содействие в возвращении здания церкви общине и в частности отмечала, что все налоги за 1929 г. были уплачены, а в церкви до ее закрытия был сде-

**СЕКЦИЯ 5.
СЛАВЯНЕ В ИСТОРИИ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА**

лан отличный ремонт (что противоречит формулировке, данной административным отделом города). Но это прошение не возымело действия. Здание церкви длительное время пустовало и впоследствии Успенский храм был снесен.

На то, что не в полной мере используется здание Петропавловской церкви, указывалось и в решении Окрисполкома, принятом в августе 1928 г., о расторжении договора со староцерковной общиной этого храма. Верующим также ставилось в вину то, что здание церкви не ремонтируется, разрушена ограда и допускается проживание на территории церкви посторонних лиц.

29 ноября 1928 г. в Оренбургскую епархию был назначен епископ Павел (Введенский).

Епископ Павел (Введенский)

В декабре 1928 г. Окрисполкомом было принято решение о закрытии и передаче под клуб здания Крестово-Никольской церкви в Оренбурге.

Аналогично развивалась кампания по закрытию церквей и молитвенных домов и в районах округа. В Домбаровском районе, кампания по снятию колоколов в порядке соревнования, с ведома райкома ВКП(б), началась еще с весны 1928 г. Это соревнование было поддержано и в ряде других районов Оренбургского округа.

В Шарлыке верующие без санкции районного административного отдела организовали на Пасху проведение крестного хода с факельным шествием. В результате священнослужители Попов и Зайцев, а также член церковного совета Шеин были приговорены судом к 8 годам заключения с конфискацией имущества и к высылке по отбытии наказания из Оренбургской области округа сроком на 5 лет⁴.

По причине якобы отказа религиозной общины принять церковное здание была закрыта церковь в селе Бродецком Оренбургского района.

С 1929 г. начался новый этап государственной антирелигиозной политики. В начале года на места был разослан секретный циркуляр «О мерах по усилению антирелигиозной работы», который борьбу с религией приравнивал к классово-политической. 8 апреля 1929 г. Президиумом ВЦИК и СНК РСФСР было принято постановление «О религиозных объединениях», которое устанавливало обязательную регистрацию религиозных объединений. Для реализации этого постановления была организована Постоянная комиссия по вопросам религиозных культов при Президиуме ВЦИК. Аналогичные комиссии образовывались при президиумах республик, краевых и областных исполкомов. В мае 1929 г. в Конституцию страны были внесены изменения, исключаящие свободу религиозной пропаганды, оставляющие при этом право на свободу религиозных исповеданий и на антирелигиозную пропаганду. В соответствии с постановлением НКВД РСФСР от 10 октября 1929 г. «О регистрации религиозных объединений», все религиозные общества должны были пройти перерегистрацию. Те общества, которые до 1 мая 1930 г. не смогли этого сделать подлежали ликвидации.

В январе 1929 г. был закрыт Тихвинский Богородицкий женский монастырь в Бузулуке.

С 1929 г. епископом Бузулукским и викарием Самарской епархии служил Сергей (Куминский Сергей Сергеевич). До революции он служил полковым священником в Варшавской губернии, в Киевском и Московском полках, затем был направлен настоятелем храма в с. Соболевки Черниговской епархии. 1 сентября 1923 г. был тайно хиротонисан в епископы. Служил епископом Радомышльским и Чернобыльским, викарием Киевской епархии (1923-1924 гг.), епископом Киевским. (1926 г.). Затем был административно выслан. До января 1929 г. проживал в Йошкор-Оле, а затем в Бузулуке, где служил епископом Бузулукским, викарием Самарской епархии. 23 ноября 1930 г.

епископ Сергей был арестован и постановлением тройки ОГПУ в мае 1931 г. был выслан в Северный край на 3 года. Вместе с ним по делу проходили священники Виталий Львович Благовидов (с. Медведка), Александр Иванович Каменев (находящийся в Бузулуке в ссылке) и Василий Иванович Денисов (также находящийся в ссылке). Их обвиняли в систематической антисоветской агитации против колхозного строительства, а также против предоставления церкви под ссыпку зерна. Последний пункт обвинения подтверждался тем, что 17 сентября 1930 г. во время временной передачи Никольского собора г.Бузулука под зернохранилище, около храма собралась большая толпа женщин во главе с священником Денисовым. Протест верующих продолжался три дня. По возвращении в 1934 г. из ссылки епископ Сергей вновь до 5 декабря 1934 г. возглавлял Бузулукское викариатство, после чего викарии больше не назначались⁵.

Разрушение Богодуховского монастыря

С 1929 г. началась массовая компания по закрытию церквей. Вопрос о закрытии церквей в г.Оренбурге обсуждался на общих собраниях трудовых коллективов итогом проведение которых становилось формирование подписных листов в поддержку закрытия храмов и молитвенных домов. На основании ходатайств жителей Оренбурга городскому совету было принято постановление ВЦИК о закрытии

Крестово-Никольской церкви. Под клуб металлистов было передано здание Петропавловской церкви. Колокола были отправлены на переплавку. Михайловская церковь была передана для культурно-просветительских нужд городскому отделу народного образования, а колокола церкви также были направлены на утилизацию.

В ноябре 1929 г. на территории Богодуховского мужского монастыря, располагавшегося на горе Маяк в Оренбурге, началось строительство теплоэлектростанции. В ходе строительства была разрушена Иоанно-Предтеченская церковь, а также хозяйственные постройки, флигеля и дома для проживания монашествующих. После этого монастырь практически прекратил свое существование.

В декабре 1929 г. Оренбургским горсоветом был рассмотрен вопрос о закрытии Казанско-Богородской церкви, располагавшейся за рекой Урал. Основываясь на материалах окружного административного отдела горсовет принял решение об удовлетворении просьб жителей Зауральной Рощи о закрытии церкви и передаче ее здания под клуб. Часть церковного имущества была передана общине верующих при Введенской церкви⁶.

В газетах развернулась мощная информационная кампания, направленная против колокольного звона. В декабре 1929 г. в газете «Смычка» сообщалось: «Особенно сильно волна требований запрещения звона и передачи колоколов прокатилась в нынешнем году... Каждый трудящийся напрягает все силы на ускорение процесса социалистической стройки, встречая на пути затруднения, связанные с недостатком цветных металлов, обращает взор на колокола, бесцельно висящие на колокольных церквей»⁷.

Общее собрание курсантов военной школы в г. Оренбурге выступило с призывом к трудящимся города Оренбурга обсудить на своих собраниях вопрос о запрещении колокольного звона и передаче колоколов. Представители Оренбургского Союза воинствующих безбожников выдвинули лозунг «Не нарушайте отдыха трудящегося колокольным звоном!».

Запрещение колокольного звона и снятие колоколов не рассматривалось как гонение на религию. Верующим предлагалось ходить молиться в церковь, ориентируясь по часам. Колокольный же звон воспринимался как нарушение общественного порядка. Сами же колокола рассматривались исключительно с утилитарной точки зрения: «... на колокольных церквей совершенно бесполезно висят сотни тысяч драгоценного металла. На колокольных церквей Оренбурга бес-

цельно висит 10000 пудов металла. Мы требуем снять колокола со всех церквей и пустить этот драгоценный металл на тракторы. Время покончить с колокольным звоном»⁸.

В газете «Оренбургская коммуна» регулярно печатались постановления общих собраний граждан о снятии колоколов с церквей, даже появилась специальная рубрика «Против колокольного трезвона». В газете сообщалось, например, что жители села Матвеевка Сорочинского района сдали колокола в тракторный фонд. Таким же образом матвеевцы предлагали поступить жителям соседних сел Старая Белогорка и Филипповка.

Жители с. Гамалеевка Сорочинского района дали согласие на снятие колоколов с церкви в своем селе. Снять все колокола с Никольской церкви и передать вырученные средства от их продажи на приобретение тракторов постановили и жители с. Тугустемир Троицкого района. Граждане с. Нестеровка Сорочинского района единогласно решили снять колокола с сельского храма и призвали все села района последовать их примеру. В с. Новоникольском Шарлыкского района так же было принято решение снять колокол и половину его стоимости передать в счет задатков на тракторы, а половину использовать на увеличение продовольственного фонда. В поселке Юртаевском решили передать в фонд «тракторизации» не только колокола, но и всю церковную утварь⁹.

3 ноября 1929 г. на общем собрании граждан села Ключи Рычковские Оренбургского района, на котором присутствовало около ста человек, было принято решение о передаче здания церкви под клуб. Уже на следующий день с церкви были сняты кресты и установлен красный флаг. Своему примеру сельчане призывали последовать и жителей поселка Рычковский Краснохолмского района. Те с радостью откликнулись на призыв и рано утром 7 ноября с местной церкви были сняты кресты и установлен флаг с надписями: «Долой религиозный дурман», «Да здравствует дом культуры и отдыха». Сделав это рычковцы призывали последовать их примеру уже весь Краснохолмский район.

По единой схеме происходило закрытие храмов и молитвенных домов и в других населенных пунктах области. Закрытие церквей и прекращение деятельности религиозных организаций часто осуществлялось незаконными методами. Несмотря на то, что для принятия решения о закрытии церкви требовалось принятие такого решения не менее чем 50 % населения, местные власти, комсомольские орга-

низации и активисты Союза воинствующих безбожников зачастую откровенно фальсифицировали списки. В селе Козловка Покровского района поступили еще проще – церковь заперли и перестали туда пускать как священнослужителей, так и верующих.

Основываясь на имеющихся инструкциях местные исполкомы размещали на дверях церквей объявления о том, что здание сдается в аренду религиозным группам и обществам. Верующие должны были в кратчайший срок переоформить свою религиозную организацию и заключить договор аренды, выплатив при этом недоимки, которые скопились сразу за 5-7 лет. Осуществить все это было практически невозможно.

Самым распространенным действием местных властей являлось использование зданий церквей как зернохранилищ. При этом церковь официально не закрывалась, а религиозное общество не снималось с регистрации. Так были заняты церкви в селах Зобово, Ратчино, Н. Михайловка Шарлыкского района, а также еще в десяти селах Бугурусланского района¹⁰. В селе Малая Павловка по инициативе местных властей в церкви был взломан замок и туда было засыпано зерно, а в церковную ограду были пущены пастись овцы.

Еще больший размах антицерковная политика приобрела в 1930 г. Широко использовалось «организованное» население – члены профсоюзов, учителя, военнослужащие, рабочие. Уровень проведения кампании, ее организованность и масштабность информационной поддержки, свидетельствуют о ее спланированности и качественной «режиссуре». Так, 2 января 1930 г. общее делегатское собрание работников автотранспорта обратилось в горсовет с просьбой о закрытии всех церквей, находящихся на территории г. Оренбурга. Здания церквей предлагалось передать под детские учреждения. В этот же день с призывом закрыть Петропавловскую церковь и Кафедральный собор обратился коллектив железнодорожной школы № 25. На следующий день о закрытии Богословской церкви ходатайствовало собрание родителей учащихся школы № 19. Родители учащихся школы № 16 просили горсовет закрыть пустующие Вознесенскую, Петропавловскую церкви и собор. При этом родители учеников всех остальных школ призывались присоединиться к этому решению.

В середине января прошли собрания рабочих всех цехов Оренбургских главных мастерских, на которых принимались требования о закрытии собора, Никольской, Вознесенской, Петропавловской, Дмитриевской, Богословской и Михайловской церквей. Рабочие товарно-

го и деревообрабатывающего цехов на своем собрании пошли еще дальше, выдвинув к горсовету требование о закрытии до конца года всех имеющихся в г.Оренбурге церквей.

К началу года только в г. Оренбурге насчитывалось 26 действующих культовых сооружений: церквей, молитвенных домов и мечетей. Уже 2 февраля 1930 г. Пленум оренбургского горсовета, на основе требований рабочих коллективов и трудящихся города о закрытии церквей, мечетей, синагоги и о снятии колоколов постановил удовлетворить требования трудящихся – закрыть кафедральный собор, Вознесенскую, Преображенскую, Серафимовскую и Богословскую церкви, синагогу №1, мечети на арендованных местах, новой стройке, Карачах и при татпедтехникуме, а также снять колокола со всех церквей города и передать их в фонд постройки Дома культуры в Оренбурге. Все здания закрытых церквей и мечетей передать под очаги культуры¹¹.

Постановлением Средне-Волжского крайисполкома от 18 февраля 1930 г. утверждалось решение о закрытии Петропавловской и Успенской церквей в г. Оренбурге. Успенская церковь располагалась в «Красном городке» недалеко от Главных железнодорожных мастерских Ташкентской дороги. В Петропавловской церкви разместился клуб металлистов, который сразу же принял активное участие в антирелигиозном проведении Пасхи. Серафимовская церковь в Форштадте была закрыта 1 мая 1930 г. по причине неуплаты налогов¹².

Основываясь опять же на многочисленных ходатайствах граждан Президиум окрисполкома 9 февраля 1930 г. утвердил постановление пленума горсовета о снятии колоколов со всех 22 действующих к этому времени в г.Оренбурге церквей. Достаточно оперативно, уже в феврале-марте 1930 г., это решение было выполнено.

Активизировал свою работу и Союз воинствующих безбожников. 31 августа 1930 г. для созыва конференции Союза была избрана оргпятерка, возглавил которую С. Попов. В это время в Оренбургской области действовали около 70 ячеек Союза, в том числе в г.Оренбурге около 40 ячеек. Общее количество членов этой организации, по официальным и как представляется завышенным данным, составляло порядка 7 тысяч человек. 20 сентября 1930 г. был организован Горрайсовет Союза в который вошли все ячейки, действующие в двух городских районах, а также в Краснохолмском и Оренбургском районах. По инициативе Союза воинствующих безбожников в начале года в клубе железнодорожников планировалось проведение антирелигиозного карнавала¹³.

В ноябре 1930 г. в горрайисполком поступило ходатайство от Союза воинствующих безбожников, с просьбой передать здание Вознесенской церкви под антирелигиозный музей. По итогам рассмотрения ходатайства было решено поручить горрайземотделу совместно с Союзом воинствующих безбожников провести в установленном порядке собрания среди верующих и возбудить перед Крайисполкомом ходатайство о закрытии Вознесенской церкви. Здание церкви было передано Союзу без взимания арендной платы под клуб безбожников.

В 1930 г., вместе со старообрядческой Никольской церковью была закрыта Крестовоздвиженская церковь тихоновского течения в пос. Буранное Соль-Илецкого района. Из 826 жителей поселка за закрытие высказалось 606 человек. После закрытия этой церкви в селе осталась только одна – Богодуховская церковь. В феврале 1933 г. решением райисполкома здание бывшей Крестовоздвиженской церкви было разобрано, а стройматериалы направлены на постройку в селе больницы. В июне 1934 г. постановлением Средне-Волжского исполкома с формулировкой «Ввиду отказа самих верующих от использования здания церкви, а также отказа церковного совета оплачивать налог со строения за церковное здание, оплачивать в Госстрах, за земельную ренту и производить ремонт»¹⁴ была закрыта и Богодуховская церковь в пос. Буранном.

В 1930 г. был закрыт и превращен в зернохранилище молитвенный дом в Верхне-Заглядинском сельсовете этого Асекеевского района¹⁵. Церковь в с.Зерикла, построенная в 1888 г., также была закрыта в 1930 г. Долго пустовала и была заброшена. В 1949 г. по причине ветхости она была разобрана.

Закрытие церквей сопровождалось репрессиями против священнослужителей. Свообразным прологом к массовым репрессиям по отношению к священнослужителям стало лишение их избирательных прав. Уже по Конституции 1918 г. представители бывших привилегированных сословий, в том числе и духовенство, были лишены возможности участвовать в управлении государством. Причисление к категории «лишущев» влекло за собой дискриминацию в ряде гражданских и социальных прав: повышенное налогообложение, сложности при устройстве на работу, лишение пенсий и пособий, ограничение доступа к образованию и прочее. Как показал опыт 1930-х годов, именно «лишущев» чаще всего становились потенциальными жертвами репрессий.

В 1930 г. арестовали и вскоре расстреляли Епископа Бузулукского викария Оренбургской епархии Сергея Никольского¹⁶. Он еще в

июне 1928 г. был арестован сотрудниками ОГПУ и решением «тройки» был лишен права проживания в Средне-Волжском округе. Ссылку Сергей Никольский отбывал в Уфе, где в марте 1930 г. был снова арестован и обвинен по делу о церковно-сектантской организации, по заданию которой он якобы занимался контрреволюционной деятельностью. Решением тройки при ПП ОГПУ СССР по Средне-Волжскому краю 27 апреля 1930 г. Сергей Никольский был приговорен к высшей мере наказания. 16 мая 1930 г., по неподтвержденным данным, он был расстрелян в г. Оренбурге на территории бывшего Богодуховского мужского монастыря на горе Маяк.

В 1930 г. было возбуждено уголовное дело, по которому проходили 29 человек, в том числе священники Богодуховского мужского монастыря (в г. Оренбурге, на горе Маяк), иеромонах Ераст (Василий Моисеевич Курдюков), иеродиакон Лев (И.Н. Миронов) и схимонах Мартирий, которых обвинили в антисоветской агитации и приговорили к высшей мере наказания. 19 апреля 1930 г. обвиняемые были расстреляны (по преданию там же, на горе Маяк).

В январе 1931 г. по делу «монархической поповско-кулацкой контрреволюционной организации» было арестовано 157 человек, в том числе 9 священников и 27 монахов и монахинь. По версии следователя до 1929 г. возглавлял эту организацию священник из с. Болдыревка (в деле с. Кирсановка) Каширинского района Семен Николаевич Могилев. В июле 1929 г. он на 3 года был сослан, но в феврале 1931 г. снова арестован и этапирован обратно в Оренбург, где был привлечен к ответственности как руководитель организации «Истинноправославная церковь». 26 марта 1931 г. он был расстрелян. После ссылки Могилева организацией якобы руководили бывшие священники церкви в с. Ильинка Каширинского района Спиридон Васильевич Палатов, Семен Васильевич Огородников и иеромонах Тихон (Тихон Павлович Болмасов). Ячейку в Оренбурге якобы возглавляли бывший миссионер по борьбе с сектанством, протоиерей Дмитрий Архипович Несмеянов, который в 1928 г. только вернулся в Оренбург после трехгодичной ссылки, административно сосланная в Оренбург, бывшая дворянка из г. Уфы Лидия Львовна Першакова и бывший священник закрытой в 1930 г. Серафимовской церкви Макарий Федорович Квиткин¹⁷. По делу также проходили: священники Варнава Георгиевич Калашников из с. Екатериновка Петровского района (до этого архимандрит Ново-Никольского мужского монастыря близ гор. Троицка Уральской области), Владимир Петрович Горизонтов из с. Ново-

Петровское Петровского района, Савва Семенович Мешков из с.Верхний Гумбет, псаломщик Иван Михайлович Краснослабодцев из с.Екатериновка Петровского района, а также бывшие монахини Дарья Прокофьевна Курдюкова (жена о. Ераста, принявшая вместе с ним монашество в 1927 г.), Васса Павловна Гусаренко (бывшая схи-монахиня Богодуховского монастыря), Погорелова Ольга Власьева, Шевченко Елена Тимофеевна, Степанова Зинаида Потаповна, Фокина Матрена Ивановна и др. В числе фигурантов дела был и бывший в 1915-1917 годы городской голова г. Оренбурга Евгений Николаевич Клиентов.

Дело два месяца рассматривалось тройкой ОГПУ. Из свидетельских показаний следовало, что члены организации занимались активной агитацией против колхозов, кооперации и школы, распространяли провокационные слухи о кончине мира и свержении советской власти. Судя по материалам дела следователи настойчиво стремились к тому, чтобы подвести арестованных к признанию связей с расстрелянным ранее иеромонахом Ерастом (Курдюковым). В вину также ставилось непризнание обновленческого течения в церкви и непризнание митрополита Сергия. Некоторым подследственным (Могилеву, Палатову, Огородникову и еромонаху Тихону) вменялась связь с «иосифлянским» епископом Димитрием (Любимовым).

26 марта 1931 года тройка ОГПУ приговорила обвиняемых к различным срокам заключения, и среди них тридцать шесть человек – к расстрелу. Трое приговоренных были расстреляны вскоре после приговора в ночь на 31 марта 1931 г. Остальные 33 человека были расстреляны 5 апреля 1931 г.

Многие священники подверглись ссылке. 23 октября 1931 г. тройкой при ПП ОГПУ СССР по Средне-Волжскому краю был осужден на три года высылки и епископ Павел (Введенский). В 1931 г. «за ведение пропаганды к открытию церкви» приговорили к 10 годам ссылки священника Федора Васильевича Шевцова, проживавшего в селе Черкассы Саракташского района. В декабре 1937 г. по состоянию здоровья он был освобожден, но уже в апреле 1938 г. вновь арестован за агитацию по открытию церкви в селе Черкассы и приговорен к расстрелу¹⁸.

В 1931 г. закрытие церквей продолжилось. Обновленческая община, в силу незначительности своих членов, не смогла содержать здание Троицкой церкви в г.Оренбурге и она постепенно приходила в запустение. В январе 1931 г. президиум Оренбургского горсовета постановил:

«Имея в виду, что община верующих Троицкой церкви распалась, что посещаемость церкви верующими незначительна и что церковный совет в своем заявлении, поданном в горадмотдел 26 декабря 1930 года, просит принять от него церковь и культовое имущество, считать целесообразным Троицкую церковь закрыть...»¹⁹. Помещение храма было решено первоначально передать под детский театр. В мае 1932 г. малый президиум Оренбургского горсовета постановил принял новое решение относительно храма: «Имея острую нужду в кирпиче, разрешить разобрать колокольню бывшей Троицкой церкви до уровня крыши и затем покрыть ее, одновременно поручить особоуполномоченному по строительству определить порядок использования белой жести, а горкомхозу учесть количество разобранного кирпича...»²⁰. Позднее в здании церкви разместились авиамастерские.

В марте 1931 года местные власти приняли решение о разборе на кирпич Преображенской церкви – одной из первых капитально построенных в г. Оренбурге²¹.

В мае 1931 г. на заседании бюро фракции Оренбургского Горсовета было принято постановление с требованием «немедленно принять меры к разборке кирпичных колоколен и вышек церквей и минаретов для использования кирпича...на строительство»²².

27 мая 1931 г. постановлением Оренбургского горсовета было принято решение о закрытии Казанского собора. Формальным обоснованием для принятия данного решения стала задолженность налоговых платежей и земельной ренты, а также отказ обновленческого религиозного общества от дальнейшего содержания собора. Никакое другое религиозное общество, якобы, не изъявило желания взять здание собора в пользование²³.

25 июня 1931 г., основываясь на заявлениях собраний рабочих и служащих о необходимости закрытия и переоборудования церквей, так как остро не хватало материалов для строительства культурных учреждений и жилья рабочим, было принято Постановление Президиума Оренбургского Городского совета «О закрытии церквей Введенской, Воскресенской, Георгиевской, Никольской, Покровской, Иоанно-Богословской». Все эти церкви находились в пользовании у общин патриаршей ориентации. На основании этого же постановления была закрыта Единоверческая церковь, располагавшаяся, как и Введенская, на берегу реки Урал.

В июне 1931 г. Оренбургским горсоветом было принято еще одно постановление – о закрытии Смоленско-Богородской кладбищенской

церкви. Мотивировалось это решение тем, что с переносом кладбища на новое место, церковь потеряла значение кладбищенской и имела низкую посещаемость. Здание церкви было решено разобрать и использовать стройматериалы для строительства поблизости учебно-сборного пункта. Верующим предлагалось удовлетворять церковные нужды в близлежащей Дмитриевской церкви. При этом власти сознательно не брали в расчет, что Дмитриевская церковь принадлежала обновленческой общине. У верующих староцерковной направленности практически не оставалось выбора. Последний староцерковный Никольский храм располагался в Форштадте, который тогда являлся предместьем города. Возможно, горсовет просто не имел полномочий на закрытие и этого храма, как расположенного вне сферы его деятельности. Решением епископа Павла (Введенского) общины и священнослужители закрытых храмов патриаршей ориентации были причислены к общине Никольской церкви.

17 июля 1931 г. начала работу первая Оренбургская общегородская конференция Союза воинствующих безбожников. В работе конференции принимали участие 45 делегатов. В городе к этому времени действовали 33 ячейки, в которые входили 2445 членов²⁴. Ответственный секретарь горсовета Союза Виноградов обвинил старый состав горрайсовета в отсутствии активности в проведении антирелигиозной работы и отметил, что к этому времени в городе было закрыто всего 25 молитвенных домов²⁵. Только за первые три месяца работы нового состава горсовета Союза было закрыто еще десять церквей тихоновского течения и один молитвенный дом²⁶.

Продолжалось закрытие церквей и в сельской местности. По причине ветхости была закрыта церковь в селе Старая Мертовщина Сок-Кармалинского района. В марте 1931 г. Сорочинский райисполком рассматривал вопрос о закрытии в Сорочинске второй церкви, ее разборке и использовании полученного строительного материала под Сорочинскую электростанцию²⁷.

Осенью 1931 г. была ликвидированы сразу две церкви в г.Абдулино, после чего действующих церквей в городе не осталось²⁸. Под зернохранилище использовались церкви в Ивановском и Алексеевском сельсоветах Асекеевского района, закрытые в 1931 году. В 1931 г. был закрыт и стал использоваться под зернохранилище храм в честь Сретения Господня в Илеке²⁹.

К началу 1932 г. в г. Оренбурге действовало только 5 церквей: одна патриаршей ориентации (Никольская церковь), три обновленческие

(Благовещенская, Михайловская и Димитриевская) и одна «григорьевской ориентации» (Ново-Никольская церковь).

Несмотря на то, что по религиозным организациям уже был нанесен мощнейший удар, 1932-1937 гг., с подачи председателя Центрального Совета Союза воинствующих безбожников Е. Ярославского, были объявлены «безбожной пятилеткой». В этот период были закрыты последние храмы в г. Оренбурге и большинство религиозно-культурных учреждений, действующих в пределах Оренбургской области.

Апогеем этой кампании стал взрыв 19 мая 1932 г. в г. Оренбурге Казанско-Богородицкого кафедрального собора³⁰. Разбор собора и дополнительные взрывы продолжались до 1936 г.³¹.

В годы «безбожной пятилетки» происходило массовое уничтожение церковных зданий, являющихся уникальными памятниками культурного наследия. 16 мая 1932 г. малый президиум Оренбургского горсовета принял следующее постановление: «Имея острую нужду в кирпиче, разрешить разобрать колокольню бывшей Троицкой церкви до уровня крыши и затем покрыть ее...»³².

В марте 1932 г. оренбургское отделение Союзкино возбудило ходатайство перед горсоветом о предоставлении ему закрытых по требованию трудящихся, Серафимовской (Форштадт) и Покровской (Аренда) церквей. В этих помещениях было намечено открыть общедоступные кино. 16 мая 1932 г. на заседании малого президиума Оренбургского горсовета было принято решение о передаче бывшей Серафимовской церкви 35-й школе³³.

Если в г. Оренбурге к началу 1932 г. было закрыто большинство храмов и молитвенных домов, то в районах процесс закрытия церквей только начал разворачиваться. Так, в Оренбургском районе к началу 1932 г. было закрыто всего 2 молитвенных здания и 3 молитвенных помещения. Причем все 5 церквей и молитвенных домов были закрыты только на основании постановлений местных исполкомов. Действующими оставалось 31 молитвенное здание и 2 молитвенных помещения. Как закрытые, так и действующие церкви и молитвенные помещения принадлежали староцерковным общинам. К 1934 г. в Оренбургском районе оставалось только 5 действующих церквей.

16 января 1932 г. по причине неиспользования общиной была закрыта и передана сельсовету под культурно-просветительские нужды церковь в пос. Красно-Знаменском³⁴.

Зачастую местных властей вообще не заботились о соблюдении юридических формальностей при закрытии церквей. Так, например,

19 января 1932 г. представители сельсовета с. Ворошилово Мордово-Боклинского района зайдя в церковь начали выносить предметы церковного обихода (утварь, иконы и т.д.). На глазах собравшихся жителей села во дворе церкви были изрублены топором иконы и плащаница, что, разумеется, отрицательно сказалось на настроении граждан с. Ворошилово³⁵.

Постановлением президиума Орского райисполкома от 20 февраля 1932 г. была закрыта церковь в Покровском сельсовете. Все имущество, находящееся в церкви, было передано в райфо, а здание – сельсовету для использования под культурно-просветительские цели³⁶.

На основании постановления общего собрания граждан решением Куйбышевского крайисполкома от 20 февраля 1932 г. была закрыта церковь в с. Покровка. До 1937 г. здание церкви пустовало, после чего было принято решение его разобрать, а стройматериалы использовать на постройку в селе неполной средней школы. Был произведен предварительный расчет, в соответствии с которым в результате разбора церкви можно было получить около 700-800 тыс. кирпичей. В мае 1937 г. соответствующая просьба была направлена райисполкомом в облисполком, который на заседании президиума 19 июня 1937 г. удовлетворил эту просьбу³⁷.

9 марта 1932 г., по причине отказа верующих от пользования церковью из-за непосильности налога, была закрыта церковь в с. Андреевка Абдулинского района. Имущество, находящееся в церкви было сразу изъято. По данным местных властей церковь фактически не использовалась с 1929 г. С этого же времени не платились налоги. В апреле 1933 г. это решение было утверждено постановлением Средне-Волжского исполкома³⁸.

В 1933 г. были закрыты еще три храма, действовавших в г. Оренбурге: Михайловская, Благовещенская и Ново-Никольская церкви. Благовещенская церковь, в силу своей ветхости, была предназначена к сносу³⁹.

Здание Покровской церкви в г. Оренбурге решением горсовета в 1933 г. было передано в долгосрочное пользование Оренбургскому Облпотребсоюзу. Храм был переоборудован в столярный, мебельный и бондарный цеха, оборудована сушилка леса. Внутри бывшего храма были установлены 12 станков с электромоторами, построена силовая подстанция и главный распределительный щит.

В 1933 г. была закрыта церковь в с. Егорьевка Абдулинского района. Первое время в здании церкви хранилось зерно, потом оно пусто-

вало. Это дало основание представителям группы верующих обратиться 7 июня 1936 г. с просьбой об открытии храма. Но в данном ходатайстве было отказано.

Постановлением президиума Абдулинского райисполкома от 14 июня 1934 г. была закрыта церковь в с. Степановка. Здание церкви передано под клуб⁴⁰.

Осенью 1933 г. председатели райисполкомов под грифом «Совершенно секретно» получили циркуляр, в соответствии с которым они обязывались осуществить до конца года частичное изъятие лома колокольной бронзы: «Снятие колоколов должно быть произведено в кратчайший срок, перевозка их должна быть обставлена таким образом, чтобы это не привлекло излишнего внимания окружающего населения»⁴¹. К циркуляру прилагалась разнарядка, в соответствии с которой всего по краю необходимо было собрать 119 000 килограммов колокольного лома. Семь районов должны были собрать не менее 1000 кг. (Андреевский, Боклинский, Бугурусланский, Кваркенский, Оренбургский, Пономаревский, Шарлыкский), два района – по 1500 кг. (Абдулинский и Соль-Илецкий), три района – по 2000 кг. (Орский, Покровский, Сорочинский), два района – по 3000 кг. (Бузулукский, Илекский) и Каширинский район – 5000 кг.

В 1934 г. была приспособлена под зерносклад Никольская церковь в с. Вехняя Павловка. Внутреннее убранство храма было частично похищено, а оставшиеся церковная утварь и иконы сложены на колокольне и в сараях. В этом же году под Дом соцкультуры было переоборудовано здание церкви в с. Ново-Покровское Ново-Покровского района⁴².

В Акбулаке, который в этот период входил в состав Актюбинской области, церковь была закрыта в июле 1934 г., под предлогом того, что община не делала капитальный ремонт церкви и колокольни. Здание церкви было засыпано зерном. В декабре 1934 г. верующие Акбулака направили жалобу на незаконность изъятия церкви и использования ее как зернохранилища. Эта жалоба рассматривалась на заседании культкомиссии при КЦИК, которая постановила немедленно освободить здание церкви и передать ее верующим. Но после перехода этой территории к Оренбургской области позиция руководства поменялась. 9 февраля 1935 г. президиум Оренбургского облисполкома принял решение закрыть церковь в Акбулаке, а ее здание передать под Дом культуры. При этом было решено привлечь к ответственности лиц, изъывших церковь из пользования верующих до решения этого вопроса облисполкомом⁴³.

В 1934 г. в Оренбургскую епархию был назначен новый обновленческий епископ Георгий (Лапшин Сергей Николаевич), который до этого непродолжительное время возглавлял Бузулукскую (с мая по июнь 1925 г.) и Бугурусланскую (с ноября 1927 по август 1929 гг.) епархии⁴⁴.

Обновленческий епископ Оренбургской епархии Георгий (Лапшин)

Несмотря на то, что численность действующих церквей в г. Оренбурге достигла минимума, антирелигиозная кампания не прекращалась. Трудящиеся города и колхозники «красного посада» (Форштадта) требовали закрытия последней церкви патриаршего течения – Никольской. В мае 1934 г. горсовет, ссылаясь на малочисленность верующих в Форштадте, объявил о закрытии Никольской церкви. При этом городскими властями не учитывался факт того, что к Никольской церкви были приписаны все общины закрытых церквей староцерковной направленности. Многочисленные жалобы и ходатайство митрополита Сергия (Страгородского) немного задержали процесс

утверждения этого решения. Однако 1 ноября 1934 г. Президиум ВЦИК все же утвердил закрытие Никольской Форштадтской церкви в городе Оренбурге.

Практически одновременно с этим местными сельсоветами были закрыты церкви в близлежащих к городу селах П.-Покровка и Берды.

Еще одним из методов прекращения деятельности религиозных организаций являлось намеренное повышение налогообложения.

Верующие пытались протестовать против неправомерных действий райисполкомов и сельсоветов в отношении использования закрытых церквей, а также относительно предъявленных налогов, но их жалобы не давали желаемого результата. Иногда протесты верующих находили выражение в практических действиях. Например, после того, как решением Горсовета и Постоянной комиссии по вопросам культов была закрыта Бердинская церковь колхозники отказались выходить на полевые работы во время весеннего сева до тех пор, пока не откроется церковь⁴⁵.

Вместе с закрытием церквей снижалась и численность священнослужителей. Если к началу 1933 г. в Оренбургском горсовете на учете состояли 11 священников тихоновского направления, 5 обновленческих и 2 «григорьевских» священнослужителей то уже к началу 1934 г. в городе официально действовали только 7 тихоновцев и 4 обновленца. В сельской местности дела со священниками обстояли еще хуже. В 1934 г. в Оренбургском районе из-за отсутствия священников не функционировало 6 церквей.

В 1935 г. была закрыта церковь в с. Грачевка Грачевского района. За это решение проголосовали 564 из 719 жителей села. Здание церкви было передано для размещения школы⁴⁶.

В 1936 г. была создана постоянная комиссия по рассмотрению культовых вопросов при президиуме Оренбургского облсовета.

В качестве помещений для временной засыпки зерна в период хлебозаготовок многие культовые сооружения использовались на протяжении всех 1930-х годов. Областная комиссия по рассмотрению культовых вопросов (комиссия по культам), образованная при президиуме Совета депутатов трудящихся Оренбургской области в 1936 г., рекомендовала всем председателям райисполкомов прежде чем осуществлять ссыпку хлеба в помещения религиозных культов, проводить разъяснительную работу среди населения, в том числе и среди верующих, с тем, чтобы добиться их согласия на эксплуатацию церк-

вей под хлебохранилища⁴⁷. В этом вопросе верующие не всегда шли на встречу местным властям. Например, руководство Петровского сельсовета Саракташского района потребовало от председателя церковного совета Петровской общины верующих предоставить церковь для яровизации семян. Церковный совет это предложение отклонил, сославшись на приближающиеся пасхальные праздники. В ответ на это сельсовет решил использовать против членов церковного совета штрафные санкции, чем только вызвал жалобы в вышестоящие инстанции⁴⁸.

После истечения срока, на который верующие давали свое согласие на использование церкви в качестве зернохранилища, местные власти часто не возвращали ее верующим. Это приводило к многочисленным жалобам верующим в комиссию по делам культов при Оренбургском облисполкоме. Сталкиваясь с многочисленными жалобами верующих комиссия по культурам предупреждала всех руководителей городских и районных исполнительных комитетов о том, что если заявления верующих на незаконные действия местных советских органов будут продолжать поступать, то виновные будут привлечены к ответственности за администрирование. Правда в этом же циркуляре оговаривается возможность закрытия храмов в случае острого недостатка зданий и помещений для жилищных, санитарно-медицинских, культурно-просветительских и подобных целей⁴⁹.

2 февраля 1936 г. комиссия по культурам потребовала вернуть церковное здание, занятое под глубинный ссыпной пункт в селе Коровино Боклинского района⁵⁰. Также после жалоб верующих в Постоянную комиссию по вопросам культов при ВЦИК СССР была возвращена одна из закрытых в 1936 г. церквей в селах Козловка и Рыбкино. Правоохранительным органам было поручено привлечь к уголовной ответственности лиц, изъявших церкви до официального решения этого вопроса.

Решения о закрытии церквей и использовании их под культурные учреждения или ссыпные пункты не всегда приводили к заявленным результатам. Так, Покровский райисполком, несмотря на решение президиума облисполкома от 21 июля 1935 года о закрытии Платовской церкви и использовании ее под культурное учреждение села, ограничился только закрытием церкви, не приступив к ее переоборудованию. Это вызвало поток жалоб верующих, требующих вернуть им пустующее здание церкви. В связи с этим в 1936 г. облисполком обязал все райисполкомы предпринимать практические меры для

использования закрываемых культовых помещений под культурные учреждения или ссыпные пункты⁵¹.

Использование церкви в качестве ссыпных пунктов не позволяло оформить в законном порядке решение о ее закрытии и ликвидации религиозного общества. Это позволяло верующим бороться за восстановление своих прав и возвращение культового сооружения. В Соль-Илецкой церкви, используемой как зернохранилище, по-прежнему висели иконы и прочая церковная утварь, а колхозники заходя в церковь снимали головные уборы.

В 1936 г. представителями сельсовета, партийной и комсомольской ячеек была закрыта церковь в с. Красноозерное. Ночью, отобрав ключи у церковного старосты, погромщики разбили иконостас, выбросили на улицу иконы, церковную утварь. Взломав шкафы церковной библиотеки и архива, выбросили на улицу книги и церковные документы. Была уничтожена летопись прихода. Чтобы скрыть факт грубого нарушения законодательства о культах задним числом был составлен приговор, в котором якобы сами прихожане приняли решение о закрытии церкви. Позднее с купола храма был снят крест и сброшены колокола.

В марте 1936 г. была закрыта Казанско-Богородицкая церковь в с. Казанка Ново-Покровского района. Все имущество, в том числе и иконы, сразу увезли, иконостас разложили, сняли крест⁵².

В Бугурусланском районе всего имелось 18 культовых сооружений, в том числе 13 православных храмов и 5 старообрядческих. Из них к сентябрю 1936 г. действовали только 10 церквей: 4 тихоновского течения, 2 обновленческих и 4 старообрядческих. Остальные культовые сооружения использовались в качестве зернохранилищ, хотя официально закрыты не были.

К тихоновскому течению в 1936 г. относились Покровская церковь в Бугуруслане, являющаяся местом нахождения епископской кафедры. Тихоновское течение в этот период возглавлял епископ Иракий (Попов). Церковь находилась на территории бывшего монастыря, занятого под студенческий городок. Церкви тихоновского течения действовали также в селах Лобовка, Кирюшкино и Красноярка.

В Покровском соборе Бугуруслана служили священники Петр Васильевич Архангельский, Александр Федорович Соколов, протоиерей Василий Константинович Разинкин. В церкви с. Красноярка служил Митрофан Федорович Петров. Настоятелем церкви в с. Ки-

рюшкино был Евстафий Иванович Кабанов. В с.Лобовка служил священник Василий Семенович Черканов.

Центром обновленческого течения в Бугурусланском районе являлся Успенский собор (бывшая кладбищенская церковь), где располагалась епископская кафедра. Обновленческий епископ Владимир Никитович Сычев до 1919 г. служил до этого в Северной Америке. С 1919 по 1934 гг. был епископом на Дальнем Востоке, во Владивостоке, Никольске-Усурийске, Спасском и Благовещинске.

Обновленческими священниками являлись Александр Яковлевич Ледомский (академик, с 1903 г. – священник), Иван Дмитриевич Тихонов, протоиерей Петр Павлович Тоцкий, дьякон Успенского собора Александр Иванович Ильин, протодьякон Петр Петрович Медведев.

В сельской местности действовала только одна обновленческая церковь – в с. Нуштайкино.

Незакрытые и недействующие православные культовые здания находились в селах Староверовка, Елатомка, Поникла, Наумовка, Коптяжьево, Верхнее Куроедово и Завьялово.

В сентябре 1936 г. состоялось заседание комиссии по культурам при Бугурусланском райисполкоме, на котором рассматривался вопрос о способе закрытия как недействующих, так и действующих церквей. Было выдвинуто предложение поместить на дверях церквей объявления о том, что они сдаются в аренду религиозным группам и обществам. С расчетом на то, что в течение 7 дней верующие не смогут оформить свои религиозные объединения и взять в аренду церковные здания. Кроме того, за зданиями церквей числились налоговые недоимки за 5-7 лет. Таким образом комиссия рассчитывала официально оформить факт фактического закрытия этих церквей. Комиссия по культурам постановила провести перерегистрацию и перезаключение арендных договоров на здания культов в срок с 1 октября по 1 декабря 1936 г.

Сложнее обстояли дела с закрытием церквей в самом Бугуруслане. В городе проживало порядка 25 тыс. жителей и для ликвидации церквей требовалось не менее 12,5 тыс. подписей. С первой попытки закрытия Покровской церкви, которая была предпринята в 1936 г., райисполкомом, главным образом среди учащихся, были собраны только 2480 подписей. Комиссией, по рекомендации представителя облисполкома, было рекомендовано включать вопросы о закрытии церквей в повестку общих собраний профсоюзов. К утвержденному

постановлению прикладывался регистрационный листок присутствовавших, заверенный профсоюзной организацией.

Староцерковная община закрытой в г.Оренбурге Никольской церкви, не желая сливаться с единственной, действующей в городе официально обновленческой общиной Дмитриевской церкви, направила в горсовет ходатайство с просьбой передать им в аренду один из приделов последнего в городе действующего храма. Рассмотрение этого вопроса затянулось на несколько лет. Оренбургский горсовет и облисполком то разрешали общине использование Успенского придела церкви, то отменяли свое решение. В результате, после жалобы тихоновцев Председателю ВЦИК СССР Михаилу Калинину, только в июне 1936 г. просьба староцерковной общины была удовлетворена.

Владение двумя противоборствующими общинами одной церковью не могло не привести к возникновению конфликтных ситуаций. Слишком очевидной была и несправедливость распределения приделов церкви. К маю 1937 г. обновленческая община, владея двумя приделами имела в своем составе не более 60 человек, староцерковная же община, состоящая из 2280 человек не могла поместиться в одном приделе.

По заявлению членов обновленческой общины об имеющихся местах в Успенском приделе Дмитриевской церкви хищения общественных средств, в июне 1937 г. были арестованы священники и церковный совет староцерковной общины. 2 августа 1937 г. был арестован епископ Варлаам (Козуля), который был назначен на Оренбургскую кафедру только 23 мая 1937 г., сменив арестованного епископа Арсения (Соколовского)⁵³. Вместе с владыкой были арестованы одни из последних официально зарегистрированных в городе священников протоиереи Георгий Пинегин и Сергей Целовальников, а также дякон и староста прихода Ксения Петровна⁵⁴. В этот же день был арестован и обновленческий епископ Алексей Кононов, который получил известность еще в 1922 г. как представитель обновленческой «Живой церкви» Петропавловске.

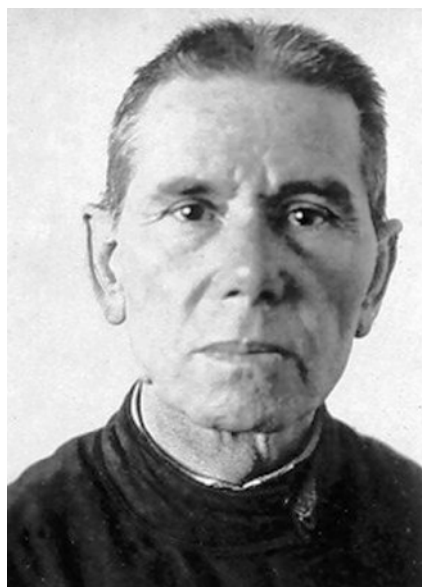
Епископа Варлаама обвиняли в участии и организации антисоветской церковно-сектантской, повстанческой организации, шпионаже в пользу Японии и Германии, контактах с «японской военно-казачьей фашистской организацией», подготовке восстания против советской власти, руководстве повстанческой диверсионно-террористической деятельностью, антисоветской агитации.

9 октября 1937 г. тройкой УНКВД по Оренбургской области Епископ Варлаам был приговорен к расстрелу. Уже на следующий день

приговор был приведен в исполнение. Похоронен он в Зауральной роще под Оренбургом⁵⁵.

Варлаам (Козуля), епископ Оренбургский и Тургайский 1937 г.

Варлаам (Козуля), еп. Оренбургский. Внутренняя тюрьма НКВД, 1937 г.

СЕКЦИЯ 5.
СЛАВЯНЕ В ИСТОРИИ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Обновленческий епископ Алексей Кононов был осужден «тройкой» УНКВД по Оренбургской области 5 ноября 1937 г.

Летом 1937 г. Бузулукской опергруппой НКВД была «выявлена» так называемая «контрреволюционная фашистско-повстанческая организация» руководителями которой были объявлены священники Всевысвятской церкви г. Бузулука Н.Д. Троицкий и А.И. Невский. По итогам рассмотрения тройкой материалов дела внесудебным порядком они, как и другие священнослужители и миряне, проходившие по этому делу, были расстрелянных. По этому же делу был арестован и приговорен к высшей мере и схимонах Максим (Матвей Егорович Филиппов). Расстрелян он был 16 августа 1937 г. в камере Бузулукской пересыльной тюрьмы, располагавшейся в корпусах закрытого в 1929 г. Тихвинского монастыря.

Блаженный Максим, схимонах Исповедник Бузулукский

После закрытия Михаило-Архангельской церкви ее настоятель Иван Москаленко работал в г.Оренбурге возчиком на ишаке. В 1937 г. он был арестован и приговорен к расстрелу. В августе 1937 г. арестовали священника Якова Петровича Андреева, который с осени 1936 г. был сторожем школы № 6 города Оренбурга. Его обвинили в участии в контрреволюционной церковно-сектантской повстанческой организации. 9 сентября 1937 г. тройка УНКВД по Оренбург-

ской области приговорила Я.П. Андреева к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 10 сентября 1937 г.

2 августа 1937 г. был арестован настоятель Николаевского мужского монастыря иеромонах Геронтий (Георгий Иванович Губанов). Он был осужден, якобы за участие в военно-казачьей повстанческой организации, по заданию которой занимался вредительством и был приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 10 сентября 1937 г. Предположительное место захоронения – Зауральная роща в г.Оренбурге.

В июле 1937 г. по обвинению в участии в контрреволюционной повстанческой организации был арестован дьякон села Ташла Троицкого района Никита Прокофьевич Гирин. 21 августа 1937 г. тройкой УНКВД по Оренбургской области он был осужден к высшей мере наказания. Приговор привели в исполнение 22 августа 1937 г.⁵⁶.

Большой резонанс получило анонимное письмо, направленное в октябре 1937 г. на имя И.В. Сталина из Соль-Илецка. В письме, среди прочего, указывалось на то, что молодежь в Соль-Илецке до сих пор посещает церковь. Изложенные в письме факты были проверены и нашли свое подтверждение. Е.М. Ярославский, характеризуя состояние антирелигиозной работы в Оренбургской области оценил ее как находящуюся в полном развале. В качестве причины этого он указал на вредительскую деятельность врагов народа. Районные организационные бюро Союза действовали только в 36 из 52 районов области⁵⁷. Результатом проведенных проверок стало проведение 23 декабря 1937 г. заседания бюро Оренбургского обкома ВКП(б), на котором была осуществлена замена всего состава облбюро Союза воинствующих безбожников. Прежний председатель бюро Союза Шерстобитов был освобожден от должности. Новым председателем был избран Глазунов, членами бюро утверждены Ильина (обком ВЛКСМ, Газовой (облоно), Малькова (Союзполитпросветработников) и Хилько (Подор). Новый состав бюро Совета развернул активную работу по переоформлению и созданию новых ячеек, установлению контроля за их деятельностью, формированию лекторских групп. Было принято решение ввести в состав Союза по одному платному работнику в городах Оренбурге, Бузулуке, Бугуруслане, Абдулино, а также в Буртинском, Акбулакском, Боклинском, Домбаровском, Асекеевском, Зиянчуринском, Адамовском, кваркенском, Шарлыкском и Тепловском районах⁵⁸.

К Пасхе 1937 г. было приурочено проведение большой антирелигиозной компании. Центральным Советом Союза воинствующих без-

божников был прислан план антипасхальных мероприятий, в котором особо обращалось внимание на необходимость разоблачения пасхальных лозунгов о любви и всепрощении, акцентировании внимания на роли религии и религиозных организаций в деле подготовки фашистами новой империалистической войны⁵⁹.

К началу 1938 г. в области действовало только 35 культовых зданий, в том числе 20 православных церквей и 6 молельных домов. Тихоновское течение представляли 21 религиозная организация, обновленчество – 5 организаций. По три действующих церкви сохранилось в Асекеевском, Мордово-Боклинском, Оренбургском и Троицком районах. Две церкви действовали в г. Бугуруслане и только одна – в г. Оренбурге⁶⁰ (с 26 декабря 1938 г. переименован в г. Чкалов). Но уже в сентябре 1938 г., облисполкомом было принято решение о закрытии последней из православных церквей в г. Оренбурге – Дмитриевской церкви⁶¹. С просьбой переоборудовать здание церкви под клуб выступило 8 тыс. жителей города. Здание церкви было передано Облкинотресту под кинотеатр.

К концу года в Чкаловской области различными организациями было занято 327 недействующих церквей⁶².

Следует отметить, что с момента фактического закрытия церкви, до утверждения этого решения в постоянной комиссии по религиозным культам при Президиуме Верховного Совета РСФСР проходило достаточно много времени. Переписка и сбор необходимой документации могли растянуться на несколько лет. В качестве примера можно привести процедуру закрытия церкви в с. Кушкук Кувандыкского района. Церковь была закрыта постановлением Президиума Кувандыкского райисполкома 23 октября 1937 г. Это постановление было утверждено постановлением президиума Оренбургского облисполкома 27 июля 1938 г. Материалы дела о закрытии церкви на 52 листах были направлены в адрес постоянной комиссии по религиозным культам. 11 февраля 1939 г. комиссия потребовала дополнительно к представленным материалам сообщить с какого времени не функционирует закрываемая церковь, какое переоборудование церкви намечено, имеется ли смета и средства на переоборудование, где и на каком расстоянии от с. Кушкук находится ближайшая функционирующая церковь. Только 27 ноября 1939 г. облисполком подготовил и направил в Москву ответы на поставленные вопросы. В письме сообщалось, что в настоящее время здание церкви используется в качестве зернохранилища, а ближайшая церковь находится в 30 км от г. Кувандыка,

в пос. Куруиль Зиянчуринского района. Только после этого, по истечении двух лет с момента закрытия церкви, это решение было официально утверждено⁶³.

В отдельных случаях местные власти, принимая решение о закрытии церкви, не стремились каким либо образом эти действия обосновать и утвердить факт закрытия в вышестоящих инстанциях. Это существенно затрудняло ведение учета закрытых и действующих официально церквей и молитвенных домов. Полной и достоверной информации по данному вопросу областные власти и структуры Союза воинствующих безбожников просто не имели.

Данные о количестве репрессированных священнослужителей в настоящее время не являются полными и требуют дополнительных исследований, которые сдерживаются ограниченностью доступа к ведомственному архиву УФСБ. Ученые приводят разные цифры репрессированных служителей церкви. Так, О. Томин, ссылаясь на раскритикованные к 1995 г. материалы, осторожно отмечает, что в Оренбургской области в 1930–1937 годах было расстреляно около 100 священников и еще около 400 священнослужителей получили различные сроки заключения⁶⁴. А.В. Федорова указывает на 150 репрессированных священников⁶⁵. Л. И. Футорянский приводит данные о том, что в Оренбургской области было расстреляно 127 человек: 113 православных священнослужителей, два епископа, один тихоновской, другой – старообрядческой ориентации, настоятель монастыря, один монах и восемь монашек, трое церковных старост, три мусульманских проповедника, один меннонитский проповедник⁶⁶. В книге, составленной протоиереем Н. Е. Стремским приводятся данные о 422 репрессированных – как арестованных и осужденных, сосланных или расстрелянных⁶⁷. По расчетам С.В. Семенова, который анализирует все опубликованные источники, в 1920–1930-е годы XX века в Оренбургской области было расстреляно 172 служителя религиозного культа всех конфессий. Таким образом анализ хода и последствий репрессий требуют дальнейших исследований.

Наряду с административным давлением на религиозные организации и священнослужителей не снижала своей активности и деятельность Союза воинствующих безбожников. В 1939 г. в области действовало 890 ячеек Союза, в которых состояло 17029 активистов. В течение года лекторами Союза было прочитано 1377 лекций и докладов по антирелигиозной тематике, главным образом накануне и в дни религиозных праздников⁶⁸.

6 октября 1940 г. в г. Чкалове прошла Вторая областная конференция Союза воинствующих безбожников. Был обновлен состав областного Совета, в состав которого вошло 14 членов, в том числе 5 работников партийных органов, 2 доцента и 2 преподавателя вузов, один врач, 2 директора средних школ, 1 заместитель заведующего облоно, 1 секретарь обкома ВЛКСМ по пропаганде. Кроме того, при областном Совете были созданы 5 комиссий: лекционной работы, индивидуальной работы среди верующих, антирелигиозной пропаганды в печати и радио, антирелигиозной пропаганды в школе, по изучению религиозных пережитков⁶⁹. Обновились и составы районных советов Союза. По аналогии областного Совета при них были созданы районные комиссии к работе в которых привлекались свыше 400 активистов. В самих ячейках работали свыше 390 пропагандистов. Тесные связи были установлены с профсоюзными организациями и другими общественными объединениями области. Областным Советом проводился инструктаж по организации местными ячейками антирелигиозной работы и разработке мероприятий по усилению антирелигиозной пропаганды⁷⁰.

В 1940 г. было создано 268 новых ячеек, в которых состояло 5217 членов. Активизировалась и их деятельность. Для пропагандистской работы стали активнее привлекаться преподаватели кафедры марксизма-ленинизма. В 1940 году было проведено 1824 читки и беседы на антирелигиозные темы, на которых присутствовало 58570 человек. Также было прочитано 969 лекций и докладов, которые прослушало 78432 жителей городов и сел области, организовано 52 постановки и других мероприятий, на которых присутствовало 1196 человек⁷¹. Темы для лекций и бесед были традиционными: «Наука и религия», «О классовой сущности Рождества», «Борьба церкви против Великой Октябрьской революции», «Было ли начало мира и будет ли его конец?» и пр. Однако научно-теоретический уровень прочитанных лекций и бесед был не всегда удовлетворительным. В ноябре 1940 г. из числа лекторов как малограмотные были исключены 10 человек. Их место заняли лучшие научные силы пединститута и сельскохозяйственного института г.Оренбурга. С целью повышения квалификации «антирелигиозников» в 1940-1941 гг. при областном отделе народного образования были организованы пятимесячные заочные антирелигиозные курсы. В Акбулакском районе было подготовлено 30 человек, в Зиянчуринском – 24 человека, в Новоорском – 20 человек и в Сакмарском – 25 человек. Кроме того были организованы 9 консультантов заочных антирелигиозных курсов⁷².

К февралю 1941 г. в Чкаловской области действовали 1258 ячеек Союза воинствующих безбожников (22246 членов). Но большинство из них либо находились в стадии организационного оформления, либо действовали формально. Членство в ячейках зачастую также носило формальный характер, встречались даже случаи нарушения принципа добровольности вхождения в организацию. Например, в 1941 г. председателем ячейки Орского городского отдела РКМ МКВД был избран И. Черногоров, который не только не изъявлял к этому своего желания, но и вообще не знал, что он является членом Союза воинствующих безбожников⁷³.

В отдельных районах антирелигиозная работа была приостановлена совсем. В Асекеевском районе, например, к февралю 1940 г. действовало 35 ячеек, в которых состояло 565 человек. Но в течение следующего года никакой работы ими не проводилось и в результате часть ячеек распалась. 15 февраля 1941 г., на очередной районной конференции Союза воинствующих безбожников состав райсовета был обновлен. Схожая ситуация с деятельностью районных советов наблюдалась в Зиянчурином, Красиопартизанском и ряде других районов⁷⁴.

Вопрос о штате областного Совета и денежных средствах, необходимых для осуществления антирелигиозной деятельности оставался открытым, поэтому активность работы Союза и его ячеек в Чкаловской области снова стала постепенно затухать и перед началом войны областной совет Союза воинствующих безбожников практически прекратил свое существование.

В 1941 г., перед началом войны, одними из последних были закрыты церкви в селах Старо-Мертовка и Мордово-Добрино Секретарского района, Григорьевка Мордово-Боклинского района, в рабочем поселке Соль-Илецк Чкаловской области⁷⁵. Перед началом войны местные органы власти отчитывались об отсутствии легально действующих религиозных организаций и функционирующих культовых сооружений.

Прекращение легальной деятельности религиозных объединений привело к развитию неофициальных форм религиозной деятельности. В июле 1940 г. в Сергиевском сельсовете Тепловского района был задержан священник Волков, который торговал крестами, иконами, крестил детей и вёл религиозную пропаганду⁷⁶.

На фоне ослабления влияния религиозных институтов отчетливее стали проявляться обращения жителей к суевериям и языческой

обрядности. По информации областного совета воинствующих безбожников за 1940 г. в Кувандыкском и Ивановском районах жители активно обращались за лечением к знахарям. Так, в Ивановском районе одна знахарка с лечебными целями зарывала больных в навозную кучу, при этом один случай «лечения» закончился смертью⁷⁷.

В июне 1940 г. в с.Кулагино Покровского района было организовано «молебствование о дожде». С этой целью группа верующих ходила в поле. По предложению инициаторов молебствования была вскрыта могила утопленника и в нее лили воду⁷⁸.

Таким образом, в годы «безбожных пятилеток» были ликвидированы все легально действующие в Оренбургской (Чкаловской) области религиозные организации. Значительная часть священнослужителей была подвергнута репрессиям. Религиозная жизнь ушла в подполье. Но дальнейшие события Великой Отечественной войны показали, насколько важным является сохранение традиционных ценностей и уже в годы войны начинается постепенное возрождение религиозной жизни и структурное воссоздание Оренбургской епархии.

Примечания:

¹ ЦДНИОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 70. Л. 5.

² Десятков Г.И. Загадки Оренбургского Успенского женского монастыря. – Оренбург: ИПК «Южный Урал, 2000. – С. 27

³ Колганова Е. – Пешковой Е.П. [Электронный ресурс]. URL: http://pkk.memo.ru/page%202/dukh_grav.html (дата обращения: 10.10.2014).

⁴ Судоргина, Т. С. Чтобы не совершить ошибок... // Южный Урал. – 1992. – 6 августа.

⁵ Бузулукские епископы <http://бузулукская-епархия.рф/history-eparchy/buzulukskie-episkopy>

⁶ Семенов С.В. Политические репрессии против церкви в Оренбургской (Чкаловской) области в 20-30-е годы XX века // Государство и религиозные объединения – социальное служение и партнерство: проблемы и пути их решения: материалы научно-практической конференции. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2008. – С. 66-67.

⁷ Судоргина Т.В. «Колокола - на машины и тракторы...» // Вечерний Оренбург. – 2000. – 2 февраля.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Томин О. Борьба с религией в Оренбуржье в 30-е годы: скрытые страницы // Материалы XIX преподавательской XXXVII студенческой конф. – Оренбург: ОГПУ, 1995. – С. 25

¹¹ Судоргина Т.В. «Колокола - на машины и тракторы...» // Вечерний Оренбург. – 2000. – 2 февраля.

¹² Из истории Оренбургской епархии // Вечерний Оренбург. – 2014. – 11 июня.

¹³ Судоргина, Т. С. Чтобы не совершить ошибок... // Южный Урал. – 1992. – 6 августа.

¹⁴ ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д.8. Л. 29.

¹⁵ ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 7. Л. 120, 125.

¹⁶ Мученики и исповедники Оренбургской епархии XX века. Кн.3./ Сост. прот. Н. Стремский. – Оренбург, 2000. – С. 13.

¹⁷ Священномученик Макарий Оренбургский, канонизированн в августе 2000 г. (Мишучков А. А. Священномученик Макарий Оренбургский (1882-1931) // Край Оренбургский. Стопами православия. – Оренбург, 2006. – С. 34-37).

¹⁸ Семенов С.В. Политические репрессии против церкви в Оренбургской (Чкаловской) области в 20-30-е годы XX века // Государство и религиозные объединения – социальное служение и партнерство: проблемы и пути их решения: материалы научно-практической конференции. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2008. – С. 69.

¹⁹ Судоргина Т.В. «Троицкая церковь принадлежит к древним» // Вечерний Оренбург. – 2000. – 5 июля. – С.12.

²⁰ Там же.

²¹ Судоргина Т.В. «Золотой» собор // Вечерний Оренбург. – 2000. – 15 ноября.

²² ЦДННАО. Ф. 7979. Оп. 1. Д. 76. Л. 20.

²³ Мученики и исповедники Оренбургской епархии XX века. Кн.3./ Сост. прот. Н. Стремский. – Оренбург, 2000. – С. 409.

²⁴ Яшина М.А. Русская православная церковь в условиях авторитарного политического режима в советском государстве. 1917 – начало 1930-х годов (на материалах Южного Урала). Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. – Оренбург, 2013. – С. 18.

²⁵ По состоянию 1 марта 1931 г. в г. Оренбурге было закрыто 21 православное молитвенное здание и помещение, в том числе 6 молитвенных зданий и 13 молитвенных помещений, находящихся в пользовании староцерковных общин и по 1 церкви, принадлежащей обновленцам и «григорьевцам». Утверждено ВЦИКом было закрытие только 6 церквей и молитвенных домов. 2 молитвенных здания было снесено и 3 – переоборудовано. В городе оставалось только 14 действующих церквей, 9 из которых находились в пользовании общин тихоновского направления, 4 – в пользовании обновленцев и 1 - «григорьевцев» (ГАОО Ф. Р-63 Оп. 1. Д. 587. Л. 17).

²⁶ Семенов С.В. Политические репрессии против церкви в Оренбургской (Чкаловской) области в 20-30-е годы XX века // Государство и религиозные объединения – социальное служение и партнерство: проблемы и пути их решения: материалы научно-практической конференции. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2008. – С. 64.

²⁷ Семенов С.В. Политические репрессии против церкви в Оренбургской (Чкаловской) области в 20-30-е годы XX века // Государство и религиозные объединения – социальное служение и партнерство: проблемы и пути их решения: материалы научно-практической конференции. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2008. – С. 68.

²⁸ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 6. Л. 87.

²⁹ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 7. Л. 120, 125.

³⁰ Футорянский Л.И. Не предавать забвению! // Книга памяти жертв политических репрессий в Оренбургской области. – Калуга: Золотая аллея, 1998. – С. 10.

СЕКЦИЯ 5.

СЛАВЯНЕ В ИСТОРИИ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

³¹ Десятков Г.М. Казанский кафедральный собор. – Оренбург: ИПК «Южный Урал», 2000. – С. 27.

³² Судоргина Т.В. Колокола Оренбургской епархии. – Оренбург: «Оренбургская губерния», 2003. – С.75.

³³ Во имя преподобного Серафима // Вечерний Оренбург. – 2003. – 30 июля.

³⁴ ГАОО. Ф. Р- 617. Оп. 1. Д. 4. Л.2.

³⁵ Люкшина И. В. Из истории Мордово-Боклинского района Чкаловской области / Этнокультурное наследие народов Южного Урала: история, этнография, религиоведение. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Оренбург: ИПК «Университет», 2014. – С. 101.

³⁶ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 5. Л. 2-3.

³⁷ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 6. Л. 123, 125, 128, 130.

³⁸ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 6. Л. 2, 39.

³⁹ ГАОО. Ф. Р-617 Оп. 1. Д. 9. Л. 37.

⁴⁰ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 6. Л. 81-82, 173.

⁴¹ Судоргина Т.В. Колокола Оренбургской епархии. – Оренбург: «Оренбургская губерния», 2003. – С.75.

⁴² ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 5. Л.92.

⁴³ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 7. Л. 63-77, 108.

⁴⁴ Георгий (Лапшин). [Электронный ресурс]. URL: http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/rs_file.cgi?2_958 (дата обращения: 12.10.2014)

⁴⁵ Яшина М.А. Русская православная церковь в условиях авторитарного политического режима в советском государстве. 1917 — начало 1930-х годов (на материалах Южного Урала). Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. – Оренбург, 2013. – С. 19.

⁴⁶ ГАОО. Ф-Р-1014. Оп. 1. Д. 1. Л. 102 об.

⁴⁷ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 30. Л. 15.

⁴⁸ Судоргина, Т. С. Чтобы не совершить ошибок... // Южный Урал. – 1992. – 6 августа.

⁴⁹ Судоргина, Т. С. Чтобы не совершить ошибок... // Южный Урал. – 1992. – 6 августа.

⁵⁰ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 30. Л. 27об.

⁵¹ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 33. Л. 13.

⁵² ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 5. Л.73.

⁵³ Варлаам (Козуля). [Электронный ресурс]. URL: <http://drevo-info.ru/articles/17475.html> (дата обращения: 12.10.2014)

⁵⁴ Мученики и исповедники Оренбургской епархии XX века. Книга II. Оренбург. 1999. – С. 17.

⁵⁵ Варлаам (Козуля), епископ Оренбургский и Тургайский. [Электронный ресурс]. <http://www.oepress.ru/index.php/arkhirei-eparkhii.html> (дата обращения: 12.10.2014)

⁵⁶ Мученики и исповедники Оренбургской епархии XX века. Кн.3./ Сост. прот. Н. Стремский. – Оренбург, 2000. – С. 55, 70, 95.

⁵⁷ Потапова, А. Н. Деятельность Союза воинствующих безбожников на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны / А. Н. Потапова // Южный Урал в годы Великой Отечественной войны. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2005. – С. 179.

⁵⁸ ЦДНДОО. Ф. 371. Оп. 2. Д. 26. Л. 10.

⁵⁹ Курников, М. В. Деятельность союза воинствующих безбожников в Оренбургской области накануне Великой Отечественной войны // Оренбуржье в годы Великой Отечественной войны. Материалы научно-практической конф. Т. 3. - Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2005. - С. 42 - 46. С. 45

⁶⁰ ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 2. Д. 155. Л. 2.

⁶¹ ГАОО Ф. Р-617 Оп. 1. Д. 9. Л. 117, 125.

⁶² Федорова А.В. Антицерковная государственная политика // Христианство и ислам на рубеже веков. - Оренбург: «ДИМУР», 1998. - С.204-205.

⁶³ ГАОО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 4. Л. 9, 16, 17, 21.

⁶⁴ Томин, О. Борьба с религией в Оренбуржье в 30-е годы: скрытые страницы // Материалы XIX преподавательской XXXVII студенческой конф. - Оренбург: ОГПУ, 1995. - С. 24

⁶⁵ Федорова А.В. Русская Православная церковь на Южном Урале в 30-40-х гг. XX века // Край Оренбургский: люди, события, факты. - Оренбург, 1999. - С. 44.

⁶⁶ Футорянский Л.И. Репрессии против церкви в конце 20-30-х годов и начало ее возрождения // Культура славян Оренбуржья: материалы межрегиональной научно-практической конференции. - Оренбург, 2003. - С. 105.

⁶⁷ Мученики и исповедники Оренбургской епархии XX века. Кн.3./ Сост. прот. Н. Стремский. - Оренбург, 2000. - С. 300.

⁶⁸ ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 4. Д. 270. Л. 36

⁶⁹ Хисамутдинова, Р. Р. Антирелигиозная пропаганда среди населения Чкаловской области накануне Великой Отечественной войны // Христианство и ислам на рубеже веков, - Оренбург: ДИМУР. 1998 - С. 197

⁷⁰ ЦДННАО Ф. 371. Оп. 5. Д. 278. Л. 1

⁷¹ Потапова, А. Н. Деятельность Союза воинствующих безбожников на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны // Южный Урал в годы Великой Отечественной войны. - Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2005. - С. 180.

⁷² ЦДННАО Ф. 371. Оп. 5. Д. 278. Л. 64-73.

⁷³ Потапова, А. Н. Деятельность Союза воинствующих безбожников на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны // Южный Урал в годы Великой Отечественной войны. - Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2005. - С. 179.

⁷⁴ ЦДННАО Ф. 371. Оп. 5. Д. 278. Л. 45-49

⁷⁵ Потапова, А. Н. Веротерпимость государства по отношению к религиозным объединениям в условиях военного времени // Оренбуржье в годы Великой Отечественной войны. Материалы научно-практической конф. Т. 2. - Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2005. - С. 67.

⁷⁶ Хисамутдинова, Р. Р. Антирелигиозная пропаганда среди населения Чкаловской области накануне Великой Отечественной войны / Р. Р. Хисамутдинова // Христианство и ислам на рубеже веков, - Оренбург: ДИМУР. 1998 - С. 199.

⁷⁷ ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 4. Д. 270. Л. 47.

⁷⁸ ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 4. Д. 270. Л. 47; Оп. 5. Д. 278. Л. 18.

ДОКУМЕНТЫ К БИОГРАФИИ ГИДРОБИОЛОГА Д. О. СВИРЕНКО В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Оренбургская область, в военное время именовавшаяся Чкаловской, приняла тысячи эвакуированных из самых разных районов Украины, Белоруссии, Молдавии, Латвии, Литвы, Эстонии, Карелии, многих российских областей.

Во главе эшелона с оборудованием Днепропетровского университета народного образования 18 августа 1941 года в город Чкалов (ныне Оренбург) эвакуировался профессор, доктор биологических наук, член-корреспондент Академии наук Украинской ССР Дмитрий Онисифорович Свиренко. Документы Государственного архива Оренбургской области позволяют дополнить биографию известного гидробиолога, а современникам оценить его вклад в развитие Оренбургского края.

Д. О. Свиренко родился 24 октября 1888 года в селе Мерчик Харьковской области в семье крестьянина. Окончив реальное училище, он в 1908 году поступил в Харьковский университет на биологическое отделение физико-математического факультета, которое закончил в 1912 году с дипломом первой степени и золотой медалью за представленную научную работу «Первые сведения о флоре окрашенных *Flagellata*» с приложением прекрасно исполненного альбома изображений¹.

В биографической справке о профессоре Д. О. Свиренко, сохранившейся в материалах фонда Плановой комиссии при Чкаловском облисполкоме записано: «С осени 1912 года он преподает в гимназиях города Харькова, одновременно ведя научную работу и готовясь к магистерскому экзамену, который успешно сдает в 1918 году, после чего зачисляется приват-доцентом в Харьковский университет.

Осенью 1918 года Д. О. Свиренко переезжает в Днепропетровский (Екатеринославский) университет, где работает доцентом, а с 1920 года – профессором на кафедре ботаники.

В Днепропетровске, где в общей сложности он прожил около 18 лет, особенно усиленно развивается его научно-исследовательская работа. В 1923 году Д. О. Свиренко избирается профессором по кафедре ботаники Одесского института народного образования, а с 1924 года

по совместительству работает директором Одесского ботанического сада.

Во время работы в Одессе, в 1924 году Д. О. Свиренко защищает докторскую диссертацию на тему «Микрофлора стоячих водоемов», являющуюся результатом многолетних трудов и исследований в окрестностях г. Харькова. В 1927 году командировается на международный гидробиологический конгресс в Италии (Рим), где выступил с научным докладом об исследовании рек УССР.

В 1928 году Д. О. Свиренко снова переезжает в Днепропетровск, который становится его вторым родным городом. В Днепропетровске он горячо принимается за организацию вновь учрежденной Днепропетровской гидробиологической станции, являясь бессменным её директором, а также одновременно назначается профессором Днепропетровского института народного образования, реорганизованного позже в университет.

Встав на путь тесной связи научной работы с практическими запросами, Д. О. Свиренко в 1927 году собирает вокруг себя группу ученых, с которыми в течение 11 лет ведет комплексные исследования большого Днепропетровского водохранилища, а также организует многочисленные экспедиции по рекам Украины.

За время своей работы Д. О. Свиренко был деканом, проректором, а последние два года перед эвакуацией – заместителем ректора по учебной части Днепропетровского университета.

В 1934 году профессор Д. О. Свиренко избирается членом-корреспондентом Академии наук Украинской ССР. За период своей жизни Дмитрий Онисифорович принимал самое активное участие в общественной жизни, неоднократно бывал членом месткома, областной секции научных работников, руководил агитколлективом, читая лекции и доклады в колхозах, избирательных участках, в пионерских организациях и других местах.

Д. О. Свиренко оставил большое наследство по вопросам альгологии и гидрологии: им написано свыше 50 научных работ, имеющих большую научную ценность. Наиболее крупной работой является четырехтомная монография «Днепровское водохранилище», составленная под его руководством и при его непосредственном участии. Изданный в 1940 году последний том, посвященный рыбам водохранилища, законченный перед самой войной, вероятно, не сохранился (в связи с войной и эвакуацией).

Большое внимание Д. О. Свиренко уделяется изучению планктона, рек и прудов Украины, в частности р. Днепра, р. Днестра и прудов

Харьковской области, что дает ему возможность выпустить в 1938 году работу «Определитель пресноводных водорослей УССР»².

В Чкалове, в период 1941–1944 годов, Дмитрий Онисифорович работал заведующим кафедрой ботаники Чкаловских педагогического и сельскохозяйственного институтов.

Важным направлением деятельности местных властей, руководства высших учебных заведений в тот момент был поиск средств для решения поставленной задачи – «включиться в дело обороны страны», в том числе с помощью научно-исследовательской работы.

В 1942 году, совместно с группой ученых, для оказания помощи народному хозяйству Чкаловской области и в первую очередь промышленности, Д. О. Свиренко организует Научно-технический комитет, в котором работает первым председателем. Почти одновременно с этим облисполком утвердил его в качестве члена областной плановой комиссии, в работе которой он принимал активное участие.

Как в качестве председателя Научно-технического комитета, так и члена областной плановой комиссии Д. О. Свиренко проявил себя инициативным работником и хорошим организатором, который способствовал объединению научных сил в области, помогая организациям квалифицированно разрешить ряд вопросов, имеющих весьма актуальное значение для области.

Исключительно большая работа была проделана Д. О. Свиренко по изучению лекарственной флоры Чкаловской области, что дало возможность увеличить в годы войны выпуск медикаментов, используя для этого местные сырьевые ресурсы области.

В составленном Д. О. Свиренко отчете о работе кафедры ботаники и дарвинизма Чкаловского государственного педагогического института за первый семестр 1941–1942 учебного года отмечено: «По теме «Исследование лекарственных богатств Чкаловской флоры» проделана следующая работа:

1. Написано и разослано по 300 адресам письмо учителям-биологам школ Чкаловской области с предложением принять участие в исследовании и организации сбора лекарственных растений;
2. Составлена смета и направлена через Аптекоуправление в Наркомздрав;
3. Организована областная комиссия по лекарственным ресурсам области;
4. Сделан доклад на совещании у секретаря обкома т. Кудрявцева;
5. По поручению обкома ВКП (б) написана брошюра по лекарственным растениям и сделаны рисунки для клише;
6. Подготавливаются таблицы для лекций на семинарах учителей;
7. Ведется подгото-

вительная работа по созыву курсов учителей-биологов области; 8. Напечатана статья в «Чкаловской коммуне»; 9. Сделано два выступления агитационного характера; 10. Ведется подготовка к исследовательской летней экспедиционной работе. Тема по лекарственным растениям является коллективной и в ней принимают участие под руководством заведующего кафедрой следующие товарищи: Балковая, Викулова, Михайличенко и Дульская»³.

Весной 1942 года Д. О. Свиренко читал цикл радиолекций по подготовке лекарственного сырья, выезжал со студентами пединститута в районы, читая лекции и инструктируя сборщиков на местах. В результате этой работы была издана брошюра «Дадим стране больше лекарственного сырья» и составлена сводка распространения лекарственных растений 23-х районов Чкаловской области⁴.

Научно-организационную и педагогическую деятельность Д. О. Свиренко иллюстрирует делопроизводственная документация.

В отчете о работе Чкаловского педагогического института за 1942–1943 учебный год в разделе «Студенческие научные кружки» записано: «Отсутствие свободного помещения для самостоятельной работы, перегруженность кабинетов и лабораторий, ограниченные возможности использования их фондов, недостаточное благоприятное условие внешнего порядка. Отсутствие света, низкая температура в аудиториях – все это конечно лимитировало развёртывание студенческих кружков.

Не получили достаточного развития и кружки на естественно-географическом факультетах, исключение представляли кружок по методике естествознания, регулярно работавший и выполнивший намеченную программу полностью; ботанический кружок (руководитель профессор Свиренко и доцент Балковая). Работавший регулярно раз в неделю в течение всего второго полугодия. Кружок подготовил группу студентов биологов для участия в обследовании флоры лекарственных растений области. Пять студентов-кружковцев выехали на полевую обследовательскую работу»⁵.

В отчете о работе Чкаловского сельскохозяйственного института им. А. А. Андреева за 1942–1943 учебный год читаем: «По совместительству профессор, доктор биологических наук, член-корреспондент Украинской Академии наук Д. О. Свиренко работал заведующим кафедрой ботаники.

В отчетный период было проведено 6 заседаний научных конференций, из них особо следует выделить научную конференцию, по-

священную 25-летию Великой Октябрьской Социалистической революции.

Профессор Свиренко Д. О. свой доклад посвятил перспективам использования в промышленности дикорастущих растений Чкаловской области для изготовления лекарственных препаратов»⁶.

Во всей своей работе Свиренко пользовался большим уважением и авторитетом среди научных и хозяйственных работников области.

Как свидетельствуют архивные документы, на протяжении 1942–1944 гг. Д. О. Свиренко являлся членом Ученого совета Оренбургского государственного педагогического института. На состоявшемся 30 мая 1942 года заседании Ученого совета, где обсуждался вопрос о новом наборе студентов в вуз среди учащихся 9-го и 10-го классов, он сказал следующее: «В вопросе о наборе можно использовать научных работников, отъезжающих в районы, например, работников кафедры ботаники. Считаю возможным зачислять новый набор без приемных испытаний»⁷.

Дмитрия Онисифоровича волновали проблемы улучшения подготовки педагогических кадров. Сообщая о степени усвоения учебного материала студентами, он в отчете подчеркивал: «следует отметить один недостаток, с которым необходимо решительно бороться: студенты не работают над своей речью.

Наконец, необходимо еще указать на неумение студентов рисовать. Преподаватели кафедры ставят вопрос о необходимости введения небольшого факультативного курса рисования, чтобы дать студентам хоть основные навыки и правила рисования. Ведь это – будущие педагоги, для которых умение рисовать совершенно необходимо»⁸.

В годовом отчете о работе Чкаловского государственного педагогического института за 1943–1944 учебный год отмечается: «В истекшем семестре кафедры уделили особое внимание улучшению постановки педагогического процесса. Кафедра ботаники (заведующий – профессор Свиренко) и химии (доцент Олифсон) значительно усовершенствовали методику практикумов. Практические занятия были четко спланированы этими кафедрами на целый семестр; по каждой теме указывались страницы учебных пособий, которые изучались студентами в процессе их домашней или кабинетной работы до того, как они приступали к непосредственному выполнению практических заданий. Перед каждым практическим занятием систематически проводился краткий коллоквиум. Эти мероприятия благотворно отразились на качестве работы студентов.

На высоком уровне ведется преподавание курсов ботаники. Особой чёткостью и продуманностью отличается постановка практических занятий на этой кафедре»⁹.

Являясь крупным специалистом-гидробиологом, Д. О. Свиренко в 1943 году провел экспедицию по р. Уралу с целью изучения его планктона, на основе чего, будучи прикованным к постели тяжелой болезнью, закончил свою последнюю работу «Исследование планктона реки Урал у города Чкалова».

26 октября 1944 года Дмитрий Онисифорович Свиренко скончался в городе Чкалове. О кончине известного ученого извещала областная газета «Чкаловская коммуна»¹⁰.

К 6 ноября 1948 года, к 60-летию со дня рождения покойного члена-корреспондента Академии наук УССР Д. О. Свиренко намечалось опубликовать в память профессора его посмертные труды: «Лекарственные растения 23-х районов Чкаловской области» и «Исследование планктона реки Урал у города Чкалова»¹¹.

В архивном фонде Плановой комиссии при Чкаловском облисполкоме имеются 2 письма жены Дмитрия Онисифоровича Л. Свиренко (*имя указано не полностью – так в документе*) заместителю председателя Чкаловской областной плановой комиссии Вячеславу Петровичу Крюкову. В письме от 27 февраля 1948 года она сообщила: «Дмитрий Онисифорович закончил эти 2 работы месяцев за 5 до своей смерти. Он так спешил их закончить и очень хотел, чтобы они были напечатаны. Благодарю Вас также за желание и решение почтить его 60-летие со дня рождения»¹².

Таким образом, вновь выявленные архивные документы дополнительно освещают главные факты биографии академика Д. О. Свиренко и отражают исследовательскую деятельность ученого на территории Чкаловской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Примечания:

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО) Ф. Р-846. Оп. 3. Д. 456. Л. 1.
2. Там же. Л. 1–3.
3. ГАОО. Ф. Р-971. Оп. 1. Д. 49 Л. 22–24.
4. ГАОО. Ф. Р-846. Оп. 3. Д. 456. Л. 4.
5. ГАОО. Ф. Р-971. Оп. 1. Д. 13. Л. 100, 111.
6. ГАОО. Ф. Р-860. Оп. 3. Д. 639. Л. 2 об.
7. ГАОО. Ф. Р-971. Оп. 1. Д. 53. Л. 21, 22.

8. ГАОО. Ф. Р-971. Оп. 1. Д. 49. Л. 25 об.
9. ГАОО. Ф. Р-971. Оп. 1. Д. 39. Л. 32, 32 об.
10. Чкаловская коммуна. – 1944. – 28 октября. – С. 4.
11. ГАОО. Ф. Р-846. Оп. 3. Д. 456. Л. 12.
12. Там же. Л. 9.

Люкшина И. В. (г. Оренбург)

**О ПРЕДПРИЯТИЯХ, ЭВАКУИРОВАННЫХ
ИЗ БЕЛОРУССИИ В ЧКАЛОВСКУЮ ОБЛАСТЬ
В 1941 – 1942 ГГ. (ПО ДОКУМЕНТАМ ГБУ «ЦДНННО»)**

Наверное, одной из самых заметных и неисчерпаемых тем периода Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. является тема эвакуации из оккупированных территорий в глубокий тыл. Особенно привлекателен для региональной истории процесс эвакуации населения и промышленности.

В данной статье мы рассмотрим прибытие предприятий и организаций из Белоруссии в Чкаловскую область, в частности, Витебской мебельной фабрики, Витебской швейной фабрики «Профинтерн», Гомельской трикотажной фабрики им. 8 Марта, артели инвалидов «Кооператор» г. Гомеля и Гомельского общества слепы, отраженное в документах государственного бюджетного учреждения «Центр документации новейшей истории Оренбургской области» (ГБУ «ЦДНННО»)¹.

В докладной записке секретаря Чкаловского обкома ВКП(б) А.А. Дубровского в Центральный комитет ВКП(б) от 11 сентября 1941 г. указывается еще и на прибытие части железнодорожных депо из Белоруссии: «п. 13. Прибыло оборудование, материалы и запасные части ж.д. депо Гомель, Могилева и Жмеринка. Оборудование размещено в ж.д. депо Кувандык и Орск Оренбургской железной дороги. Рабочие эвакуированных депо еще не прибыли»², однако в последующих списках прибывших заводов, фабрик, учреждений они не прослеживаются.

Следует отметить, что даты прибытия фабрик по месту назначения, а также количество рабочих, которые приехали вместе с оборудованием предприятий отличаются, поскольку виды документов (протоколы, справки, докладные записки), а также даты их составления либо даты их подписи разные. Документы даны в извлечениях в соот-

ветствии с обозначенными рамками. С полным текстом нижеприведенных архивных документов можно познакомиться в читальном зале ГБУ «ЦДННЮО».

В справке инструктора промышленного отдела обкома ВКП(б) М. Чепигус об эвакуированных в Чкаловскую область предприятиях от 25 августа 1941 г. записано: «... 25 июля 1941 г. прибыла из г. Витебска фабрика № 2 с полным комплектом оборудования и оснасткой, производственными материалами, незавершенными изделиями производства, частью рабочих, ИТР и служащих, которая размещена на Чкаловской мебельной фабрике... Из общего количества рабочих столбцов 130, прибыло 40, ИТР [из] 20, прибыло 13, служащих [из] 23, прибыло 10, слесаря, токаря и электромонтеры [из] 15, прибыло 5; подсобные и строительные рабочие разных специальностей [из] 80, ничего не прибыло.

Прибывшие рабочие, ИТР и служащие с семьями обеспечены жилплощадью в районе мебельной фабрики, а 4 семьи помещены в служебных помещениях фабрики.

Все прибывшее оборудование и материалы проинвентаризированы и оприходованы по складу Чкаловской мебельной фабрики. Витебская фабрика № 2 размещена на площадях в 4200 кв. м входит новая пристройка в 780 кв. м... Площадь Чкаловской мебельной фабрики, без складов и конторы составляет 2600 кв. метров. Практически, после произведенной подготовки помещений Чкаловской фабрики, было размещено оборудование, оснастка и приспособление, обеспечивающее выпуск лонжеронов к самолету ЛАГГ-3 в количестве 6 комплектов в сутки.

Необходимые капитальные затраты по переоборудованию фабрики, без расширения площадей, примерно определяется в 550-600 тысяч рублей. Эти затраты идут главным образом на расширение котельной, присоединение водопровода, оборудование приточно-вытяжной вентиляции, отопление и ремонт существующих зданий и др. мелкие работы»³.

Эвакуированная фабрика имела в наличии лесоматериалы, электропровод, электрооборудование, кровельную жечь (около 18 т), которая находилась в пути и др. Интересно, что в справке заведующего промышленным отделом Чкаловского горкома ВКП(б) А.И. Лигермана об эвакуированных предприятиях в г. Чкалов отмечено, что Витебская мебельная фабрика в июле 1941 г. вошла в состав завода № 47⁴.

В докладной записке первого секретаря Чкаловского обкома ВКП(б) А.А. Дубровского в ЦК ВКП(б) о размещении оборудования эвакуированных заводов за первую половину октября 1941 г. указано: «Трикотажная фабрика им. 8-го Марта прибыла в период 28 июля – 15 сентября из Гомеля с оборудованием: трикотажных машин МТ-1 – 58 столов; швейных машин – 75 шт.; чулочных и ластичных автоматов – 110 шт. Рабочих прибыло 184 человека (размещены в порядке уплотнения). Фабрика размещена в г.Чкалове по 3-й Гончарной улице, дом №1 и при Чкаловской фабрике «1 Мая»...В настоящее время швейный цех и мотальные машины первой очереди работают. Из трикотажного цеха вместо 32 столов пущены 16 столов. В чулочном цехе работают 40 машин. На 01.10.1941 г. выпущено продукции: по швейному цеху изделий 38.620 шт. на сумму 96,9 тыс. рублей. Фабрика сырьем обеспечена по ноябрь месяц»⁵.

В справке о размещении эвакуированных предприятий легкой и пищевой промышленности в Чкаловскую область по состоянию на 25 декабря 1941 г. записано: «Гомелевская трикотажная фабрика им. 8 Марта прибыла в г. Чкалов 28 июля – 15 сентября, размещена по 3-й Гончарной улице, дом № 1 в помещениях бывших спецскладов шорно-седельной и швейной фабрик. Из прибывших 58 столов-машин МТ-1 установлены и пущены в эксплуатацию 32 стола и 3 стола установлены на Чкаловской трикотажной фабрике. Остальные 23 стола МТ-1 пока не использованы. Из 20 мотальных машин установлены 18, остальные будут установлены в порядке уплотнения на Бузулукской перчаточной фабрике.

Из 113 чулочно-ластичных машин установлены и работают 102 шт., остальные будут установлены в начале января 1942 г. из 21 котельных машин установлены и работают 14, остальные 7 машин как неиспользуемые переданы Бузулукской перчаточной фабрике. Швейный цех работает в две смены, но часть машин не используется за отсутствием помещения. Все оборудование на трикотажной фабрике будет установлено после реконструкции, которую предполагается произвести в 1 квартале 1942 г. В красильно-сушильном цехе восстановлена одна центрифуга, каландровая сушилка, достраивается здание котельной: паровой котел будет установлен в декабре. ... Сырьем фабрика не обеспечена. План на 1 квартал и на 1942 г. Наркомлегпромом еще не установлен»⁶.

В докладной записке председателя президиума облкоопинсоюза М. Комлева от 28 ноября 1941 г. отмечено: «В Чкаловскую об-

ласть в конце августа переехала из г. Гомеля в порядке эвакуации артель инвалидов «Кооператор» и группа слепых Гомельского отдела «ВОС» и по указанию исполкома облсовета размещены: артель «Кооператор» в п. Саракташ и группа слепых в п. Кувандык. Артель инвалидов «Кооператор» осталась самостоятельной артелью с производствами: швейное, обувное, скорняжное и трикотажное и приняла план на IV квартал 85,0 тыс. руб. в неизменных ценах 1932 г.

Группа слепых влилась в существующую в п. Кувандык артель инвалидов «Красный Урал» со своим производством «пошив ватных одеял»... В октябре артель «Кооператор» выпустила продукции на 32,0 тыс. руб. или 37%, артель «Красный Урал» выпустила продукции на 8,2 тыс. руб. или 39,6%.

Эвакуированные артели до сего времени не развернули своей работы полностью по следующим причинам: 1. Артель «Кооператор» не может до сего времени разместить свои предприятия из-за отсутствия помещения, а также электроэнергии. 2. Артель «Красный Урал» не может открыть гвоздильное производство, т.к. станки и прочее оборудование выгружено в г. Сызрани, а также не работает одеяльное производство из-за отсутствия ваты»⁷.

Количество привезенного оборудования артели инвалидов «Кооператор» зафиксировано в справке о размещении эвакуированных предприятий легкой и пищевой промышленности в Чкаловскую область по состоянию на 25 декабря 1941 г.: «... Артель инвалидов «Кооператор» из Гомеля прибыла и направлена 1/IX в п. Саракташ Чкаловской области. Прибыло и установлено трикотажных машин 38 шт., спецмашин 7 шт. Из 61 швейных машин установлены 38 шт., остальные за отсутствием станков не установлены. Швейный цех не работает за отсутствием электроэнергии. Сырьем артель на I квартал обеспечена»⁸. Однако количество приехавших людей отсутствует, также как и в случае с Гомельским обществом слепых, входившем в состав Белорусского общества слепых.

Процесс эвакуации, краткая предыстория Гомельского общества слепых указаны в заявлении заместителя председателя кувандыкской артели инвалидов «Красный Урал» Л.С. Левицкого в отдел легкой и пищевой промышленности Чкаловского обкома ВКП(б) за апрель 1942 г.: «... В январе 1934 г. был открыт цех по изготовлению строительных гвоздей, где также применялся труд исключительно слепых. В 1941 г. уже работали 3 цеха: одеяльный, гвоздильный и веревочный,

в которых было занято 130 чел. рабочих, из них 93 чел. слепых. С выпуском продукции: одеял 1300 шт. в месяц, гвоздей от 22 до 28 т в месяц, веревок от 8 до 10 т в месяц. За эти годы были выстроены капитальные здания за счет прибыли н[астоящего] общества под цеха: одеяльный, веревочный и общежитие. В 1939 г. на II Белорусском съезде слепых я был избран зам. председателя Белорусского общества слепых, но работал все годы председателем Гомельского общества слепых, откуда и получал зарплату. Должен, между прочим, указать, что возглавляемый мною Гомельский отдел слепых все годы держал переходное знамя Наркомсобеза БССР.

11 июля 1941 г. было вынесено постановление гомельской эвакуационной комиссии при исполкоме об организованной эвакуации всего коллектива слепых вместе с оборудованием и сырьем (дабы слепые не разбрелись). 14 июля весь наш коллектив слепых был эвакуирован из Гомеля вместе с администрацией и первичной партийной организацией. 13 августа мы приехали в Кувандык. По постановлению Чкаловского облисполкома и коопинсоюза нас влили в артель «Красный Урал», которая к этому времени уже имела дефицит в 50 тыс. руб. ...

В состав н[астоящей] артели входят: парикмахерская – 2 чел., сапожная по ремонту обуви – 3 чел., портняжная по реставрации – 4 чел. Одеяльный цех в составе 22 чел. из-за отсутствия ваты был в простое, а гвоздильный цех в составе 18 чел. также был в простое по причине утери по дороге оборудования этого цеха. Это оборудование обнаружено в Сызрани на эвакуобазе.

Сразу новое правление приняло ряд мер по восстановлению производства, а именно: 1. Командировать в Сызрань человека за застрявшим оборудованием. 2. Командировать в Ташкент человека за ватой. 3. Поставить вопрос перед облкоопинсоюзом об укреплении финансового состояния артели. Также был намечен ряд других мероприятий по организации оборудования, чтобы была возможность в любой момент переключиться на местное сырье, т.е. лозоплетение, мочальное производство и др., учитывая специфический состав артели – 90% слепых»⁹.

В документах Оренбургского обкома ВКП(б), Оренбургского горкома ВКП(б) можно найти сведения практически обо всех указанных фабриках и артелях. К сожалению, о Витебской швейной фабрике «Профинтерн» дополнительной информации, кроме как о прибытии, на данном этапе обнаружить не удалось. Архивные изыскания будут продолжены.

Примечания:

¹ Место эвакуации – Чкаловская область / под общ. ред. С.М. Муромцевой. – Оренбург: печатный дом «Димур», 2010. – С. 107 – 108. Было также заявлено о прибытии Могилевской радиостанции, но оно не состоялось. (ЦДННАО. Ф. 267. Оп. 13. Д. 89. Л. 20)

² ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 113. Л. 31.

³ ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 113. Л. 2, 2 об. С эшелонам фабрики прибыл полный комплект производственного и лабораторного оборудования и оснастки для изготовления лонжеронов к самолету ЛАГГ-3. Правительство выделило на реконструкцию Витебской фабрики № 2 и основание производства 2100, 0 тыс. руб.

⁴ ЦДННАО. Ф. 267. Оп. 13. Д. 89. Л. 20.

⁵ Место эвакуации – Чкаловская область / под общ. ред. С.М. Муромцевой. – Оренбург: печатный дом «Димур», 2010. – С. 113 – 114. В состав технологического оборудования, которое привезла с собой фабрика также вошли: оверлоки, пуговичные, закрепочные, тамбурные и петельные машины, паровые котлы, электромоторы, около 45 т пряжи, готовая продукция (раскрой, чулочно-носочные изделия) и т.д. (ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 404. Л. 1 – 2.)

⁶ ЦДННАО. Ф. 267. Оп. 13. Д. 89. Л. 25.

⁷ ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 113. Л. 98.

⁸ ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 113. Л. 103.

⁹ ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 468. Л. 15, 15об.

Попова К. Ю. (г. Оренбург)

**УПОЛНОМОЧЕННЫЕ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИЙ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР ПО ОРЕНБУРГСКОЙ
ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИЧНЫХ ДЕЛ
НОМЕНКЛАТУРНЫХ РАБОТНИКОВ)**

История взаимоотношений государства и религиозных объединений в годы советской власти сегодня пользуется повышенным интересом исследователей, однако все они сталкиваются с архивными проблемами в процессе ее изучения: большинство церковных архивов сегодня отличаются плохим научным описанием и не менее плохой сохранностью, а зачастую и вовсе остаются закрыты для ученых, находясь в ведении религиозных организаций.

При изучении истории взаимоотношений государства и различных конфессий в условиях советской действительности второй половины XX века едва ли не единственным источником являются отчеты уполномоченных Совета по делам религий (с 1966 г.), созданного постановлением Совета Министров СССР от 8 декабря 1965 г. путем

слияния Совета по делам Русской Православной церкви, образованного постановлением СНК СССР от 14 сентября 1943 г. и Совета по делам религиозных культов, образованного постановлением СНК СССР от 19 мая 1944 г.

Таким образом, опорой Совета на местах были его «полпреды» - уполномоченные. Круг их обязанностей, по свидетельству архивных источников, был довольно широк и многообразен.

Не вмешиваясь в конфликты между духовенством и отдельными группами верующих, уполномоченный должен был владеть всей информацией, уметь выслушать все стороны и принять объективное решение, знать финансовую ситуацию, интересоваться, нет ли незаконных приобретений и доходов и др.

На основании «Положения о Совете» к уполномоченному предъявлялись следующие требования:

1. Уполномоченный должен уметь держать в поле своего зрения все религии, хорошо знать их специфику, догматику, каноны, культ, организацию;

2. Глубоко изучать и хорошо знать религиозную проповедь, ее тематику, идеологическую направленность, характер, содержание, знать проповедников каждой конфессии, их настроения, ораторские способности и возможности, силу и степень их влияния на верующих;

3. Знать кадры каждой конкретной религии, их социальный облик, настроения, знать, как относятся к законодательству о культурах;

4. Знать и изучать внецерковные истоки разного рода акций идеологических противников, оказывающих влияние на церковников, знать каналы, по которым проникает буржуазная пропаганда в среду верующих, вырабатывать и своевременно проводить мероприятия, нейтрализующие разного рода провокации;

5. Постоянно проявлять инициативу в поисках нового, в изыскании более действенных средств контроля за деятельностью религиозных организаций, проявлять принципиальность в решении вопросов политики по отношению к религии и церкви;

6. Проверять правильность применения местными органами власти, а также должностными лицами законодательства о культурах, обеспечивать законность по отношению к церкви и верующим, не допускать администрирования и оскорбительных выпадов против верующих и церковнослужителей¹.

Информативность, достоверность, четкость изложения материала во многом зависели от уполномоченного и его аппарата. Для пони-

мания проблемы прежде всего, необходимо выяснить, кто занимал должности уполномоченных и имел постоянную связь с религиозными объединениями в конкретном регионе, кто во многом определял политику государства на местах и давал «добро» или запрет на открытие храмов и молитвенных домов.

С самого начала работы Совета по делам Русской Православной Церкви должности уполномоченных по решению руководства страны должны были занимать сотрудники органов государственной безопасности, подбор кадров в аппарат уполномоченных на местах осуществляли областные комитеты ВКП(б). Таким образом, должности уполномоченных Совета на протяжении его существования занимали, как правило, бывшие сотрудники НКВД (НКГБ, МГБ, КГБ) СССР.

12 января 1966 г., вскоре после образования Совета по делам религий при Совете министров СССР, всем председателям Советов министров союзных и автономных республик, краев и областей Совет разослал информационное письмо, в котором говорилось: «Учитывая указания директивных органов о повышении роли и ответственности Совета и его уполномоченных в контроле за соблюдением законов о религии и церкви, следует в качестве уполномоченного Совета выдвинуть человека, отвечающего повышенным требованиям — имеющего высшее образование, большой опыт партийно-советской, идеологической работы, обладающего широким кругозором, необходимым тактом и выдержкой»².

На должности уполномоченных стали назначаться лица, имеющие «высшее политическое образование», — выпускники Высшей партийной школы (ВПШ) при ЦК КПСС, факультетов философии, истории различных вузов, преподаватели марксистско-ленинской философии и научного коммунизма, выпускники Всесоюзного заочного юридического института. По-прежнему приоритет при назначении на должность уполномоченных Совета по делам религий имели бывшие сотрудники органов государственной безопасности. Кандидатуры уполномоченных, рекомендованные областными и городскими исполкомами советов депутатов трудящихся, согласовывались с областными комитетами КПСС. Довольно часто уполномоченными становились бывшие сотрудники облизполкомов, в том числе работники отделов кадров, секретари бюро парторганизаций. Высшей похвалой работы уполномоченных Совета было наличие в характеристиках на них следующих фраз: «Представляет качественную инфор-

мацию о деятельности религиозных общин на территории области. В процессе своей работы способствует ослаблению деятельности церковников и улучшению атеистической пропаганды среди населения»³.

В Оренбургской области должность уполномоченного вновь образованного Совета по делам религий при Совете Министров СССР занял Петр Александрович Вдовин, до этого занимавший должность уполномоченного Совета по делам РПЦ.

Родился он в июле 1912 г. в селе Павловка, бывшего Бузулукского уезда Самарской губернии, в семье железнодорожника. Вот что он писал о своем детстве: «Все мое детство прошло в переездах с одной железнодорожной станции на другую, что было связано с переводами отца по службе». В 1927 г. он окончил среднюю семилетнюю школу. Затем проучившись полтора года на педагогических курсах, в 1929 г. поступил в Оренбургский техникум механизации сельского хозяйства, который и окончил в 1932 г.

После окончания техникума работал некоторое время старшим механиком МТС, лаборантом того же техникума где учился, контролером ОТК и техником планово-производственного отдела завода им. Кирова в г. Оренбурге. С 1937 по 1946 гг. работал на Чкаловской шорно-седельной фабрике конструктором, главным механиком, начальником цеха, начальником технического отдела. В 1944 г. был избран секретарем партбюро фабрики, на этой работе был до 1946 г. С 1946 по 1947 гг. работал инструктором сельхозотдела Чкаловского обкома партии. В 1947 г. был направлен в областную партийную школу, которую с отличием окончил в 1949 г. С 1949 по 1953 гг. работал заместителем начальника группы контролеров Министерства госконтроля СССР в г. Чкалове. С декабря 1953 по декабрь 1954 г. работал первым секретарем Павловского райкома КПСС Чкаловской области. С декабря 1954 г. в должности лектора Чкаловского обкома КПСС.

Следует отметить, что с 1939 по 1941 гг. учился заочно в Московском заочном плановом институте, его закончить не удалось в связи с войной. В 1952 г. окончил заочно исторический факультет Чкаловского педагогического института. В марте 1959 г. был назначен уполномоченным Совета по делам РПЦ при СМ СССР.

Вдовин имел медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» (1946 г.); «За освоение целинных земель» (1957 г.)⁴.

Следующим уполномоченным Совета по делам религий по Оренбургской области с 1967 по 1980 гг. был Герасим Дмитриевич Васи-

ленко. Его биография как раз несколько нетипична для уполномоченных 1960 – 1980-х гг. Из всех уполномоченных Совета по делам религий по Оренбургской области, занимавших эту должность в исследуемый период, он единственный не являлся уроженцем нашего региона. Родился Г. Д. Василенко в 1919 г. в деревне Павловичи Кировского района Могилевской области Белоруссии.

В ГБУ «ЦДНННО» на хранении находится его учетная карточка образца 1973 г. Какие сведения мы можем узнать из нее?

Родители после революции всю жизнь прожили в колхозе. Сам он, закончив 10 классов общеобразовательной школы поступил в Коммунистический институт журналистики г. Минска, закончив его в 1939 г. До войны работал в Белостокской области ответственным секретарем редакции районных газет «Заря» и «Авангард». С июня 1941 г. – в рядах РККА, был красноармейцем, комсоргом, пропагандистом зенитного артиллерийского полка, дошел до Берлина. Награжден орденом Красной звезды и 8 медалями. С 1948 по 1951 гг. был слушателем Смоленского военно-политического училища пропагандистов, слушателем ускоренных курсов военной академии СА. С 1951 г. находился в распоряжении Главного разведывательного управления Генштаба. С 1952 по 1956 гг. находился в заграничной командировке в Аргентине. В совершенстве владел испанским, родным белорусским. Затем вплоть до 1960 г. в составе Южно-Уральского и Приволжского военных округов находился в должности заместителя командира по политчасти. С 1958 по 1960 г. в Оренбурге – в должности заместителя командира по политчасти дивизиона Оренбургского зенитного артиллерийского училища. С 1961 по 1967 гг. работал инспектором госдоходов горфо, в областном управлении главторгмета, старшим инструктором облизполкома. В это время заочно закончил Уральский государственный университет им. М. Горького в г. Свердловске в 1966 г. С 1967 г. – уполномоченный совета по делам религий⁵.

В 1981 г. на этой должности его сменяет Григорий Михайлович Юдин.

Родился в 1929 г. в пос. Степановка Бугурусланского района Оренбургской области. Родители его до революции были несовершеннолетними, с 1929 г. – колхозниками. После окончания 10 классов средней школы поступил в Бугурусланский учительский институт на историческое отделение. В 1948 г. по окончании которого, был направлен на работу в качестве преподавателя истории в семилетнюю школу в с. Казанка Александровского района Оренбургской области. В 1949 г. был призван в ряды

СА, служил в составе ВВС Тихоокеанского флота. Во время службы в армии продолжал заочно учиться и в 1953 г. закончил исторический факультет Владивостокского госпединститута. После службы в армии работал завучем в школе Бугурусланского района. С 1955 г. по 1961 г. работал заведующим отделом пропаганды и агитации Бугурусланского райкома КПСС, горкома КПСС. За нарушение партийной дисциплины был освобожден от партийной работы и в 1961 г. назначен директором средней школы. В феврале 1963 г. по решению бюро Бугурусланского горкома КПСС был назначен зав. идеологическим отделом горкома КПСС и направлен на учебу в двухгодичную Ростовскую ВПШ. С 1966 г. и вплоть до назначения его уполномоченным Совета по делам религий работал секретарем Бузулукского горкома КПСС⁶.

Последним уполномоченным Совета по делам религий с августа 1990 г. был Вадим Николаевич Рагузин.

Родился в 1940 г. в селе «Красное знамя» Кувандыкского района Оренбургской области в семье служащего. В 1954 г. с семьей переехал в Калининградскую область, там закончил среднюю школу. Служил в рядах СА. С 1960 г. работал на Оренбургском машиностроительном заводе, слесарем, контролером ОТК, контрольным мастером, заместителем начальника цеха, начальником ОТК, заместителем секретаря парткома. С 1962 по 1968 гг. учился на вечернем отделении Куйбышевского политехнического института по специальности технология машиностроения, металлорежущие станки и инструменты. С 1980 г. работал в обкоме КПСС – инструктором, заместителем заведующего отдела организационно-партийной работы, С 1983 г. работал в УВД, начальником политотдела, заместителем начальника управления. Имел звание полковника милиции. В 1989 г. возглавил государственно-правовой отдел обкома КПСС. В порядке перевода с 1990 г. уполномоченный Совета по делам религий. После упразднения Института Уполномоченных и Совета по делам религий, с 1991 г. возглавил отдел по делам религий облизполкома⁷.

Таким образом, за период функционирования института уполномоченных Совета по делам религий при Совете Министров СССР, в Оренбургской области эту должность поочередно занимали 4 человека. Как и в целом на Южном Урале, так и в нашей области – это были управленцы новой волны, в большинстве своем далекие от органов госбезопасности, зачастую имеющие высшее педагогическое образование по специальности «история» и огромный опыт партийной работы за плечами.

Следует отметить, что при изучении и использовании отчетов региональных уполномоченных, большое значение имеет личность каждого из них, его взгляды, понимание того, что он считал важным для включения в отчет, какие отношения у него сложились со священнослужителями, религиозными общинами различных вероисповеданий, расположенными на курируемой им территории. Поэтому при введении их в научный оборот, необходимо критически оценивать изложенную в них информацию, в противном случае можно получить одностороннее представление об исследуемом периоде.

Примечания:

¹ Тараненко М.В. Уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Краснодарскому краю как посредник между религиозными обществами и государством (по документам фонда № Р-1519 ГКУ «Крайгосархив»). [Электронный ресурс]. // Режим доступа: http://kubgosarhiv.ru/activity/statii/2011/Taranenko_Religia.pdf (Дата обращения: 12.04.2014 г.)

² ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 4. Л. 1.

³ Копылова О.Н. Отчеты уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви как источник по изучению истории Русской Церкви во 2-й половине XX столетия // Вестник церковной истории. – 2011. – № 03-04. – С. 70.

⁴ ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 36. Д. 115. Л. 1 – 5.

⁵ ЦДННАО. Ф. 7632. Оп. 33. Д. 653. Л. 1 – 10.

⁶ ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 74. Д. 136. Л. 3 – 6 об.

⁷ ЦДННАО. Ф. 371. Оп. 95. Д. 1083. Л. 1 – 5.

Ханаш С. А., Александрова П. Ю. (г. Оренбург)

**ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ОРЕНБУРГСКОГО
ГОРОДСКОГО СОЦИУМА ОБ УЧАСТИИ ЖЕНЩИН
В УПРАВЛЕНИИ РОССИЙСКИМ ГОСУДАРСТВОМ:
ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Представленная статья содержит следующие разделы: информационный блок, включающий краткую характеристику политических портретов наиболее известных в истории нашего Отечества женщин государственных деятелей [4]; аналитический блок – сравнение отношения общества к политическим лидерам женщинам в прошлом (на основании изучения научно- исследовательской литературы) с современным общественным мнением (через данные результатов конкрет-

но- социологических исследований, полученных в ходе опросов жителей г. Оренбурга проведенных силами студенческой социологической лаборатории, функционирующей при кафедре Истории Отечества и социально- политических теорий ОГПУ).

Исследование общественного мнения в прошлом, об участии женщин в управлении государством опирается в нашей статье на социологическое прочтение научных и публицистических работ ученых, изучавших политический процесс истории России XVIII века.

Российский XVIII век некоторые историки называют женским. После смерти Петра Великого (1725) и до конца столетия Россией почти непрерывно правили женщины, сменяли одна другую на императорском троне [2. с. 215].

Представления о статусе женщины, характерные для прежней эпохи, сохранились в XVIII веке. Женщины находились у власти, но их воспринимали как существо неполноценное, недееспособное, нечестивое. Её заведомо признавали слабой душой, телом и умом.

Необходимо отметить особенность положения женщины в XVIII в.: русское общество воспринимало её как существо второго сорта, а у верховной власти на протяжении 75 лет почти непрерывно находились женщины. Одна часть людей мирилась с этим, но другая присутствие на троне женщин воспринимала как раздражающий фактор и критиковала: «Горе тому дому, которым владеет жена» [3. с. 8]. За подобные высказывания многие попадали в Тайную канцелярию и подвергались пыткам и казням.

Во время правления русских императриц были созданы вспомогательные органы для управления в государственных делах. Так, например, при Екатерине I вводится Верховный Тайный совет; при Анне Иоанновне создан Кабинет министров и др. Создание этих вспомогательно - совещательных органов воспринималось неоднозначно, хотя они создавались и до этого: «Смысл всех этих пассажей очевиден: по своей природе, изначальному предназначению, женщина неполноценна, она не в состоянии нести бремя власти и ей нужна помощь мужчин, советников мужского пола» [3. с. 9]. М.М. Щербатов, писал, что многочисленные фавориты императриц по факту являлись правителями [9. с. 123].

Среди современников императриц преобладает мнение о том, что они, в сущности, мало уделяли времени государственным делам. Они больше были заняты своей особой, ни одна не была по-настоящему европейски образованной женщиной. Среда, взрастившая их, поощ-

ряла вкус лишь к внешнему блеску жизни — балам, пирам и нарядам. Так, например все заслуги Елизаветы Петровны сводились к её многочисленному гардеробу, в который можно было одеть всю армию [1. с.52].

Царствование Екатерины Второй вызывает самые противоречивые оценки историков, видимо, потому, что сама личность императрицы была очень противоречива и многие моральные и ценностные установки, которые она провозглашала, мало уживались с её характером.

Неоднозначны воспоминания о ней её современников. Первое знакомство с русской императрицей на многих действовало ошеломляюще. Опытные мужи, дипломаты, полководцы бледнели и терялись. Смутиться было немудрено: посетители оказывались перед женщиной необычайной, поразительной, слава о которой гремела по всему миру [2. с. 112].

Она отличалась огромной работоспособностью, во всё вникала сама, хотела за всем уследить.

Фридрих II, прусский король, дивился этой неутомимости и с некоторой досадой спрашивал русского посла: «Неужели императрица, в самом деле, так много занимается, как говорят? Мне сказали, что она работает больше меня» [6. с. 106-108].

Екатерина Великая, стала образцом современной европейской женщины. А между тем общественная среда оставалась консервативной. Считалось незыблемым, что место женщины – у домашнего очага, под покровительством отца или мужа, и образование может лишь испортить её характер. Из воспоминаний Е.А. Сабанеева XVIII века: «Прадед не допускал мысли о воспитании детей; в те времена чада должны были удерживаться в чёрном теле в доме родителей, и он за порок считал, чтоб русские дворянки, его дочери, учились иностранным языкам» [7. с.123].

С большим усилием Екатерина Великая преодолевала вековые традиции, но всё воспринималось в штыки. М.М. Щербатов, отмечал в своей записке «О повреждении нравов в России»: «Сама императрица, яко самолюбивая женщина, не токмо примерами своими, но и ободрением пороков является, желает их приумножить» [9. с. 122]. Всё царствование Екатерины и её политику, М.М.Щербатов сводит к её славолюбию.

Таким образом, в XVIII веке в обществе сложилось противоречивое отношение к женщинам политикам. С одной стороны её статус

возвышается, её воспевают, посвящают ей оды (М.В. Ломоносов «Ода на день восшествия на всероссийский престол её величества государыни императрицы Елизаветы Петровны 1747 года»; Г.Р. Державин «Фелица»). С другой стороны, часть общества по-прежнему не желала воспринимать факт нахождения женщины у власти как норму, а умная, самостоятельная, просвещенная и независимая представительница слабого пола являлась, скорее, исключением из правила, нежели закономерностью. Невозможно было быстро сломать веками формировавшиеся устои, потребовалось длительное время, чтобы европейски-образованная женщина стала ориентиром общественного мнения [7].

Сравнение общественного мнения об участии женщин в политической деятельности в прошлом и настоящем времени заявлено как одна из задач данной работы. На базе студенческой социологической лаборатории, действующей при кафедре Истории Отечества и социально-политических теорий ОГПУ, проводился в 2012 - 2014 годах опрос жителей города Оренбурга по избранной теме [8]. В центре опроса находились следующие главные тренды (когнитивно-оценочного содержания): выяснение наличия в социуме информированности об участии женщин в политической деятельности в Российской истории; отношение граждан к женщинам-политикам; позиция респондентов по поводу собственной роли в политической жизни страны.

Результаты контент-анализа опроса могут быть представлены в виде определенного социального дискурса. Среди женщин политиков высшего уровня в истории России оренбуржцы назвали княгиню Ольгу, императрицу Елизавету Петровну; Екатерину II; в современном российском политическом пространстве В. Матвиенко, В. Новодворскую, Э. Панфилову; в ближнем Зарубежье Ю. Тимошенко; в мировом политическом процессе многие указали на М. Тэтчер (железную леди), А. Меркель, представители старшего поколения вспомнили И. Ганди.

Примечателен тот факт, что никто из опрошенных горожан не указал на императрицу Анну Иоанновну, которая в 1734 году подписала документ «Привилегия» г. Оренбургу. Этот государственный акт положил начало основанию города и его названия.

Модуль знаний респондентов о княгине Ольге содержит следующую информацию: княгиня Ольга мстила древлянам за убийство мужа (князя Игоря), правила сильной рукой, стремилась укрепить государство, причислена к лику святых.

Суждения наших современников о дочери Петра I императрице Елизавете Петровне имеют один вектор. Все её заслуги сводят к бесчисленному количеству нарядов. В общественном мнении не зафиксированы оценки имевших место внутренней и внешней политики России в период её царствования и замечательного факта научной и общественной деятельности М. В. Ломоносова, основание в 1755 году московского университета.

Наиболее обширным и многогранным оказался модуль памяти респондентов о Екатерине II (её часто называли Екатериной Великой). Отвечавшие указывали её путь к власти (свержение с престола мужа Петра III). Она имела фаворитов, но сама активно правила государством, переписывалась с Вольтером. В то же время респонденты редко связывали с периодом правления Екатерины II события Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева.

Информированность опрошенных горожан о современных Российских женщинах политиках можно прокомментировать как очень не достаточную. Деятельность В. Матвиенко в Федеральном собрании известна оренбуржцам, но лишь немногие указывают на её руководящую роль в Совете Федерации.

Главным вопросом в ходе исследования по теме участия женщин в политике, безусловно, являлось выяснение мнения респондентов о необходимости включенности женщин в современный политический процесс, их роли в нём. Большинство ответов, как мужчин, так и женщин имеют положительный характер. Нюансы этих ответов таковы: многие указывают на актуальность политической деятельности женщин, особенно на местном муниципальном уровне; другая часть ответов (до 20%) допускает женщин в высшие эшелоны власти (реальная доля в политической элите в России составляет 14%, в странах Западной Европы – 40%).

Многие подчеркивают позитивные подходы женщин политиков в понимании ими социальных проблем.

Наиболее интересную точку зрения высказали примерно 10% опрошенных: гендерный подход к политическим деятелям не является главным требованием, предъявляемым к ним. Политик должен разработать хорошую программу, осуществление которой обеспечит решение главных вопросов в жизни людей. Радикальное мнение в ходе опроса (число таких ответов составило около 3%) отводило женщинам в политике лишь развлекательную функцию.

Один из вопросов в исследовании был адресован именно женщинам и предполагал выяснение их позиции по поводу их собственного

участия в политической жизни. Респондентки в подавляющем большинстве положительно оценивали участие женщин в политике, но решительно отрицали подобную деятельность для себя лично. Они аргументировали свои ответы занятостью семейными делами, воспитанием детей.

Обобщая содержание статьи в целом, представляется возможным сделать определенные выводы. Динамика развития общественного мнения об участии женщин в политике, в управлении государством со времени XVIII века продвинулось от принятия женщин в качестве царственных персон и раздраженного отрицания их широкого включения в общественную жизнь к признанию в современных условиях не только женщин лидеров, но и гражданского равноправия женщин с мужчинами.

Итоги опроса позволяют сформулировать ряд парадоксов феномена общественного мнения. Один из парадоксов состоит в том, что респонденты показывают более широкую информированность о деятельности женщин-политиков в прошлом, чем о наших современниках.

Следующий парадокс показывает отсутствие у опрошенных оренбуржцев чёткой связи между знаниями биографии политиков и историей своего города, края.

Наиболее интересный парадокс отражает противоречие между формальным признанием демократического права женщин на равенство с мужчинами в сфере политики и реальность женского бытия.

Представляется закономерным отрицание многими респондентками своего профессионального продвижения в политической сфере. Это связано с очень сложными материнскими обязанностями женщин, характеризующимися особой ответственностью. В то же время растёт востребованность участия женщин в политике. Решение данной дилеммы – одна из важнейших задач социального прогресса.

Список использованной литературы.

1. Александрова П.Ю. Женщина в русском обществе: Проблемы восприятия и отношения к власти в XVIII в. // Диалог культур и цивилизаций. – Тобольск, 2012. – С.265.
2. Анисимов Е. Женщины на Российском престоле. – С.-Пб.: «Норинт», 1998. – 416 стр.
3. Анисимов Е. «У нас-де нынче баба царствует» // Родина. – 2009. – №2. – С. 8-12.
4. Кулюгин А.И. Энциклопедия Российских царей. – М.: «ЭксМо – Пресс», 2001. – 446 с.

-
5. Пономарёва В.В., Хорошилова Л.Б. Женский взгляд. Русское женское образование в XVIII – начале XX вв.: приобретения и потери. <http://www.tellur.ru/~historia/archive/06-00/women.htm>
 6. Семашко И.И. Сто великих женщин. М.: Вече, 2000. с.576.
 7. Ханаш С.А. Традиции в системе мотивов отношения российского общества к политическим лидерам. // Исторические персоналии. С. Петербург 2002 г. с 56-60.
 8. Ханаш С.А. Русские в 21 веке: традиции и современность // Славяне в этнокультурном пространстве Южно-Уральского региона. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2012. – С 208-217.
 9. Щербатов М.М. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. (Библиотека отечественной мысли с древнейших времен до начала XX века.) – С. 632.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александрова Полина Юрьевна – студентка 5 курса исторического факультета Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия)

Амелин Веналий Владимирович – доктор исторических наук, профессор, директор НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург, Россия)

Бахарева Ольга Яковлевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия)

Бекасова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия)

Важина Екатерина Николаевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры языкознания и методики преподавания русского языка филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия)

Голованов Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, Челябинский государственный педагогический университет (г. Челябинск, Россия)

Голованова Елена Иосифовна – доктор филологических наук, профессор, Челябинский государственный университет (г. Челябинск, Россия)

Голубева Марина Вячеславовна – студентка 1-го курса филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия)

Давлетова Татьяна Андреевна – учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ №2 г.Туймазы (Башкортостан, Россия)

Дементьева Татьяна Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой языковой подготовки Харьковского национального университета радиоэлектроники (г. Харьков, Украина)

Денисов Денис Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург, Россия)

Димов Олег Дмитриевич – вице-губернатор – заместитель председателя Правительства Оренбургской области по внутренней политике (г. Оренбург, Россия)

Должикова Анжела Викторовна – кандидат химических наук, проректор по дополнительному образованию Российского университета дружбы народов (г. Москва, Россия)

Желтова Валентина Ивановна – кандидат медицинских наук, доцент кафедры микробиологии, вирусологии, иммунологии Оренбургской государственной медицинской академии (г. Оренбург, Россия)

Заборовская Светлана Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой подготовки Харьковского национального университета радиоэлектроники (г. Харьков, Украина)

Завадская Анастасия Викторовна – доцент кафедры РФиМПРЯ Оренбургского государственного университета (г. Оренбург, Россия)

Злобин Юрий Петрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург, Россия)

Кокшаров Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург, Россия)

Колобова Лариса Владимировна – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой романо-германской филологии и методики преподавания иностранного языка Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург)

Коробейникова Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета (г. Оренбург, Россия)

Линтовская Елена Михайловна – студентка 4 курса факультета филологии Оренбургского государственного университета (г. Оренбург, Россия)

Лутцев Михаил Вячеславович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Оренбургского государственного аграрного университета (г. Оренбург, Россия)

Люкшина Ирина Викторовна – кандидат исторических наук, начальник отдела использования и публикации документов Центра документации новейшей истории Оренбургской области (г. Оренбург, Россия)

Ляшенко Ирина Эдуардовна – кандидат медицинских наук, доцент кафедры микробиологии, вирусологии, иммунологии Оренбургской государственной медицинской академии (г. Оренбург, Россия)

Максимова Людмила – студентка 4 курса филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия)

Мелихова Мария Александровна – соискатель учёной степени кандидата филологических наук (г. Оренбург, Россия)

Мироненко Дарья Николаевна – аспирантка кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета (г. Оренбург, Россия)

Миронова Екатерина Александровна – студентка 4 курса филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия)

Мишучков Андрей Александрович – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Управления научных исследований Оренбургского государственного университета, докторант РУДН по кафедре истории философии (г. Оренбург, Россия)

Моргунов Константин Алексеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г. Оренбург, Россия)

Москальчук Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия)

Пожидаева Анна Сергеевна – студентка 5 курса факультета филологии Оренбургского государственного университета (г. Оренбург, Россия)

Позднякова Любовь Елизаровна – старший преподаватель кафедры языковой подготовки Харьковского национального университета радиоэлектроники (г. Харьков, Украина)

Попова Ксения Юрьевна – главный архивист отдела использования и публикации документов ГБУ «Центр документации новейшей истории Оренбургской области», соискатель кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия)

Потапова Алёна Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета (г. Оренбург, Россия).

Проскурякова Ксения Евгеньевна – Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия)

Савинова Татьяна Николаевна – кандидат исторических наук, библиограф, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт степи УрО РАН (г. Оренбург, Россия)

Сгибнева Ольга Николаевна – начальник отдела информации и публикации документов ГБУ «ГАОО» (г. Оренбург, Россия)

Семенов Владимир Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и социально-политических теорий Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия)

Сипко Йозеф – Прешовский университет (г. Прешов, Словакия)

Спожакина Анастасия Игоревна – аспирант второго года очной формы обучения, филологический факультет Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия)

Сысоева Нина Петровна – доктор филологических наук, профессор Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия)

Томина Елена Федоровна – кандидата педагогических наук (г. Оренбург, Россия)

Устинов Анатолий Юрьевич – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной филологии Анапского филиала Московского государственного гуманитарного университета им. М.А.Шолохова (г. Анапа, Россия)

Устюгова Людмила Михайловна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Ужгородского национального университета (г. Ужгород, Украина)

Уткина Елена Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и МПЛ филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия)

Ханаш Светлана Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории Отечества и социально-политических теорий Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия)

Чабанец Татьяна Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой экономики и управления Анапского филиала Московского государственного гуманитарного университета им. М.А.Шолохова (г. Анапа, Россия)

Шимко Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доктор философии, профессор заведующий кафедрой кафедры клас-

сических и современных литературных языков, ДННК «Украинская богословская академия имени святых Кирилла и Мефодия – Карпатский университет имени Августина Волошина» (г. Ужгород, Украина)

Шиндина Анастасия Николаевна – студентка 2 курса филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета (г. Оренбург, Россия)

Эльбукаева Алина – Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Россия)

Юричек Ю. Ю. – Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург)

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Димов О. Д. (г. Оренбург, Россия)</i> Приветственное слово	3
--	---

ДОКЛАДЫ

<i>Бекасова Е. Н. (г. Оренбург, Россия)</i> «Апостол» Ивана Фёдорова: «Духовная семена по вселенной рассеять» (к 450-летию первой точно датированной русской печатной книги)	5
---	---

<i>Злобин Ю. П. (г. Оренбург, Россия)</i> Размещение и основные занятия славянского населения Оренбургской губернии по переписи 1897 года	19
---	----

<i>Амелин В. В., Денисов Д. Н. (г. Оренбург, Россия)</i> Оренбургские молокане в XIX – начале XX веков	26
---	----

<i>Должикова А. В. (г. Москва, Россия)</i> Образовательные инструменты миграционной политики Российской Федерации	36
---	----

<i>Спожакина А. И. (г. Оренбург, Россия)</i> Конфликтогенные аспекты этнической информации в СМИ и их влияние на массовую аудиторию (на примере областной прессы Оренбуржья)	39
---	----

СЕКЦИЯ 1

РУССКИЙ И ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ТЕКСТ КАК ДУХОВНЫЙ ФЕНОМЕН

<i>Устюгова Л. М. (г. Ужгород, Украина)</i> Деепричастия в художественной прозе XIX века	46
---	----

<i>Миронова Е. А. (г. Оренбург, Россия)</i> Распри никониан и старообрядцев как лингвистический феномен	57
---	----

<i>Сипко Й. (г. Прешов, Словакия)</i> Российская история и словацкая современность	61
<i>Мелихова М. А. (г. Оренбург, Россия)</i> К проблеме происхождения современного русского литературного языка и роли в его развитии языка старославянского	68
<i>Голованов И. А. (г. Челябинск, Россия)</i> Константа софийности в современных записях уральской фольклорной прозы	73
<i>Голованова Е. И. (г. Челябинск, Россия)</i> Активная метафора в русской специальной лексике	77
<i>Голубева М. В. (г. Оренбург, Россия)</i> Специфика организации эргонимического пространства города Оренбурга	81
<i>Шимко Е. В. (г. Ужгород, Украина)</i> Экстралингвистические факторы в истории церковнославянского языка	86
<i>Максимова Л. С. (г. Оренбург, Россия)</i> Диалектизмы в «Оренбургских епархиальных ведомостях»	92
<i>Заборовская С. В., Позднякова Л. Е. (г. Харьков, Украина)</i> Эволюция коммуникации	95
<i>Москальчук Г. Г. (г. Оренбург, Россия)</i> Размер предложения и абзаца как ритмообразующий фактор текста	103

СЕКЦИЯ 2
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК, КУЛЬТУРА РЕЧИ
И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ

<i>Дементьева Т. И. (г. Харьков, Украина)</i> Использование активных методов при обучении иностранных студентов русскому языку	111
--	-----

Устинов А. Ю., Чабанец Т.А. (г. Анапа, Россия)

Ресурсы региона как источник обновления содержания обучения русскому языку в старших классах 121

Колобова Л. В. (г. Оренбург, Россия)

Поликультурная подготовка будущего учителя иностранного языка 127

Важина Е. Н. (г. Оренбург, Россия)

Семантика сложных слитных существительных с признаковым компонентом в современном русском языке 132

Давлетова Т.А. (г. Туймазы, Россия)

Проблема изучения языковой личности в лингвистике 138

СЕКЦИЯ 3

ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРЫ В КОНТЕКСТЕ СЛАВЯНСКОЙ ДУХОВНОСТИ

Сысоева Н. П. (г. Оренбург, Россия)

Идея общенационального единения в эпической поэме И.С. Аксакова «Бродяга» 145

Уткина Е. В. (г. Оренбург, Россия)

Мы читаем Ф.М. Достоевского (размышления преподавателя литературы) 159

Юричек Ю. Ю. (г. Оренбург, Россия)

Культуроведческий текст и его интерпретация (на материале произведений Т. Г. Шевченко) 165

Проскурякова К. Е. (г. Оренбург, Россия)

Взаимовлияние и взаимообогащение языков в «Оренбургском областном словаре» Б.А. Моисеева 169

Шиндина А. Н. (г. Оренбург, Россия)

Тема личного самоопределения в творчестве молодого Льва Толстого 174

<i>Эльбукаева Алина (г. Оренбург, Россия)</i> Средства выражения авторской модальности в текстах Константина Мазуренко	177
--	-----

СЕКЦИЯ 4
РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ
ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

<i>Коробейникова А. А. (г. Оренбург, Россия)</i> О лексической репрезентации человека в русском и китайском языках: на материале пословиц и поговорок	183
---	-----

<i>Линтовская Е. М. (г. Оренбург, Россия)</i> Ментально значимая лексика в произведениях А.С. Пушкина	188
---	-----

<i>Пожидаева А. С. (г. Оренбург, Россия)</i> Концепт «Целомудрие» в идиостиле Л.Н. Толстого (по роману «Анна Каренина»)	192
---	-----

<i>Мироненко Д. Н. (г. Оренбург, Россия)</i> Культурная семантика исторически религиозных топонимов Москвы и Праги	198
--	-----

<i>Завадская А. В. (г. Оренбург, Россия)</i> Неофициальная топонимика г. Оренбурга: словообразовательный аспект	202
---	-----

СЕКЦИЯ 5
СЛАВЯНЕ В ИСТОРИИ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

<i>Семенов В. Г. (г. Оренбург, Россия)</i> Из рода Угличичиных	207
---	-----

<i>Денисов Д. Н. (г. Оренбург, Россия)</i> Российская Православная Автономная Церковь в Оренбуржье	217
--	-----

Бахарева О. Я. (г. Оренбург, Россия)

Обзор литературных публикаций журнала «Нива» за годы
Первой мировой войны 222

Кокшаров А. Д. (г. Оренбург, Россия)

Два примера отношения к православию в русской армии периода
Первой мировой войны 233

Лутцев М. В. (г. Оренбург, Россия)

Русское православие и Российское государство: к истории
взаимоотношений 241

Ляшенко И. Э., Желтова В.И. (г. Оренбург, Россия)

Народная медицина восточных славян в языческих и религиозных
традициях 257

Потанова А. Н. (г. Оренбург, Россия)

Из истории возведения православных церквей в Оренбурге 260

Мишучков А. А., Денисов Д. Н., (г. Оренбург, Россия)

Софийская домовая церковь женского епархиального училища
г.Оренбурга 268

Савинова Т. Н. (Оренбург, Россия)

Оренбургские военные издания (XIX - нач. XX в.) 280

Томина Е. Ф. (г. Оренбург, Россия)

Развитие библиотечной системы в 20-е годы XX века (на примере
Оренбургского региона) 288

Моргунов К.А.

Оренбургская епархия в период «безбожных пятилеток» и
репрессий (1927–1941 гг.) 296

Сгибнева О. Н. (г. Оренбург, Россия)

Документы к биографии гидробиолога Д.О. Свиренко в
государственном архиве Оренбургской области 331

Люкшина И. В. (г. Оренбург, Россия)

О предприятиях, эвакуированных из Белоруссии в Чкаловскую область в 1941–1942 гг. (по документам ГБУ «ЦДННОО») 337

Попова К. Ю. (г. Оренбург, Россия)

Уполномоченные Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Оренбургской области (по материалам личных дел номенклатурных работников) 342

Ханаш С. А., Александрова П. Ю. (г. Оренбург, Россия)

Общественное мнение Оренбургского городского социума об участии женщин в управлении российским государством: историческая ретроспектива и современность 348

Сведения об авторах 355

Научное издание

**СЛАВЯНЕ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА**

**Материалы X Международной
научно-практической конференции,
посвященной Дню славянской письменности и культуры**

ISBN 978-5-4417-0509-7

Формат 100x70¹/₁₆. Бумага писчая.

Усл. печ. листов 22,875. Тираж 500 (1-й завод 200). Заказ 15.

Подписано в печать 24.12.2014 г.

Цена свободная.

ООО ИПК «Университет»
460007, г. Оренбург, ул. М. Джалиля, 6.
E-mail: ipk_universitet@mail.ru
Тел./факс: (3532) 90-00-26

